БЕЛА КУН

Ирина Кун

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

EX
LIB
RIS
ШУЛИКОВ ВЛ.

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 22
(430)

МОСКВА
1968

Ирина Кун

БЕЛА КУН

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Авторизованный перевод с венгерского
АГНЕССЫ КУН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ЗКИ(092)
К91

Kun Béláné

KUN BÉLA

(Emlékezések)

Magvető, Budapest, 1966.

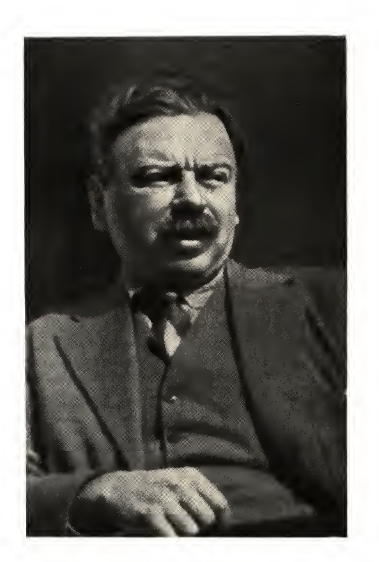
Оиа не думала, что иапишет когда-иибудь киигу, и вот, уже седой, семидесяти лет от роду, взялась за перо, чтобы запечатлеть иа бумаге свои воспомииаиия об одном из выдающихся революциоиеров иашей эпохи, о Бела Куие, за которого вышла замуж полвека назад, еще в «доброе мириое время».

Первая мировая войиа, плеи, Сибирь, Октябрьская революция, гражданская войиа, Веигерская советская республика, тюрьма, эмиграция, работа в Коминтерие; Москва, Будапешт, Веиа, Болоиья, Берлии, Крым, Екатериибург и снова Москва, и сиова Веиа и Берлии — все это проходит перед иашими глазами сквозь призму памяти жеицины.

На веигерском языке книга вышла в Будапеште к восьмидесятилетию Бела Куиа и была горячо встречеиа и читателями и критикой.

Печатается с иебольшими сокращеииями.

Издание 2-е, дополненное



Бела Кун

ЛЕЛЕ

О детстве его я знаю очень мало. Он не любил рассказывать о себе. И все-таки мне удалось собрать какие-то крохи сведений о его детских годах.

Бела Кун родился 20 февраля 1886 года в Трансильвании, в Леле — небольшом селе Силадьшага.

Отец его был сельским писарем, мать вела дома хозяйство. Жили они в деревенском домике с земляным полом. (Дом этот цел и поныне.) Мальчик окончил начальную школу в Леле. Здесь в единственном «зале» сидели вместе мальчики и девочки разных лет — ждали, когда дойдет очередь до их класса.

Чтобы прокормить жену и ребят, отец вынужден был обрабатывать клочок земли. А земля была тощая, урожай приносила скудный, жалованье у писаря было тоже небольшое. Трудно жилось Кунам. К тому же кормилец любил выпить. От этого тоже сокращался и без того нищенский достаток семьи.

Случалось, и не раз, что «господин писарь» брал с собой сына в соседний городок. Закончив служебные дела, он продавал иногда мешок или два пшеницы, потом заглядывал «на минутку» в корчму, оставив на телеге сына. Возвращался оттуда лишь после того, как спускал последний вырученный грош: один он не пил никогда, угощал всех кругом.

А мальчик сидел на телеге и ждал отца. Бывало уже далеко за полночь, когда отец, шатаясь, выходил из корчмы, усаживался на козлы и трогался в путь.

Быть может, долгое одиночество в ночи, а может, то, что ушли все деньги, которые очень нужны были дома, во всяком случае, этот эпизод так глубоко врезался в память Бела Куна, что он, который столь скупо обращался со своими воспоминаниями, рассказал его мне.

Лелейские крестьяне любили писаря Куна, потому что он заступался за них, помогал чем мог. А в этом была большая

нужда, особенно в Леле, где известный своей жестокостью помещик граф Дегенфельд дурно обращался с крестьянами и своими работниками.

Как-то раз граф захотел с помощью писаря провести какое-то несправедливое дело. Отец Бела Куна воспротивился. Граф пытался «образумить» упрямого писаря сначала угрозами, потом уговорами и даже подкупом. Когда ж и это не помогло, он завел уголовное дело против писаря и нанял какого-то мерзавца, который выступил лжесвидетелем на суде. Козни графа увенчались успехом. Отец Бела Куна попал в тюрьму, и, когда его выпустили, он должен был покинуть Леле. Об этом до сих пор вспоминают крестьяне-старики, которые вместе с Бела Куном ходили в школу.

Первые классы гимназии мальчик окончил в Зилахе, в той самой школе, в которой учился Эндре Ади [1]. Отец попросил Ади репетировать сына. «Хоть и говорят, что способный ученик, а всегда посторонними предметами увлекается», — и добавил, что если сын будет упрямиться, то можно его и поколотить, потому что мальчик он вспыльчивый, не терпит никакого насилия над собой и в любую минуту готов лезть в драку. Обо всем этом, изрядно преувеличивая, написал Лайош Ади [2], которого никак нельзя обвинить ни в доброжелательности, ни в прогрессивном образе мыслей.

«Отец — он служил писарем в Силадьшаге — поручил сына заботам Банди [3] с такой инструкцией: перед каждым уроком он должен бить его палкой. Причем только по голове, все остальное он уже не чувствует — привык».

Правда ли, Бела Куна так много били в детстве, что он уже привык к побоям? Пускай это утверждение останется на совести Лайоша Ади. Одно несомненно, что от самого Бела Куна я ни о чем подобном не слышала. Несомненно и то, что своих детей он никогда и пальцем не тронул: с возмущением говорил о людях, которые применяют к детям телесные наказания.

Сколько времени учил Ади Бела Куна и какие разговоры происходили между ними, я не знаю. Но можно предположить, что мальчик расположил к себе учителя именно буйным характером. А еще более вероятно, что Эндре Ади уже и в ту пору покорил мальчика, и прежде всего тем, что сразу после ухода отца заявил ему: «Не бойся, дружок, я ведь тоже упрямец!»

[1] Ади Эндре (1877—1919) — выдающийся венгерский революционный поэт XX века.

[2] Ади Лайош (1881—1940) — младший брат Эндре Ади, известный своими консервативными взглядами. Автор книги «Эндре Ади».

[3] Банди — уменьшительное от имени Эндре.

КОЛОЖВАР

Отец Бела Куна был изгнан из Леле и вместе с семьей перебрался в Коложвар, где поступил писарем в кадастровую контору.

Поселились они в предместье Коложвара на Моношторской улице, 61. Соседями их были рабочие, бедные ремесленники и совсем мелкие «господа чиновники».

(Маришка Гардош [1] — она вместе с девятнадцатилетним Бела Куном участвовала в коложварском рабочем движении — так описывает их жизнь в книге «Лети, мысль...»: «Нужда не позволяла нам есть горячую пищу чаще чем через день... Бела Кун сам строгал вертела, покупал хлеб, сало и поджаривал его на угольях в железной печурке. Это была знатная еда...

...Я жила в такой же точно бревенчатой комнатке с земляным полом, в какой жила и семья Кунов».

В эту пору и сложились дружеские отношения между Бела Куном и Маришкой Гардош, которая приехала в Коложвар молодой девушкой, но уже «опытным деятелем рабочего движения», чтобы сдать там экзамен на аттестат зрелости. С аттестатом зрелости у нее, разумеется, ничего не вышло. Вместо того чтобы заниматься, Маришка Гардош выступала с Бела Куном на собраниях рабочих, участвовала в демонстрациях.

Любопытно, что уже в 1905 или 1906 году схватились эти два социалиста — Маришка Гардош и Бела Кун — с тем самым Кароем Хусаром, который позднее, в самый кровавый период белого террора, был премьер-министром хортистского контрреволюционного правительства.)

Как видно, в истории случайностей не бывает, бывают разве только неожиданности.

[1] Гардош Мария (род. в 1885) — ветеран венгерского рабочего движения.

Семья Кунов жила в очень стесненных условиях. Мать, бывало, месяцами не выходила из дому, особенно зимой, потому что у нее не было теплой одежды.

Эта замечательная женщина никогда не жаловалась, не роптала, молча разделяла она участь бедноты. Каждый грош — тогда уже и сын Бела зарабатывал кое-что уроками и журналистикой — уходил у нее на то, чтобы кормить семью, обучать детей. Бела был ее любимцем. «Он родился для великих дел», — говорила мать Бела Куна Маришке Гардош. «Когда я бывала у них, частенько она сидела вместе с нами, участвовала в наших разговорах и не раз вставляла умные, дельные замечания».

Если у нее оставалось время — ведь все заботы по хозяйству ложились на ее плечи, — она читала, старалась быть в курсе интересов сына и мало того, что не мешала ему участвовать в трансильванском рабочем движении, но, сколько была в силах, даже помогала ему. С удовольствием она принимала друзей и товарищей сына, с приезжими из провинции делила свое тесное жилье, кормила их, не думая о том, что на другой день, может быть, не на что будет сварить обед семье. Окрестная беднота очень любила эту добросердечную семью, а больше всех — мать семейства.

Недавно пришла ко мне пожилая женщина, которая жила в те времена по соседству с семьей Кунов. Она вытащила из сумки пожелтевший альбом, в который в 1903 году Бела Кун вписал ей несколько строк. Растроганная, вспоминала о том, сколько раз он помогал ребятам с Моношторской улицы писать школьные сочинения.

Это желание помочь людям так и осталось на всю жизнь самой характерной чертой Бела Куна.

Среднее образование он получил в коложварской реформатской коллегии.

По мнению педагогов, он был трудный мальчик. После раздачи аттестатов зрелости директор гимназии Лайош Шаркань обратился к отцу Бела Куна со следующими словами: «Сударь, ваш сын закончил гимназию, и, как видите, довольно успешно. Но я считаю своим долгом предупредить вас: если вам не удастся удержать его от провозглашения бунтарских идей, то, может статься, ваш сын будет великим человеком, но, может быть, он окончит жизнь на виселице». (Об этом отец Бела Куна рассказал мне в 1928 году, перед самой своей смертью.)

Надо сказать, что Бела Кун уже и в школьные годы значительно глубже занимался венгерской литературой, чем этого требовала гимназическая программа. Его несколько раз премировали за сочинения. Любопытно, что последнее, что он написал в 1937 году, был труд о Шандоре Петефи, и первое серьезное гимназическое сочинение было тоже написано о народной поэзии и о Петефи.

Недавно получила я из Коложварского архива фотокопии этих сочинений, удостоенных премии, — две тетради: девяносто шесть и сто двадцать восемь страниц.

Я приведу из них несколько отрывков, ибо они позволят глубже заглянуть во внутренний мир юноши Бела Куна.

«...Каким чувствительным сердцем, каким поистине восточным богатством фантазии наградила природа венгерца...

...Как приятно читать эти наивные песни, проникнутые непосредственными чувствами и дышащие чистой поэзией, человеку, который утомлен борьбой за существование и не может найти утешение в современной поэзии, отражающей раздерганную картину нашей эпохи. (Так пишет семнадцатилетний юноша за четыре года до вступления в венгерскую литературу Эндре Ади, который сразу же стал властителем дум передовой венгерской молодежи.)

...Исторические условия жизни Венгрии были весьма различны, развитие народа шло самыми разными путями, потому-то и отличаются так друг от друга творения народной поэзии. Их можно разделить на две большие группы... Первая похожа на неподвижное озеро, зеркало которого только изредка взбаламучивают вихри, но уж коль взбаламутят, то волны вздымаются почти до небес... Вторая — чистая река, она весело течет и отражает окрестности во всей их переменчивости...»

Достойно внимания и то, какой богатый фольклорный материал поднял гимназист Бела Кун. В сочинениях его встречаются такие баллады и романсы, которые и поныне известны только фольклористам, подлинным знатокам венгерской и секейской[1] народной поэзии.

Глубина социального анализа некоторых баллад поистине изумляет читателя этого гимназического сочинения, позволяет почувствовать и более позднего Бела Куна.

В социальном отношении еще гораздо более зрелым кажется мне сочинение, написанное годом позже, в 1903 го-

---

[1] Секеи — венгерское племя, проживающее в Трансильвании.

ду, и озаглавленное «Патриотическая лирика Петефи и Араня».

«У нас будут еще превосходные труды по истории, — пишет гимназист Бела Кун, — но если мы хотим поглубже вникнуть в тайну помыслов и души народа, то нам надо обратиться к национальной поэзии, ибо она выражает это вернее всего и наиболее пластично.

А стало быть, если верно, что венгерская поэзия, по сути дела, история венгерской нации, то верно и другое: что в песнях Петефи совершеннее всего воспроизведен дух, пробужденный событиями освободительной борьбы; в них вернее всего проявляются раздумья и чувства целой эпохи...

...А лирика Араня рисует самый грустный период нашей новейшей истории...

...Разницу между субъективностью Петефи и Араня мы видим в том, что Арань равняется душой, помыслами и чувствами по вселенной, а Петефи равняет вселенную к своему настроению и к своим помыслам», — пишет гимназист Бела Кун.

«...В представлении Петефи народ не только угнетенный класс, но и великая идея, не только основа будущего общества, но и гарантия идеальной свободы...

...Петефи от имени народа требовал права для народа. Его воодушевляла не только свобода его отчизны, но и всемирная свобода, которая была самым прекрасным и высоким идеалом, благороднейшей идеей XIX века. Наш материалистский век кинул эту идею на свалку неосуществленных утопий, а Петефи верил в нее, как верили в истину евангелия верующие и мученики.

...«Национальная песня» Петефи была национальной песней его эпохи, она и поныне звучит как призыв к бою за национальную свободу и независимость...

...В душе у Петефи бурлил гнев против привилегированных классов, против угнетателей народа, и Петефи с революционной яростью встал на защиту угнетенных...

...Петефи чувствовал, что его эпоха не может быть эпохой соглашения. Он догадывался, что нацию спасет не умеренность, а до крайности напряженные усилия. Он презирал даже мысль о том, что можно трусливо прятаться в кусты.

...И Петефи был прав. Революция побеждает не осторожностью, судьба революции решается теми, кто храбро вступает в бой, только они могут обеспечить ей успех. А поэтому Петефи бранит за оппортунизм и нерешительность не отдельных людей, а всю нацию, особенно один класс нации — ари-

стократию, которая болтовней и крохоборством намерена решать великие проблемы эпохи.

...В «Боевой песне» Петефи больше огня, чем во всех дворянских маршах, вместе взятых... Это достойная «Марсельеза» нашей освободительной войны.

...В стихах Петефи впервые звучит голос новой эпохи, сравниться с Петефи могут лишь несколько поэтов во всей мировой литературе.

...Кому придет в голову назвать его бедным и несчастным за то, что он рано погиб? Это мы бедные, а он богач!.. Раны его, из которых вытекала кровь, превратились в уста, и они обращаются к поздним потомкам со словами утешения и поднимают их дух...

...Для нас эти великие писатели были национальными героями, вожатыми в труде, стражами наших устремлений, опорой и защитой против всех нападок...

...На труды Петефи и Араня мы должны смотреть как на свод законов венгерской души...»

Так писал в Коложваре в 1903 году гимназист Бела Кун.

О Деже Коваче, своем учителе литературы, он всегда говорил с любовью. Не раз вспоминал о нем даже в годы эмиграции. Однажды он послал ему привет уже из Москвы. Разумеется, не по почте. Художница Ильма Бернат-Лукач поехала в Трансильванию по своим семейным делам, и там, в Коложваре, она кинула в окошко Дежи Ковача записку. Господину учителю было над чем призадуматься: да и в самом деле нелегко было понять, как попала к нему записка Бела Куна. Учитель хоть и обрадовался ей, однако должен был держать в строгой тайне, что получил привет от своего ученика.

Кроме литературы и истории, из гимназических предметов Бела Кун больше всего интересовался ботаникой.

По воскресеньям мальчик рано утром уходил из дому и возвращался только поздно вечером, обычно в продранных штанах. Дома его ругали за это. Но тщетно. Однажды мать так рассердилась на сына за порванные штаны, что выхватила у него из рук все «новые растения» и хотела их выбросить. Сын взмолился: уж пусть лучше его побьют, только не трогают эту «редкостную коллекцию».

В общем-то Бела Кун учился хорошо, обладал большим чутьем к языкам, и, несмотря на это, у него были постоянные нелады с немецким. Он не желал учить его «из прин-

ципа», по-детски считая, что таким образом он протестует против габсбургского угнетения.

Правда, позднее он настолько овладел им, что, работая в Коминтерне, большинство статей, воззваний и резолюций он написал на немецком языке.

По-русски Бела Кун говорил почти безукоризненно. Читал и по-французски. И уже почти пятидесяти лет от роду научился читать по-английски.

«Нельзя же заниматься политикой, не зная английского языка, не читая английских и американских газет», — не раз говаривал он в ту пору и с завистью вспоминал о своем близком друге П. Лапинском, который, по словам Бела Куна, читал в день тридцать четыре газеты, в то время как он сам читает не больше двадцати. И все потому, что не знает английского языка.

Но не в натуре Бела Куна причитать и сокрушаться. Ему проще было взяться за дело. И он выучил язык, «чтобы не зависеть ни от каких референтов, чтобы самостоятельно ориентироваться» в интересующих его вопросах.

Окончив гимназию, юноша Бела Кун, по желанию родителей, записался на юридический факультет, хотя уже отлично знал, что ни судьи, ни адвоката из него не выйдет.

МОЛОДОЙ БЕЛА КУН

Бесспорно, что на формирование личности Бела Куна немалое влияние оказала Трансильвания с ее сложной историей, богатым революционным прошлым и накалившейся на рубеже столетия классовой и национальной борьбой. Немалое влияние оказали и трансильванские города, особенно Надьварад, где духовная и политическая жизнь кипела ключом.

Трудами историков, особенно талантливого Шандора Марки, эти прогрессивные традиции превращались в действенную духовную силу. За кипучим настоящим вставало живое прошлое: Баболнское восстание, когда румынские и венгерские повстанцы-крестьяне захватили Надьенед (кстати, мой родной город); восстание Дёрдя Дожи, которого в Темешваре посадили на раскаленный железный трон и, согласно легенде, его тело разрезали на четыре части, а потом для острастки прибили гвоздями «навеки» к воротам Дюлафехервара и Надьварада; выступление «красного священника» Лёринца Месароша, у которого после темешварского поражения Дожи хватило еще столько мужества и сил, чтобы с остатками крестьянской армии захватить Коложвар; восстания трансильванских дворян против Габсбургов; третье большое крестьянское восстание в Мадефальве; кровавое подавление четвертого крестьянского восстания, руководимого Хорой и Клошкой; трагедия Надьенеда в революцию 1848 года; поход генерала Бема против войск австрийского императора и русского царя; гибель Шандора Петефи под Шегешваром; борьба румынских шахтеров под руководством венгерки Каталин Варга; элешдский расстрел, когда кровь тридцати трех венгерских и румынских шахтеров окрасила в алый цвет трансильванскую землю во славу классового господства; страшная национальная политика Иштвана Тисы [1] и венгерских господ и, наконец,

[1] Тиса Иштван (1861—1918) — граф, венгерский реакционный политический деятель начала XX века.

идейная борьба в первые десятилетия XX века в Надьвараде, который сыграл немалую роль в развитии новейшей венгерской литературы, во главе которой шел Эндре Ади.

Акош Дутка[1], один из членов группы «Завтра», писал: «Вот и сейчас как живой стоит у меня перед глазами двадцатидвухлетний Бела Кун — не только веселый коллега, но и восторженный почитатель и воодушевленный свидетель нашего движения. Он был, наверное, первый мадьяр, который в сентябре 1908 года, когда вышел альманах «Завтра», вдохновенно и благоговейно крикнул в надьварадскую ночь:

Павушка на крышу ратуши садится.
Значит, бедный парень выйдет из темницы»[2].

Чтобы хоть чуточку показать, каков был юный журналист Бела Кун, я приведу прежде всего отрывки из передовой статьи 1-го номера газеты «Элере» («Вперед»), которую он редактировал и почти целиком писал сам.

«Будто вековые вихри промчались по этой стране, такие глубокие преобразования произошли за последние несколько лет. Но преобразовались вовсе не учреждения: богатство и право по сей день остаются привилегией немногих; этот чудесный революционный огонь выжег души и превратил в них в пепел пестрые воздушные замки лжи... Жар этого огня был столь велик, что за несколько коротких лет он вызвал такое кипение, будто здесь пронеслись сразу горячие ветры нескольких столетий; и этот огонь озарит нам новые истины и покажет, где же она, обетованная земля людского счастья.

Миллионы людей стремятся туда, но у этих миллионов мало таких вожаков, которые указали бы им дорогу, потому-то и было легко переврать все наше прошлое и легко лживо освещать настоящее. Мы будем возвеличивать тех, кто указывает путь, кто смело рвется вперед, неся факел истины, для кого не существует препятствий, кто непоколебим в борьбе. Мы хотим стать вождями народа, мы для того и пришли, чтобы требовать благосостояния для угнетенных, чтобы вытравить бесправие... Мы вняли глаголу времени и смело будем бороться против тьмы. Будем преследовать жал-

---

[1] Дутка Акош (род. в 1881) — венгерский поэт. В свое время член группировавшейся вокруг Эндре Ади прогрессивной литературной группы «Завтра», выпустившей в Надьвараде альманах под тем же названием.

[2] Эндре Ади, Павушка на крышу... Перевод Л. Мартынова.

ких авантюристов, героев громких фраз, которые придавили людские души и страшатся просвещеиия. Ради народа, вместе с иародом хотим мы сражаться... Кто выступает иынче против власти, тех возиаграждают прсзреиием и гонениями. Мы живем в таком мире, где каждую пядь земли заияли люди, одержимые модой лжи, люди, которые не оставляют истиие ии малейшего пристанища... Коиечио, при этих условиях любой, кто провозглашает борьбу и кует оружие против власти, обрекает душу иа мучеиичество. Но ради иарода и истииы стоит идти иа любые жертвы. Истииа не остается в долгу ии у кого, кто вышел за иее сражаться» [1].

Выступая через иесколько месяцев против нового закоиа о стачках, Бела Кун писал:

«Стремлеиие рабовладельцев угиетать рабочий класс не может ие вызвать сопротивления. Бесправиый народ все тесиее и крепче сплачивается, чтобы выказать сопротивлеиие и силой правды выжечь печать иа тех людях, кто с помощью узурпированиой власти хочет иаступить ему иа глотку. Но иеиасытиой феодальной власти уже недолго справлять свой праздиик, народ очеиь скоро сметет всю ее чериую армию. Уже и надьварадские рабочие пришли в движеиие, чтобы утвердить свою власть».

А какова же была реакция иа такие и подобиые статьи молодого Бела Куна? Какую деятельиость развивал ои в трансильваиском рабочем движеиии? Кое-что мы можем узиать по иебольшим выдержкам из газет того времени:

«Дюла Ногради позвоиил вчера в редакцию «Сабадшага» и иаглым тоном потребовал, чтобы уволили двух сотрудииков, ииаче ои сам разгромит их в печати.

К телефоиу подошел иаш коллега Бела Куи, который, разумеется, обругал этого наглеца Ногради и сказал ему:

— Мы еще встретимся иа улице.

...Часов в шесть Бела Куи и двое его коллег — Арпад Фехер и Фереиц Геидер — вышли иа площадь святого Ласло. Ногради стоял иа углу возле церкви. За спииой у иего было два телохраиителя.

Наш коллега Бела Куи остаиовился перед Ногради, который вот уже иесколько дией бахвалился, что всегда ходит с пистолетом. Ои и вправду схватился за кармаи, выиул пистолет, ио Бела Куи мгиовеиио огрел его тяжелой тростью по голове... Ногради выстрелил в иего, нацелившись прямо в живот, ио пуля прошла мимо.

[1] «Элере». 18 сеитября 1906 года.

В городе весь вечер взволнованно обсуждали это покушение, и все приветствовали журналиста Бела Куна, который остался цел и невредим» [1].

«СУД НАД ЖУРНАЛИСТОМ

Ответственного редактора запрещенной «Элере» — Бела Куна, бывшего надьварадского, а ныне будапештского журналиста, привлекли к суду за подстрекательство против властей. Судебное дело возбудила против него надьварадская королевская прокуратура. Судебное заседание должно было состояться позавчера, но Бела Кун не явился. Тогда председатель суда присяжных — г-н Бела Чуйок распорядился, чтобы будапештская государственная полиция подвергла его приводу. На судебное заседание, которое должно было состояться вчера, Бела Кун снова не явился. Товарищ прокурора Балинт Гати предложил на суде арестовать журналиста» [2].

«АРЕСТОВАЛИ ЖУРНАЛИСТА

Вчера полиция арестовала столичного журналиста Бела Куна. На вокзал его привели двое жандармов с примкнутыми штыками. Там его посадили в поезд и повезли в Коложвар. Завтра дело будет решаться в суде присяжных, но так как Бела Кун не явился на первое заседание, то суд распорядился о приводе подсудимого. Решение это провели в жизнь таким образом, что Бела Куна арестовали и посадили в тюрьму» [3].

А случилось вот что: забастовали коложварские каменщики. Забастовка продолжалась несколько недель. Работодателям не удалось ее сломить. Тогда они привезли каменщиков из Моравии. Моравы — в большинстве своем члены профсоюза — понятия не имели о том, что их намерены использовать в качестве штрейкбрехеров. С коложварского вокзала их погнали прямо на дровяной склад богатого предпринимателя Давида Шебештьена, чтобы они ни с кем не могли встретиться перед началом работы. Однако коложварские стачечники узнали про это дело и решили, что надо срочно разъяснить все моравам. Но как? Моравы-то по-венгерски не понимают. Кроме того, их усиленно стерегут. А склад окружен высоким забором, чтоб туда, не дай бог, никто не пробрался. И вот коложварские стачечники стали искать для

---

[1] «Фриш уйшаг». Надьварад, 10 января 1907 года.
[2] «Фриш уйшаг». Надьварад, 28 марта 1907 года.
[3] Там же. Надьварад, 15 мая 1907 года.

этой рискованной задачи кого-нибудь, кто знает немецкий язык. Слух об этом дошел до Бела Куна, и он предложил свои услуги. Отправился на дровяной склад вместе с членами стачечного комитета. Ворота были на запоре, возле ворот стояли жандармы с винтовками. Бела Кун со стачечниками обошли кругом весь склад, надеясь найти какую-нибудь лазейку, но не нашли. «А вы перекиньте меня через забор!» — сказал он, недолго раздумывая. «Это можно. Но как вы обратно вернетесь?» — «Не договорюсь — моравы сами вышвырнут, договорюсь — помогут выбраться. Пойдемте!»

И его перекинули. Прошло двадцать пять минут, и Бела Кун появился над колючей проволокой забора — десятки рук подняли его ввысь. Теперь коложварские рабочие вместе с моравами направились к зданию полиции. По ним дали залп. Один из членов стачечного комитета, каменщик Петер Дан, мертвым упал на землю. Началась драка, в ней участвовали и каменщики-моравы.

«Жандармский штык, полицейская сабля — бестии на улице!» — так назвал Бела Кун брошюру, которую выпустил на другой же день.

Двадцать один год было ему.

Его арестовали. Стачка продолжалась. Каменщики победили.

Полиция вынуждена выпустить Бела Куна, но возбудила против него судебное дело.

«ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЮРЬМЫ

Коложварский королевский суд присяжных вынес вчера строгий приговор по одному весьма любопытному делу о нарушении закона печати. На скамью подсудимых попал Бела Кун — бывший коложварский журналист, ныне сотрудник «Будапешти напло». Дело в том, что прошлым летом, когда забастовали каменщики и был убит жандармами Петер Дан, Бела Кун написал очень резкую по тону брошюру под названием «Бестии на улице!». В ней содержался явный призыв к бунту и насилию против власти, а потому прокурор выдвинул обвинение против Бела Куна.

Уже несколько раз назначалось судебное разбирательство, но Бела Кун так и не явился ни на одно заседание. Тогда коложварская королевская прокуратура вынесла решение об аресте Бела Куна, и, как мы уже ранее писали, Бела Куна привезли в Коложвар, а коложварский суд присяжных вынес вчера решение по его делу.

Коложварский суд, как суд присяжных, признал Бела Ку-

на виновным в призыве к насилию против власти и приговорил его за это к шести месяцам государственной тюрьмы и к 200 кронам денежного штрафа. По просьбе прокурора Бела Куна, как не отсидевшего и прежнее наказание, препроводили в тюрьму на улицу Фаркаш» [1].

Еще несколько выдержек из газетных сообщений более позднего периода и, пожалуй, иного характера.

День спустя после будапештского «кроваво-красного четверга» (23 мая 1912 года), который закончился баррикадными боями, мы читаем в газете:

«ПРОТЕСТ КОЛОЖВАРЦЕВ

Кровь, пролившаяся на улицах Будапешта, возмутила и вызвала лихорадочное волнение не только у рабочих, но и у всех жителей Коложвара... Толпы рассеялись по площади Матяша, где был назначен митинг. Зажигательные речи произнесли Ижак Деркович, Бела Кун и Калман Йочак» [2].

«РАБОЧИЕ ЗАШЕВЕЛИЛИСЬ. ДЕМОНСТРАЦИЯ И МИТИНГ В КОЛОЖВАРЕ

На улицах Будапешта стоит гнетущая тишина, но все знают, что она чревата грозными вихрями. Великие мятежные силы напряженно ждут подходящего момента, знака, и тогда эти сдержанные страсти мгновенно выплеснутся наружу.

Вчера вечером заполыхали первые языки пламени и на улицах Коложвара. Рабочие — члены профсоюза — устроили митинг на площади короля Матяша. Из рук в руки передавали субботние и воскресные номера конфискованной газеты социал-демократической партии, многие страницы которой пестрели белыми пятнами. Руководство социал-демократической партии созвало в 6 часов народное собрание на площади короля Матяша, чтобы выразить протест против деспотической деятельности ночного прокурора. Рабочие ровно в шесть собрались у трибун. Митинг открыл портной Йожеф Вереш. Он приветствовал собравшихся. После этого взошел на трибуну секретарь Рабочей страховой кассы Бела Кун. Он говорил сорок пять минут, яркими красками рисуя создавшееся положение.

Он сказал, что, когда во время французской революции

---

[1] «Фриш уйшаг». Надьварад, 16 мая 1907 года.

[2] «Уйшаг». Коложвар, 25 мая 1912 года.

Национальное собрание решило обезглавить короля, характернее и сильнее всего отразил революционную эпоху тот оратор, который коротко сформулировал свое предложение так: «Смерть королю, без всяких громких фраз!» Теперь тоже нет места громким фразам. Надо действовать! Иштван Тиса перевернул весь правопорядок, ввел господство ночного прокурора, задушив этим наш прекрасный закон: свободу печати.

Под отчаянный ропот толпы Бела Кун показал конфискованные номера «Непсавы» [1]. Он говорил о том, что Тиса хочет таким образом выхватить оружие из рук борющегося класса и его руководителей.

По жаркому, недовольному, отчаянному настроению рабочих во время речи оратора можно было предсказать заранее, что после насильственного закрытия собрания рабочие не пойдут домой, а разольются по улицам огненной рекой.

И вправду, не пошли домой, а демонстрировали на улицах за всеобщее избирательное право. Часть манифестантов пошла к бульварной газете «Сабадшаг», другая — на улицу Унио и на центральную площадь. Но мобилизованные полицейские прибыли на место демонстрации и призвали толпу разойтись... Волнение улеглось около десяти часов. Только тогда разошлись рабочие по домам. Так закончились митинг и демонстрация, которые будут иметь продолжение» [2].

«ПОДГОТОВКА К МАССОВОЙ ЗАБАСТОВКЕ

Изо дня в день все шире разворачивается агитация коложварских рабочих за массовую забастовку и против режима Лукача — Тисы. Вечером в пятницу в кафе «Золотой орел» окрестные рабочие устроили собрание, на котором председателем был избран Бела Кун. После его вступительной речи Калман Йочак рассказал о политической ситуации, после чего собрание закрыл Бела Кун, произнеся предварительно большое заключительное слово» [3].

«НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ В РЕДУТЕ

Объявленный студенческой молодежью митинг протеста состоялся в Редуте в три часа пополудни. В большинстве своем присутствовали члены социал-демократической партии, но пришли и другие независимо настроенные граждане. Явилась

[1] «Непсава» («Слово народа») — центральный орган социал-демократической партии Венгрии.
[2] «Уйшаг». Коложвар, 12 июня 1912 года.
[3] «Уйшаг». Коложвар, 15 февраля 1913 года.

также и полиция и множество жандармов. Первыми выступили представители студенчества, затем — заместитель директора Рабочей страховой кассы Бела Кун.

«Я приветствую молодежь не как руководитель, а как рядовой социал-демократической партии. В Венгрии свобода печати и до сих пор была в жалком положении. А теперь, когда мы видим эти белые страницы, можем сказать только одно: печать выступает в роли проститутки, стоящей под полицейским надзором.

Венгрия — страна лжедемократии. Единственным ее демократическим завоеванием была свобода печати. Не нужно было испрашивать предварительного разрешения хотя бы на то, чтобы выпустить газету или брошюру, как это требуется для созыва народного собрания или учреждения профсоюза. А сейчас хотят задушить даже свободу печати. Нельзя будет без разрешения полиции распространять плакаты и листовки. Теперь, если кому-нибудь дали по морде, он сможет распространить только свои визитные карточки. Одним словом, вступают в права цензура и ночной прокурор. В этой стране, где любой исправник — цезарь, любой полицмейстер — тиран, теперь к тому же еще уничтожили и свободу печати.

...Прежде рабочие сражались тем оружием, какое попадалось им под руку; так вот, если Тиса с компанией свалит парламентаризм и законность, то и мы толкнем их так, что они полетят вверх тормашками. Демократия одержит в конце концов победу и сметет этот позорный режим вместе с Тисой и Лукачом (продолжительные аплодисменты и крики «ура»)[1]».

Сколько раз повторял он мне «вдохновенно и благоговейно» стихотворение Эндре Ади о барском парламенте Иштвана Тисы, об этом «Чертоге лжи»:

И однажды заколеблется чертог,
И чем позже, тем сильней будет толчок.
И увидит равнодушный мир
Пробужденье душ, казалось, мертвых уж.
Лжи чертог развеет новый стяг[2].

В это бурное лето 1913 года и стала я женой Бела Куна.

---

[1] «Уйшаг». Коложвар, 2 декабря 1913 года.
[2] Эндре Ади, Песня о чертоге лжи. Перевод Л. Мартынова.

НАДЬЕНЕД

Сама я происхожу из трансильванской мелкобуржуазной семьи.

Мой отец закончил коммерческое училище. Кроме родного языка, знал еще румынский и немецкий. Двадцати одного года женился на матери, которой только-только исполнилось семнадцать лет. Она была дочерью состоятельных родителей.

В восьмидесятых годах прошлого века наша семья переселилась в Бузаш-Боград, где отец арендовал небольшое имение у барона Банфи. Надо сказать, что отец, известный своей честностью и справедливостью, очень мало смыслил в хозяйстве, кроме того, на его беду, три года подряд стояла засуха и унесла урожай, так что из всей затеи с арендой земли у него ничего не вышло. Улетело в трубу и богатое приданое, которое он получил за матерью.

Надо думать, что барон Банфи хорошо относился к отцу, так как выхлопотал для него в Надьенеде довольно сносное место — отец должен был снабжать провизией и организовать питание в больнице на сто коек.

Мать занималась больничной кухней, а отец — бухгалтерией. Заработки были невелики и не могли покрыть расходы всей семьи, так что условия жизни становились с каждым днем все хуже и хуже. Поэтому, когда два моих брата закончили надьенедскую коллегию (третьему не удалось приобрести даже среднего образования), родители решили, что часть семьи переберется в Коложвар, где отцу легче будет раздобыть подходящую должность, а мать с одной из сестер временно останутся в Надьенеде. Небольшое расстояние между этими городами позволит отцу два раза в месяц приезжать в Надьенед и производить всю необходимую бухгалтерскую работу. Родители придумали все это для того, чтобы иметь возможность дать образование сыновьям, а позднее и дочерям.

Разумеется, это была большая жертва с их стороны, но ради детей они готовы были на все.

Отец поступил на службу в Коложваре, снял там квартиру. Началась новая жизнь разорванной пополам семьи. Забот еще прибавилось. Однако два моих брата все-таки окончили университет, так же как и младшая сестра, а я окончила среднюю школу и консерваторию. Мы все могли уже заработать себе на хлеб.

После этого не было смысла дальше жить на два дома, так что мать и старшая сестра перебрались к нам в Коложвар.

Как мне помнится, любые самостоятельные начинания отца всегда кончались крахом. Очевидно, он не мог осуществлять свои замыслы в ущерб другим, а без этого ведь редко кто «выбивался в люди».

В конце концов он примирился с тем, что не бывать ему богатым, и удовольствовался должностью мелкого чиновника в Марошуйварошевских соляных копях.

В 1919 году я уехала в эмиграцию. Больше никогда я не видела родителей, но знаю, что на старости лет их содержали сыновья. Отец скончался восьмидесяти восьми лет от роду. Кроме ветхой мебели и кое-какой одежды, после него ничего не осталось, разве только еще добрая слава, что он был справедливый и честный человек.

Отец придерживался консервативных взглядов, был сторонником так называемой партии Тисы. Гармония в нашей семье нарушалась только тогда, когда мой брат Артур, юрист по образованию, осмеливался сказать что-нибудь дурное об Иштване Тисе. Отец тут приходил в ярость и решительно заявлял, что не позволит в своем доме неуважительно отзываться о таком человеке.

А меня, честно говоря, эти споры только огорчали, и я никак не могла взять в толк, какое может иметь для нас значение, нарушает Иштван Тиса парламентские законы или нет, вводит реформы в армии или не вводит.

Но, помню, однажды вся семья пришла к общему мнению. Это было во время открытия памятника королю Матяшу в Коложваре. Венгерский оркестр исполнял не венгерский гимн, а «Готтерхальте». Даже мне, двенадцатилетней девочке, это показалось возмутительным.

Я родилась в Надьенеде в 1890 году. Отец к этому времени уже разорился, так что о нашем «былом богатстве» я

знала только со слов моей старшей сестры Иоганны. Рассказы об этом я слушала с недоверием. Все «былое богатство» мне казалось попросту сказкой.

Окончив высшую девичью школу в Коложваре, я хотела сдать экзамены на аттестат зрелости, чтобы попасть в университет, но бедность этого не позволила. А так как из «добрых старых времен» в доме уцелел рояль — на нем играли мы с детства, — то я записалась в Коложварскую консерваторию, чтобы зарабатывать на жизнь уроками музыки. Надо сказать, что уроки я давала уже с первого курса консерватории.

Профессора считали, что из меня выйдет талантливая пианистка. Я участвовала во всех студенческих концертах. В коложварских газетах одобрительно отзывались о моей игре. Особенно запомнилась мне статья Имре Саса — он очень хвалил меня; думаю, что перехвалил.

Общественная несправедливость волновала меня с самого детства. Много раз задавала я вопросы — тогда наиболее авторитетному для меня человеку — отцу, почему существуют унизительные различия между нациями, между религиями; почему по-разному относятся к детям, у которых отцы образованные люди, и к детям, у которых отцы простые люди; почему не могут жить все люди честно, почему существуют богатые и бедные.

Как-то раз, хорошо помню, я внесла предложение, что лучше всего было бы поровну разделить все блага между людьми.

Отец ответил мне, что богатые и бедные существовали испокон веку. Главное, чтобы и те и другие были честными. Да и вообще нет смысла поровну делить блага, это все равно ни к чему не приведет: одни люди усердны, другие ленивы, поэтому спустя какое-то время мир снова разделился бы на бедняков и богачей. Короче говоря, так бог велел, и с этим надо примириться.

Я примирилась. Во всяком случае, на некоторое время.

Позднее слушала в Коложварском университете лекции Меньхерта Палади на социально-политические темы. Они заставили меня задуматься о многом. Но еще гораздо большее влияние оказало на меня то, что я сама испытала в высшей девичьей школе. В классе нас было пятеро заводил. Мы все очень дружили. И все-таки, когда у моих подруг устраивались журфиксы или домашние балы, то их высокопоставленные мамаши меня не приглашали. Стало быть, обо мне и нашей дружбе судили по тому, какое положение занимают мои ро-

дители и какое у них состояние. Я чувствовала, что, как только мы окончим школу, дочки будут относиться ко мне так же, как и их родители.

Это было очень горькое открытие для меня.

Случилось еще одно событие, произведшее на меня не меньшее впечатление. Моей самой старшей сестре было двадцать лет, когда в нее влюбился и хотел жениться на ней некий полковой врач. Они очень любили друг друга, но по тому времени офицер не мог жениться, не внеся известную денежную гарантию. Но вот вышло так, что как раз в ту пору, когда врач ухаживал за сестрой, наша семья разорилась, родители не могли дать приданого, и офицер не мог внести денежную гарантию. Чтобы жениться все-таки на сестре, влюбленный молодой человек решил выйти в отставку, но мой отец не дал на это своего согласия. Мотивировал он тем: полковому врачу обеспечены хорошее жалованье и пенсия на старости лет. Если сейчас он бросит все это, то когда-нибудь может пожалеть и семейная жизнь у него будет несчастной.

Сестра очень любила своего жениха, однако ж покорилась отцу, не посмела да и не захотела ему перечить. (Все это произошло в девяностых годах прошлого века.)

Моя сестра Иоганна, или, как все ее звали ласково, Ханика, так и не вышла никогда замуж. А после моего замужества переселилась ко мне, воспитывала моих детей и была у нас самым любимым членом семьи.

«НИКОГДА НЕ БУДЕТ У ТЕБЯ СПОКОЙНОЙ МИНУТЫ!»

Мои старшие братья завершили образование еще в начале века, чуть попозже закончила высшее учебное заведение и младшая сестра. Все трое стали на ноги. Брат Бела устроился в Марошуйваре, Артур — в Дюлафехерваре, а сестра Маргит — в Сатмаре.

Отец переехал обратно в Надьенед. А меня оставил в Коложваре у одних знакомых, чтобы я могла дальше учиться.

В таком небольшом городе, как Коложвар, судачат обо всех — о друзьях, знакомых, местных «знаменитостях» — вернее сказать, «перемывают им косточки». Хвалят, бранят, возвеличивают, позорят. Рассказывают о них были и небылицы. Влезают во все, злословят обо всем — об одежде, квартире, мебели, питании; о венчаниях, разводах, о детях, доходах, протекциях; о том, кто ловок и кто не ловок; глуп, умен, образован, необразован; пьяница или трезвенник; картежник, бабник... и еще бог знает о чем.

Самое главное — как можно меньше хвалить.

Эти мещане-сплетники сами назначают себя судьями, и каждый считает себя лучше другого.

Как-то однажды начали при мне «перемывать косточки» Бела Куна — двадцатипятилетнего молодого человека с недоброй славой.

О нем рассказывали столько, как им казалось — ужасающих, а как мне показалось — привлекательных, историй, что я, естественно, заинтересовалась им.

«Самозваный защитник бедняков», «Известный оратор Рабочего дома», «Никак не найдет себе места», «Организует демонстрации, идет против властей, не раз сидел в тюрьме», «Ничто не свято для него», «Хочет перевернуть весь мир», «Даже одеждой отличается от всех — носит черную шляпу с широченными полями и огромный красный галстук, повязанный бантом».

Кто ж такой этот молодой человек?

— Я покажу вам его когда-ннбудь на улнце. А вот познакомнть? Это еще надо подумать, где и как, — сказал мой прнятель Эрне Бюргер[1], пнсавший под псевдоннмом Пал Гор. Он учился в Коложваре иа юридическом факультете и был вхож в тот дом, где я жила.

Но не он представнл мне Бела Куна.

Как-то раз я стояла у окошка и выглядывала на улнцу. Там шествовалн рабочне, н во главе их в шнрокополой шляпе, с огромным красным галстуком иа шее шагал молодой человек н вместе с демонстрантамн пел «Марсельезу».

«Бела Кун», — подумала я сразу.

Моя хозяйка тоже подошла к окну и указала на Бела Куна как на какое-то чудовнще.

— Вндншь, это тот самый Бела Кун, — н она сокрушенио покачала головой. — Никак ие пойму... Интеллнгентный молодой человек, а все время якшается с чернью.

Позднее я узнала от Пала Гора и о том, что Бела Кун после обеда ходнт в кафе «Нью-Йорк». Там ои чнтает венгерскне и нностранные газеты. Спорнт, рассказывает о прошлых революцнях, прнзывает к новым. У большннства завсегдатаев кафе от этих рассказов мурашкн бегают по спние, н все-такн оин с любопытством слушают его, удивляются, что «этот бунтовщнк» или в лучшем случае «чудак» так осведомлен в вопросах историн, общественных и даже естественных наук, не говоря уже о литературе и искусстве.

— А некоторые, — рассказывал мне мой брат Артур, — как только Бела Кун входнт в кафе, момеитально отсажнваются подальше от его столнка.

...Это было, кажется, в мае. Я, вольно илн невольно, два раза в день, когда шла в консерваторию с нотной папкой в руке, делала круг и проходнла мимо кафе «Нью-Йорк». Однажды сидевшнй на террасе кафе Бела Кун посмотрел на меня и сказал что-то своему соседу. Я почувствовала, что речь идет обо мне.

Потом долгое время опять не видела его. Жнла своей обычной жизнью. Учнлась, давала урокн музыки, чнтала, много упражиялась иа рояле н, казалось, уже совсем забыла

[1] С Эрне Бюргером я встретилась сиова миого лет спустя в Будапеште. Встретнлнсь мы сразу дружескн. Я не забыла, что он первый, еще в 1910 году, отозвался мне с снмпатней о социалисте Бела Куне. Он и по сей день остался верным идеям социализма. В самые трудиые времена брался он в качестве адвоката защищать арестоваииых коммунистов.

о существовании Бела Куна, когда неожиданно познакомилась с ним у одной своей приятельницы. Бела Кун проводил меня домой. Дорóгой мы весело разговаривали и решили, что встретимся еще. Только не уговорились когда и где.

Вскоре после этого нас опять свел случай — теперь у доктора Хуго Лукача, жена которого Ильма Бернат была моей дальней родственницей и подругой детства. Лукач — главный врач Рабочей страховой кассы и блестящий невропатолог (он был лечащим врачом и другом Эндре Ади) — встречался с Бела Куном не только по долгу службы. Образованный и прогрессивно мыслящий человек, он относился к нему с сочувствием и уважением. Если не ошибаюсь, как раз в эту пору хотели они вместе учредить, подобный будапештскому «Клубу Галилейцев», «Клуб Бояи». Он должен был стать местом встречи молодой прогрессивной интеллигенции Коложвара.

У Лукачей я часто встречалась с Бела Куном. Сначала, честно говоря, побаивалась его, так как слышала, что он любит насмехаться над людьми, говорить свысока.

Сперва он и надо мной подтрунивал, потом стал разговаривать серьезно.

Я поняла, что он глумится только над теми пустыми мещанами, которые воображают себя умнее всех, разглагольствуют о прогрессе, но презирают рабочих и чуть доходит до дела — сразу же отстраняются. Поддакивают, мелют языком, а действует пускай кто-нибудь другой.

— Не стоит на них тратить время, — сердито сказал как-то Бела Кун. — Пусть делают что хотят. Авось придет срок — поумнеют.

Когда мы еще больше подружились, он не раз говорил мне:

— Читайте-ка лучше книги, чем переливать из пустого в порожнее с этими болтунами.

И приносил мне книги. В числе первых была «Женщина и социализм» Августа Бебеля. Он попросил прочесть ее внимательно, не спеша, потому что эта книга даст ответ на многие возникавшие у меня вопросы. «Когда кончите, скажите свое мнение».

Частенько думала я тогда, что выражение «пустой мещанин» кое в чем относится и ко мне, и обижалась. Но постепенно пришла к выводу, что Бела Кун прав, осуждая среду, в которой я живу.

Когда я стала уже его женой и к нам приходили рабочие — до той поры я видела их только издалека, а о жизни

их и помыслах так вовсе ничего не знала, — только тогда заметила я, что Бела Кун никогда не трунит над ними, не разговаривает свысока. Он с радостью давал рабочим ответы на разные вопросы и, когда чувствовал, что его не поняли до конца, готов был объяснить еще и еще раз. Был счастлив, если удавалось пересадить им в душу какую-нибудь истину.

«Мы говорим с ними на одном языке», — повторял он не раз после того, как уходили его любимые наборщики, каменщики, слесари. И заявлял с восторгом: «Какой умница этот Шампиер!», или: «Какой отличный человек Лайошфальви, жаль только, что как организатор недостаточно энергичен. Ну да не беда, научится на работе».

К нам ходило много народу. Фамилии большинства я уже забыла. Но ясно сохранился у меня в памяти один наборщик. Этот славный рабочий-социалист страдал чахоткой. Бела Кун не раз говорил с отчаянием: «В санаторий надо его устроить!» И наконец, выхлопотал ему санаторий: но лечение уже не помогло.

На похоронах речь держал Бела Кун. Я тоже пришла вместе с ним. Люди рыдали. И не только потому, что любили этого отличного человека, жалели его жену и детей, а и потому, что чувствовали: каждый может разделить его судьбу.

Бела Кун произнес над могилой обвинительную речь против господствующих классов, призывал рабочих сплотиться и вступить в беспощадную борьбу.

Когда мы возвращались с похорон, я думала, что Бела Куна арестуют. Ту же самую тревожную мысль прочла и в глазах у рабочих, которые провожали нас домой.

Все поднялись к нам наверх. В квартире повернуться было негде. Бела Кун, как обычно, вытащил из кладовки все, что там было, поставил на стол и усердно потчевал гостей. Потом, когда товарищи ушли, мы еще долго беседовали о них, и он сказал:

— Видите, какая разница между мещанской болтовней и разговорами этих людей? С ними не жаль провести всю ночь напролет. Их ведь не только учишь, но и учишься у них.

Несколько месяцев прошло с того дня, как я познакомилась с Бела Куном. Мы встречались все чаще и чаще.

Как-то раз, когда мы случайно остались одни, он очень серьезно, чуточку благоговейно сказал мне:

— Знаете что, Ирина Гал, будьте моей женой. Обидно, если вы выйдете замуж за какого-нибудь мещанина и проведе-

те с ним скучную жизнь. Вам она не под стать! — И тут же насмешливо добавил: — Я знаю, что по вашим обычаям для замужества требуется согласне родителей. Что ж, напншите отцу, только сейчас же, в моем присутствии, попросите его приехать в Коложвар и дать свое согласие.

Это были простые человеческне слова.

Бела Кун думал, что мы очень скоро поженимся: с моей стороны он не ожидал сопротивления. Но, как выяснилось, женнтьба зависела не только от нас. Было еще много самых разных препятствий.

Для преодоления их потребовалось почти два года.

Я написала отцу. Он приехал в Коложвар. Внимательно выслушал меня и сказал, что через несколько дней даст ответ. Я была довольна. Спокойно ждала.

На третий день и впрямь получнла ответ, но не такой, какого мы ждалн с Бела Куном.

Отец за два дня обошел весь город. Навестнл своих знакомых. Поинтересовался, кто такой «этот Бела Кун». Узнал, что он «опасный бунтовщик», «ненстовый соцналист», «только недавно вышел нз тюрьмы», «якшается с разными подозрительными людьми, целые ночи просижнвает вместе с ними в корчмах». Кроме того, выяснил, что «Бела Кун уже не раз сндел в тюрьме». Что он «подстрекает рабочих, призывает нх к стачке протнв нх «кормильцев», «выводит рабочих на демонстрацню», «клевещет на высшне круги», «намеднн даже губернатора подковырнул», «пншет разные крамольные статьн» и так далее. Правда, теперь у него есть должность, он секретарь Рабочей страховой кассы. Но такая должность отцу была тоже не по нраву. «Не государственная, а стало быть, необеспеченное существование». Не говоря уже о том, что Бела Куну вообще не подходит быть отцом семейства — он все вечера проводит в рабочем общежитин, куда, как объяснили моему отцу, порядочные люди не ходят, а только те, кто «не любит работать, потому-то н слушают таких бунтовщнков, как Бела Кун».

— И за такого человека хочешь ты выйти замуж?! — с отчаяннем спроснл отец.

Я молчала.

— Ннкогда не будет у тебя спокойной мннуты, — добавнл он.

Я снова не ответнла.

Он взволнованно ходил взад и вперед по комнате. Потом чуточку успокоился. Посмотрел на меня долгим взглядом. Честная натура не позволила ему скрыть от меня и другое:

— Правда, повстречал я и таких людей, что нахваливали Бела Куна, говорили: «Умница! Поглядите, еще в депутаты выйдет!» Но что мне депутат-социалист? Жалованья-то у него все равно не хватит, чтобы содержать семью... Уже не говоря о другом: он ведь должен помогать и родителям, они бедные люди. Плохого про них я, правда, не слыхал, только что живут они в предместье, в домике с земляным полом.

После этого отец произнес еще несколько «теплых слов» о нынешней беспечной молодежи. Теперь уже и я вошла в эту категорию. Потом добавил, что в его время никто так замуж не выходил. И вдруг он снова вошел в раж и сказал:

— Если ты не откажешься от этого брака, я увезу тебя домой, в Надьенед. Там уж, будь спокойна, забудешь про Бела Куна. Но если раздумаешь выходить за него замуж, можешь оставаться в Коложваре.

Перечить ему не было смысла. Я молчала. И не раздумала.

На другой день после отъезда отца мы с Бела Куном решили, что преодолеем все препятствия.

Разумеется, решение это исходило прежде всего от Бела Куна. Его никогда не приводили в уныние препятствия, напротив, только пробуждали в нем азарт борца, мобилизовали запасы энергии и жизнерадостности, которой, особенно в молодости, у него было хоть отбавляй. Причем вовсе не спокойной жизнерадостности, той, что объясняется подчас малыми запросами к жизни, примирением с судьбой, а беспокойной, взрывчатой, идущей от бурного темперамента, пытливого ума и необычайно доброго сердца, которое мгновенно отзывалось на все толчки, происходившие в жизни людей.

Бела Кун принадлежал к тем счастливцам, что тысячью нитей связаны с окружающим миром, поэтому не ведают одиночества, не замыкаются в каморку собственной души, где неизбежно душно и грустно любому. Быть может, только к концу жизни вынужден был он, что называется, несколько «уйти в себя», потому что слишком уж чувствительно и последовательно обрубали его связи с внешним миром.

Но это было много позже. Теперь же, вспоминая молодого Бела Куна, я вижу перед собой порывистого человека, быстрого и, я сказала бы, веселого насмешливого ума, ничуть не эгоцентричного, а естественно и легко входящего в окружающий мир, — будь то природа, люди, книги...

Помню, в первый год замужества, когда Бела Кун уезжал по делам службы в какой-нибудь соседний городок или деревню, он всегда брал с собой и меня. Мы нанимали извозчика,

усажнвались в коляску, и Бела Кун, глядя то на мелькавшие по сторонам пейзажи, то на меня, почтн всю дорогу пел, н обычно веселые народные песни. Особенно любил он песни в ритме чардаша. Вндно было, что этому ритму подчинялось все его тело н даже мыслн, кипенне которых я угадывала у него по глазам.

Должно быть, этим кипением душн н ума объяснялнсь его оптимнзм, убежденность в том, что нз любого положення можно найтн выход, все препятствия можно сломнть, надо только действовать и бороться.

Однако, невзирая на эти черты его характера, устроить все н одновременно сломить сопротивление родителей оказалось нелегким делом. Но когда родителн н братья увидели, что сопротивляться тщетно, онн поставнлн одно условие: чтобы мы подождали, пока будет готово мое приданое, пока достанут нам квартиру и купят мебель.

Для этого потребовалось почти два года.

Казалось, что отец прнмирился с моим замужеством. Однако в однн прекрасный день прнехал за мной н увез меня в Надьенед, мотнвнруя тем, что невесте неприлично жить вне отчего дома.

ПОСЛЕДНИЙ МИРНЫЙ ГОД

Вспоминая слова отца, я должна сказать: хоть и было в них зерно истины, но все же он был не прав. Говоря, что с Бела Куном я не буду знать и минуты покоя, отец, разумеется, не думал о таких значительных, даже всемирно-исторических событиях, как те, что мне пришлось пережить. Да, эти двадцать четыре года жизни с Бела Куном были и вправду беспокойными, но вместе с тем они были прекрасны. В самые тяжелые дни своей жизни не пожалела я, что стала женой Бела Куна.

Нет, вовсе не «дурными чертами» его характера объяснялось то, что он был «не приспособлен» к семейной жизни, а событиями, которые перевернули весь мир: войнами, революциями, контрреволюциями, эмиграциями... Непрестанные толчки социальных землетрясений эпохи лишали «спокойной» жизни, а нередко и попросту жизни даже тех людей, которые были совсем далеки от политики. А что уж говорить о людях, для которых вся жизнь была служением, что говорить о революционерах?

...Но я вернусь к 1913 году, последнему мирному году.

Бела Кун каждую неделю приезжал ко мне в Надьенед. Прибывал в субботу после обеда и на рассвете отправлялся обратно в Коложвар, чтобы не опоздать на службу. В эту пору он был уже директором Рабочей страхкассы.

Моя семья постепенно подружилась с ним, проникалась к нему все большей и большей симпатией.

Теперь, когда кто-нибудь осуждал Бела Куна за его социалистические взгляды, то даже отец вставал на его защиту: «Что верно, то верно, но, как я погляжу, и социалист может стать хорошим мужем». Он готов был признать даже, что Бела Кун умный человек, что он не тратит времени попусту, «все читает да пишет». Правда, иногда отец еще задумывался и говорил: «Одна беда, никак не хочет войти в общество приличных людей». И добавлял с удивлением: «Хотя ведь сам-то он не рабочий!»

Увы, доброе отношение отца подчас нарушали всевозможные события, и тогда он снова приходил в негодование, опять начинал отговаривать меня от замужества.

Для примера приведу два таких случая:

26 февраля 1913 года «Коложварская газета» поместила следующее сообщение:

«ВОЖДИ КОЛОЖВАРСКИХ РАБОЧИХ СРЕДИ ШАХТЕРОВ ЖИЛЬВЕЛЬДА

Развернувшаяся по всей стране борьба за всеобщее, равное и тайное избирательное право приближается к той знаменательной дате, когда весь пролетариат страны, заключив союз с буржуазией, открыто выступит против реакционной власти и беззакония. Самую большую историческую роль в этой борьбе сыграет рабочий класс... Грандиозную агитацию за всеобщую забастовку проводят в трансильванских городах и промышленных центрах деятели авангарда рабочего движения Калман Йочак и Бела Кун. Эти вожди рабочего класса, никого не поставив в известность о своих намерениях, сели в пятницу на поезд и поехали в самый дальний уголок Трансильвании, в знаменитый Жильвельд, где работает около 30 тысяч рабочих. Но когда Йочак с Куном доехали до Петрожения, жандармы предложили им предъявить документы. Потом конфисковали листовки, что они везли с собой, и, более того, даже на время задержали обоих, чтобы сорвать их агитационную поездку».

Бела Кун вернулся в Коложвар в сопровождении двух полицейских.

В глазах моего отца это был величайший позор.

Но еще больше разгневал его другой случай.

В связи с борьбой за избирательное право социал-демократы и оппозиционные партии созвали собрание в Надьенеде. Докладчиком был прислан Бела Кун. По окончании собрания он сразу, не заходя к нам, уехал из Надьенеда. Отец ничего не знал об этом. Только на другое утро прочитал в газете, потом услышал еще от разных «доброхотов», что Бела Кун, ничуть не стесняясь в выражениях, ругал правительство и местные власти. Отец пришел в ярость. Больше всего возмутило его, что Бела Кун выступал против правительства именно в *нашем* городе: «Неужто он не мог, хотя бы ради нас, не приезжать сюда?» Упреки посыпались и на меня. И успокоился он чуточку лишь после того, как встретил директора

больницы — члена оппозиционной партии, — который поздравил его с отважным и умным женихом дочери. Похвала подействовала. И все-таки, вернувшись домой, отец сказал: «Этот Бела Кун нам совсем не подходит!»

Добиться разрыва между нами ему не удалось, но прошло немало времени, пока он «забыл» про надьенедское выступление.

Два года дожидались мы свадьбы. За это время успели многое вместе прочесть. Бела Кун приезжал ко мне всегда с грудой книг. Среди них непременно был и томик Эндре Ади, которого он считал величайшим революционным поэтом XX века. Говорил, что Ади превосходит большинство поэтов нашего времени, и не только венгерских. А то, что многие еще не понимают его, что реакционные учителя и другие тупоумные интеллигенты считают «путаником и безумцем», поэтом, «отравляющим молодежь», — так все это говорит только в его пользу. «Посмóтрите, — не раз толковал мне Бела Кун, — история докажет правоту Ади».

Противопоставляя себя реакционным кругам Коложвара, Бела Кун, д-р Хуго Лукач и другие встали на защиту Ади, но убедить противников им не удалось. И это естественно. В борьбе за поэзию Ади сталкивались друг с другом революция и те, что страшились и ненавидели ее.

В нашей коложварской квартире на стене висела единственная фотография. На ней было написано: «Бела Куну с любовью. Эндре Ади».

«Какими горестно-умными глазами смотрит он на этот поганый мир!» — восклицал не раз Бела Кун, глядя на фотографию Ади. (Когда и где она пропала — не знаю. Быть может, найдется еще когда-нибудь в Трансильвании.)

Наконец с помощью моего брата нам сняли квартиру в Коложваре и обставили ее. Помещалась она на третьем этаже в доме номер 6 по проспекту Франца-Иосифа. И к ужасу всей нашей мещанской родни и знакомых, 29 июня 1913 года был заключен брак, который, несмотря на все пророчества — «и полгода не продержится», «все равно бросит» (то есть Бела Кун меня), — продолжался двадцать четыре года и тогда тоже прервался по не зависящим от нас обстоятельствам.

После торжественного ужина мы сразу уехали. Свадебное путешествие от Надьенеда до Коложвара продолжалось два часа, а «медовые месяцы» до 28 июня 1937 года.

Конечно, в нашей жизни было немало забот, так как и

нам приходилось поддерживать видимость благополучия. Однако так называемую светскую жизнь мы не вели, почти никуда не ходили и тем не менее едва сводили концы с концами. К тому же я заболела вскоре после замужества и не могла давать уроки.

Рабочий день Бела Куна строился так: к восьми часам он уходил на службу в страхкассу. В два часа возвращался домой, обедал, пообедав (если было время), отдыхал часок, потом снова уходил и до позднего вечера был занят различными собраниями, заседаниями, докладами. Вечером возвращался домой всегда в сопровождении нескольких товарищей. Они не только провожали его до дому, но и частенько поднимались наверх. Бела Кун просил поставить на стол все, что было в доме, а если еды оказывалось мало, добавлял шутя: «Не беда, по крайней мере мыши не заведутся».

Он вечно трунил надо мной, что я не умею стряпать и ему, бедняге, приходится меня обучать. Высмеивал высшие девичьи школы: дескать, они ничему толковому не учат будущих жен. Такими шутками развлекал товарищей, пока не был готов обильный или скудный ужин.

Серьезный разговор начинался всегда после ужина. Я внимательно слушала, но не вмешивалась в него, хотя и говорилось о знакомых мне вещах. В ту пору я еще не чувствовала себя достаточно зрелой, чтобы участвовать в обсуждении различных теоретических или актуальных практических вопросов рабочего движения.

Хорошо помню, как резко критиковали руководство социал-демократической партии: мол, почему не борется оно энергично за увеличение заработной платы. Бранили социал-демократическую газету «Непсаву». По их мнению, она пренебрегала требованиями рабочих, в том числе и требованием снизить 10—12-часовой рабочий день. Сколько раз слышала я угрозы: если «Непсава» будет продолжать в том же духе, перестанут подписываться на нее.

Избирательное право — вернее сказать, бесправие — тоже служило постоянной темой бесед. Частенько рассуждали и о том, когда же попадут, наконец, представители рабочих в парламент, когда начнут там бороться за интересы трудящихся.

Осенью 1913 года Бела Кун участвовал на XX съезде венгерской СДП в качестве делегата коложварской организации.

Поехал он в столицу один, хотя и очень хотел взять меня с собой. Но я должна была считаться с тем, что билет на

поезд, номер в гостинице и прочее стоят дорого. И сколько Бела Кун ни уговаривал: «Да не обращайте внимания, поедемте!» — осталась дома.

Вернулся он через неделю.

Привез столько подарков, что на эти деньги я дважды могла бы съездить в Будапешт и обратно. Подаркам я обрадовалась, а Бела Куна пожурила. Но он и слушать не хотел. Подарки красивые, мне они понравились, деньги потрачены. О чем тут еще рассуждать?!

И тогда и позднее я нередко задумывалась о том, что Бела Куну лучше всего было бы родиться сказочным богачом — так он был широк по натуре, так не знал цену деньгам и вещам. И разве только одно не позволило бы ему стать богачом: полное отсутствие чувства собственности. Причем, как мне кажется, главную роль тут играли даже не убеждения, попросту у него не было такого инстинкта. Считать он не умел, деньги у него не держались, он мог их отдать каждому, кто попросит, накупить любые подарки. Одним словом, не будь нас с сестрой, у него никогда и гроша за душой не было бы. Впрочем, и так не было да и не могло быть. Когда мы жили уже в Москве, у нас всегда кто-нибудь гостил (бывало, даже целая семья), всегда кто-нибудь останавливался проездом, завтракал, обедал, ужинал — мы никогда одни не садились за стол. А откуда было на все это брать деньги сестре, которая вела хозяйство? Бела Кун и над этим не задумывался. «Надо покормить товарищей!» — вот и был весь сказ, а что на все прочее не остается денег, так и бог с ним! Он не замечал, как, надо сказать, и все мы, что обивка мебели висела клочьями, что на окнах не было занавесок, что в доме все обветшало, что в конце каждого месяца сестра должна была у кого-нибудь занимать тридцатку. Ему это было глубоко безразлично. Он жил всегда как на биваке — ждал момента, когда можно будет, наконец, сорваться с места, кинуться с головой в подпольное движение, уехать опять бороться за свободу Венгрии, а может быть, и другой страны. Поэтому естественно, что наш дом был нечто вроде перевалочного пункта, естественно, что он мог явиться в десять вечера с каким-нибудь незнакомым человеком и смущенно, но решительно заявить: «Товарищ переночует у нас, пробудет несколько дней». В его кабинете нельзя было жить — это мы все знали, там полно бумаг, причем и секретных. Ну да ничего, сестра вместе с дочкой и сыном будут ночевать в столовой. И в десять часов вечера в квартире начиналось великое переселение народов. Только после

этого садился Бела Кун за стол вместе с нежданным гостем. Сколько бы ни оставили ему на ужин, он все делил пополам, быстрым движением перекидывая половину еды из своей тарелки в тарелку гостя.

И вот очередной гость живет у нас — завтракает, обедает, ужинает. К величайшему возмущению детей, начинает вмешиваться в их воспитание. Оно и понятно, он чувствует себя совсем дома. Его обшивают, обстирывают... Потом, если это подпольщик из Венгрии, он исчезает с такой же быстротой, как появился, а если нет, переезжает в какую-нибудь комнатку, которую Бела Кун же выхлопотал ему.

Тут-то и начинались иногда чудеса в решете. Хотя в двадцатые и тридцатые годы получение комнаты в Москве было почти чудом, однако среди наших гостей попадались и такие, что бывали недовольны, когда получали. И не мудрено! Тогда придется жить самостоятельно, на свои деньги, нельзя будет за всем обращаться к моей сестре и даже к Бела Куну... Хоть и редко, но все ж иногда мне приходилось вспоминать пословицу: «Не кормивши, не поивши, врага не наживешь!» А вот Бела Куну никогда ничего такого не вспоминалось. Даже людская неблагодарность не оставляла у него в душе никакого осадка. Поэтому, как только появлялся очередной приезжий, сердце его тут же раскрывалось, глаза опять лучились добротой, и мало того, что он приводил к нам нового постояльца, но в случае нужды отдавал ему свои башмаки, свитер, рубашку, что под руку попадалось. И все это происходило потому, что самому ему, в сущности, ничего не было нужно. Есть — хорошо, а нет — не замечает.

Конечно, «гостиница и ресторан», которые он завел у себя дома, подчас и ему были в тягость, но этого не понимали ни он сам, ни гости. Раздражение, когда оно возникало, Бела Кун срывал не на чужих людях, а всегда на ком-нибудь из семьи. Например, в такие минуты двенадцатилетняя Агнеш узнавала, что она постыдно неграмотна, так как ничего не знает об учении Павлова. (Отец, разгневанный, уходил в кабинет, громко хлопнув дверью.) Или семилетнему Коле сообщалось, что он идет не в ногу с веком, ибо не умеет построить железную дорогу из «Конструктора». Но бывало, что и суп «слишком горячий» подавался на стол...

Всем доставалось, кроме гостей и меня. О гостях вообще не могло быть и речи — Бела Кун был человек воспитанный, деликатный и очень гостеприимный. А меня он боялся обидеть, вернее сказать, боялся моей обидчивости. Не знал потом, как подступиться ко мне.

Одним словом, вспыльчивость его бессознательно устремлялась в другую сторону.

А вспыльчив он был необыкновенно, столь же вспыльчив, как и отходчив и добр. Все эти свойства его проявлялись очень ярко, очень экспансивно. Рассудок далеко не всегда играл роль контролера. Вообще говоря, рассудочности у него было очень мало, как и хитрости, осторожности, осмотрительности. Ему бы жить по велению чувств, и, если всерьез подумать, так родиться бы ему не сказочным богачом, а попросту в коммунизме, в том самом, о котором Маркс мечтал.

Не один он был таким среди ленинской гвардии, многие из них по человеческим качествам опередили свой век.

Но я отвлеклась так далеко в сторону, потому что задумалась о Бела Куне, потом невольно о революционерах ленинского типа — об интернационалистах.

Однако вернемся в трансильванский городок Коложвар и в 1913 год.

Приехав со съезда, Бела Кун сделал доклад в Коложварском рабочем общежитии. О чем он там говорил, не знаю, но отчетливо помню, что сказал он дома пришедшим к нему в гости близким друзьям-рабочим:

— Бухингер[1] все разглагольствует о том, что надо создать партийные организации. Но слова остаются пока словами — толку от них чуть. В провинции партийные организации существуют только на бумаге. Руководство считает, что партийные организации ничего не дают. А если их просто нет? Что будет, если назначат выборы? Кто займется организацией предвыборной борьбы в Коложваре, Надьвараде, Араде, Петрожене, Марошвашархейе и в других местах?

Рабочие соглашались с ним. И один предлагал что-нибудь и другой, но все сводилось больше к жалобам или в лучшем случае к таким предложениям: «Надо снова обратить внимание партийного руководства на это невыносимое положение».

И вновь бранили редакцию «Непсавы» за то, что она почти не борется с коррупцией, которая принимает огромные размеры, говорили, что буржуазные газеты, более того, даже бульварные газеты частенько опережают ее и энергичнее выступают против взяточничества и лихоимства.

А Бела Кун все возвращался к тому (это, видно, его очень огорчало), что Гарами[2] доволен избирательным пактом,

[1] Бухингер Мано — правый социал-демократический лидер.

[2] Гарами Эрне — правый социал-демократический лидер, редактор газеты «Непсава».

который заключили с оппозиционными партиями буржуазии. По мнению Гарами, этот союз полезен, а тот, кто критикует его, наносит ущерб рабочему движению.

— Черта с два! — сердито кричал Бела Кун. — Такой союз вреден, ибо не они присоединяются к нашим требованиям, не они перенимают наши способы борьбы, а партийное и профсоюзное руководство приспосабливается к тактике графов и политиков типа Важони[1], к их методам борьбы. Если это будет так продолжаться, мы постепенно утратим нашу социалистическую сущность.

Новое законодательное предложение Иштвана Тисы относительно выборов, которым так доволен был Гарами, по мнению рабочих, было попросту насмешкой над всеобщим избирательным правом.

Собиравшиеся у нас коложварские рабочие неделями толковали об этом. Атмосфера каждый вечер накалялась почти до взрыва и смягчалась только тогда, когда Бела Кун обращался ко мне:

— А перекусить что-нибудь найдется? Ну, выкладывайте все, что есть, на стол... Товарищи, поедим, чтобы сил набраться, — и в комнате слышались раскаты его задорного смеха.

Однажды, когда рабочие уже ушли, я спросила его:

— А что же делать-то?

Бела Кун посмотрел на меня и ответил, помрачнев:

— Вот и я уже несколько месяцев все думаю об этом.

Потом, как и всегда, когда ему не хотелось говорить о чем-нибудь, он засвистел.

Рабочие не раз жаловались и на то, что руководители партии живут в столице, оторваны от них, даже наездами не бывают в провинции и понятия не имеют об их проблемах.

К этим жалобам решили прислушаться. Начали устраивать вечера с докладами на социальные и политические темы. Кроме местных докладчиков, выступали и приезжие из Будапешта. Я помню доклады Жигмонда Кунфи, Шандора Гарбаи, Адольфа Киша[2]. Рабочие слушали их с трогательным вниманием. А когда кончался доклад, подходили к докладчику и откровенно говорили о том, чем они довольны, чем недовольны и в чем ждут более правильного решения вопроса.

---

[1] Важони Вильмош — лидер мелкобуржуазной демократической партии.

[2] Видные деятели венгерской социал-демократической партии.

Надо сказать, что дороговизна росла изо дня в день, то тут, то там вспыхивали стачки, политические демонстрации, повсюду царило беспокойство. Но того, что случилось потом, никто не предполагал, во всяком случае, никто не думал, что это может так скоро произойти.

...Стоял конец июня 1914 года. Как-то к нам постучался мой брат, живший с нами в одном доме. Пришел он в неурочный час, после обеда, и взволнованно сказал:

— В Боснии убили Франца-Фердинанда и его жену.

Я разбудила Бела Куна. Он открыл глаза и спросил со сна:

— Что случилось?

Я сказала.

— Да провались он! — ответил Бела Кун и, повернувшись лицом к стенке, заснул опять. Но мгновение спустя снова повернулся ко мне, сел.

Я повторила ему все, что слышала. Он вскочил, быстро оделся и, сказав: «Будет война!» — ушел.

Вернулся домой только вечером. Рассказал то, что слышал об убийстве Франца-Фердинанда и о возможных последствиях. Напомнил о том, что он говорил мне, когда еще был женихом: «Может наступить такое время, когда нам придется расстаться. Этого потребуют обстоятельства».

Тогда я не придала значения его словам, быть может, в ту пору он еще и сам не думал, что эти обстоятельства так скоро наступят.

С начала войны до тех пор, пока его не призвали, Бела Кун писал брошюру «Маркс и война». (Рукопись пропала, конечно. Быть может, и она найдется когда-нибудь.)

ВОЙНА — ПЛЕН...

Убнйство Франца-Ферднннанда н последовавшее за ннм объявленне войны поразнлн всех. Правда, разные слон населення по-разному отнеслнсь к этому крутому повороту нсторнн.

Кое-какне группы господствующего класса радостно устремнлнсь навстречу событням, отлнчно поннмая, что богатство нх теперь прнумножнтся, а получнть освобожденне от воннской повнnностн для себя н для своnх роднчей пара пустяков. Ну, а еслн, допустнм, кого н не освободят вчнстую, все равно зачнслят в безопасную тыловую часть нлн в ннтендантство.

Кадровые офнцеры восторженно встретнлн войну — теперь-то уже онн быстро пойдут взбнраться по лестннце чннов. А что война закончнтся победой австро-венгерской монархнн, в этом онн не сомневалнсь н заставлялн солдат весело петь на улнцах боевые маршн н глумлнвые песнн, подобные «Постой, постой ты, Сербня-собака!». Потом со всемн удобствамн располагалнсь в разукрашенных цветамн вагонах первого класса н особенно в начале войны рассыпалн улыбкн родственнnкам н знакомым, обступнвшнм воннскнй эшелон.

Бела Куна направнлн на фронт сразу, как только он закончнл наспех учрежденное офнцерское учнлнще. С грустью провожала я маршевый батальон, в который его зачнслнлн.

— А вы ннкогда не бойтесь за меня, — броснл он на прощанье, вскочнв в вагон. Но, поняв, очевндно, что это нзлюбленное его выраженне сейчас ровным счетом ннчего не значнт, крнкнул еще нз окна: — Дочку берегнте, себя, роднтелей монх!

И попроснл команднра батальона подойтн ко мне: пускай н он скажет что-ннбудь в утешенне, авось да я развеселюсь.

(Бела Кун н всегда-то терпеть не мог, когда окружавшне

его товарищи грустили, унывали, опускали руки, если что-нибудь не клеилось. Он их ругательски ругал: «Идите к черту! Опять нос повесили! Видеть вас не хочу!..» Стоило же мне приуныть, он бросал только укоризненные взгляды.)

Воодушевление, вызванное первыми вестями о победах, восторг, с которым провожали на фронт первые, украшенные цветами воинские эшелоны, очень скоро угасал: начали поступать сводки о потерях, о раненых и погибших. И хотя в этих сводках все было преуменьшено, однако возле уходящих на фронт эшелонов чувствовалось уже, что люди начали сознавать ужас войны. Меньше стало цветов, музыки, криков «ура». Пока еще только так выражались недовольство и отчаяние, иначе не смели — боялись военных трибуналов. Люди старательно прятали свои чувства.

Рабочих и крестьян сотнями тысяч угоняли на фронт. Об их семьях почти не заботились. Часть военных пособий, особенно в деревне, уворовывалась, а жаловаться не смей — угрозы сыпались за угрозами, чуть что, людей обзывали «безродными социалистами». А рабочих-социалистов первыми угоняли на фронт, притом на самые опасные участки.

Когда Бела Куна призвали в армию, то, помню, капитан призывной комиссии, смеясь, говорил знакомым: «А ну, поглядим, захочется ли сейчас Бела Куну мутить голову людям своими бунтовщическими идеями?»

Пока Бела Кун проходил военную подготовку, он трижды навестил меня в Надьенеде, где я жила у своих родителей вместе с дочкой, которая родилась вскоре после того, как отца призвали в армию. Однажды я спросила, как он переносит воинскую дисциплину. Бела Кун ответил: «Подчиняюсь, чтоб какой-нибудь сопляк-подпоручик не вздумал мне сделать замечание. Этого я уже не стерпел бы. А тогда все кончилось бы для меня плачевно. Впрочем, в анархо-индивидуалистическом бунте я вообще не вижу смысла».

С фронта Бела Кун слал мне письмо за письмом. По мере возможности он рисовал ужасы войны, страдания солдат. О себе почти не писал, не жаловался, напротив, хвалился даже, как он прекрасно обставил свое жилье в окопах, мол, даже фотографии развесил по стенам.

Бела Кун попал в плен в 1916 году. В тот же год установил он связь с томской большевистской партийной организацией.

Анкета, заполненная в Томске при вступлении в партию, пока еще не нашлась, поэтому я приведу данные анкеты 1922 года, заполненной на Урале:

1 июля 1922 года
ЦК РКП(б-в)
Учетно - распределительный
отдел
Ед. парт. билет № 232811

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК №

Губерния: **Екатеринбургской.**
Населенный пункт: **г. Екатеринбург.**
Партийная организация (город, район, уезд): **Екатеринбургская.**

1. Фамилия: **Кун.**
2. Имя, отчество: **Бела.**
3. Год рождения: **1886.**
4. Национальность: **мадьяр.**
5. Родной язык: **мадьярский.**
6. На каких языках еще свободно: а) говорит, б) пишет: **по-русски, по-немецки.**
7. Какие местности РСФСР хорошо знает: **Москва, Петроград, Сибирь, Украина, Крым.**
8. Социальное положение (прежнее сословие, звание, состояние и т. д.): **из мелкобуржуазной семьи.**
9. Основное занятие (дающее средство к существованию)
   а) до войны 1914 года: **парт- и профработник, литератор.**
   б) во время войны (до Окт. рев.) . . . .
10. Профессия: **юрист.**
11. Семейное положение (сколько членов семьи при себе, из них нетрудоспособных на иждивении опрашиваемого): **нет.**
12. Образование (точно указать, где учился, окончил ли курс, сколько классов, курсов и т. п. прошел): **не кончил юридический факультет.**
13. Служил ли в армии (указать когда, род оружия, последний чин, звание, должность и т. п.): **в Австро-Венгрии, в Кр. гвардии и Красной Армии. В 1918 году на Урале, 1920 году на Украине был членом РВС фронта.**
14. Участвовал ли в военных действиях (в какой войне, в качестве кого): **начинал с рядового и до офицера.**
15. Когда демобилизован ...
16. Был ли за границей (где, когда, как долго, цель поездки или пребывания, чем занимался): **да.**
17. Какой партийной организацией принят в члены РКП(б):

томской, тогда объединенной организацией, где вместе были большевики и меньшевики в 1916 году — до июня 1916 года.

18. Когда принят, год и месяц: **до июня 1916 года.**
19. Состоял ли в других партиях (каких, когда, как долго, где, какую работу выполнял): **с 1902 года СДП Венгрии, КП Венгрии (основал), КП Австрии, КП Германии.**
20. Если участвовал в революционной работе до 1919 года, то где, в какой области работы, как долго...
21. Подвергался ли репрессиям за рев. деятельность до Окт. рев. (за что, когда, каким): **да.**
22. Привлекался ли к судебной ответственности перед судом РСФСР (за что, когда, приговор): **нет.**
23. Привлекался ли к партсуду: **нет.**
24. Физические недостатки ...
25. Теоретическая подготовка (марксистская): **знаю всю марксистскую литературу.**
26. Партийная работа до 17-го года (указать только определенную деятельность, не менее 3-месяч. работу):

Когда	В каком учреждении	Должность (род работы)
С III 1917 по X 1917		**Пропагандист-литератор. Пом. секретаря горкома**
После октября 1917		**Сотрудник редакции «Правды». Пропагандист. Редактор газеты «Социальная революция».**
по 1918		**Предс. ЦК КП Венгрии, член Исполкома и презид. Коминтерна, представитель Коминтерна в Германии.**

27. Остальная, кроме партийной работы с 17-го года (указать только определенную длительную, не менее трех месяцев работу):

Когда	В каком учреждении	Должность
		В Венгрии в 1919 году, член РВС Южного фронта с окт. 1920 до января 1921

С того дня, как в венгерских газетах появились броские заголовки: «Революция в России», «Царь отрекся от престола», «Приближается мир!», да и позднее, когда большевики во главе с Лениным взяли власть, в Коложваре все больше

велось разговоров про русскую революцию, все яростнее сталкивались люди и мнения. В это время прочли мы впервые и про Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, да и вообще впервые услышали слово «Советы». Но, по сути дела, особенно в тех кругах, где я вращалась, никто не знал точно, что означают эти слова, каково их содержание, а главное, что они повлекут за собой.

Большинство людей, правда, утверждало — и на этом дружно сходились все, — что большевистская революция (или, как ее многие называли, «анархия») весьма полезна для центральных держав, ибо Россия выпадет из числа противников, и тогда победа центральных держав обеспечена. Территориально мы окажемся в выигрыше, так как Германия и Австрия оторвут кусок от Польши и Украины; да и Венгрия произведет кое-какую территориальную ревизию, отщипнув несколько тысяч квадратных километров от Румынии (в одной из ультрашовинистских газет была напечатана даже весьма наглядная карта такого рода), а после этого можно и закончить войну.

Лозунг «Да здравствует война!» за три года сменился постепенно лозунгом «Да здравствует мир!».

И, невзирая на все эти благие перспективы, коложварские буржуа и мелкие буржуа были всерьез озабочены. Ведь газеты все больше пополнялись сообщениями о том, что в России земля стала достоянием народа, что банки национализированы, на заводах ввели рабочий контроль, дома перешли в руки тех, кто в них живет, печать и издательства оказались принадлежностью государства и прочее и прочее.

Коложварским господам все это, конечно, пришлось не по душе, и им оставалось только тешить себя словами: «Пусть делают там, что хотят, пусть растет анархия в России, главное, чтобы мы закончили войну приобретением новых территорий».

Совсем иначе думали рабочие.

После будапештской декабрьской демонстрации 1917 года 21 января 1918 года состоялась огромная рабочая демонстрация в Озде. Демонстранты приветствовали русскую революцию, а площадь перед заводом, где состоялся митинг, назвали площадью Ленина.

(Это была первая площадь Венгрии, а быть может, и в мире, названная именем Ленина. Думаю, что такой факт правильно было бы отметить мемориальной доской.)

Бела Кун, как я уже упоминала, попал сперва в томские лагеря для военнопленных.

В 1917 году в Томске насчитывалось около восьмидесяти тысяч жителей, среди них было много ссыльных, и они оказали, разумеется, большое влияние на развитие революционного движения.

Когда Бела Куна привезли в томский лагерь, там уже действовала группа военнопленных, которая вела борьбу с реакционным офицерством и не желала подчиняться лагерной дисциплине. В эту группу входили Ференц Мюнних, Карой Райнер, Бела Ярош, Геза Павлик, Йожеф Рабинович, Эрне Зайдлер и Имре Силади. Они агитировали против монархии и войны. С прибытием Бела Куна их работа укрепилась и, главное, расширилась.

«Бела Кун сразу же по приезде дал решительно марксистское направление деятельности группы. Мы установили связь с сибирской большевистской организацией — тогда-то и попали нам впервые в руки сочинения Ленина. Они дали ответ на многочисленные вопросы, которые уже десять лет волновали Бела Куна», — писал Ференц Мюнних.

(В те годы зародилась дружба Бела Куна с Ференцем Мюннихом, которой суждено было еще окрепнуть в годы гражданской войны и позже, когда они почти одновременно вернулись на родину. Начиная с основания Компартии Венгрии и во время пролетарской диктатуры, затем после поражения и в горькие годы эмиграции их всегда связывали дружеские и политические отношения. Бела Кун любил Ференца Мюнниха не только потому, что Мюнних был всегда веселым, жизнерадостным человеком и это соответствовало характеру Бела Куна, но главным образом потому, что в политических боях, особенно в начале двадцатых годов, Мюнних был отважным, принципиальным соратником и другом, на которого Бела Кун всегда мог положиться.

В день возвращения в Венгрию Мюнних сразу же явился к Бела Куну. «Познакомьтесь с моим другом Фери Мюннихом. Мы с ним еще в лагере военнопленных немало насолили господам офицерам. А потом и в гражданскую войну воевали вместе», — так представил мне Бела Кун Ференца Мюнниха.)

О деятельности Бела Куна в томском лагере мы можем узнать кое-что и из интересных воспоминаний венгерского коммуниста, ветерана рабочего движения Андора Келемена.

«Бела Кун уже тогда был образованным марксистом, — пишет Келемен, — его деятельность и резко очерченная индивидуальность направили по новому руслу действия антивоенной группы.

Бела Кун с невероятной энергией и усердием использовал все возможности и свободное время, какое только было в плену. После того как ему удалось установить связь с местной подпольной организацией большевиков, он получил доступ к марксистской литературе на немецком языке и теперь свои дни посвящал изучению серьезнейших экономических и политических трудов.

Больше всего любил он читать, лежа на животе в своем «боксе», и когда погружался в чтение, в первую очередь в чтение «Капитала» Маркса, то без стеснения выражал неудовольствие, когда приходили гости, чтобы отвлечь его внимание пустой болтовней или лагерными сплетнями...

Но наряду с углубленными занятиями у Бела Куна частенько возникало желание поспорить и даже поддразнить кого-нибудь. Тогда товарищи собирались у него в «боксе», и за полночь тянулись бесконечные политические споры, не раз переступавшие тесные границы «бокса», выходили на «просторы» барака, продолжались вокруг печки, привлекая к себе внимание различных обитателей барака, которые кто «за», кто «против» вступали в оживленные прения.

Политические враги Бела Куна (жандармские капитаны, помещичьи отпрыски, какой-то «демократический» граф и прочие), которые после Февральской революции стали проявлять живой интерес к политике, часто брали Бела Куна под перекрестный огонь...

С весны 1917 года Бела Кун уже регулярно делал доклады об экономическом и политическом учении Маркса. Авторитет его в лагере рос не по дням, а по часам, и так же росла к нему ненависть оголтелых врагов социализма.

Помню, как однажды, уже в дни Октябрьской революции, Бела Кун сказал о Ленине: «Неслыханно храбрый, отважный революционер! Такого вождя не знала вся мировая история».

12 апреля 1917 года в газете «Новая жизнь» было напечатано письмо «венгерского офицера социал-демократа к местной организации РСДРП».

«Великая катастрофа человечества — мировая война сумела, быть может, ослабить международную солидарность, но ни в коем случае не уничтожить ее.

Как член Трансильванского комитета венгерской социал-демократической партии и активный борец пролетариата (которого обстоятельства забросили в Томск) поздравляю вас и вместе с вами победоносную русскую социал-демократию, поздравляю во имя международной солидарности пролетариата.

С радостью и завистью смотрю на веселие и удивнтельные достнження революции и страстио жду того дия, когда мы сообща будем продолжать иаше общее дело — освобождение пролетариев всех стран, когда социал-демократня, выполияя историческую мнссию всего современного пролетариата, осуществнт великое дело всемирного освобождения.

Я хочу воспользоваться днями свободы, чтобы хоть письмеино поздравить вас, товарищ председатель томской социал-демократической организацин, н своих русских товарищей по партии.

Я был бы бескоиечио счастлив, если б мог поздравить вас или кого-нибудь из меиее заиятых товарищей лично у себя (в Новой городской больнице, где я иахожусь на излечеини). Да здравствует междуиародная социал-демократия, да здравствует революция!

С социал-демократическнм прнветом
Кун Бела,
председатель Рабочей страховой кассы в Коложваре (Веигрия), ныие военнопленный офицер».

Это первый известиый иам по печати отклнк Бела Куна на русскую революцию, отклнк интернациоиалиста.

Очевидно, вслед за иим установнл он более тесную связь с томскими большевиками, которые после победы Февральской революции вышлн нз подполья и смогли завязать более близкие контакты с интернациоиалистами, в первую очередь с группой Бела Куна, который, как вспомнкает В. М. Клнпов, прямо заявил ему, что «военнопленные мадьяры очень хотят помочь русской революции».

Но как ни хотели помочь, действовать нм было очень трудно, ибо оии оставались за колючей проволокой концентрациоииого лагеря.

Бела Куи обратился с прошением к местным властям. Попросил, чтобы ему позволили переселиться из лагеря иа частную квартиру.

«Военнопленному офицеру Куи Бела, подавшему прошенне в Томский комитет о разрешеиии ему прожнвать на частной квартире, объявить:

1. Он иа это права не нмеет.

2. За обращение непосредственно в комитет, что воспрещено... объявить Куи выговор».

Таков был лаконичный ответ властей, который разве что

привел в ярость Бела Куна, но никак не приостановил его деятельность.

Конкордия Степановна Востротина — она вместе с Татьяной Петровной Сибирцевой рекомендовала в свое время Бела Куна в ленинскую партию — так вспоминает о нем:

«С венгерскими интернационалистами, которые после Февральской революции содержались еще в лагерях для военнопленных, поддерживал связь Карл Карлович Ансон. В один прекрасный день он привел товарищей в городской комитет партии. Помню свою первую встречу с Бела Куном: он был в короткой шинели, в солдатских башмаках с обмотками на ногах. На лице его виднелись следы длительной голодовки в плену. Тогда он еще плохо говорил по-русски, и переводила нам Татьяна Петровна Сибирцева, знавшая немецкий язык.

Бела Кун стал приходить в горком чуть не ежедневно и выполнял разные партийные поручения. Он был руководителем венгерских интернационалистов, это мы поняли, но притом охотно брался за любую работу в горкоме. Помню, с каким усердием привел он в порядок нашу маленькую горкомовскую библиотеку, с каким воодушевлением распространял газету.

Очень скоро выяснилось, что Бела Кун необычайно образованный марксист, отлично ориентируется в вопросах международного рабочего движения, превосходный пропагандист и журналист.

Каково же было наше удивление, когда он однажды подошел ко мне и попросил, чтобы я и Татьяна дали ему рекомендацию в большевистскую партию... Мы знали, что он старый социал-демократ, опытный революционер, да и у нас уже вон какую развернул работу — нам казалось само собой разумеющимся, что он член партии. Но нет, все-таки... И как раз нам, самым молодым, мне и Сибирцевой, пришлось рекомендовать его, заслуженного революционера, в партию, хотя мы знали, что любой из членов губкома охотно сделал бы это.

...В Сибири, как известно, еще в мае стоят холода, и нашим венгерским друзьям было мучительно трудно. Бела Кун ходил в легкой шинелишке и башмаках. Я посоветовалась с товарищами, и мы взяли из нашей жалкой горкомовской кассы почти все наличные деньги, чтобы купить ему хотя бы старые валенки, на новые не хватило бы денег. Трогательное и вместе с тем комичное было зрелище, когда Бела Кун впервые в жизни надел валенки на ноги. Он радовался им как ребенок».

22 апреля 1917 года в той же газете «Новая жизнь» была напечатана статья Бела Куна, полная уверенности в победе пролетарской революции.

«Более ценного и лучшего подарка никогда ни один народ не дал страждущему человечеству. Русская революция грозно повелевает прекратить страшную бойню, остановиться — тогда кровавый туман, подымающийся с моря человеческой крови и застилающий все от взора народов Западной Европы, рассеется.

...Было бы трудно передать те чувства, — продолжает Бела Кун, — которые наполняют социал-демократа чужой страны, когда с непосредственной близостью его коснется веяние революции. Революционный русский пролетарий был всегда предметом нашей нежной, глубокой любви... Когда до меня, неосведомленного о положении дел в России человека, дошли первые вести о революции, я сперва чувствовал опасения и сомнения.

Марксист, подобно химику, всегда стремится анализировать социальные явления — и я искал те силы, которые смели царское самодержавие. Что большая часть этих сил принадлежала пролетариату, не подлежало никакому сомнению, но у меня рождались опасения, не является ли это только порывом, может быть преждевременным порывом, одним из тех, какие — как говорит Чернышевский в одном очерке о русском мужике — бывают в жизни каждого народа.

Теперь вопреки пытливым сомнениям марксиста я чувствую, что все было не только временным проявлением сил рабочего класса, но что рабочий класс твердо держит все в своих руках. Из доходящих до меня голосов рабочей печати, из все продолжающейся организационной работы я вижу, что революция состоит не из драматических эффектов, не является плодом экстаза, за которым могло бы последовать чувство разочарования, но что пролетариат наложил на революцию свой отпечаток...

Такая революция — дело не только одного народа, не только счастье и источник свободы одной страны — это такой мощный поток, который должен пройти всю Европу, пока вольется в великий святой океан свободы всего человечества» [1].

Так предвещал он ту революционную волну, которая под

[1] «Новая жизнь». Томск, №16, 22 апреля 1917 года. (Надо сказать, что статья эта была напечатана многими сибирскими газетами и оказала большое влияние на передовых военнопленных.)

влиянием Октябрьской революции прокатилась потом по многим странам Европы.

Вскоре после этого Бела Куна избрали членом Томского губкома РСДРП. И в это же время появились на русском языке его первые статьи в газете «Знамя революции» и журнале «Сибирский рабочий».

Октябрьская революция освободила пленных, которых до тех пор держали за колючей проволокой.

Еще за несколько дней до революции, как писал в своих воспоминаниях видный деятель венгерского рабочего движения Йожеф Рабинович: «...мы с неописуемой радостью, счастливые, перебрались в город. Офицеры молча и с ненавистью наблюдали за нашим переселением... и составили протокол, гласивший, что группа «изменников родины» переселилась в город без разрешения господина полковника.

— Дома мы еще поговорим с вами, господа, — сказал господин полковник в беспомощной ярости.

— Дома мы сами поговорим с вами, эх вы, трусливые псы! — весело кричали наши в ответ и радостные шли за повозкой, на которой перевозили нашу «мебель» и «посуду».

Новое жилье помещалось в тихом особнячке на Бульварной улице и состояло из трех комнат. Офицеров переселилось девять человек: Бела Кун, Бела Ярош, Карой Райнер, Имре Силади, Ференц Мюнних, Эрне Зайдлер, Дюла Гарди, Армин Кауфман и Вольфинер; из рядовых нас было двое — я и Тороцкаи, столяр из Коложвара...

Новые условия жизни влили в нас новую энергию, новые силы. Все мы были в бодром и боевом настроении.

Товарищ Бела Кун приносил из университетской библиотеки книги Маркса, Энгельса и Каутского на немецком языке, которые мы читали все по очереди. А вечерами он читал нам важнейшие известия из московских и петроградских газет».

Товарищ Рабинович рассказывает, как они установили связи с военнопленными, работавшими в городе, как устроили первые собрания, решили проводить их регулярно, как к ним присоединились пленные других национальностей. Собрания эти проводились уже в помещении губкома партии.

«Приходившие туда русские товарищи то и дело заглядывали в зал, прислушивались, качали головой, не понимая, что тут происходит. Секретарь, только недавно вышедшая из тюрьмы большевичка, просила русских товарищей не шуметь.

— А кто это такие, там в зале? — спросил вдруг какой-то пожилой мужчина, походивший скорее на крестьянина, чем на рабочего.

Секретарь, тихо и важно растягивая слова, объяснила:

— Мадьяры. Пленные. Тоже готовятся к революции. У себя на родине.

Старик смотрел, смотрел, потом тихо и неуверенно спросил:

— Они тоже большевики?

— Еще не все, но станут у нас большевиками, — ответила секретарь.

— Знаешь что, покажи-ка ты мне хоть одного мадьярского большевика, — попросил старик, но по интонации его чувствовалось, что все это кажется ему небылицей.

— Да вон как раз их вождь идет! — смеясь, воскликнула девушка и указала на выходившего из зала Бела Куна.

Старик крестьянин подошел к Бела Куну и схватил его за плечи.

— Верно, что ты австриец? (Русские обычно и венгров называли австрийцами.)

— Верно, — ответил Бела Кун.

— И большевик? — допытывался старик.

— Да, большевик.

— А те, в зале? — и старик указал в ту сторону.

— И те тоже, — ответил Бела Кун.

— А когда домой поедете, тоже революцию будете делать? — продолжал он допытываться, не сводя глаз с Бела Куна.

— Обязательно сделаем.

— Ну тогда — на, отвези своим товарищам австрийцам, — и он расцеловал Бела Куна в обе щеки.

Окружившие их русские коммунисты громко рассмеялись и захлопали старику, которого Бела Кун под руку повел в зал...»[1]

В конце 1917 года по вызову ЦК партии Бела Кун уехал в Петроград, где познакомился с Лениным и другими руководителями большевистской партии. Обогащенное ленинскими идеями, там и сформировалось окончательно революционное мировоззрение Бела Куна.

Начиная с этого времени, он постоянно сотрудничает в «Правде». Кроме вопросов русской и международной революции, он затрагивает в своих статьях проблемы венгерского рабочего класса и крестьянства, пишет о Венгрии, втянутой в мировую бойню, объявляет войну Габсбургской династии,

[1] Журнал «Шарло эш калапач» № 4 и 5 за 1930 год.

бичует оппортунистических руководителей венгерского рабочего движения. Из Петрограда приветствует он первую попытку создания рабочих Советов в Венгрии. Он первый в истории рабочего движения Венгрии призывает венгерских солдат повернуть оружие против угнетателей, последовать примеру русской революции, рабочих — захватить заводы, крестьян — отнять землю у помещиков и весь венгерский народ — с оружием в руках положить конец войне. «Итак, лозунгом пролетариев в самом скором времени будет не только: «Да здравствует III Интернационал», но и «Да здравствует власть Советов во всем мире!» — заканчивает Бела Кун свою первую статью в «Правде» 26 января 1918 года и 4 июля пишет уже о том, что «правительство хочет подавить рабочее движение с помощью силы... А от открытой диктатуры буржуазии недалеко до открытой диктатуры пролетариата» [1].

«Марксистская теория сделалась признанным учением пролетарского государства, рожденного революцией, — писал Бела Кун в статье о пензенском памятнике Карлу Марксу. — И уже потому, что диктатура пролетариата доводит революцию до конца, марксизм не сделается в России официозной теорией в том смысле слова, каким он стал в среде германской социал-демократии» [2].

В 1918 году выпускает Бела Кун свои брошюры: «Чего хотят коммунисты?», «Кому принадлежит земля?», «Кто платит за войну?», «Что такое советская республика?»

Эти брошюры оказали огромное влияние не только на попавшие в Россию сотни тысяч венгерских и других военнопленных, но и на массы рабочих и крестьян в самой Венгрии. Несмотря на все кордоны заградительных отрядов, они контрабандно прибывали в страну. (Переправкой их занимался сам Бела Кун.) А кроме того, вернувшиеся на родину и прошедшие «карантин» военнопленные на память приводили слова из этих брошюр, распространяли идеи Бела Куна о революции рабочих и крестьян.

Об активном участии Бела Куна в движении военнопленных я догадывалась уже в 1917 году. Один за другим покидали меня ученики, и всё под разными предлогами.

Надо сказать, что после Февральской революции многим пленным удалось бежать домой, а они только и делали, что

---

1 «Революция в Венгрии». «Правда», 4 июля 1918 года.
2 «Пензенский памятник». «Правда», 28 апреля 1918 года.

рассказывали, как их товарищи ведут себя в России, причем рассказывали по-разному. Офицеры ругали, честили изменниками родины всех, кто поддерживал русскую революцию, а солдаты говорили о их сочувствении. Когда в ноябре 1917 года большевики взяли власть, вернувшихся домой пленных мигом загнали в карантинные лагеря, где каждому вручили по длинющей анкете.

Помню, как один мой знакомый, вернувшись из такого карантинного лагеря, явился прямо ко мне и показал анкету, которую он должен был заполнить. Имя Бела Куна упоминалось в ней не раз, и именно в тех пунктах, где спрашивалось об участии в русской революции и об отношении к офицерам австро-венгерской армии.

Навещали меня и другие коложварские знакомые. Многие не участвовали ни в каких политических движениях, придерживались абсолютно мещанских взглядов, но война заставила их тоже задуматься, убедила, что и в Венгрии наступил кризис буржуазного общества и что-то должно случиться.

Я оказалась в очень затруднительном положении. То, что большинство учеников покинуло меня, это еще с полбеды — хуже было другое: едва я появлялась на улице, как знакомые окликали меня и непременно сообщали что-нибудь «приятное». «Бедная вы моя, — остановил меня однажды какой-то родственник, — и что только творит этот Бела Кун! Даже не подумает о том, что дома у него семья. Весь город говорит, что он изменник родины и, как только вернется, его тут же повесят. Что же с вами-то будет? Бедная вы моя!»; «С ума, что ли, сошел этот Бела Кун? — спрашивали другие. — Сражается на стороне большевиков, подбивает военнопленных, чтобы они стали на сторону революции и защищали русские Советы». Попадались и такие, что не смели даже пройтись со мной по улице: «Ваш муж участвует в русской революции: он предал родину». А еще другие рассказывали, как они ехали в поезде и слышали беседу двух офицеров; оба офицера заявили, что не успокоятся до тех пор, пока не привезут домой отрубленную голову Бела Куна.

Разумеется, такие разговоры доставляли мне мало радости.

Но разве могли не ненавидеть Бела Куна, который провозглашал такие истины (я читала их, конечно, только позже):

«...Для нового сражения, которое империализм навязывает пролетариату, нужно новое оружие, новый способ боя, новое объединение сил, которое не станет цепляться за старые мето-

ды борьбы, а во всем будет исходить из новых потребностей пролетариата...

Таким объединением пролетариата и является коммунистическая партия. Орудия ее: всеобщая забастовка и вооруженное восстание промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Метод: революция и гражданская война. Цель: немедленная международная социальная революция, превращение пролетариата в господствующий класс, установление пролетарской диктатуры, чтобы, подавив класс имущих и ликвидировав классовые различия, привести человечество «из царства необходимости в царство свободы...».

...Кончится господство привилегированных законодателей: чиновников и судей... Все должности будут заполняться путем выборов. Любое должностное лицо может быть смещено в любой момент, и жалованье его не должно превышать средний заработок квалифицированного рабочего.

...Пролетарская национализация будет заключаться не только в едином управлении производством, в объединении предприятий, но и в том, что заводы, мастерские, железная дорога, пароходства — все будет конфисковано у капиталистов.

Когда все банки, средства производства полностью будут в руках рабочего государства, третьей великой задачей... станет организация и регулирование потребления.

...В период социальной революции первоочередной задачей коммунистов является организация крестьянства с тою целью, чтобы оно немедленно захватило землю...»[1]

«Никогда не отдадут землю даром те, чьи предки сожгли на раскаленном троне вождя венгерского крестьянства Дёрдя Дожу и заставили восставших крестьян съесть его обгорелое мясо. Они слишком крепко привязаны, разумеется, не к земле, а к доходу, который получают от нее, не вкладывая никакого труда.

...Если сельская беднота будет действовать, а не ждать, что ей вернут землю, если она сама отнимет ее у захватчиков, только в этом случае и попадет земля в руки тому, кто единственный имеет право на нее: в руки трудовому народу.

Землю надо захватить революционным путем!

...надо воспользоваться оружием, которое дали нам в руки для угнетения наших же братьев, для захвата чужой земли, и употребить его для нашего же освобождения...»[2]

---

[1] Бела Кун, Чего хотят коммунисты? Москва, 1918 год.
[2] Бела Кун, Кому принадлежит земля? Москва, 1918 год.

«Мы поедем домой, товарищи... и дома снова встретимся, объединимся, но не под сенью нынешнего буржуазного строя, а тогда, когда коммунизм (большевизм) восторжествует не только в Венгрии, но и в Австрии, Германии и повсюду на Западе...» [1]

Да, правящие классы Венгрии не могли ждать ничего хорошего от Бела Куна, от десятков тысяч военнопленных, от венгерских интернационалистов, от миллионных масс отечественных рабочих и крестьян, обогащенных новыми идеями новой великой революции.

Но уничтожить миллионы тружеников — основу своей привилегированной жизни — они тоже не могли и поэтому решили покончить с их наиболее сознательными представителями — с коммунистами, и в первую голову с Бела Куном.

Меньше всего от Бела Куна довелось мне услышать о том, что делал он в те времена, особенно в 1918 году.

О самом себе, о своих деяниях он не любил распространяться. Если, бывало, и расскажет что-нибудь, то разве лишь в связи с кем-нибудь другим, с каким-нибудь событием... О самом себе и тогда бросит лишь несколько слов. По счастью, об этих днях мы можем узнать кое-что из воспоминаний современников.

Прежде всего мне хочется привести строки воспоминаний Яноша Ковача [2].

«В Москве стояла морозная зима. Десятки тысяч пленных сновали по Кучемовскому лагерю... В первую неделю марта 1918 года около полудня явился к нам в лагерь некий мадьяр в штатском. Невзирая на лютую стужу, он был в легких башмаках, легком пальтеце и в широкополой, довольно помятой шляпе. Вид у него был вполне господский, непривычный для

---

[1] Бела Кун, Подготовка учреждения КПВ, 4 ноября 1918 года.

[2] Янош Ковач попал на фронт совсем молодым деревенским парнишкой. С Бела Куном он познакомился в 1918 году в Кучемовском лагере (Москва). Горячо привязался к нему и был потом вместе с ним и в Москве и в Будапеште во время Советской республики. В 1919 году Ковача ранили на тисском фронте, он потерял ногу. После падения Советской власти в Венгрии мы утратили с ним всякую связь и только в 1959 году, в дни сорокалетия Венгерской советской республики, узнала я, что Ковач-маленький (так звали мы его все) жив: он приехал из Берегова в Будапешт на празднества вместе с группой ветеранов.

нас. Пленные тут же обступили его и начали спрашивать наперебой:

— А нельзя ли уже нас домой отправить?

— Товарищи! Если вы поедете домой, вас тут же всех погонят на итальянский фронт!

Услышав слова «товарищи» и «итальянский фронт», мы сразу притихли, замолкли.

...Весть о том, что в 23-й барак явился какой-то незнакомец, мгновенно облетела лагерь... и к нам набилось столько народу, что меня, например, совсем оттеснили к задним нарам.

Вдруг кто-то крикнул:

— Товарищи! — и снова: — Товарищи! Кому внизу места не хватает, пускай залезает на верхние нары!

Так-то оно так, но, если кто из чужого барака залезет к нам на верхние нары, глядишь, что-нибудь пропадет. Поэтому мы все забрались на свои места, а чужие остались внизу.

Когда шум приутих, кто-то объявил:

— Товарищ Бела Кун расскажет о том, что значит для нас русская революция и какие будут у нас обязанности.

Так мы узнали, кто этот мадьяр в штатском. Однако объявление показалось всем странным. Обязанности! Кое-кто начал роптать, но зычный голос Бела Куна перекрыл голоса недовольных. Бела Кун рассказал о том, как создался класс богатеев, как угнетают и поныне трудовой народ. Эта сторона вопроса меня не больно-то занимала, но чтобы землю отняли у бар, с этим и я был согласен...

Кончилось все тем, что я и еще пятьдесят моих товарищей вступили в Красную гвардию. Еще и потому вступили, что товарищ Бела Кун задумал так: мы пойдем в Венгрию с оружием в руках, потому что баре до последнего будут защищать свою землю и для того, чтобы победить их, нужна вооруженная сила...»

Очень интересно и достоверно рассказал об этом периоде в своих воспоминаниях Пал Гистл [1].

«Революционное правительство переехало из Петрограда в Москву в начале марта. Вместе с правительством товарища Ленина переехали и иностранные товарищи», — пишет Пал Гистл.

---

[1] Гистл Пал — ветеран венгерского рабочего движения.

«После прибытия в Москву товарищ Бела Кун явился в Красную гвардию, зная, что там много венгерских военнопленных. В Красной гвардии товарища Бела Куна встретили Ференц Янчик[1] и автор этих строк.

Товарищ Бела Кун обратился с речью к военнопленным, которые стали на сторону революции, затем побеседовал с товарищем Янчиком и со мной. Во время беседы сказал, что мы скоро учредим Венгерскую группу РКП(б) и будем издавать газету на венгерском языке. Узнав, что я наборщик, Бела Кун тут же поручил мне всю подготовительную работу. Потом, показав два номера венгерской газеты «Международный социалист», которая издавалась в конце 1917 года в Петрограде, он попросил меня сделать так, чтобы наша новая газета была лучше, так как русские наборщики в Петрограде набирали с таким множеством ошибок, что подчас нельзя было понять даже целые фразы.

24 марта 1918 года мы учредили Венгерскую группу Российской Коммунистической партии (большевиков).

После приезда в Москву, затем после посещения Красной гвардии товарищ Бела Кун увидел, что организации пленных, которые начали свою деятельность с защиты материальных интересов пленных, изменили свою линию и большинство военнопленных перешло на сторону Октябрьской революции. Многие пленные вступили в Красную гвардию и с оружием в руках защищали Великую Октябрьскую революцию против нашествия контрреволюционеров и войск интервентов.

Вокруг Бела Куна образовалась небольшая группа людей, члены которой считали себя коммунистами. Они чуть не каждый день навещали товарища Куна в номере гостиницы «Дрезден» (позднее этот номер стал помещением редакции газеты «Социальная революция»). Здесь товарищ Бела Кун рассказал нам о главных поворотных моментах в истории большевистской партии.

По желанию товарищей, посещавших эти доклады, и созвал товарищ Бела Кун 24 марта 1918 года учредительное собрание Венгерской группы РКП(б).

На этом собрании участвовали Бела Кун, Тибор Самуэли, Энре Пор, Ференц Янчик, Пал Гистл, Карой Майерхофер, Арпад Тубан, Виктор Кишка и другие.

Докладчиком был Бела Кун, секретарем — Энре Пор.

---

[1] Янчик Ференц (1882—1938) — токарь по металлу; видный деятель венгерского социал-демократического, затем коммунистического рабочего движения.

...После этого Бела Кун заговорил о структуре большевистской партии, о ленинской партии нового типа, которая воспитывает в своих рядах крепких бойцов, о партии, основой которой является учеба, активность и преданность, о партии, которая не знает пассивных членов... Под конец товарищ Бела Кун сказал, что наша партийная задача будет заключаться в организационной, агитационной и пропагандистской работе среди военнопленных. И в этой работе мы должны проявить всю свою активность, помня всегда, что мы хотим создать в Венгрии сильную коммунистическую партию.

После голосования Бела Кун объявил Венгерскую группу РКП(б) учрежденной и закрыл собрание. Вскоре после этого Московская группа решила два раза в неделю издавать на четырех полосах газету «Социальная революция».

Техническим редактором стал я, и на мою долю выпала довольно трудная задача, ибо в наборных ящиках, которые я достал, было слишком мало тех букв, что так часто встречаются в венгерском алфавите. После двух дней беготни и розысков мне удалось и это раздобыть.

Первый номер «Социальной революции» вышел 3 апреля 1918 года. В это утро все руководство Московской венгерской группы собралось в типографии. Мы волновались вместе с товарищами Куном и Самуэли. Наконец ротационная машина пошла, и все с восторгом и радостью встретили вышедшие из машины первые номера венгерской коммунистической газеты.

...Сразу после учредительного собрания руководство Московской венгерской группы РКП(б) решило создать двухмесячные агитаторские курсы. Поэтому обратились с воззванием к предприятиям, где работали военнопленные, с тем чтобы подавали заявления на агитаторские курсы.

...В начале апреля 1918 года Московская венгерская группа и комитет военнопленных обратились с общим заявлением к руководящим центрам пленных, работающих в разных городах страны, чтобы прислали делегатов на всероссийскую конференцию военнопленных, которая будет проведена с 14 по 18 апреля в Москве...

На конференции в числе прочих присутствовали Томан, впоследствии руководитель Австрийской компартии, Йожеф Рабинович, Шандор Келлер, Майтени, Фрейштадт, Хохфельдер, Карой Вантуш, приехавший из Донбасса, металлист Хорти из Саратова, доктор Маркуш из Сибири.

Кароя Вантуша, с которым Бела Кун был знаком еще с Надьварада, он встретил с большой радостью и, зная об

опыте Вантуша в рабочем движении, поручил ему руководство агитаторскими курсами.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила миллионные массы пленных в России. Уже в феврале, марте и апреле по всей России развернулась огромная работа по организации пленных.

В 1918 году Первое мая Московская группа праздновала уже вместе со всеми жителями Москвы.

На общем собрании Московской группы товарищ Бела Кун в ежемесячном отчетном докладе рассказал о том, что в Москву каким-то сложным путем пришло письмо из Венгрии и попало теперь в Венгерскую группу. В этом письме члены нелегальной антимилитаристской группы, а также левые социалисты посылают привет членам Московской венгерской группы и обещают вскорости установить с ними связь. По мнению Бела Куна, это письмо пришло из подпольной группы Эрвина Сабо.

С большой радостью и воодушевлением приняли мы сообщение товарища Бела Куна. Мы поняли: эта весть говорит о том, что и в Венгрии существует уже подпольное левое социалистическое рабочее движение, а ведь мы знали, что Эрвина Сабо поддерживает студенчество, участие которого в подпольном движении мы считали очень важным...

...Партийная жизнь в Московской венгерской группе протекала, я сказал бы, по-семейному. Каждый вечер собирались мы в небольшой столовке, где за скромным ужином товарищ Бела Кун рассказывал нам о последних новостях в международной политике, о дальнейших планах нашей работы, при этом все время спрашивая наше мнение.

Когда в группе уже прибавилось народу, мы начали встречаться на общих собраниях, где докладчиком выступал всегда товарищ Бела Кун, если только не был в командировке на фронте. Он очень любил, когда после его доклада все откровенно высказывали свое мнение. Любил, когда мы спорили. Частенько говаривал, что для коммунистов характерно желание выяснять истину в спорах. Товарищу Куну удавалось на этих собраниях создавать приятную для всех атмосферу. А когда кончалась повестка дня и он закрывал собрание, товарищ Кун никогда не поднимался сразу с места. Он оставался с нами и, по-товарищески беседуя, рассказывал всегда что-нибудь из прошлого социалистического движения. Мы все с удовольствием слушали его, так как для нас это было весьма поучительно.

6 июля 1918 года Советское правительство обратилось

к руководителю Московской мадьярской группы, к товарищу Бела Куиу с тем, чтобы слушатели школы агитаторов и группа, работавшая в Кремле, запаслись оружием, боеприпасами и немедлеиио, ио тихо вышли во двор Кремля, где уже выстроился взвод латышских стрелков, объедииились с иим и иаправились иа захват здаиия Главиого почтамта, заиятого восставшими эсерами.

Когда мы отправились на задаиие, нас было человек сто пятьдесят. Комаидиром отряда был товарищ Бела Куи, который взял себе в помощиики Тибора Самуэли. От Кремля до Главиого почтамта прошли пешком и иигде не столкиулись с противииком. Только когда уже приблизились к почтамту, иаш разведчик доложил, что иапротив здаиия стоит броневик и пулеметы его иаправлеиы прямо иа двери почтамта. Товарищи Куи и Самуэли посовещались с комаидиром взвода латышей, после чего комаидир взвода разделил семьдесят восемь красиогвардейцев иа три группы, которые с трех сторои виезапио иапали иа броиевик. Несколько мииут спустя взяли в плеи комаиду броиевика и овладели машииой. Мятежиики, засевшие в здаиии, ие заметили даже, что броиевик уже в иаших руках.

Во время взятия почтамта товарищ Бела Куи все время участвовал в боях, появлялся то тут, то там, воодушевляя красиогвардейцев, и сам тоже сражался с оружием в руках.

Шло уже очищеиие улиц и домов, прилегавших к почтамту, когда вдруг к лестиице, ведущей к парадиой двери, подъехала грузовая машииа, с которой соскочил какой-то эсеровский комаидир.

Не зиая, что почтамт уже иаш, ои приказал двум приехавшим с иим солдатам, чтобы оии сгрузили с машииы два пулемета и патроиы. Солдаты выполиили приказ, а мы тем времеием окружили приехавшего. Товарищ Самуэли попросил у иего докумеиты. Тот ие подчииился, так что мы обыскали его. Отияли иайдеииый в кармаие иикелироваииый пистолет и передали его товарищу Самуэли. Оба пулемета вместе с патроиами коифисковали, а плеииого повели к товарищу Бела Куиу, который вместе с советской комиссией из двух человек разбирал такого рода дела. Схваченный и тут не мог представить иикаких объяснений, и тогда его вместе с двумя солдатами и шофером грузовика отвели в штаб красиых.

Очищеиие от повстаицев улиц и домов, прилегавших к почтамту, прошло быстро. Уже на другой день работа иа почтамте шла полным ходом. На третий день во всей Москве восстано-

вился порядок, даже в окрестностях Покровских казарм, где было самое гнездо восстания».

Об этом же событии рассказывает в своих простых, от сердца идущих воспоминаниях и Ковач-маленький, который служил тогда в кремлевском отряде интернационалистов:

«...В один из теплых летних вечеров товарищ Бела Кун вернулся домой в Кремль. Видно было по нему, что в городе какая-то беда. Он бросил шляпу на кровать, а куртки даже не скинул. Сообщил всем товарищам, что на V съезде Советов эсеры ведут себя отвратительно. Требуют, чтобы Советская власть возобновила войну с немцами. Сегодня после обеда, — продолжал Бела Кун, — убили посла графа Мирбаха, чтобы Германия снова напала на Советы... Слушатели школы, — сказал Бела Кун, — должны с оружием в руках выйти из крепости (так именует Янош Ковач Кремль. — **И. К.**). ...Так оно и случилось. Я, например, стоял с винтовкой на часах там, где заседал съезд Советов (в московском Большом театре. — **И. К.**). Утром меня сменили, и я пошел обратно в крепость. Оттуда под руководством товарища Эрне Пора нас человек восемьдесят направилось к Главному почтамту. Здесь увидели мы Бела Куна, который казался уже очень утомленным. Когда мы прибыли, он отдал приказ идти на штурм почтамта. Несколько минут спустя мы подошли к самому зданию, где объединились с отрядом, который вел товарищ Самуэли. Так удалось нам взять обратно почтамт. До сих пор так и вижу перед собой товарища Самуэли, так и слышу, как он кричит: «За мной!»

После того как прочесали все здание, товарищ Бела Кун дал новый приказ: «К Покровским казармам!» — они были в руках эсеров. В одном из бараков возле казарм мы захватили отряд в двадцать семь человек и по указанию товарища Самуэли препроводили его в Кремль. Передав пленников, мы снова пошли туда, где был товарищ Бела Кун. Когда товарищ Бела Кун увидел меня, то крикнул:

— Ковач-маленький! Вы живы?

— А почему вы спрашиваете, товарищ Кун?

— Потому, что показалось мне, будто на одном из перекрестков вас пристрелили. Я еще сказал товарищам: «Бедный Ковач-маленький!»

...В это утро эсеры рассыпали по улицам Москвы клеветнические листовки против товарища Куна, в которых в числе прочего было сказано, что товарищ Кун немецкий шпион.

Я тому ничуть не удивился, так как видел, что товарищ

Кун был организатором и руководителем всей военной операции взятия почтамта.

Но недолго удалось нам побеседовать с товарищем Куном об этих листовках, потому что он надел куртку, шляпу и, сказав: «Я вынужден буду ответить им в «Правде», — ушел».

«...В середине июня 1918 года тридцать слушателей закончили школу агитаторов, — пишет в своих воспоминаниях товарищ Гистл. — Слушатели этой школы два месяца подряд по девять-десять часов в день изучали «Коммунистический манифест», общественные формации, историю венгерской социал-демократической партии и риторику. Кроме того, они получили кое-какое представление о капитализме и всемирной экономической географии....

У Московской военной группы было много друзей среди наркомов Советской России. В первую очередь это был товарищ Ленин, который не только высоко ценил, но и очень любил товарища Бела Куна и через него всю Венгерскую группу, которая, по его мнению, благодаря хорошей газете, выходившей дважды в неделю, агитаторской школе, томикам «Коммунистической библиотеки» и другим революционным делам вела успешную работу в интересах укрепления завоеваний Великого Октября».

После январской забастовки 1918 года, которая была сорвана руководством венгерской социал-демократической партии, Бела Кун привел в «Правде» слова Лео Франкеля[1]: «Лучше уж погибнуть в трущобах Парижа, чем участвовать в движении этих дармоедов». А дальше Бела Кун писал: «Ни один настоящий марксист не может оставаться в этой партии... В Венгрии неизбежно создание новой партии...»

Это было смелое и решительное заявление, предварившее новый этап в развитии венгерского рабочего движения.

В циркуляре от 26 февраля 1918 года Министерство внутренних дел Венгрии заговорило о вернувшихся из России бывших военнопленных в довольно нервном тоне. «Усложняет по-

---

[1] Франкель Лео (1844—1896) — выдающийся деятель венгерского и международного рабочего движения. Член I Интернационала, руководитель Комиссии труда и обмена Парижской коммуны 1871 года.

ложенне еще н то, — прнзнавалось мнннстерство, — что эти элементы былн непосредственнымн свндетелямн событий русской революцнн, таким образом, они пропитаны ие только идеями русской революцнн, но знакомы и с темн способамн н средствамн нарушеиня порядка, с помощью которых русские пролетарни осуществнлн свои цели. Контрабаидно провезенные через русскнй фроит брошюры буитовщического содержаиия...»

Деятельность завербованных секретных агентов н шпиков-добровольцев началась, очевндно, еще в 1917 году. Правда, большая часть нх доиесеинй пока мирно покоится в разлнчиых архнвах, недоступная нсследователям и неведомая нам. Будем надеяться, что когда-нибудь они выплывут на свет божий, н тогда многое прояснится, много нового узнаем мы н о революцнонной деятельностн Бела Куна и о тех тайиых преследованиях, которым он нздавна подвергался со стороиы врагов революции.

Одно нз такнх секретных донесений датировано 23 апреля 1918 года. Попало оно в австро-венгерское министерство военных дел нз Росснн. Это донесеиие, в числе прочего, просит обратнть вннмание на бывшего коложварского журиалиста, прапорщика запаса некоего Бела Куиа.

Другое секретное доиесение, от 1 нюля 1918 года, послаио в объединенное военное мнннстерство офицером Рнхардом Колбом. Он подчеркивает роль Бела Куиа, который органнзовал в Петрограде и в Москве «революцнонные школы для австро-веигерскнх поддаииых». В донесении упомииается и о том, что Бела Кун уже в Томске подстрекал к бунту военнопленных, призывал нх к нарушению дисциплины и к насильствеиным действням.

Тайиые донесения неслись н в посольства нейтральиых страи, с тем чтобы их вручилн военным властям австро-венгерской монархнн. Сотнями перечнслялнсь имена и точиые анкетиые даиные пленных, поступнвших в Красиую гвардию, а также их «грехн».

Прнбывавших на родину бывшнх военнопленных заключали в Кенермезейский карантинный лагерь, где онн подвергались строгому допросу. Об этом вспомииает Шандор Бейтеш:

«В первый же день военный судья вызвал меня к себе на допрос. Перечислив параграфы уголовиого кодекса, предупреднл, чтобы я честио признал свон связи с омской организацней н с русскимн большевиками. Особо были упомянуты нмена Лигети, Рабиновнча, Фодора и Бела Куна. Судья настанвал: «Вы должны былн нх знать, ведь зто онн вовлеклн вас в коммунистическое двнжение, чтобы вы н дома совершнлн революцию».

Больше трех месяцев таскали всех к следователям. Угрозами пытались выудить что-нибудь. С кем поручено установить связь? Какие даны адреса? Кто входил в омскую группу? И прочее и прочее. О Бела Куне спрашивали у всех прибывших из самых различных лагерей, даже и у тех, кто не был знаком с ним.

Министерство иностранных дел и полиция давали тайные поручения уничтожить Бела Куна. Такого же рода секретные приказы исходили от австрийских и немецких министерств внутренних дел. Подключились к ним, хотя война еще не кончилась, и державы Антанты: от них тоже шли донесения, указания, касающиеся Бела Куна [1].

После всего этого нет ничего удивительного, что министр внутренних дел Венгрии уже 28 февраля 1918 года обратился с призывом к местным властям взять под контроль вернувшихся из России пленных, что он потребовал изоляции пленных, «зараженных большевистскими идеями», устройства карантинных лагерей, где из них день и ночь «будут изгонять дух большевизма». И не мудрено, что после этого во время волнений в венгерских провинциальных городах военнопленные толпой сбежали из одного эшелона. И совсем не удивительно, что согласно приказу венгерского военного министра «против вооруженных дезертиров следует применять оружие без суда и следствия». И уже совершенно естественно, что о Тренченском и Печском солдатских восстаниях в губернаторском донесении говорилось: «...среди солдат 2337 человек из тех, что вернулись из России. Они-то и были зачинщиками восстания, эти люди, зараженные идеями большевизма».

После подавления Печского восстания функционировало восемь военных трибуналов, и, по официальным данным, в первые три дня было казнено двенадцать солдат. Сколько казнили неофициально и сколько пало в боях, об этом осторожно умолчали, а поэтому мы и до сих пор не знаем.

[1] Думаю, что розыски этих документов, во всяком случае в Венгрии, в Советском Союзе и в странах народной демократии, — задача, доступная историкам. Я все время говорю об этом, потому что накопление документов и фактов — основа создания правдивой истории. Как говорится, факты говорят за себя. Фальсификаторы истории это отлично понимали, потому что они не только искажали факты, но и прятали их, оставляя неразобранными ценные архивы, груды документов, свидетельствовавших о целых этапах истории нашей революции и послереволюционных лет.

С 14 по 18 апреля в Москве проходил Всероссийский съезд военнопленных. На нем присутствовало 400 делегатов от 500 тысяч пленных.

О подготовке к съезду и самом съезде Бела Кун написал в своих воспоминаниях о Тиборе Самуэли:

«В течение одной-двух недель мы готовились к учреждению нового агитационного центра, к изданию новой газеты, к организации интернациональной армии из военнопленных.

...Все это заставляло предполагать, что Всероссийский съезд военнопленных будет достаточно бурным. Среди пленных наметилось два основных течения. В одном собрались сторонники создания организации, защищающей интересы военнопленных. Возглавили их лица, не желавшие порывать с социал-демократическими партиями. Другой лагерь составила революционная группа коммунистов, которые рассматривали массовые организации военнопленных прежде всего как школу коммунизма, как сборный пункт интернациональных красных войск и намеревались заняться подготовкой кадров для будущих самостоятельных коммунистических партий австро-венгерской монархии. Перспективы борьбы на съезде были для нас не особенно благоприятными. Военнопленные страстно мечтали о мире, но еще сильнее были в их среде иллюзии о возможности мира. «Домой! Домой! Мы не возьмемся больше за оружие!» — таково было настроение большинства военнопленных. Но в это время немалую услугу оказала нам глупость императорского австро-венгерского правительства, которое, боясь (и не без оснований) революции, препятствовало возвращению военнопленных на родину...

Действовать нужно было быстро. По договоренности с тогдашним секретарем ЦК РКП(б) товарищем Свердловым и комиссаром Всероссийского бюро по делам военнопленных товарищем Иваном Ульяновым мы создали группу венгерских коммунистов при ЦК РКП(б). К организации этой группы проявлял интерес сам В. И. Ленин.

...На съезде военнопленных победу одержало наше направление. Вслед за венгерской группой образовались немецкая, румынская, югославская, чешская, а затем и французская коммунистические группы».

И, как мы можем прочесть в «Правде» от 18 апреля 1918 года, после приветственных речей русских рабочих и представителя революционного казачества первым поднялся на трибуну съезда Бела Кун, как председатель Мадьярской группы РКП(б). Он говорил на венгерском языке.

«Вернитесь домой, — сказал Бела Кун, — и подожгите

всю страну от края до края, сломите все препятствия на пути освобождения порабощенных. Превратите в пепел все замки, все дворцы, куда стекается ваше богатство и откуда широко разливается по стране нищета и голод. Зажгите все, как это делал Дёрдь Дожа (вождь крестьянского восстания XVI века в Венгрии)... без вооруженного восстания ничего нельзя сделать. (Мадьярские возгласы: «Да здравствует революция!»)

Товарищи, вы жили здесь, вы видели русскую революцию, она показала вам всем, что спасение пролетариата в его собственных руках...

Дома вам станут рассказывать, что отечество в опасности, и пошлют вас на французский и итальянский фронты или куда-нибудь в горы Балкан. Зачем воевать? За отечество? Но... это отечество буржуазии... Обратите свое оружие против своих офицеров и генералов, против дворцов. Пусть каждый из вас в своем полку будет учителем революции, расскажите своим братьям о том, что произошло здесь, скажите, что только революция может спасти нас».

Была принята резолюция:

«Массовое собрание военнопленных со всех концов России, состоявшееся 14 апреля в Москве, выражает свою солидарность с правительством рабочих и крестьян России и выражает свое глубочайшее возмущение против реакционных империалистических разбойников, которые навязали свободной России невыносимо тяжелый мир и все еще продолжают свои набеги на русские области.

Мы объявляем свое непоколебимое решение взять на себя революционную борьбу против наших правительств дома, в Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии, и не успокоиться до тех пор, пока у нас не будет низвержен капитализм, империализм и милитаризм и на их развалинах не будут воздвигнуты свободные республики Советов»[1].

Тогда же, весной 1918 года, при ЦК РКП(б) была создана Федерация иностранных групп.

На VIII съезде РКП(б) Ленин сказал об этой Федерации иностранных групп следующее:

«Я должен сказать, что здесь замечается настоящая основа того, что сделано нами для III Интернационала... Целые десятки членов этих групп были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий. Сотни тысяч военнопленных из армий, которые импе-

---

[1] «Правда» № 73, 16 апреля 1918 года.

риалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности не видной и в организационном отчете суммарной и краткой, работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной коммунистической партии» [1].

Председателем Федерации иностранных групп был избран венгерец Бела Кун.

Он был не только председателем, но и душой федерации, как это видно по всем документам.

Не моя задача, а дело историков рассказать о той поистине грандиозной работе, которую проделала федерация, особенно в 1918 году, не моя задача документально раскрывать слова Ленина, говорящие о том, что Федерация была основой того, что было сделано для учреждения III Интернационала. (После долгих десятилетий молчания и советские и венгерские историки приступили уже к этой работе.)

Подпись Бела Куна стояла вместе с подписями Ленина, Мархлевского, Либкнехта и Розы Люксембург и под воззванием о подготовке к созыву I конгресса III Интернационала.

Еще в феврале 1918 года участвовал он во главе отряда интернационалистов в боях на нарвском фронте, когда революция защищалась от нашествия полчищ германского империализма. В память об этих днях день 23 февраля стал отмечаться как день рождения Красной Армии.

Отряды интернационалистов, организованных Бела Куном, можно было встретить на всех фронтах гражданской войны: и в Конармии Буденного, и в Туркестане, и в Крыму, и на Волге, и в Сибири...

«Славно сражались интернационалисты. Большинство из них были мадьяры (80—85%)», — сказал Сергей Лазо об интернационалистах, сражавшихся под его началом.

Тысячи и тысячи отдали свою жизнь за освобождение советских людей, за освобождение народов мира, в том числе и венгерского народа.

В сентябре 1918 года отряд венгерских интернационалистов во главе с Бела Куном участвовал в разоружении анархистской контрреволюции. Бела Кун — в мировую войну он был командиром пулеметного взвода — с крыши одного дома

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 147, 148.

на Поварской (ныне улица Воровского) обстреливал из пулемета анархистов, восставших против Советской власти, и заставил их сдаться. Как он сам рассказывал, вдруг в один момент из всех окон повысунулись белые платочки.

Той же осенью Бела Кун отправился на уральский фронт. Там он встретился со своим старым соратником — Ференцем Мюннихом. Они снова вместе дрались против беляков.

О ноябрьских днях 1918 года мы можем опять прочесть в воспоминаниях Яноша Ковача:

«...В один из ноябрьских дней, после обеда, я пошел в гостиницу «Дрезден». И вдруг вижу, на улице огромная толпа, слышу, кого-то шумно приветствуют. Подойдя поближе, я увидел на одном из балконов товарища Ленина. Он произносил речь. Из его речи, часто прерываемой криками и рукоплесканиями, я, несмотря на то, что плохо знал русский язык, понял все-таки, что в Венгрии произошла вчера какая-то революция, но так как я опоздал, то все ж не понял точно, в чем дело. Вскоре товарищ Ленин закончил свою речь, а после него начал выступать стоявший с ним рядом товарищ Бела Кун. Сильным, могучим голосом произнес товарищ Кун что-то по-русски, потом заговорил по-венгерски: на митинге было очень много венгров. В числе прочих стояли тут же солдаты интернациональных отрядов, которые приехали на военную переподготовку. Ликованию и радости их не было конца. «Ребята, домой поедем! — кричали они друг другу. — Покончим с буржуазией!» И все спрашивали товарища Бела Куна: «Когда поедем?»

После этого дня военнопленные стали настойчиво готовиться к отъезду.

Бела Кун телеграфировал товарищам, которые жили не в Москве, чтобы они немедленно приезжали и являлись в помещение Венгерской группы.

...4 и 5 ноября мы собрались на партийное собрание. После доклада товарища Бела Куна о революционной ситуации присутствовавшие решили, что теперь надо перенести Компартию Венгрии в Будапешт.

...6 ноября 1918 года Бела Кун вместе с Кароем Вантушем и еще двумя товарищами уехали из блиставшей алыми огнями Москвы.

На площадях Москвы вспыхивали фейерверки. Со стен Кремля, из окон «Метрополя» и других зданий вытягивались сверкающие снопы прожекторов и вкось и вкривь пересекали Москву.

В такие праздничные часы провожал я на Александров-

ском вокзале вместе с другими товарищами тех, что уезжали домой.

Прощание с товарищем Бела Куном было трогательным для меня не только потому, что он уезжал, а я оставался, а потому еще, что тогда впервые поцеловались мы с ним.

...Я покинул Москву 10 января 1919 года и десять дней спустя встретился с Бела Куном на Вышеградской улице.

С какими надеждами провожали товарищи Бела Куна в Венгрию, с какими надеждами и даже уверенностью уезжал он сам, легче всего судить по его кратким строчкам, написанным в 1934 году:

«Перед началом революции в Германии и Австро-Венгрии в 1918 году я собирался ехать из РСФСР через Вену в Венгрию для создания Коммунистической партии Венгрии. Эта поездка не удалась. Я должен был вернуться с вокзала и через день отправился в Австро-Венгрию через оккупированную Украину.

Перед отъездом на вокзал я еще раз говорил с Яковом Михайловичем Свердловым, бывшим тогда секретарем Центрального Комитета РКП. Последние его слова на прощание были: «Я думаю, что Первый конгресс Коминтерна мы созовем уже у вас, в Будапеште». Вечером я еще успел побывать на фракции первого съезда комсомола в «Метрополе» (тогда это был Второй дом Советов), где шла отчаянная «драка» вокруг названия и задач комсомола.

Два-три взрослых товарища, которые знали, что я отправляюсь домой, прощались со мной и говорили, что Первый конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи должен будет собраться обязательно в советской Венгрии» [1].

Увы, исторические события далеко не всегда и не целиком зависят от желания и воли людей, даже тех, что мы привыкли называть творцами истории.

---

[1] Бела Кун, Как мы подготовляли Первый конгресс КИМа (Страничка воспоминаний). «Интернационал Молодежи» № 11—12, 1934.

ОБЫСКИ В НАДЬЕНЕДЕ И КОЛОЖВАРЕ

Я заметила, что ко мне что-то слишком часто стали наведываться «посланцы» Бела Куна из России. Они приносили разные вести, передавали привет. Сперва это мне не казалось странным, я думала: так подает он весть о себе. Но постепенно все больше брало подозрение: уж не полицейские ли агенты осаждают меня? Ведь о чем они расспрашивают? Получила ли я письмо от Бела Куна и когда он собирается домой. Настоятельные, стереотипно повторявшиеся вопросы окончательно убедили меня в том, кто ходит ко мне и с какой целью. И я решила отвязаться от этих «посланцев».

Некоторое время они и впрямь не беспокоили меня, и я уже подумала, что окончательно отделалась от полицейской любознательности. Но не тут-то было. Летом 1918 года, когда я гостила у родителей в Надьенеде, к нам явились вдруг два офицера в сопровождении двух солдат. Солдаты приставили винтовки к ногам и остановились перед домом, а офицеры — капитан и поручик — вошли в квартиру, извинились, спросили меня, потом моего отца.

Не скрою, я испугалась, однако виду не подала. Вошел отец и удивленно спросил офицеров, зачем пожаловали. Один из них ответил, что пришли к жене Бела Куна, узнав на коложварской квартире, что она гостит у родителей в Надьенеде. Потом попросили у отца разрешения поискать письма Бела Куна с фронта и из плена. Поначалу отец не понял, в чем дело, тогда они объяснили ему, что должны произвести обыск. Он страшно возмутился, сказал, что не позволит позорить свой честный дом и заявляет самый решительный протест. В ответ они предъявили ордер на обыск, и отец вынужден был сдаться.

Офицеры бросились шарить по всем углам, шкафам, но, как только нашли письма Бела Куна, тут же извинились и сказали на прощанье: не они виноваты, что пришлось причинить такие неприятности почтенному человеку, виноват Бела Кун,

который пошел против своей родины и принимает участие в русской революции. Потом, будто это им только что пришло в голову, попросили меня приехать в Коложвар, ибо, по сути дела, я проживаю там и там тоже могут найтись письма. Я не стала возражать. Знала, что это бесполезно.

В Коложваре, уже подходя к нашему дому, я заметила, что напротив в окне кафе сидит сыщик и ждет меня. Он сразу же поднялся к нам в квартиру и бесцеремонно приступил к обыску. Лазая по шкафам и комодам, преспокойнейшим тоном сказал, что жалеет меня: «Бела Куна-то, даже в его отсутствие, приговорят к смерти за измену родине, а как приедет, сразу повесят». Я ответила, что Бела Кун пока не собирается домой и пускай его не ждут. Тем временем явился офицер — военный судья, тот самый, что приезжал в Надьенед, забрал обнаруженные письма и обещал вернуть их дня через два-три, как только их прочтет.

Я заметила, что это частные письма, адресованные лично мне, и ему их вовсе незачем читать. Офицер улыбнулся, подумав, очевидно, как я глупа и наивна.

Писем этих я больше не увидела. Когда же попросила одного знакомого узнать у военного судьи, почему он не сдержал своего обещания и где мои письма, тот велел сказать мне, что сдал их в Пожоньский (ныне Братиславский) [1] архив. Обещание свое он забыл, чему я, конечно, не удивилась.

Вскоре после этого неприятного эпизода я уехала обратно в Надьенед, затем вместе с сестрой и дочкой вернулась в Коложвар, где продолжала давать уроки музыки.

В Венгрии события развивались с неожиданной быстротой, но как раз в обратном направлении, чем думали иные, например офицеры, что производили у меня обыск.

В октябре произошла буржуазно-демократическая революция. Социал-демократы вошли в Национальный совет и в правительство. Шандор Винце, который был членом Коложварского Национального совета, все время спрашивал у меня, когда вернется домой Бела Кун.

По всей стране ходили легенды о том, что он уже в пути и ведет за собой огромную армию из бывших военнопленных. Среди социал-демократических лидеров были и такие, что ду-

[1] По возвращении в Венгрию я обратилась в Чехословацкий институт истории партии с просьбой разыскать эти письма в Братиславском архиве, но пока они не найдены.

мали: Бела Кун будет поддерживать их в стремлении сорвать революционные действия рабочих и крестьян. И тщетно я толковала, чтобы они не очень-то ждали Бела Куна, ибо он все равно не станет их поддерживать, а пойдет против них, — мне не верили. Отвечали: «Пускай приедет, а там договоримся». Многие думали так: он возвращается домой, чтобы стать одним из руководителей буржуазно-демократической революции.

— Поглядите, он еще депутатом будет, а может, и того почище — государственным секретарем, — обрадовал меня один профессор Коложварского университета, когда я встретилась с ним на улице.

ОСНОВАНИЕ ПАРТИИ

А в ноябре он и вправду приехал, но не во главе армии.

Венгерские революционеры тогда еще воевали на русской земле в интернациональных полках Красной Армии, созданных Бела Куном и его товарищами — Тибором Самуэли, Ференцем Мюннихом, Кароем Лигети, Бела Ярошем, Лайошем Винерманом, Ференцем Янчиком, Дюлой и Иштваном Варгой, Йожефом Рабиновичем, Кароем Вантушем, Эрне Пором, Лайошем Гавро, Мате Залкой и другими.

Бела Кун прибыл в Будапешт нелегально, под именем доктора Эмиля Шебештьена. В Трансильванию не поехал, ибо, как рассказал позднее, у него были точные сведения, что там его арестуют. В Будапеште сразу же встретился с теми левыми социал-демократами, которых исключили из партии за оппозиционную деятельность. Повстречался он и с молодыми революционными социалистами.

Через день или два после приезда по поручению Ленина он уехал в Вену для переговоров с Фрицем Адлером[1]. А ко мне в Коложвар прислал товарища по фамилии Борчани. Товарищ Борчани сразу же сказал, что хочет поговорить со мной наедине, но я поначалу вовсе не желала с ним разговаривать. Однако то, что он рассказал, прозвучало так убедительно, что постепенно я прониклась доверием и решила поехать с ним в Будапешт, хотя Борчани даже записки с собой не привез, только деньги на дорогу и уверения, что к тому времени, как мы приедем, и Бела Кун будет уже там.

При содействии Коложварского Национального совета мне удалось взять три билета на поезд. (У нас гостил как раз отец Бела Куна, и он ни за что не хотел отпустить меня одну с незнакомым солдатом.)

Путешествие оказалось очень утомительным. Только ста-

---

[1] Адлер Фридрих (1879—1960) — лидер правого крыла австрийской социал-демократической партии.

рику удалось раздобыть место, а мы с Борчани всю дорогу стояли.

Утром прибыли в Будапешт. Пошли по указанному адресу на квартиру родителей жены Зайдлера. Встретили нас обидно непрнветливо. Теща Зайдлера даже не захотела впустить меня. Приоткрыв чуточку дверь, бросила через щелку, что дочери и зятя нет дома, а сама она ничего не знает. Уже собралась захлопнуть дверь, как вдруг вышел в прихожую ее муж. Он повел себя несколько любезней. Сообщнл, что, по его сведениям, Бела Кун еще не вернулся из Вены. Посоветовал нам поискать себе какое-нибудь прнстанище на ночь, потом вернуться к ним. Тогда либо зять, либо дочь будут уже дома и скажут что-нибудь более определениое.

Такая встреча поразнла меня. А еще больше поразило другое: после трех лет разлуки Бела Куну было важнее поехать в Вену на переговоры с Адлером, чем встретиться со мной.

Я очень опечалилась.

Потом вспомиила, что сказал Бела Кун перед женитьбой о революционном долге, и пусть даже не совсем, но утешилась все-таки.

Отправилась с товарищем Борчани искать номер в гостинице, где можно было бы переночевать.

Но поиски оказались тщетиыми. В Будапеште заседал какой-то конгресс, и все номера были заняты. До самого вечера ходили мы понапрасну. Я вернулась к Зайдлерам. Теперь прием был совсем иной. Жена Зайдлера ждала меня. Мы договорились, что отец Бела Куна пока остается у них, а я пойду ночевать к родственникам, скажу им, что приехала в Пешт, потому что кто-то вернулся из России и привез мне письмо от Бела Куна.

Так и сделала. Родственники обрадовались известию о письме Бела Куна, но сказали, что еще лучше, если б он сам приехал, им уж очень хочется узнать, наконец, что-нибудь достоверное о России, большевиках и революции. Мол, столько ходит слухов, н все разные, поэтому понять что-либо очень трудио, да и опыт, приобретенный Бела Куном в России, ох, как пригодился бы дома, простодушно заявили мои богатые родственники. Беседа затянулась до позднего вечера. Все подробности я, конечно, запамятовала, помню только одно, что речь шла о положении, перспектнвах и трудностях буржуазной революции н о том, будут лн Бела Кун с товарищами поддерживать ее.

Я устала с дороги и попросила разрешения лечь. Но вдруг

раздался звонок в дверь, вошел молодой человек и представился:

— Я Эрне Зайдлер — друг и товарищ Бела Куна.

Мы прошли с ним в другую комнату. Он извинился, что не был дома, когда я приехала.

— Я должен был ждать вас, но никак не предполагал, что вы так быстро приедете.

Объяснил, что мне приготовлен номер в гостинице, в той же, где нелегально поселился Бела Кун, но, если меня больше устраивает, я могу пойти на частную квартиру и там подождать, пока Бела Кун вернется из Вены.

Я так устала с дороги, от поисков жилья и разговоров с родственниками, что почти не слушала его. Сердясь, в сущности, на Бела Куна, всю свою обиду излила на Зайдлера: сказала, что ни на какую чужую квартиру не пойду и в гостиницу тоже не пойду, да тем более нелегально, я не знаю даже, как себя там вести, и вообще не привыкла к таким вещам. И еще сказала, что если Бела Кун не вернется до утра, то поеду обратно в Коложвар, а ежели он захочет увидеться со мной, пускай сам приезжает.

Пока я говорила все это, Зайдлер улыбался, думая, очевидно: бедняга Бела Кун, каково-то ему придется с такой мещанкой-женой. Потом промолвил на прощанье:

— Я вижу, вы очень устали. Что ж, ночуйте здесь, а к утру уже все будет в полном порядке.

И ушел.

Я легла и тотчас забылась глубоким сном.

Рано утром, не помню, в котором часу, меня разбудили.

— Какой-то старик срочно требует вас, — услышала я спросонья.

— Впустите его.

Передо мной стоял отец Бела Куна. Он был очень взволнован. Шепотом произнес, чтобы я немедленно оделась, потому что его сын Бела ждет у подъезда.

Можно себе представить мое состояние. Не знаю уж, как я оделась, помню только, с какой поспешностью попрощалась с родственниками и побежала вниз по лестнице.

Возле парадного стоял молодой человек в коричневой шубе с меховым воротником. Я подошла к нему. Он обнял меня и спросил:

— Сердитесь?

Я ответила:

— Очень.

Тогда он сказал:

— Ну, ннчего, только пойдемте скорей!

Мы селн в коляску. Там он поцеловал меня.

Шуба его распахиулась, н я, не зная, что сказать, в смущенин заявнла вдруг некстатн (хотя это была нстинная правда):

— Из какого плохого матернала сшит ваш костюм.

Старнка мы отвезлн к Зайдлерам. А самн покатнлн в гостнннцу, где меня запнсали г-жой Шебештьеи.

Даже в голову не пришло мне возражать протнв того, что еще вчера казалось такнм невероятным: я спокойно перешла иа нелегальное положеине.

Три года мы ие вйделнсь. Да и перед этнм былн вместе всего лишь полтора года. Когда его взялн в солдаты, я сразу переехала к родителям в Надьеиед, потому что ждала ребенка. Прежде чем попасть иа фронт, Бела Кун часто прнезжал ко мие на день нлн на два. Потом однажды вернулся и с фронта — больной, контуженый. Лежал в госпнтале. Как только выздоровел, его сразу же отправнли опять на фронт. Восемь месяцев провел он на поле боя и, как раз перед тем, как должен был прнехать в отпуск, вместе со всем корпусом попал в плен. Вместо иего прибыл солдатскнй суидучок н в нем «военные трофеи»: две пары грязного белья.

Сперва я часто получала открытки из плена, потом вести стали прнходить все реже н реже. Когда же разразилась Октябрьская революция, связь между нами совсем оборвалась. Я получила всего лишь одну радиотелеграмму, в которой Бела Кун сообщал, что он здоров н жнвет в гостинице «Дрезден».

И, несмотря на это, я все время слышала о нем. У тех, что возвращались нз плена, всегда находнлось что рассказать о Россин, о революцин, о Бела Куне. Правда, этн рассказы звучали не очень достоверно, но тем не менее я узнавала нз иих, что Бела Куи жив. А это было самое главное для меня.

Кое-кто нз бывших плеиных заснжнвался у меия до поздиего вечера, н мы с сестрой часами слушали рассказы о той, тогда еще иезнакомой нам страие.

Вериувшиеся офицеры в большиистве своем воспрннималн и революцию н Бела Куна чрезвычайно просто. Большевнкн — грабители, Бела Куи грабнт вместе с ними. Илн так: офнцеров, которые ие желают сражаться за русскую революцию и хотят приехать домой, Бела Кун вешает иа первой попавшейся сосне. (Поздиее, правда, те же «повешенные» офицеры

возвращались домой в добром здравии, однако сами распространяли такую же чепуху.) Рассказывали и о том, что Бела Кун миллионер; что он женился, взял в жены старую большевичку; что произнес в Москве такую речь, после которой толпа истребила всю интеллигенцию столицы. Толковали, что большевики казнили всех меньшевиков, Ленин убил Троцкого, а позднее Троцкий убил Ленина... Конца и края не было этим диким слухам, которым почти никто не верил, но все их повторяли.

Попадались среди офицеров (разумеется, не кадровых, а офицеров запаса) и такие, что говорили о русской революции серьезно и сочувственно, с большим уважением отзывались о Ленине, о его соратниках, особенно о Свердлове, но и о других тоже. О Ленине утверждали, что такого идеалиста еще свет не видел: всю свою жизнь отдает рабочим, хотя самому ему от этого никакой выгоды. И добавляли: пусть они и не согласны с ним, но все ж он достоин уважения и даже изумления.

Вернувшиеся из плена рабочие относились к русским событиям умнее. Подчас, не понимая их до конца, они все-таки нутром чувствовали, что это их революция, что речь идет об их освобождении. Роль Ленина объясняли простыми, но понятными словами.

Беседы с рабочими дали мне ответ на многие тогда еще непонятные вопросы. «Ленин — вождь рабочих всего мира, — говорили они. — Он стал во главе освобождения рабочего класса, показывает трудящимся, как надо бороться за свое освобождение». И про Бела Куна не городили они столько чепухи. Попросту говорили, что он вместе с товарищами по плену возглавил сотни тысяч военнопленных и участвует с ними в русской революции. Многие встречали его в Кремле, где, как они рассказывали с гордостью, у Ленина в охране стоят венгерские солдаты. И добавляли: в Венгрии должно случиться то же самое, что в России. Бела Кун с товарищами скоро придет и возглавит революционное движение, которое и в Венгрии принесет освобождение рабочему классу.

В эту пору я получила и от Бела Куна два письма. В одном он сообщал, что здоров и просит вместе с дочкой приехать к нему в Россию. Такого же содержания письмо привез мне и возвратившийся из плена актер Йожеф Баротн.

Будто и не было трех лет разлуки, будто только недавно расстались, будто он вернулся домой из служебной поездки — так просто и непосредственно встретились, так разговарива-

ли, так понимали друг друга с полуслова. Конечно, мы оба радовались этому (но признались друг другу только позже).

Сперва он расспрашивал о личных, семейных делах, о том, как живут его родители, как чувствует себя брат Шандор, которого тяжело ранили на войне: получил пулю в лицо, две — в легкие, больше года пролежал в госпитале, потом был снова отправлен на фронт. Бела Кун молча слушал мой рассказ про брата [1].

Затем спросил, кто из моих братьев был на фронте и где они сейчас. Когда я сказала, что старший брат на итальянском фронте и от него нет никаких вестей, Бела Кун опять ничего не ответил. Он-то знал, в каких трудных условиях были наши солдаты на этом участке фронта.

Потом поинтересовался, как мне жилось, пока его не было дома, и с огорчением поглядел на мою поношенную одежду. Но опять ничего не сказал.

Я вспомнила: если ему что-нибудь неприятно, он всегда молчит. А когда я упрекала его за это — ответ был один: «У меня достаточно широкие плечи, я уж как-нибудь и один выдержу. Мне костыли не нужны — люблю ходить на своих ногах». Такой уж был у него характер, изменить его я не могла, оставалось только смириться.

Расспрашивая про мою семью, он больше всего интересовался старшей сестрой Иоганной, которая после того, как я осталась одна, переехала ко мне. (С тех пор все сорок пять лет жила с нами. С ней вместе переживали мы и радости и горе. Из моих сестер и братьев Бела Кун больше всего любил ее. Был благодарен ей за то, что она воспитывала детей, пока я работала, и всю жизнь брала на себя все заботы о семье.

Во время революции и особенно в годы эмиграции все ласково называли Ханикой мою сестру Иоганну Гал, эту самоотверженную, вечно деятельную женщину, которая, к великому нашему горю, ушла от нас восьмидесяти пяти лет от роду, вскоре после переезда в Будапешт.

---

[1] Шандор Кун (1889—1937) — после окончания первой мировой войны вернулся в Трансильванию, служил агрономом. В 1925 году его, как брата Бела Куна, румынское правительство лишило работы. В 1930 году он вместе с семьей переселился в Советский Союз. Работал в различных сельскохозяйственных учреждениях и совхозах. В конце 30-х годов он погиб.

Не только мы, но и все товарищи любили и уважали ее. Кто бы ни приходил, она каждого обязательно накормит и напоит, о каждом позаботится, с каждым поговорит, каждого ободрит и утешит, если это нужно.

Она управляла всем нашим домом, вела хозяйство, стряпала превосходные венгерские блюда, чем Бела Кун очень гордился. Каждый месяц первого и пятнадцатого и он и я отдавали ей все жалованье. Если, бывало, Бела Кун забудет отдать гонорар за какую-нибудь статью, он тут же привлекался к ответу: «Бела, а вы разве не получили гонорар?» Смеясь, вытаскивал он из какого-нибудь кармана смятые бумажки, протягивал их сестре и совсем по-детски просил десятку на карманные расходы. «Зачем вам столько, ведь вы всем обеспечены?» — «А я хотел бы пойти с Ирэн в шашлычную».

После нескольких минут шутливого препирательства соглашались на пяти рублях. Но когда сестра выходила из комнаты, Бела Кун торжествующе вытягивал из кармана еще пятерку: «Эту я уже раньше припрятал». И смеялся, смеялся до слез. «Но только смотрите не проговоритесь», — предупреждал он меня.)

Агнеш было шесть месяцев от роду, когда отец видел ее последний раз. Фотографию дочки и мою он пронес через фронт, плен, гражданскую войну и привез домой.

Теперь, в ходе беседы, он спросил вдруг, как я воспитываю Агнеш.

— Надеюсь, не научили ее верить в бога! — И, не дождавшись ответа, тут же непререкаемо заявил, что впредь *он сам* будет воспитывать ее: — Хочу, чтобы стала хорошей коммунисткой.

И рассказал, что в России после взятия власти очень много сделали для пролетарских детей. Национализировали лучшие особняки, дворцы и передали их под детские сады, детские дома. Рассказывая, он пришел в такое возбуждение, что я подумала: вот пойдет сейчас отбирать пештские дворцы и виллы и отдаст их пролетарским детям.

(Помню, на второй день после приезда мы отправились с ним гулять в Буду, и он, указывая на великолепные особняки и виллы, сказал: «Видите, в таких домах живут в России Ленина дети пролетариев. И у нас будет то же самое, как только возьмем власть в свои руки».)

...И он задавал мне один вопрос за другим. Только позднее

заговорил о себе. Коротко рассказал о том, через какие прошел мытарства вместе с товарищами, участниками движения военнопленных, пока они добирались домой. Дорогой — так как он ехал под видом врача — пришлось даже лечить больных. Однажды ему хотели было всучить гонорар: лекарство, видите ли, помогло, что он выписал больному. Но охотней всего вспоминал о том, как его бранили в вагоне, всеми словами честили, «гадом-буржуем» называли, и все за меховую шубу. «А мне будто маслом по сердцу, — рассказывал он, — хотя того и гляди изобьют». Потом сказал, что Янчик, Рабинович, Фецко, Пор и Ваитуш уже здесь, вскоре вернутся и остальные товарищи. И тогда они вместе с оппозиционно настроенными социал-демократами и молодыми революционерами — Корвином, Хевеши, Мошойго и другими учредят Компартию Венгрии. Главной ее задачей будет революционизирование масс венгерских рабочих и крестьян. Массы должны понять, что социал-демократы не могут руководить революцией, что давно оторвавшиеся от рабочих лидеры не в силах, да и не захотят понять ситуации. Они и впредь будут вести рабочее движение в духе реформизма. Это и прежде было плохо, а «теперь уже и вовсе черт знает что!».

Потом спросил, как я отношусь к его деятельности в России и к тому, что он и дома собирается продолжать революционную работу. Я ответила: зная его прошлое в рабочем движении, считаю совершенно естественным, что он и в России стал на сторону революции и дома тоже будет бороться.

— Когда у нас производили обыск, — рассказала я, — и полицейские спросили: «Зачем понадобилось вашему мужу участвовать в революции чужой страны?» — я им так сказала: «Вы отлично знаете, что Бела Кун был левым социал-демократом, так чего ж удивляетесь, что он участвует в русской революции? Уж не думали ли вы, что он станет на сторону русской контрреволюции?»

— А они вам что ответили? — спросил Бела Кун.

— В сущности, ничего. Начали грубить.

— А вы?

— Не реагировала.

Еще раз одобрив его намерение продолжать революционную работу, я заметила, что венгерская буржуазно-демократическая революция не оправдала возложенных на нее надежд. Рабочие и крестьяне недовольны, и даже часть мелкой буржуазии сочувственно говорит о коммунистах. На одном митинге в Коложваре, где были не только рабочие, я увидела вдруг —

все задрали головы кверху. Спрашиваю, что они там выглядывают, и слышу такой ответ: «Бела Куна ждут. Говорят, он прилетит на самолете. А вслед за ним целая армия пленных придет. Они уж тут наведут порядок!» Я улыбнулась. Тот, кто ответил мне, не знал, кто я такая и чему улыбаюсь.

Как и всегда, когда речь заходила о нем, Бела Кун оборвал разговор, перешел на другую тему. Спросил, что поделывает его старый друг Шандор Винце. Винце в то время был директором Рабочей страховой кассы и членом Национального совета. Бела Кун прислал как-то на его адрес несколько брошюр, написанных им в России: «Кто платит за войну?», «Что такое Советская власть?», «Кому принадлежит земля?» Не знаю ли я, спросил он, что сталось с этими брошюрами? Я ответила, что Винце получил их, даже мне показал. А «Кто платит за войну?» оставил почитать, но только на одну ночь, строго-настрого запретив кому-либо рассказывать о ней: мол, могут выйти большие неприятности. В связи с этим я рассказала еще, что была на студенческом собрании, где выступал Винце. В конце речи он обратился к слушателям с призывом выйти на улицу, ибо там «бесчинствует чернь». Бесчинства заключались в том, что «чернь» хотела захватить фабрики. Крестьяне захватили уже помещичьи земли, кое-где прогнали помещиков, а у членов Национального Совета не хватало сил подавить эти движения. Они все просили помощи у Пешта. А помощь оттуда не приходила, вот и решили положить конец рабочим волнениям с помощью студентов.

Бела Кун удивленно слушал меня, потом, не скрывая радости, выразил удовлетворение, что я именно в таком духе рассказала ему о положении вещей, и добавил, что он даже не ожидал этого от меня. Потом, не скупясь на бранные слова, стал ругать почем зря Шандора Винце. Назвал его прогнившим социал-демократом и карьеристом. Меня похвалил:

— Я всегда знал, что могу на вас положиться, но теперь вижу, что мы и работать будем вместе!

Мне не хотелось портить ему настроение, опровергать создавшееся обо мне доброе мнение.

Что он может положиться на меня, это я знала, но буду ли работать в партии, в этом сомневалась, не считая себя ни достаточно зрелой, ни достаточно боевой. Были у меня и кое-какие предрассудки, для преодоления которых требовалось время. Бела Кун заметил мою неуверенность, но сделал вид, будто не придает ей никакого значения. Обещал на другой

же день познакомить меня с товарищами, сказал, что он уже встречался с ними и о многом договорился.

Вдруг кто-то постучался в дверь. Я вздрогнула. Мы были на нелегальном положении, и мне показалось, теперь-то и начнутся неприятности. Но Бела Кун спокойно заметил:

— Наверное, кто-нибудь из России приехал и надо позаботиться о жилье.

(Его вечное стремление заботиться о ком-нибудь было мне отлично известно. Внимательным и заботливым он был не только к своей семье, но и к семье в более широком смысле этого слова. Считал своим долгом всем помочь, устроить на работу, достать квартиру. Товарищи привыкли к этому и, едва у них возникала малейшая нужда, тотчас обращались к нему. И он никогда не отказывал. В Москве тоже, кто бы ни пришел на квартиру или в Коминтерн, он всегда внимательно выслушает каждого и, если нужно, даст рекомендацию для устройства на работу, в больницу, в дом отдыха, снабдит советами и только после этого отпустит товарища. Правда, с рекомендациями не всегда сходило все благополучно. Иногда, не очень хорошо зная того или иного товарища, Бела Кун все равно давал ему рекомендацию. Когда же выяснялось, что данное лицо недостойно поддержки, смиренно выслушивал упреки: «Да не будьте вы, товарищ Бела Кун, таким добросердечным». И он давал обещание и держал его до первого случая. По счастью, такие огрехи бывали редки, ибо большинство венгерских эмигрантов были достойны его поддержки, чем Бела Кун очень гордился.)

...Постучавший вошел в комнату, не дожидаясь ответа. Это был среднего роста черноволосый, смуглый мужчина. Увидев меня, он пришел в замешательство и начал усиленно извиняться.

Бела Кун представил его:

— Рабиновац. Хороший товарищ. Старый социал-демократ, активный участник движения военнопленных, инструментальщик... Садитесь, Рабиновац, и рассказывайте, что у вас нового с семьей, с невестой...

Рабинович (звали его, конечно, не Рабиновац, так ласкательно называл его только Бела Кун) вынул из кармана фотографию и гордо протянул мне.

— Моя невеста. Она, уже не помню, сколько лет, — сказал он, — ждет меня. Скоро поженимся. Очень славная девушка и, хотя я рассказал ей о своей революционной деятельности в России, не испугалась, согласилась со всем.

(«Согласилась со всем» относилось к революционной ра-

боте. Невеста его происходила из мелкобуржуазной семьи, и «Рабиновац» боялся, как бы не вышли осложнения с женитьбой.)

Бела Кун долго разговаривал с Рабиновичем, а я лежала смущенная и все думала о том, как можно так бесцеремонно врываться в спальню. Потом сама не заметила, как заснула. Когда открыла глаза, в комнате уже не было никого. И только хотела вновь заснуть, как раздался стук в дверь, и теперь вошел уже другой товарищ. Оказалось, кто-то еще приехал из России. «Товарищ Кун, куда его поместить?» Бела Кун ответил, но попросил по возможности не будить его больше, так как дело идет к рассвету, а он еще глаз не сомкнул. Утром же у него куча дел.

Так прошли первые дни после приезда.

Я познакомилась с молодыми товарищами: Тибором Шугаром, Илоной Дучинска, Отто Корвином, Дьюлой Хевеши, Иолан Штерн, Эржи Шипош, Палом Хайду, Лаци Борошем, Йошкой Ленделем, Йожефом Реван и Яношем Лекан — все они были участниками антимилитаристского движения. Чуть позднее познакомилась и с Анталом Мошойго, который именовал себя анархо-синдикалистом. (Воспитанник Эрвина Сабо, он, по сути дела, и был им, но до конца жизни героически боролся на стороне коммунистов. После падения Советской власти в Венгрии его арестовали, потом он попал по обмену в Советский Союз, где, несмотря на все принятые меры, безвременно скончался от тяжелого туберкулеза легких.)

Эти восторженные революционеры очень скоро установили связь с вернувшимися из России пленными и, полные энтузиазма, начали работать вместе с ними. Они уже до этого были связаны с действовавшей в Венгрии группой русских военнопленных, которыми руководили Юстус, Урасов, Меллер и другие, в свою очередь тоже связанные уже с «Клубом Галилейцев», с левыми социал-демократами и левыми участниками профдвижения.

С Юстусом и Урасовым Бела Кун встретился почти сразу после возвращения на родину. Рассказал им о своих планах создания новой партии и выпуска коммунистической газеты. Русские товарищи немедленно предложили свои услуги и активно включились в коммунистическое движение Венгрии.

(Владимир Юстус вступил в РСДРП восемнадцати лет. Участвовал в революции 1905 года. Он состоял в дружеских отношениях с сестрой Ленина, с Анной Ильиничной Елизаровой. Эта дружба продолжалась до конца жизни Юстуса.

В Венгрню Юстус попал в 1912 году как полнтэмнгрант н с той поры был связан с рабочнм двнжением Венгрии. Он выучнл язык н всячески старался передать свой революционный опыт венгерскнм рабочнм.

Бела Кун говорнл о Юстусе всегда с большнм уваженнем, счнтая его образцом настоящего большевнка.)

С русскнм военнопленным Владнмнром Урасовым Бела Кун встретился впервые в Венгрнн в 1918 году, когда мы жнлн еще в гостнннце «Савой» в качестве супругов Шебештьенов. Урасов располагал большнмн познаннямн н опытом в революцнонном рабочем двнженнн. С 1906 года был он членом уральской организацнн большевнков, прннадлежал к так называемым «боевнкам». Он был завсегдатаем царскнх тюрем, ссылок, до дна нзведав все этн прелестн самодержавия.

Когда в ноябре 1918 года Урасов встретнлся с Бела Куном, с первых же слов выясннлось, что у них уйма общих знакомых по Уралу. (В середнне 1918 года Бела Кун воевал на Урале.) Урасову очень понравнлось, что Бела Кун выговаривает русскне слова на уральский лад, а Бела Кун обрадовался, что ему довелось встретнть в Будапеште уральского рабочего. Он тут же прнвлек его к подготовнтельным работам по учрежденню партнн н выпуску газеты «Вереш уйшаг». Урасову вместе с Зайдлером была поручена органнзацня тнпографнн.

Сам Урасов так вспомннает об этом: «В декабре 1918 года в нашей тнпографнн набралось уже порядочно матернала для выпуска первого номера «Вереш уйшага». Как-то вечером мы началн печатать газету. Колесо прншлось вертеть рукой, н, для того чтобы отпечатать хоть однн номер, нужно было затратить большне уснлня. В этот нсторнческнй вечер мы все обливалнсь потом. Лайош Неметн н я по очередн вертелн колесо. Помогалн нам н члены ЦК: Бела Кун, Бела Санто, Отто Корвнн, Бела Ваго. Но работа продвнгалась медленно н плохо. Бела Кун все упрекал нас: «Хуже тнпографнн уж не моглн найти!» И попросил разыскать еще какнх-ннбудь русских товарнщей, чтобы онн помогли вертеть колесо. Не прошло и часу, как я прнвел пятерых надежных людей, но дело все равно не пошло. Тогда Бела Кун решнл, что надо найтн лучшую тнпографню н поблнже к центру. Нашли. На новом месте машина печатала так быстро, что мы едва успевалн складывать номера...»

Урасов участвовал во всех делах молодой КП Венгрнн. И не случайно, что Бела Кун послал к Леннну как раз его и Лайоша Немети (которого он знал еще по Москве). В 1918 го-

ду это было опасное путешествие. Чтобы донести Ленину слова Бела Куна, пришлось пробираться через фронты и десятки кордонов.

(Сейчас Урасов живет в Москве. Недавно ему исполнилось семьдесят семь лет. Но когда он вспоминает о «лучшей поре жизни», о венгерской революции, глаза его все еще молодо блестят. Лайош Немети живет в Будапеште. Ему тоже за семьдесят, но он еще живо рассказывает о Ленине, о Бела Куне, о русских и венгерских пролетарских революционерах, о «большом путешествии» из Будапешта в Москву и обратно.)

Я познакомилась и с другими товарищами — основателями партии: с Бела Санто и его женой, с Ене Ласло, Ласло Рудашем и другими.

Вскоре Бела Кун представил мне и Дюлу Альпари, который был его старым другом и известным деятелем социал-демократической оппозиции. (В 1907 году Альпари был на Штутгартском конгрессе и по возвращении оттуда с величайшим уважением рассказывал о Ленине. В 1910 году Альпари исключили из социал-демократической партии за оппозиционную деятельность. В 1911 году руководство II Интернационала утвердило исключение Альпари, несмотря на возражение Ленина и Розы Люксембург. После этого он вынужден был заняться журналистикой, чтобы прокормить свою семью. Когда Бела Кун вернулся на родину, он сразу связался с Альпари, который, к радости Бела Куна, хорошо ориентировался в событиях русской революции и одобрительно относился к деятельности Бела Куна в России. Через некоторое время Альпари согласился и с необходимостью учреждения компартии. Поставив крест на своей журналистской работе, он в полную силу включился в борьбу Компартии Венгрии. После поражения революции стал борцом международного рабочего движения. Больше двух десятков лет редактировал газету «Инпрекор», которая выходила на шести языках. Его преследовала полиция всего мира. И наконец, он попал в лапы немецких фашистов. Они уничтожили и его и жену в 1944 году, тогда же, когда казнили Тельмана.)

Несколько дней спустя познакомилась я и с Шандором Сабадошем. Он первый дал в свое время Бела Куну читать «Капитал» Маркса, за что Бела Кун был всегда ему благодарен.

С этими товарищами мы встречались ежедневно. Шла лихорадочная подготовка к созданию новой партии.

В гостинице мы еще жили под чужой фамилией, но все уже знали, что Бела Кун вернулся из России. Более того,

знали, что он в Будапеште. Скрываться дальше не было смысла.

Бела Кун отправился в полицию, отрегулировал все формальности и принял свое имя. Он стал снова Бела Куном, а я Ириной Кун.

Квартиры у нас не было, несмотря на все усилия товарищей раздобыть нам какое-нибудь жилье.

Отца Бела Куна мы вскоре проводили домой, а мне пришлось еще некоторое время остаться в Пеште.

В 1926 году Бела Кун написал небольшую статью для стенной газеты клуба политэмигрантов. В ней он коротко рассказал о создании Компартии Венгрии. Я позволю себе привести выдержки из нее, как из наиболее достоверного свидетельства:

«Прибыли мы 17 ноября. Уже в Москве было принято решение о безотлагательном создании партии. Там же было решено, что она будет называться коммунистической. Если память мне не изменяет, наша партия была второй по счету коммунистической партией. В гостинице, где нам с большим трудом удалось получить номер, я принялся за чтение социал-демократической литературы военного времени, с особой тщательностью изучал журнал «Социализм».

Я читал различные перлы социал-демократической литературы военного периода и одновременно направил посыльного на квартиру Эрне Зайдлера... Он пришел и рассказал, что левые социал-демократы хотят создать сообщество и назвать его кружком Эрвина Сабо. Он, мол, пришел как раз с учредительного собрания.

Рассказал, что там были Бела Санто, Бела Ваго, Ене Ласло, Карой Янчо и Ласло Рудаш.

Я попросил Зайдлера передать Ваго, Ласло, Санто и Янчо, что мне хотелось бы встретиться с ними, если можно еще ночью, но самое позднее на другой день. Тут же ночью занялись мы поисками командированных домой слушателей московской партийной школы.

На следующий день в гостиницу «Савой», находившуюся на кольце Йожефа, пришел Бела Ваго... Ваго и Ласло подробно ознакомили меня с событиями октябрьской революции [1]. Они же информировали меня по разным персональным вопросам:

---

[1] Имеется в виду венгерская буржуазно-демократическая революция.

кто где находнтся, к какому крылу примыкает, кто стал социал-шовнннистом, кто участвовал в кружке пацифистов во время войны. Рассказалн и о том, что, кроме кружка Эрвина Сабо, в стадни организацин находится нечто вроде партни иезавнсимых соцналнстов и она отправнла уже в типографию какое-то воззвание.

Выяснилось, что группа, руководнмая Ваго — Санто — Ласло, поддерживает связь с кружком революционных пацифистов-синдикалнстов Отто Корвнна.

Налажены связн и с большннством заводов, в том чнсле с Чепелем, заводамн Вольфиера, Ганца, с Матяшфельдом, Асодом, Альбертфальфой. (Эти заводы стали впоследствии первымн островкамн коммуннстической партнн.)

Кое-что рассказали и о группе Хевешн — Комьята, которая к этому времеин собнралась уже нздавать журнал «Интернационал», — впоследствии мы взялн его в свои руки. После того как коротко обсудили текущий момент, я рассказал о плаие создания партии. На вечер мы назначнлн свидание с Санто и Корвнном.

Вслед за этим Ласло обошел весь город, поговорил с руководителями различных групп, находнвшихся на разиой стадни развития: ннчего не предпрниимать, пока не будет решен вопрос о созданнн коммунистнческой партнн.

Ласло Ваго, а поздиее Корвин н Санто прндержнвалнсь той точкн зреиня, что еше не пришло время для создаиня самостоятельной партнн.

Я считал, что еслн при создавшейся в Венгрии ситуации мы хотим объединить революционные элементы, то необходимо иемедлеиио развериуть зиамя коммуиистической партии.

Вечером мы еще спорили... 20-го иачались перманеитные переговоры о создаиин партии...

...Ваго и Корвин поддерживалн связи с заводами, Саито и Ласло — с профсоюзами.

Выясиилось, что ряд главиых довереиных н довереиных, особенно среди металлистов, настроены решительио революциоино и не согласны с пропагандируемым социал-демократической партией классовым перемирием.

Зайдлер ведал контактами с военными. Вскоре нам удалось связаться с бывшнми военнопленными, вернувшимися нз Москвы, слушателямн партийиой школы. Мие ежедиевио прнходнлось беседовать с людьми — на каждый деиь приходнлось по двадцать-трндцать человек, — прилагая все уснлия к тому, дабы каждого убеднть в том, что организация партин — необ-

ходимая предпосылка для дальнейшего развития революции, а стало быть, и установления диктатуры пролетариата.

Я только диву давался, какой притягательной казалась идея необходимости диктатуры пролетариата, власти Советов.

Все очень быстро поняли, что лишь заводы могут стать базой движения.

Это были замечательные дни, переговоры шли успешно, и только необходимость создания партии воспринималась с трудом.

Некоторые товарищи — старые участники революционного движения — думали, что, может быть, еще удастся завоевать социал-демократическую партию, а большая часть считала, что от организации самостоятельной партии следует пока воздержаться из-за профсоюзов. Молодые, у которых не было глубоких корней в рабочем движении, склонялись больше к синдикализму и вообще не очень-то осознавали необходимость партии. Осторожно, окольными путями пытался я их убедить.

...Еще велики были колебания, когда мы пришли к решению, что 24-го соберемся в более широком кругу... для решения вопроса об основании партии... Кого приглашать, мы решали вместе с Ваго, Ласло и Корвином.

Хотя были еще некоторые шатания, но даже колебавшиеся чувствовали, знали, что 24-го на улице Варошмайор собирается учредительное собрание Коммунистической партии Венгрии...»

Я присутствовала на учредительном собрании партии. Как мне помнится, на повестке дня стояли два главных вопроса: учреждение партии и издание газеты. Собрались на квартире у инженера Йожефа Келена, старшего брата Отто Корвина. Келен с женой тогда уже сочувствовали коммунистам и, оставив ключи от квартиры, сами ушли из дому. Когда собрание кончилось, Корвин взял ключи к себе, с тем что вернет их брату.

В собрании участвовало человек тридцать-сорок. В числе их было много рабочих. Из старых членов социал-демократической партии присутствовали Эде Клепко, Аладар Хикаде, Ференц Янчик, Арпад Фецко, Реже Сатон, Бела Матужан, Реже Фидлер, Карой Вантуш, Йожеф Рабинович, Шандор Келлнер, Бела Санто, Эрне Зайдлер, Ене Ласло и другие. От революционных социалистов пришли: Отто Корвин, Эржи Шипош, Йожеф Реваи, Имре Шаллаи, Янош Лекаи, Антал Мошойго.

Докладчиком по обоим вопросам повестки дня был Бела Кун. После него выступили очень многие. У каждого нашлось какое-нибудь предложение. Раздавались доводы «за» и «против». Нужна ли уже новая партия или рано ее учреждать? Должна она быть легальной или подпольной? Какую следует издавать газету? На скольких полосах ей выходить, под каким названием, кому быть в редколлегии?..

По прошествии сорока с лишним лет трудно вспомнить все детали этого исторического собрания. Во всяком случае, здесь произошло объединение участников русской революции, старых участников венгерского рабочего движения, несогласных с политикой социал-демократии, и молодых деятелей антимилитаристского движения. Объединение произошло под знаком того, что необходимо создать партию, способную руководить грядущей революцией.

Дома после собрания мы до самого утра не сомкнули глаз. Бела Кун вслух повторял каждое выступление, предложение и давал свою оценку.

Большинство участников учредительного собрания были рабочие, и в этом видел Бела Кун залог успеха предстоящего дела. Правда, у него то и дело возникали сомнения. Больше всего опасался он пережитков социал-демократизма, которые явно выявились во многих выступлениях, однако надеялся, что рабочие перевоспитаются по ходу революции.

У меня лично после этого собрания было одно главное ощущение: что все полны, одержимы желанием действовать. Казалось, эти товарищи тотчас возьмутся за дело, начнут издавать газету, пойдут агитировать на заводы, в казармы, повсюду, где только можно найти сторонников для новой партии.

Так оно и случилось.

Организационная работа пошла полным ходом. Через несколько дней было созвано второе организационное собрание. Там присутствовало уже человек восемьдесят-сто.

Вскоре я поехала обратно в Коложвар, чтобы попрощаться с родителями, учениками и вместе с дочкой окончательно вернуться в Будапешт.

Велико же было разочарование, когда выяснилось, что я приехала одна. Бела Куна ждали не только его семья и мои родные, но также члены Национального совета, в числе прочих и Шандор Винце. Последние очень обиделись, что Бела Кун не приехал: сочли это изменой трансильванскому рабочему движению. Я объясняла, что он очень занят созданием

новой партии, выпуском газеты, и уверяла, что, как только он выберет время, сразу же приедет сюда. Учреждение новой партии им уже вовсе не пришлось по вкусу. Они не хотели новой партии, тем более коммунистической. Шандор Винце ругательски ругал Бела Куна: «Он только делу вредит. Ведь можно было бы работать вместе, в рамках социал-демократической партии. Раскол льет воду на мельницу врага». И Винце решил поехать в Будапешт, чтобы свернуть Бела Куна с этой опасной стези. Он был абсолютно уверен, что это ему удастся.

И ошибся. Винце не удалось убедить Бела Куна. Тут-то и кончилась их дружба. Они стали политическими врагами. Во время диктатуры пролетариата противоречия между ними внешне как будто сгладились, но, по сути дела, не исчезли. После падения Венгерской коммуны Шандор Винце эмигрировал в Америку и оттуда вместе с Ференцем Гендером посылал свою брань в адрес коммунистов и Бела Куна.

Недели две жила я в Коложваре, когда вместо Бела Куна явился товарищ по фамилии Мондок и сказал, что Бела Кун прислал его за мной и за дочкой. «Сам он приехать не может, занят. Просил передать, чтобы вы как можно скорее выехали в Будапешт».

Я попрощалась с родителями. Это было нелегко. Отец расплакался и сказал: «Никогда больше я тебя, дочка, не увижу».

И он оказался прав. Больше мы не увиделись с ним никогда.

Я приехала с Агнеш в Будапешт. Радость Бела Куна трудно передать. Он взглянул на дочку, глаза его заблестели, хотел взять ее на руки, но девочка отстранилась, не пожелала признать его отцом.

В Коложваре она рассказывала каждому встречному, что отец у нее военный, что живет он в лагере военнопленных, и даже точно называла адрес. Быть может, потому, что она представляла отца в военной форме, этот штатский мужчина показался ей чужим.

— Это не мой папа, — сказала она и прильнула ко мне.

А жилья у нас все еще не было.

Как-то я спросила:

— Где ж мы жить будем?

И Бела Кун ответил:

— Не бойтесь, все будет в порядке. Пойдемте со мной.

И мы отправились на проспект Ракоци, 36. Поднялись на пятый этаж без лифта. (Но что это составляло для нас сорок шесть лет назад?!) Почти бегом добрались мы доверху. Постучали. Дверь отворилась. Нас радостно встретила молодая чета. Пригласила войти. Квартира мне очень понравилась, только я никак не могла понять, наша это квартира или нет.

Бела Кун познакомил нас. Оказалось, что мы пришли к его другу и соратнику Карою Вантушу. Когда он и его жена узнали, что я приехала, а квартиры у нас все еще нет, то предложили на время свою, пока они поедут в Надьварад навестить родных.

Сколько были Вантуши в отъезде, я уже не помню. Но кажется, путешествовали недели две-три, чтоб нам было где жить.

Наконец уладился вопрос и с нашим жильем. Мы поселились на улице Ндиек (ныне улица Гезы Кресс), неподалеку от Вышеградской.

Дали знать об этом Вантушам. Они приехали вскоре и, смеясь, рассказывали, какая радость была для них, что нам негде оказалось жить: «Пришлось поехать в свадебное путешествие, а после стольких лет разлуки это было для нас весьма кстати».

Переселившись на новую квартиру, мы ходили обедать в соседний ресторанчик, излюбленное место молодых коммунистов. Частенько заглядывал туда и Бела Кун, чтобы встретиться с ними. Он всегда приносил с собой веселье и жизнерадостность.

В эти недели почти каждый день случалось какое-нибудь происшествие. Однажды Бела Куна попытались убить на улице, потом на него наставили винтовку в казарме 32-го гарнизонного полка, затем в другой казарме.

Бела Кун, улыбаясь, рассказывал за обедом, что это добрые приметы. Все больше и больше народу встает на сторону коммунистов, потому и приходится реакции прибегать к подобным методам.

Помню, это был уже январь, когда впервые увидела я его погрустневшим. Пришла весть о том, что умер Эндре Ади.

Не дано было дожить ему до «настоящей революции». Тяжелобольному поэту, постепенно утратившему и сознание и речь, не удалось стать даже свидетелем тех массовых движений, которые предшествовали пролетарской революции.

Бела Кун не скрывал слез. Прерывающимся от волнения голосом прочел он строки:

Доколь мерзавцам быть у власти,
А нам, как трусам, их терпеть?
Доколь, народ венгерский, в клетке
Тебе скворцом скакать и петь?

О Венгрия, край скорбных нищих!
Нет веры в нем, нет хлеба в нем.
Но ты, грядущее, за нами,
Когда решимся и дерзнем! [1]

— Решимся и дерзнем, — заключил он непререкаемо.

Жена доктора Хуго Лукача, художница Ильма Бернат (несколько лет назад умерла она в Будапеште), в ноябре 1918 года навестила Эндре Ади. Об этом посещении она написала мне следующее:

«Я застала Ади сидящим в их маленькой, уставленной цветами прихожей. И спросила его: «Почему у тебя такие испуганные глаза, как у кошки во время грозы? Ведь настала революция, которую ты так ждал». Ади горестно скривил губы. «Это не та революция, — сказал он. — Уже едут домой из России венгерские солдаты, и Бела Кун тайком посылает в их солдатских башмаках и брошюры и настоящую революцию; вот когда вернется домой Бела Кун с товарищами — а этого уже недолго ждать, — тогда и будет настоящая революция».

После обеда, если ему ненароком удавалось забежать домой, он беседовал с дочкой. Агнеш постепенно подружилась с ним, но особенно тесной стала их дружба после того, как отец объяснил, что не всегда следует слушаться взрослых. Свою программную речь о воспитании он закончил словами: «Да здравствуют освобожденные дети!»

Агнеш была абсолютно покорена и теперь слушалась только отца.

Бела Кун был счастлив и горд, что достиг таких успехов в области педагогики. Однако теорию свою ему почти не удавалось претворять в жизнь — на это у него физически не хватало времени: рабочий день продолжался с утра до поздней ночи.

Когда он возвращался ночью смертельно усталый и я пыталась внушать ему, что такой темп работы все равно долго не выдержать, он отвечал:

— Не беда! Главное, что рабочие, крестьяне и солдаты

---

[1] Эндре Ади, Песнь венгерского якобинца. Перевод Л. Мартынова.

устремились в партию и что каким бы тиражом мы ни выпускали «Вереш уйшаг», ее все равно расхватывают. В профсоюзах дела тоже пошли на лад, да и интеллигенция начинает поглядывать в нашу сторону!

Одним из величайших событий тех дней был выход первого номера «Вереш уйшага».

— Коммунистическая газета в Будапеште! — примчался домой Бела Кун, чтоб мы от него первого узнали об этом большом событии.

Редакторами газеты стали он, Ваго, Рудаш и Пор, сотрудниками — Пал Хайду, Йожеф Лендель и Йожеф Реваи. Но, особенно на первых порах, не было такого номера, в редактировании которого Бела Кун не принимал бы самого деятельного участия. Он вникал во все, начиная от важнейших статей и кончая хроникой. Как ребенок, что радуется первой книжке, так радовался Бела Кун каждой статье, опубликованной в «Вереш уйшаге». Эта газета была действительно коллективным творением венгерских коммунистов. И стар и мал — все являлись в редакцию с какой-нибудь новой идеей, замыслом, статьей.

Часто вспоминали товарищи и в годы московской эмиграции об этой вдохновенной поре «Вереш уйшага», вспоминали как о самой прекрасной боевой эпохе Компартии Венгрии.

Все более и более широкие массы вовлекались и в организационную работу. В помещении ЦК партии на Вышеградской с раннего утра собирались коммунисты, чтобы получить инструкцию на весь день. Потом они отправлялись на заводы, в казармы, в деревни, в профсоюзы — куда подчас проникали с большим трудом. Созывали собрания, митинги. Выступали иногда вместе с членами социал-демократической партии, чтобы в открытой полемике с ними убедить слушателей в своей правоте.

На этих собраниях нередко бывали и Бела Кун и другие руководители партии. Обычно они возвращались оттуда веселые, рассказывали, что опять многих удалось перетащить на свою сторону.

Социал-демократические лидеры исходили яростью: готовы были гнать коммунистов с заводов и профсоюзов, но ярость эсдеков не могла удержать их от борьбы за организацию масс.

Помню, вскоре после основания партии Бела Кун должен был выступить в университетском так называемом «Гояваре» с докладом «Вильсон или Ленин». Народу собралось столько,

что в зале негде было ступить. После доклада разгорелась жаркая дискуссия. Продолжалась она несколько часов, и пришлось ее перенести даже на другой день. Несмотря на то, что Бела Кун резко осуждал господствующие классы, буржуазное правительство, а также поддерживавших его правых лидеров социал-демократии, полицейские, чувствуя разгоряченную атмосферу, не посмели закрыть собрание.

На стенах домов Будапешта запестрели плакаты и листовки: «Чего хотят коммунисты? Каковы их цели?»

А коммунисты пользовались всеми формами агитации, были так находчивы в выработке лозунгов, что даже лидеры социал-демократической партии удивлялись: «И откуда что берется у этих проходимцев! Один лозунг выбрасывают за другим».

Но дело было не в лозунгах, а в пролетарской революции. За короткое время коммунисты установили такую крепкую связь с массами, так глубоко прониклись надеждами и стремлениями к переменам рабочих, бедных крестьян и интеллигенции; «Вереш уйшаг» так убедительно писала о пролетарской революции как о единственном выходе из положения, что измученные за войну миллионы венгров, вся потрясенная страна надеялась: компартия избавит ее от этой все более трагической жизни, найдет выход из кризиса венгерского общества.

Прошло всего несколько недель, и Компартия Венгрии стала ведущей силой в стране.

НА ВЫШЕГРАДСКОЙ УЛИЦЕ

Цеитральиый Комитет Коммуиистической партни Венгрин помещался иа Вышеградской улнце, в доме № 15. Эта улнца и этот дом стали символом революции в глазах трудящихся масс. ЦК был всегда битком набит рабочими, солдатами, молодежью, которые хотелн тотчас получнть ответ иа каждый вопрос н иепремеиио потолковать с кем-ннбудь из товарищей, побывавших в Росснн, а «если можио, то с самнм Бела Куном».

Поутру, уходя из дому, Бела Куи никогда ие говорнл: «Я пойду в ЦК», а всегда — «иа Вышеградскую». И мы уже зиали, что он ие вернется домой ни к обеду, ин к ужииу. Вышеградская забнрала человека целиком, все прочее отходнло для него иа задиий плаи. «Какой там обед, найдем что-инбудь перекусить. Был бы кусочек сала с папрнкой (любимая еда Бела Куиа), н все в порядке!»

Поначалу такой метод работы казался мне странным, потом я привыкла и больше не возмущалась, вопросов не задавала, боялась, мещанкой сочтут. Когда же поздио вечером Бела Кун являлся домой, прнтащнв с собой, как всегда, двонх-тронх, и говорил: «Дайте что-ннбудь поесть товарищам, да и мие тоже! Зверски проголодались...» — я уже без звука прииосила это «что-инбудь» и сама усажнвалась вместе с ннми за стол. Частенько до рассвета слушала рассказы о различных успешио проведеиных меропрнятиях иа заводах, в казармах, иа улицах — повсюду, где только были массы.

Случалось, что на каком-нибудь заводе выступали соцналдемократы н коммуннсты, а рабочне прнветствовали только коммунистов, крнками «ура» встречали только товарищей, вериувшихся из Росснн, которые успели им уже передать свою любовь и уважеиие к Леиину. Не раз случалось, что с этнх собраиий социал-демократов нзгоияли свнстками и улюлюканьем.

...Договорившись обо всем н поевши скудный ужин, това-

рищи уходили восвояси, а Бела Кун еще долго не спал: думал о планах на ближайшие дни, об очередной передовице «Вереш уйшага».

В связи с «Вереш уйшагом» мне хочется сказать несколько слов о Пале Хайду, которого, по-моему, что-то слишком мало вспоминают.

Пал Хайду с юности (он был на десять лет моложе Бела Куна) участвовал в венгерском антимилитаристском движении, потом — в основании КПВ и в редактировании «Вереш уйшага». В Москве работал старшим научным сотрудником в Институте Маркса и Энгельса, затем редактировал журнал «Шарло еш калапач» («Серп и молот»).

С самого начала своей революционной деятельности Хайду был одним из самых преданных боевых соратников Бела Куна. Бела Кун любил Хайду за его принципиальность, самоотверженное отношение к работе, за отсутствие какого-либо интеллигентского чванства. Но вместе с тем частенько поругивал его за чрезмерную застенчивость, неуверенность в себе и стремление всегда оставаться в тени. Сколько раз объяснял он Хайду, что эти его черты идут в ущерб работе, мешают развернуться его способностям. Хайду в таких случаях заливался румянцем, точно красна девица, и безнадежно махал рукой: мол, и нет у него никаких способностей. Если же Бела Кун в ответ на это разражался гневной тирадой, он обижался и молча уходил. Но мир и согласие воцарялись обычно на другой же день, как только Бела Кун приглашал его и поручал работу, которая Хайду была по нраву. Он выполнял ее добросовестно и отлично, как всегда, и так же краснел и смущался, когда его хвалили.

Жизнь и деятельность этого чистого, бескорыстного и глубоко идейного человека могли бы служить образцом для современной молодежи. Пал Хайду заслуживает того, чтобы его имя сохранилось в памяти людей.

Пожалуй, одной из труднейших задач была организация работы в провинции. Туда следовало направить особенно смелых, опытных рабочих. Выбор пал на Ференца Янчика, Эде Клепко, Деже Силади и Фридеша Карикаша.

Надо было позаботиться и о работе в армии. Для этого сразу же нашлись испытанные коммунисты, прошедшие школу русской революции, — Ференц Мюнних и Отто Штейнбрюк.

Немало забот доставляла и работа с молодежью. Хотя Пал Хайду и Ласло Борош были молоды (да и Бела Куну шел лишь тридцать четвертый год), однако их направили на «взрослую» работу, в центральный орган партии — газету «Вереш уйшаг». Наиболее подходящим для организации рабочей молодежи оказался Янош Лекан. Он уже до этого руководил молодежной организацией СДП, которая сразу примкнула к коммунистам, а кроме того, был особенно популярен за участие в покушении на Иштвана Тису.

Много сил отдавал и Бела Кун молодежи, к которой его всегда влекло.

Рассказывая о своей первой встрече с Бела Куном, Ласло Борош пишет: «Когда Эрне Зайдлер представил меня в кафе Зееман доктору Шебештьену (Бела Кун жил еще тогда под этим именем) и сказал ему, что я один из руководителей «нашего» юношеского движения, Бела Кун тут же прервал начатую с другими беседу и сказал мне примерно следующее: «Работа с молодежью одна из самых важных наших задач. Куйте железо, пока горячо! И что бы вам ни понадобилось, тотчас приходите ко мне. Если нужен будет где-нибудь докладчик, я и сам с удовольствием пойду куда угодно, потому что молодежное движение важнее всего. Мы учредим для вас и отдельную газету, словом, работайте не покладая рук».

Работа с молодежью так и оставалась до конца его жизни любимым занятием.

Помню, когда в 1923 году Бела Кун вернулся с Урала и ему предложили выбрать себе дело по душе, он сразу попросился на молодежную работу — стал уполномоченным ЦК РКП(б) в ЦК РКСМ и оставался там, пока не пришлось перейти в Коминтерн и взяться за руководство отделом агитации и пропаганды. Но и там он никогда не терял связи с молодежью. «Комсомольские вожди» того времени все бывали у нас дома.

Бела Куну были близки эти задорные молодые люди, яростные спорщики, беспокойные девушки, юноши, которые почти детьми ринулись с винтовкой в руках на защиту революции, а потому и позже ни перед кем не склоняли головы. Они не признавали непререкаемых авторитетов, их можно было убедить только силой логики, превосходством знаний. Почитали они только революционную принципиальность. «Это будут отличные коммунисты! Я верю в них!» — с гордостью говорил Бела Кун и втайне проверял самого себя, заглядывая в восторженные, но пытливые и строгие глаза комсомольцев двадцатых годов.

Руководители СДП знали Бела Куна еще по предвоенному рабочему движению, а некоторые, как, например, Кунфи, Вельтнер, Гарбаи, Адольф Киш, были даже непосредственно связаны с ним по работе. Пользуясь личными отношениями, они всячески пытались оказывать на него давление, мешать его работе. Играли при этом на самых разных струнах, в первую очередь на его чувствительности. Говорили о расколе партии, о братоубийственной борьбе и о том, что он, Бела Кун, не жалеет «старых испытанных борцов рабочего движения» и хочет отстранить их, связывается с «никому не известными проходимцами», с людьми, у которых нет никаких корней в рабочем классе.

«Венгрия, — утверждали они, — принадлежит к западному миру, поэтому должна пойти по пути западных демократий». Однако о русской революции они отзывались сочувственно, с особым почтением говорили о Ленине, но вместе с тем их бросало в дрожь при одной мысли, что Венгрия может последовать примеру России.

Когда же эти «старые друзья» увидели, что им не удается убедить Бела Куна, они яростно устремились против него и против КП Венгрии. И в этой борьбе для них все средства были хороши. В клеветнических наскоках, во всякого рода очернительстве они шли рука об руку с буржуазией, иногда даже опережая ее. Начиная от «русского рубля», «Непсава» выдумывала все, чем, как ей казалось, можно отпугнуть массы от коммунистов.

И ничего не помогло! Рабочие на заводах, солдаты в казармах и даже крестьяне — все они, разочарованные буржуазной революцией, с воодушевлением слушали Бела Куна и других вернувшихся из России, восторженно внимали их речам о русской революции, о большевистской партии, о Советской республике и Ленине.

Рабочие крупнейших будапештских заводов валом повалили в коммунистическую партию.

Борьба, которую вела в ту пору КПВ за овладение массами, осталась в памяти даже у тех, кто только издали наблюдал за ней.

Бела Кун каждый день выступал где-нибудь, причем совсем иначе, чем присяжные ораторы социал-демократов. Он научился у Ленина говорить просто, но не поверхностно, всегда опираясь на факты, освещая их с самых разных сторон, по нескольку раз повторяя основные доводы. В его речах не было обычных для ораторов СДП пышных фраз, банального красноречия, дешевых эффектов, он повторял вслед за Марксом,

что у пролетариата иет иужды переннмать фразеологию буржуазиых революций.

Отсутствне краснобайства н ложного пафоса характерио было вообще для Бела Куна, хотя он был и оратором и агитатором и своимн речами умел подчас в самой сложной обстановке переломить настроение масс.

Мие хочется прнвестн любопытный рассказ Шаидора Сатмари, ветераиа и певца венгерской революции:

«В декабре 1918 года мы былн в казарме Марии Терезии. Солдаты ждали посланца компартнн — Бела Куиа, офицеры стояли, зеленея от ярости, и клялись, что прикоичат этого бунтовщика, еслн ои только псcмеет суиуть иос в казарму. (Казарма носнла имя плодовнтой, как крольчиха, габсбургской императрицы.)

Бела Кун приехал. Коммуиисты еще в воротах предупреднлн его об опасностн. Ои махнул рукой и поспешным шагом вошел во двор. (Бела Кун всегда ходил быстро.) Подиялся на трнбуиу, успел только промолвить «Братья солдаты!» — как вдруг какой-то кадровый офицер прямо с двух шагов иаставил на него винтовку. Нацелился. Мы все оцепенели. Застрелит! Но вот в гробовой тишиие послышался голос Бела Куна: «Капитаи! Если хотнте выстрелнть, то спустнте сперва предохранитель. Уж это вы должиы былн бы зиать...» Раздались оглушительные крики «ура». Солдаты, стоявшне рядом с офнцером, вывернулн у него нз рук винтовку. Мы огляиуться ие успели, как ои уже выскочнл нз ворот казармы. Вслед за ним полетел его кивер. Бела Кун произиес речь. «Да здравствует революция рабочнх н крестьян!» — отдавалось эхом от стен еще недавио королевско-императорской казармы.

Солдаты поднялн Бела Куна на руки».

Члены буржуазного правительства, лидеры социал-демократической партии и профсоюзов с ужасом взиралн иа пронсходящие события. Онн видели, как растет авторитет компартни, как у иих у самих ускользает власть нз рук.

Начались преследоваиия коммуиистов. Вышеградская, Идьиекская улицы, казалось, былн оккупнрованы, столько сиовало по иим полнцейскнх в форме н в штатском. Руководители компартин вынуждены были то н дело меиять квартиру. Бела Куи, опасаясь, что дома его арестуют, часто оставался иочевать в саиатории, куда меия поместили на лечеиие.

Изо дня в день все усилнвалась и борьба между коммуннстами н социал-демократамн. Коммуннсты объявнли на

20 февраля митинг в Вигадо, участниками которого были в большинстве своем безработные. После митинга направились на Вышеградскую улицу, потом к дому редакции «Непсавы», чтобы выразить свой протест против напечатанной в газете клеветнической статьи. Полиция дала залп в толпу. После этого поднялась неистовая перестрелка. Было убито несколько полицейских, и хотя, обезумев от страха, они сами стреляли друг в друга, однако это было хорошим предлогом, чтобы рассчитаться с руководителями компартии.

В десять часов вечера к нам на квартиру явился Дёрдь Нанаши — позднее он стал предателем — и рассказал обо всех событиях. Попросил Бела Куна уйти из дому, ибо, по его точным сведениям, ночью начнутся аресты руководителей партии. Бела Кун сказал, что никуда не пойдет, так как рабочие этого не поймут; их арестовывают, а руководители где-то отсиживаются. Но чтобы движение не осталось без руководства, пока они будут в тюрьме — относительно сроков заключения Бела Кун был настроен весьма оптимистически, — он поручил Нанаши сообщить некоторым товарищам, в том числе и Самуэли, с которым договорился заранее, чтобы они немедленно ушли в подполье.

Нанаши попрощался. Мы легли, но не спали.

Часов около двенадцати раздался стук в дверь. Открывать пошла хозяйка квартиры. Комната мигом наполнилась жандармами и полицейскими. Бела Кун живо оделся и вышел из спальни. От шума проснулась моя четырехлетняя Агнеш и спросила: «Кто тут?» — «Товарищи пришли к твоему отцу, — сказала я, — спи спокойно!» Но она не послушалась, вскочила из постели и побежала прямо к «товарищам». Приветливо поздоровалась с ними и сказала: «А вот хозяйка у нас буржуйка». Начальник полиции — Ласло Нанаши (как выяснилось позднее, родной дядя Дёрдя Нанаши, он и завербовал его на службу в полицию) принял заявление Агнеш «очень близко к сердцу» и возмущенно заявил мне, что «нехорошо воспитывать ребенка в таком враждебном духе». Потом немедленно прошел к хозяйке, думая, вот у кого получит он необходимые показания против Бела Куна. Но не тут-то было. Хозяйка отозвалась о нас наилучшим образом: «В жизни не было у меня таких хороших жильцов; Агнеш люблю, как дочь родную. А что болтает четырехлетняя девочка, этому не следует придавать значения». Нанаши вернулся от нее разочарованный.

Снова заговорил с Бела Куном, упрекнул его, мол, зачем он подстрекает людей к бунту, потому-то и опять потоки крови.

«У меня сердце готово разорваться, когда я вижу, как льется кровь людская». Бела Кун ответил ему спокойно и тихо: «Будь у вас такое чувствительное сердце, оно уже разорвалось бы в войну». Нанаши не нашелся что сказать. Вел себя все строже и строже. Пытался вести допрос и одновременно наблюдать за обыском.

В квартиру набивалось все больше жандармов и полицейских. Дом был оцеплен и снаружи. Когда обыск окончился — длился он несколько часов, — Нанаши представил ордер на арест. А мне сказал, чтобы я явилась утром в полицейскую управу, разыскала его и передала Бела Куну маленькую подушку, полотенце, мыло, зубную щетку и какую-нибудь еду. Но прежде чем выехать, чтоб я позвонила ему. Он записал свой телефон. Затем, как человек, отлично выполнивший порученное ему задание, приказал Бела Куну следовать за ним. Меня попросил не беспокоиться, ибо мне ничто не грозит. Потом со всей оравой двинулся к дверям. В прихожей ему пришло вдруг в голову заглянуть на кухню и в кладовку. И тут он заметил еще одну дверцу. Отворил ее. В каморке для прислуги в полной военной форме спал молодой человек. Нанаши разбудил его и, хотя ордера на его арест у него не было, увел с собой.

О том, как очутился у нас этот товарищ, мы можем прочесть в воспоминаниях Бела Куна о Тиборе Самуэли:

«Тибор узнал откуда-то адрес и прямо с вокзала явился ко мне на улицу Идьнек, где я снимал квартиру.

— А вы, однако, легкомысленный человек, — были первые его слова. — Четыре сыщика стоят у вашего дома. В этой квартире вас может прикончить кто хочет и когда захочет. Почему вы не поселились в таком месте, где можно было бы поместить и парочку людей из Московской школы агитаторов?

...И несколько дней спустя в каморку, рядом с моим жильем, он вселил в качестве «охраны» вернувшегося из России товарища и снабдил его двумя пистолетами» [1].

Товарищ, который спал в каморке с двумя пистолетами под подушкой, был уже небезызвестный Янош Ковач — Ковач-маленький.

Утром я позвонила по указанному телефону. Мне ответили, что никакого Нанаши там нет, и бросили трубку. Еще раз позвонила и услышала то же самое. Не имея еще понятия о ме-

[1] Тибор Самуэли вернулся из России 18 января 1919 года. Об этом возвращении и пишет Бела Кун.

тодах полиции, я была поражена. И только позже поняла: до чего ж я была наивна, думая, что им хоть в чем-то можно верить.

И мучительно размышляла о том: что же делать теперь? Позвонила в различные учреждения. Безуспешно. Наконец отправилась к своему родственнику-адвокату. Он взялся мне помочь и тотчас узнал, что коммунисты в пересыльной тюрьме. Недолго думая, мы пустились в дорогу. Хотели сесть на трамвай, но трамваи стояли: социал-демократы устроили демонстрацию протеста из-за убитых полицейских.

От нас до пересыльной тюрьмы на улице Мошони было час ходу. Я только недавно выписалась из санатория, и мне еще нездоровилось, но мы все-таки пошли. Навстречу попадались колонны демонстрантов. Шли рабочие бойни, вооруженные топорами. Дружно брали коммунистов, шагали члены тех профсоюзов, что еще оставались под влиянием социал-демократов.

И вдруг, перекрывая шум толпы, с криками промчались по улице газетчики, размахивая вечерним экстренным выпуском. Словно возвещая радостную весть, орали они во всю глотку:

— Убили Бела Куна! Убили Бела Куна! Экстренный выпуск!

Газеты расхватали мигом. Нам с трудом удалось раздобыть номер. Это была газета «Аз эшт» («Вечер»), и в ней репортаж журналиста Вильмоша Тарьяна, в котором он, как очевидец, описывает избиение коммунистов и особенно подробно расправу с Бела Куном. Сколько раз накидывались на него полицейские, как топтали ногами, когда решили уже «подох», все равно еще несколько раз пнули его ногой. «Свободной любви захотелось? Так на же тебе!» — вопили они, топча сапогами Бела Куна.

С лихорадочным волнением читала я статью Тарьяна:

«Полицейские выстроились во дворе и на лестнице, что вела в тюрьму. Точно оратор перед слушателями стоял Бела Кун на верхней ступеньке лестницы. Вдруг кто-то страшно выругался, и тогда один из полицейских хватил Бела Куна прикладом по голове. Десять полицейских друг за другом подняли винтовки и каждый ударил его по голове.

Бела Куна понесли в комнату врача.

...Вместе с советником Якабом появился Бела Кун. Он был в брюках и башмаках, верхняя часть туловища обнажена и вся залита алой кровью. Лицо в крови, голова разбита. Волосы уже сбриты врачом. Кровь стекает на пол... В это время снаружи

послышались зловещие крики, скрип сапог, лязг винтовок: шестьдесят полицейских протиснулись в узенький коридорчик перед кабинетом врача.

— Где этот мерзавец? Где этот убийца? Теперь он отсюда не уйдет живьем! Убить его! — вырвалось из десятка глоток.

Полицейские скинули винтовки с плеч, выбили дверь и вломились в кабинет врача. Какой-то полицейский поднял винтовку и ударил в лицо коммуниста, который лежал на диване. Точно по гвоздю молотком, сыпались удары справа и слева; били по плечам, по лицу, в живот. Бела Кун молча переносил удары. Диванная подушка насквозь промокла от крови... Он, должно быть, необычайно крепкий человек, другой на его месте уже давно умер бы от такого избиения».

Вдруг видим — на улицах пошли трамваи.

Мы сели и поехали в тюрьму. А в голове только одно: «Жив? Умер?»

Доехали до пересыльной тюрьмы. Нас не впустили.

В тот же день ко мне пришел Шандор Винце и передал записку от Бела Куна. Несколько слов, чтоб я не беспокоилась, — он жив.

Так как описание расправы вызвало бурное возмущение, «Непсава» на другой же день поместила статью, как раз обратную «аз эштовской». Написала, что в «Аз эште» все было преувеличено относительно избиения коммунистов и особенно Бела Куна. Верно, что «товарищи полицейские» хотели отомстить за своих ни в чем не повинных погибших товарищей, однако все коммунисты живы. Бела Кун тоже чувствует себя хорошо и находится в полной безопасности. Свидетельство тому письмо, переданное жене. «Нам абсолютно понятно возмущение полицейских, — писала «Непсава», — мы разделяем их боль... Что полицейские (те самые, которые столько раз стреляли в рабочих социал-демократов. — **И. К.**), примкнув к нашей партии, создают свою организацию и чувствуют себя едиными с пролетариатом, этому мы должны только радоваться».

О поведении полицейских, чувствующих себя «едиными с пролетариатом», пусть расскажет Ференц Хашек[1].

«Я был у товарища Бела Куна, — пишет Ференц Хашек, — когда ему доложили, что за все случившееся возлагают вину на коммунистическую партию. Там же у него я встретился

[1] Хашек Ференц — рабочий, ветеран рабочего движения.

с очень серьезным молодым человеком, который больше слушал, чем говорил, и все время внимательно смотрел в лицо собеседника. Товарищ Бела Кун громко сказал ему, что если начнутся гонения против партии, то Самуэли должен уехать в Коложвар и оттуда нелегально руководить делами. После этого вышеупомянутый молодой человек сказал, что мы должны унести все документы в подвал соседнего дома. Десять-пятнадцать товарищей взялись переносить документы. Потом ночью, в двенадцать или в час, мы все улеглись на столах и стульях. На рассвете явились полицейские и несколько раз переписали наши личные данные. Когда ж мы спустились на улицу, всех нас посадили в грузовик. А на грузовике, что ехал позади, стоял пулемет. Повезли нас в пересылку и загнали в нижнее помещение слева. Там была маленькая камера и большая. Войдя, я увидел того же серьезного молодого товарища. Это был Отто Корвин. Его привезли вместе с товарищем Бела Куном, которому велели зайти в первую, одиночную камеру. Дверь не заперли, часовых не выставили. Корвин подошел к товарищу Куну и сказал, что начнет вести семинар, хочет познакомить новых товарищей с программой партии. Товарищ Кун одобрил его план. Тогда Корвин собрал нас всех и сказал, что мы проведем это время с пользой для себя. Предложение Корвина было принято единогласно.

Вдруг с улицы донесся страшный крик. Но что кричат, нельзя было разобрать. Мы подняли к окну товарища Корвина: пусть он получше разглядит, что творится снаружи. Но теперь уже ясно слышались крики полицейских: «Зарубить их, пристрелить, прикончить!» Мы опустили на пол Корвина. Послышалось, как поднимаются по лестнице полицейские. Товарищ Корвин доложил обо всем товарищу Куну. Мы окружили его. Корвин предложил товарищу Куну перейти в нашу большую камеру, где мы можем защитить его. Товарищ Кун решительно воспротивился этому и сказал: он не позволит, чтобы хоть один товарищ пострадал из-за него. Сам поговорит с полицейскими. А я увидел, как протискиваются в ворота полицейские, как они запрудили весь двор тюрьмы. Увидел это и товарищ Кун. Корвин взял его под руку и попросил: «Не выходите, товарищ Кун!» Но он снова сказал, чтобы мы прошли из коридора в камеру. Это были поистине драматические мгновения любви и тревоги. Как товарищ Корвин, так и все мы чувствовали, что полицейские решились на убийство и что в первую голову хотят убить Бела Куна. Но мы не посмели его удерживать так же настойчиво, как пытался товарищ Корвин. Вот когда я увидел вождя коммунистов, отважного, боль-

шого человека. До последнего мгновения защищал он своих товарищей, потом с невероятным, поразительным спокойствием и отвагой, на какие способны только избранные люди, герои, пошел он навстречу своим убийцам, не забыв при этом еще раз приказать товарищам пойти обратно в камеру. Бела Кун дошел до середины лестницы и обратился к полицейским. После первых его слов те, что шли ему навстречу, остановились, но офицеры сзади заорали: «Пристукните его», — и начали теснить вперед рядовых. Тогда один полицейский вышел вперед. Высоко подняв винтовку, он ударил прикладом по голове товарища Бела Куна. Мы вошли в камеру. Товарищ Корвин стоял у дверей и, бледный, ждал, что и к нам войдут и нас изобьют. Но на дворе воцарилась уже мертвая тишина. А мы все стояли, полные страшного горестного чувства, что товарища Бела Куна убили».

Так звучат эти достоверные в своей простоте воспоминания Ференца Хашека.

Весть об избиении мгновенно разлетелась по Будапешту, распространилась и в провинции.

Иштван Доби[1] пишет в своей книге «Признания и история» (1962), что «после возвращения домой Бела Куна у нас тоже (в Сёне и в Комароме) много толковали о том, что надо бы последовать его примеру и совершить настоящую революцию бедноты... Когда ж узнали об аресте Бела Куна, о его избиении, все разъярились. Даже мой ленивый зять и то возмутился, да так, что готов был бы убить каждого, кто враждебно отозвался бы о Бела Куне.

Развернулось такое коммунистическое движение, из-под влияния которого никто не мог уйти... На вопросы, поставленные коммунистами, приходилось отвечать либо да, либо нет».

Думаю, что венгерские социал-демократы за всю историю существования своей партии не потеряли столько преданных сторонников, как после этого кровавого злодеяния, которое было совершено с одобрения центрального органа партии, бесстыдно вставшего на сторону полиции.

...Прошло две-три недели, и не только рабочие Будапешта да провинциальных городов, но и беднейшее крестьянство закипело, забурлило, как еще никогда.

Только два небольших примера.

---

[1] Доби Иштван — председатель президиума ВНР.

Рабочие крупнейшего венгерского завода — Чепеля — 18 марта 1919 года потребовали на общезаводском митинге освобождения коммунистов. Кричали: «Да здравствует пролетарская диктатура!..»

19 марта двадцать тысяч человек поднялись в Королевский замок, и министр социал-демократ Пайдль вынужден был через тайную дверь скрыться от гнева толпы.

Арест коммунистов, жестокая расправа с Бела Куном вызвали грандиозное возмущение не только среди рабочих и беднейших крестьян, но и в кругах прогрессивной интеллигенции.

Дёрдь Лукач, еще недавно буржуазный литератор, лишь за несколько недель до этого события примкнувший к революционному движению, написал тогда следующее:

«...Наши противники, правительственные социалисты и буржуазные политики — все одинаково и высокомерно утверждают, что они приверженцы законности, справедливости, убеждения с помощью доводов, в то время как мы, в противоположность этому, ставим упор на голое насилие, на «звериные инстинкты...». Последние дни блестяще подтвердили даже для самых пристрастных людей лживость этой альтернативы. Не правда ли, мы здесь, на страницах «Интернационала» [1], только и делали, что во главе с Бела Куном возбуждали «звериные инстинкты» у заблудших людей? А вот полицейские «товарищи» убедительно доказали Бела Куну, каков законный порядок... И тщетно бросили они Бела Куна в жертву звериной ярости заблудших людей, все равно ясно, как бы ни отрицали этого, что они хотели с помощью «полицейских товарищей» убить Бела Куна... Им казалось, что проще всего убрать его с дороги, как это сделали Шейдеманы с Розой Люксембург и с Либкнехтом...»

Так рухнула легенда, месяцами творимая «Непсавой», будто «коммунисты — это левые контрреволюционеры». Популярность Компартии Венгрии, популярность Бела Куна росли с каждым часом.

На заводах и в профсоюзах рабочие требовали освобождения Бела Куна и его товарищей. То тут, то там вспыхивали демонстрации и митинги. Правительство и лидеры социал-де-

[1] Речь идет о журнале «Интернационал», который редактировали революционный поэт Аладар Комьят и революционер, инженер по профессии, Дюла Хевеши. В третьем номере журнала была напечатана статья Лукача.

мократнческой партнн прншлн в ужас. Вынуждены былн смягчнть режнм в тюрьмах для арестованных коммуннстов. Бела Куна в тюрьме навещалн целые рабочне делегацнн. Велн с ннм переговоры. Попроснлн его выработать платформу едннного выступления венгерского рабочего класса. 11 марта 1919 года Бела Кун передал эту платформу, в которой писал так:

«Что касается объеднnення рабочего класса, я думаю, что делу освобождения пролетарната может служнть только настоящее, а не кажущееся еднnство... Существует н так называемое нензбежное, необходнмое зло. Теперешнее мое, а может быть, н последующне нзбнения — как раз такое необходнмое зло. Для меня зло, а для рабочего класса в конечном счете добро».

Лидерам соцнал-демократов все это было неприятно. И онн во главе с Ене Ландлером отправнлнсь в пересыльную тюрьму. Бела Кун лежал в кабинете врача, так как его невозможно было еще стронуть с места. Когда прншедшне спросили, кто его нзбнл, потому что тех людей надо наказать, Бела Кун ответнл то же самое, что сказал сразу после расправы: «Неважно, это былн несчастные, введенные в заблуждение люди».

Такой ответ поразнл даже буржуазного журналнста, который был свндетелем расправы.

Ко мне еще в тот же день явилась жена Ене Варгн, представнлась и заявнла, что отвезет меня к Мнхаю Карои[1]. Я должна попроснть его, чтобы Бела Куна немедленно переправилн в санаторнй. Поблагодарив за вниманне, я отклоннла ее предложенне, сказала, что Бела Кун был бы очень недоволен, если б я пошла с просьбой к тем, кто прнказал его арестовать.

Но к Бела Куну как нн старалась я, а попасть не могла. Ответ получала однн и тот же: запрещено. Так как все мои попыткн остались втуне, я отправилась к журналисту Ференцу Гендеру, который редактировал газету «Аз эмбэр» («Человек») н был членом соцнал-демократнческой партии. Обратилась к нему за советом: что мне делать? Гендер сказал, что пойдет со мной к полнцейскому капнтану Дёрдю Палу — тоже члену СДП. Дёрдь Пал немедленно прннял меня, но заявил, что пропустить к Бела Куну не может. Полнцейскне отчаянно на-

---

[1] Карои Михай (1875—1955) — граф, венгерский полнтнческнй деятель. Президент венгерской буржуазно-демократнческой республнкн 1918 года.

строены против коммунистов и могут мне тоже нанести телесные повреждения. Он-де «не решился бы взять на себя ответственность за мою целость и сохранность». Я ответила, что всю ответственность беру на себя, а он пусть даст только разрешение. Гендер заметил, что и он пойдет со мной в пересыльную тюрьму, так что бояться за меня нечего. Дёрдь Пал позвонил куда-то, потом выдал разрешение и, чтобы доказать, каким лояльным может быть полицмейстер социал-демократ, снарядил со мной провожатым почти двухметроворостого полицейского чиновника Петерсена. Мы сели в машину и поехали в «пересылку».

Впервые в жизни увидела я тюрьму.

Длинные и темные коридоры показались устрашающими. Но мне было не до страхов и впечатлений — я была счастлива, что увижу Бела Куна и сама узнаю, в каком он состоянии.

Мы прошли коридор, потом несколько комнат. За столами повсюду сидели полицейские чиновники; их, видно, оповестили уже о том, кто мы такие, и они с любопытством оглядывали меня. В одной из комнат какой-то чиновник поднялся из-за стола и, приветствуя меня, сказал, что он спас моего мужа. Я поблагодарила его. Дальше пошли. Добрались до кабинета высокопоставленного чиновника. Он тоже сообщил мне: «Это я спас вашего милого супруга». Я поблагодарила и его. Наконец вошли в кабинет врача. Врач вежливо пошел нам навстречу, представился и подробно рассказал, как он спас от смерти Бела Куна и сколько ему самому досталось ударов, пока он «спасал человека». Я поблагодарила и его и хотела сразу пойти дальше. Подробности меня не интересовали. Врач замолк и провел нас в комнату рядом со своим кабинетом. Там лежал Бела Кун. Гендер и Петерсен вошли вместе со мной, посидели несколько минут, потом оставили нас одних.

Когда мы были уже наедине, глаза Бела Куна налились слезами. Из огромного кома ваты виднелись только рот и запухшие глаза.

Бела Кун тихо спросил:

— Что с движением?

Признаюсь, я ответила малодушно:

— Все погибло!

На что он сказал:

— Вот посмотрите, что будет через три-четыре недели.

Я не поверила его оптимистическому прогнозу, но промолчала. Он попросил устроить, чтобы его перевели в Центральную тюрьму, где сидят все коммунисты, ибо он точно знает, что держат его в «пересылке» потому, что хотят убить.

Я снова пошла к Дёрдю Палу и попросила перевести Бела Куна в Центральную тюрьму. Пал ответил, что это невозможно, так как у полиции точные сведения, что рабочие хотят освободить Бела Куна. Тогда я спросила Пала: ручается ли он за его жизнь? Пал промолчал, но очень скоро меня оповестили о том, что Бела Куна перевели в больницу Центральной тюрьмы.

Я поехала туда, захватив с собой дочку, которой сказала, что отец болен, лежит в санатории и мы едем его навестить. Зашли в тюремный двор, где помещался «санаторий». Но Агнеш обмануть не удалось. Как только она увидела часовых у дверей, сразу же сказала: «Это не санаторий! Ты лежала в санатории, там у дверей не стояли солдаты. Это тюрьма! Я знаю!» И все-таки она очень обрадовалась отцу, хотя, по правде говоря, вместо отца увидела большой ком ваты. Бела Кун был тоже счастлив. «Раны скоро заживут, и тогда я сразу же потребую, чтобы меня перевели к товарищам в тюрьму!»

Тщетно объясняла я ему, что об этом пока и речи быть не может, что раны еще не скоро заживут и в больнице условия несравненно лучшие, чем в тюрьме, и, мол, пусть он радуется тому, что лежит здесь. Бела Кун не согласился со мной. А я решила не спорить: все равно в таком состоянии его никуда не могут перевезти.

Потом я каждый день приходила в больницу. На вопрос, как он чувствует себя, получала один и тот же ответ: «Скоро совсем поправлюсь! Вы за меня не волнуйтесь. Что с товарищами? Что с их семьями? Кого еще избили? В каких они условиях? Кто заботится о них? Что с движением? Кто уцелел на воле? Посмо́трите, что будет через несколько недель. Главное, чтобы меня как можно скорее выписали из больницы... Хочу только одного: быть вместе с товарищами. Я уже все продумал, распланировал. А раны совсем не болят. Знаете что, принесите-ка лучше сала с паприкой да хлеба».

Как-то он вспомнил про своего друга Альпари. Спросил: «Что с ним? Если он на воле, непременно сходите к нему. Он позаботится о вас. Очень хороший товарищ!»

Я передала Альпари, что хочу увидеться с ним. Он явился на другой же день и с того дня каждое утро перед работой заходил к нам и заботился о нас, как настоящий друг и товарищ. Если случайно ему не удавалось зайти, мы очень чувствовали его отсутствие — трудно было обходиться без его умных и всегда обдуманных советов.

Эта большая дружба между семьями Альпари и Кунов сохранялась десятки лет. Заботы и горести друг друга мы переживали как свои собственные.

Бела Кун был так занят своими мыслями, что совсем забыл о ранах, которые все еще не закрылись у него на теле и особенно на голове. С избиения прошло одиннадцать дней. Он не жаловался на боль, скрывал ее. И увлеченно строил планы. Ругал лидеров СДП, господ министров и был очень доволен, что я ни к кому из них не обращалась с просьбами.

К изумлению врача, раны заживали очень быстро, и когда я на двенадцатый день пришла в больницу, уже не застала там Бела Куна. «Его перевели в Малую тюрьму, где сидят остальные коммунисты», — сообщили мне. И я поспешила получить пропуск в новое место его жительства.

Войдя в Малую тюрьму, увидела, что коммунисты-арестанты стоят вдоль стены в коридоре. Что это значит? Может, их увозят отсюда? — сразу заподозрила я что-то недоброе. Но когда подошла поближе, товарищи сказали мне, что они встречают Бела Куна. Он уже в канцелярии тюрьмы, и скоро его приведут сюда. Я тоже встала у стены, только по другую сторону коридора. Немного погодя привели его. Он еще с трудом передвигался, но теплая встреча товарищей заставила его позабыть о боли и даже о том, что он в тюрьме. Растроганный, благодарил он за встречу, потом с тревогой стал расспрашивать обо всех, кого не увидел здесь. Ему ответили, что некоторые еще лежат, так как у них пока не зажили раны.

Подошли тюремные надзиратели и разогнали арестантов по камерам.

Я осталась еще какое-то время с Бела Куном. Он рассказал мне о своих ближайших планах, дал указания, как связаться с товарищами, которые остались на воле, что им сказать, объяснял, как вести себя, чтобы не провалить никого и самой не попасть в беду.

Был очень доволен, что Альпари навещает меня, дает советы и заботится обо всем, что семью его не бросили на произвол судьбы. Потом снова перешел к политическим вопросам. «Попытайтесь сделать так, чтобы как можно больше людей получили пропуск в тюрьму. Если не дадут, надо поднять шум в газетах».

Он был весел, полон уверенности и даже шутил.

По прошествии стольких лет многое уходит из памяти, но одно я помню прекрасно — несмотря на бесчеловечную расправу и на довольно жесткий тюремный режим, которому, осо-

беиио вначале, подвергли коммуннстов, мы почему-то не были напугаиы. Когда все жены ехалн вместе на 28-м трамвае в Центральиую тюрьму, постороиние моглн подумать, что едет группа экскурсантов. Такое бодрое настроенне передавалось иам, очевндно, от мужей, иесмотря иа самые разиые слухн, которые иоснлись по городу. Толковалн о том, что коммуннстов вместе с семьями отправят во французские колоиии, где нх ожндает иемннуемая смерть; что кое-кого повесят за подстрекательство к убнйству; что в обвиннтельиом заключеннн перечнслеиы самые страшные преступлення. Но все это ие пугало нас.

Хотя арест руководителей был тяжкнм ударом для коммуиистнческого движеиня, однако снмпатия рабочнх к коммуннстам росла с каждым днем. Новый Центральный Комнтет (руководнл им из подполья Тибор Самуэли) вел работу рука об руку с сндевшнми в тюрьме коммуиистамн, был тесно связан с Бела Куиом, который и за решеткой работал с такнм же рвеинем, как иа воле. В распоряженни у него былн книги, газеты и даже пншущая машиика. Обстановка в тюрьме стала такой, что иногда казалось, будто ты иа митинге, а в другой раз — что в редакцнн газеты.

Бела Кун был так заият, так окружеи все время товарнщами, что бывали днн, когда ему ие удавалось даже поговорить со миой. Я сндела, ждала его, а часы свидания тем временем коичались.

Рабочие поистине трогательио заботилнсь о сидевшнх в застенках коммунистах. Прииоснли все: еду, одежду, книгн. Сколько раз им выговаривал Бела Куи, чтобы ие тратнлн столько денег. Но тщетио — еды приносили столько, что даже нас, жеи, угощали.

Коммуиисты завели в тюрьме свои собственные порядки. Выбрали довереииых, распределили между инми обязаииости. Раздачу еды и подарков поручили Отто Корвнну, а прочими делами ведал Еие Ласло — адвокат по профессии, который и прежде заинмался защитой полнтических заключеииых. Он же вел переговоры между коммуиистамн н тюремным иачальством. Все это оказалось возможиым лишь потому, что иачальник тюрьмы да и надзиратели тоже старалнсь быть в ладу с коммуиистами. Оии уже чуяли, куда дует ветер.

Только поздиее узиала я — это закон подпольного движеиия, — что Бела Кун уже из тюрьмы установил связь с Лениным.

«Примчались с вестью к Лайошу Немети, — читаем мы в газете «Непхадшерег» от 1 ноября 1961 года, — чтобы ои

оставнл свою партийную работу в провинцнн и срочио поехал к арестованиым руководнтелям партии в Центральиую тюрьму... Но от иего хотели большего, чтобы ои через фроиты н белогвардейскне банды прорвался к Леинну.

За шесть дней прибыл он нз Будапешта в Москву. Но разве трудиее всего было пробираться через фроиты, спать в вагонах с углеМ? Нет, на него возложнлн более ответствеиную задачу — разговарнвать с Леннным.

— Это было изумнтельиое чувство, — рассказывает Неметн. — Я сндел совсем близко к иему, вндел его глаза, слышал голос, видел руку, которая записывала мои слова... слова рядового революцнн. Я точио передавал все, что меня проснлн устно передать. Но Ленину этого было мало. Ои ннтересовался н другим. Хотел услышать н мое личиое мнение... Я вытащнл «Вереш уйшаг». Он сразу начал нскать в ией статью Бела Куна. Интересовался всемн делами «молодых революцноиеров» (так иазывал он иас). Мие казалось, что человечество смотрнт на меня его глазамн».

Правда, еще до Немети Бела Кун в декабре послал к Леннну Владнмнра Урасова с запнской, напнсанной иа папиросной бумаге. Через все граннцы и фронты вериулся Урасов к Бела Куну с ответом Леннна.

Большевик с 1906 года, опытный подпольщнк, позиавший всю хнтрую механику нелегальиой работы, Урасов, вериувшись в Будапешт, осторожно пробрался сперва в Зуглойский барак, где жнлн русские плеиные. Отворив дверь барака, он спроснл шепотом:

— Ну, как дела?

Слова его былн встречеиы громовым хохотом.

— Володя! Ты почему говорнщь шепотом? Ведь вчера вечером провозгласнли Веигерскую советскую республнку.

Это было 22 марта 1919 года.

До лндеров соцнал-демократнн и правительства дошлн вести о том, что коммунисты даже из тюрьмы ухитряются руководить двнженнем и вообще пользуются иевидаиными для арестаитов правамн. Проведали онн и о том, что рабочие собнраются их освободить силой оружия.

В одни прекрасный день ко мие явился соцнал-демократ и иачальник иародной милнции Дюла Сикра. Ои был старым участннком рабочего движеиия и другом юиости Бела Куна.

Сикра предложил отвезти меия в тюрьму иа своей маши-

не. Я охотно прнняла его приглашение, и в указанный час мы тронулнсь в путь. Подъехалн к тюрьме. Снкра сказал часовому, кто он такой, и попросил доложить о нем днректору тюрьмы Биро. Бнро прннял нас чрезвычайно холодно и офнцнально. Я не знала, чем это объяснить. Снкра заявнл, что хочет навестнть Бела Куна. Биро ответнл, что еще не наступил час свндания и поэтому он может дать разрешенне только по указанию свыше. Снкра пытался было уговорнть Бнро, но ннчего у него не вышло. В этот день и я не попала к Бела Куну.

Проводив меня до дому, Сикра сказал, что на днях снова прнедет за мной, но уже с соответствующнм разрешеннем.

(После падения диктатуры пролетарната Сикра попал в тюрьму, потом вместе с многимн участннкамн революцнн приехал по обмену в Советскнй Союз. Там он стал коммунистом — искренннм, н ндейным, и необычайно днсцнплнннрованным, самоотверженным работннком. Он был одним нз руководнтелей ЦСУ СССР. Бела Кун всегда с гордостью н удовлетвореннем слушал похвалы в адрес Снкры — н как работннка и как коммуннста.)

На другой день я поехала в Центральную тюрьму взволнованная, опасаясь, что меня опять не впустят. Наверное, вышел какой-то новый указ, подумала я. Каково же было мое удивленне, когда впустнлн без звука. Биро прннял меня с несвойственной любезностью н только упрекнул за то, что я прнвезла с собой вчера Снкру. В какое неловкое положение мог бы попасть он, Бнро, ведь Снкра-то приехал по порученню соцнал-демократнческой партнн проверить слухн о том, будто в Центральной тюрьме коммуннстам предоставлена чрезмерная свобода. Бнро предупреднл меня, чтобы впредь я была осторожней.

Я пообещала, но выполннть своего обещания не смогла. На другой день приехал ко мне государственный секретарь юстнцнн Ладаи и сказал, что хочет навестнть Бела Куна и просит поехать меня вместе с ннм. Я смутилась. Заметив мое смущение, он сказал, что бояться мне нечего, нбо едет он не с официальным внзнтом, ему хочется попросту побеседовать с Бела Куном.

Ладан пропустнли, конечно, мгновенно н так же мгновенно вызвали к нему Бела Куна. Содержание всей беседы я запамятовала. Не помню, присутствовал ли при ней еще

кто-нибудь или нет. Осталось у меня в памяти одно: Ладаи сразу же сказал, что приехал прежде всего затем, дабы получить хоть какие-нибудь сведения о России и о тамошнем положении. Бела Кун беседовал с Ладаи очень осторожно, рассказал ему в нескольких словах о России, большевистской партии и Ленине, потом быстро перешел к положению в Венгрии. Возмущенно заговорил о том, что в «народной республике» коммунисты столько времени сидят в тюрьме без обвинительного заключения, по сути дела не зная даже, за что их арестовали. Он потребовал, чтобы Ладаи, как государственный секретарь юстиции, вмешался в это дело. Ладаи пообещал, сказал, что сделает все зависящее от него, и спросил даже, каково их положение в тюрьме, нет ли каких-нибудь особых желаний. Бела Кун ответил: у них одно желание — быть выпущенными на волю.

Ладаи ушел. Я осталась. В тот день Бела Кун был очень занят: писал статью и какие-то тезисы, готовился к предстоящему процессу.

Тем временем положение правительства становилось все трудней и трудней. К коммунистическому движению примкнули рабочие крупнейших заводов, они участвовали во всех мероприятиях партии. Все хуже становилось и положение СДП. Рабочие открыто высказывали свое недовольство, ибо совместные действия с буржуазией не принесли им ничего хорошего. Одновременно и реакция все сильнее подзуживала народ против правительства и социал-демократов. Русская Красная Армия приближалась к Карпатам, к границам Венгрии.

У социал-демократов другого выхода не было, они вынуждены были начать переговоры с коммунистами.

Бела Кун уже больше недели назад написал письмо Игнацу Богару[1], в котором изложил условия объединения на основе платформы коммунистов. Этот исторический документ тоже заставил лидеров социал-демократии принять срочные меры.

Теоретическую часть письма каждый может прочесть сам, я приведу только строки, очень характерные для Бела Куна:

«Кто установит в Венгрии пролетарскую диктатуру, о ко-

---

[1] Богар Игнац (1876—1933) — рабочий, один из руководителей венгерского профсоюза печатников. Он вел переговоры с Бела Куном об объединении сил венгерского пролетариата.

торой слышится так много нареканий со стороны иных, — это мне в общем безразлично. Думаю, что никоим образом не отдельные лица, а сами пролетарские массы, и во главе масс пойдет тот, кого поставят туда его убеждения, а также — я должен добавить: отвага. Отсюда, из тюрьмы, я могу сказать совершенно спокойно, что мне неважно, буду ли я при распределении постов в числе первых, я и в Венгрии хочу только одного: быть во время сражений в первой боевой шеренге пролетариата, так же как был и в России. Революционер проверяется на деле...»

18 марта 1919 года, как я уже упоминала ранее, рабочие заводов Чепеля и проспекта Ваци принимали решения за решениями о необходимости освобождения коммунистов и вооруженного восстания. 19 марта на митинге безработных была принята резолюция идти с оружием в руках в тюрьму, освобождать коммунистов. 20 марта некий французский подполковник (фамилия этого недостойного даже упоминания офицера была Викс) передал ноту венгерскому правительству, которая ясно дала понять, что означает на деле принцип «суверенитета малых народов», столь громогласно провозглашаемый западными демократиями. (Даже Дебрецен оказался бы за демаркационной линией.) В тот же день забастовали печатники, сочувствовавшие коммунистам. Страна осталась без газет. Солдаты-коммунисты вместе с матросами подняли орудия на гору Геллерт. Правительство подало в отставку, передало власть в руки социал-демократов. Но они-то отлично знали, что большинство рабочих и беднейших крестьян прислушиваются к слову компартии и требуют диктатуры пролетариата. Стало быть, надо немедленно заключить соглашение с коммунистами. Кроме нескольких, совсем правых лидеров, все остальные руководители социал-демократической партии во главе с Ене Ландлером приняли платформу Бела Куна и пошли к нему в тюрьму. Выработали совместное воззвание. От имени коммунистов его подписали: Бела Кун, Ференц Янчик, Эде Клепко, Бела Санто и Бела Ваго. Тем временем рабочие захватили уже важнейшие общественные здания.

Я зашла в полдень к Карою Вантушу, который скрывался на квартире у Ференца Гендера. Увидев меня, он сразу поспешил навстречу, обнял и сказал:

— Теперь мне больше нечего бояться ареста.

Я посмотрела на него с недоумением. Гендер разъяснил, в чем дело. Сказал, что социал-демократы решили объединиться с коммунистами, взять власть в свои руки и провозгласить советскую республику. Это меня еще больше удивило. Я спросила:

— На какой же платформе произойдет объединение?

Гендер ответил:

— На коммунистической! И если вы не верите, то пойдемте в Центральную тюрьму. Социал-демократические лидеры скоро пойдут к Бела Куну.

Я договорилась с Гендером, что он заедет за мной и мы отправимся с ним в тюрьму. Слово свое он сдержал: явился ко мне вместе с журналистом Миклошем Фараго, и мы поехали в Центральную тюрьму.

Перед воротами стояли уже Вельтнер, Погань, Ландлер и Кунфи. Ворота тюрьмы были на запоре. Приехавшие настойчиво нажимали на кнопку звонка, но тюремщики, видно, не торопились отворять. Вельтнер, с которым я не была знакома, спросил у Гендера, кто я такая. Гендер ответил. Тогда Вельтнер подошел ко мне, любезно представился, взял меня под руку и, отведя в сторону, сказал:

— Мадам Кун, через три недели подохнем, но зато все вместе.

От удивления я в первую секунду не знала, что и сказать, потом отпарировала его же словами:

— Если вы думаете, что подохнем, зачем вы приехали к коммунистам?

— Не хотели, чтобы брат пошел на брата, не хотели, чтобы мы сами погубили друг друга...

Быть может, в тот миг это были искренние слова, но действия вскоре доказали обратное. Немало «братьев» коммунистов погибло на виселице, и именно в результате действий Вельтнера и компании, которые не хотели, чтобы «брат пошел на брата».

21 марта 1919 года.

Создано советское правительство.

В Венгрии бескровно победила пролетарская революция.

22 марта Чепельская радиостанция вызывает к аппарату Ленина.

«Вчера ночью венгерский пролетариат завоевал государственную власть, ввел диктатуру пролетариата и приветствует Вас, как вождя международного пролетариата. Пере-

дайте наш привет и выражение нашей революционной солидарности русскому революционному пролетариату... Венгерская советская республика предлагает русскому Советскому правительству вооруженный союз против всех врагов пролетариата. Просим немедленного сообщения о военном положении».

Москва ответила в 9 часов 10 минут.

«Здесь Ленин. Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской Советской республики и особенно т. Бела Куну. Ваше приветствие я передал съезду Российской коммунистической партии большевиков. Огромный энтузиазм» [1].

Бела Кун обращается к трудящимся всего мира:

«Мы сообщаем рабочим всего мира, что венгерская социал-демократическая партия и коммунистическая партия объединились в одну социалистическую партию, от имени всех рабочих, солдат и крестьян провозгласили диктатуру пролетариата и без пролития единой капли крови взяли в свои руки государственную власть...

Весь венгерский пролетариат объединился под знаменем своей диктатуры и всемирной социальной революции и будет вести борьбу против империализма совместно с Российской Советской республикой и всеми теми пролетариями, которые пришли к убеждению, что нет никакого другого пути для победы над силами международного империализма и для осуществления социализма, чем совместная борьба всех рабочих и крестьян.

Венгерская пролетарская революция создана двумя силами: первая сила — движение рабочего и крестьянского пролетариата и солдат, а вторая — давление империализма держав согласия (Антанты), которые стремились лишить Венгрию продовольственных средств и возможности существования...

...Мы обращаемся к пролетариям всего мира, к нашим французским, английским, итальянским и германским братьям-рабочим и призываем их восстать всеми силами против капиталистов их стран, которые попытаются удушить венгерскую пролетарскую революцию при помощи голода. Мы передаем венгерскую пролетарскую революцию под защиту международного социализма. Мы твердо решили защищать завоевания нашей революции до последней капли крови.

От имени народных комиссаров Венгерской
советской республики
народный комиссар по иностранным делам

Бела Кун».

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 216.

Восьмичасовой рабочий день для взрослых, шестичасовой для подростков, удвоенная натуроплата батракам; виллы и господские квартиры пролетариям; барские дома под сельские Советы; даровое обучение и стипендии детям трудящихся; оплаченный отпуск; заводы в руки пролетариев; свобода женщинам; независимость стране; новая демократическая культура — вот они достижения за первые недели существования Советской власти в Венгрии.

Всего лишь восемь речей Ленина были записаны на граммофонную пластинку. Эти восемь пластинок и хранят голос Ленина для потомства.

Одну из этих речей Ленин посвятил венгерской пролетарской революции и Бела Куну:

«Товарищ Бела Кун хорошо знаком был мне еще тогда, когда он был военнопленным в России и не раз приходил ко мне беседовать на темы о коммунизме и коммунистической революции. Поэтому, когда пришло сообщение о венгерской коммунистической революции и притом сообщение, подписанное товарищем Бела Кун, нам захотелось поговорить с ним и выяснить точнее, как обстояло дело с этой революцией... Ответ, который дал товарищ Бела Кун, был вполне удовлетворительным и рассеял все наши сомнения... Бела Кун своим авторитетом, своей уверенностью в том, что за него стоят громадные массы, мог сразу провести закон о переходе в общественную собственность всех промышленных предприятий Венгрии, которые велись капиталистически. Два дня прошло, и мы вполне убедились в том, что венгерская революция сразу, необыкновенно быстро стала на коммунистические рельсы» [1].

3 апреля 1919 года Ленин в своем докладе на чрезвычайном пленуме Московского Совета сказал:

«Тов. Бела Кун, наш товарищ и коммунист, полностью прошедший практический путь большевизма в России, когда я с ним разговаривал по радио, говорил: «У меня нет большинства в правительстве, но я одержу победу, потому что массы за меня, и созывается съезд Советов». Это — всемирно-исторический переворот...

...Мы вспоминаем пример, когда старые люди говорят: «Выросли детки, детки вышли в люди, можно умирать». Мы умирать не собираемся, мы идем к победе, но когда мы видим таких деток, как Венгрия, в которой уже Советская власть, мы говорим, что мы уже свое дело сделали не только в русском, но и в международном масштабе...» [2]

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 232, 233.
[2] Там же, стр. 260, 262.

А иа конференцни фабрнчно-заводских комнтетов н профессиональных союзов Москвы 17 апреля 1919 года Леннн опять говорил о венгерской пролетарской революцнн:

«В Венгрни, как нзвестно, буржуазиое правительство добровольио ушло в отставку, добровольио освободнло нз тюрьмы Бела Куиа, венгерского офнцера-коммуннста, бывшего в русском плеиу н актнвно боровшегося в рядах русских коммуннстов, прнинмавшего участие в подавленин левоэсеровского восстаиия в нюле прошлого года. Этот, подвергавшнйся преследоваиням, клевете и издевательствам, веигерскнй большевик теперь является фактнческим руководителем Веигерского Советского правительства» [1].

Итак, руководнтелн социал-демократнческой и коммуинстнческой партнй подписали докумеит, которому иадлежало воспрепятствовать тому, чтобы «брат пошел на брата», который должен был объеднннть рабочнй класс в борьбе протнв буржуазнн и за созданне пролетарской днктатуры.

Коммунисты кучкой стояли в корндоре н обсуждали событня дня, гадали: что-то прннесет будущее?

Им было известно пнсьмо Бела Куна к Игнацу Богару, поэтому онн зналн, зачем прншлн социал-демократы.

Я стояла вместе с инмн в корндоре тюрьмы и слушала все, что говорнлось о наступающем повороте. Кое-кто ие скрывал своих сомиеннй, говорнл о иих во всеуслышанне. Соглашение вообще ие вызвало восторга у коммунистов. Трудно было поверить, что те, кто еще месяц иазад прнзывал рабочих бойни с топорамн в руках выйти иа улнцу протнв коммуннстов, те, что изгиалн коммуннстов из рабочнх Советов, что этн же Вельтнеры, Хаубрихи, Бемы н другие, теперь искренно будут бороться за осуществленне днктатуры пролетариата. Еще труднее было поверить тому, что, еслн наступят трудные днн — а иаступят они нензбежно, — эти людн станут на защиту пролетарской революцнн.

Социал-демократы удалились. Бела Кун вышел из камеры. Видио было, что ои очень взволиоваи. Рассказал обо всем случившемся н, когда мы осталнсь иаедние, промолвил:

— Мы совершнли какую-то ошибку, ио какую, еще не зиаю. Что-то уж больно легко все прошло.

— Мне тоже показалось, особеино по лицам молодых, что оии иедовольны, — заметила я.

Ответом былн горькая улыбка и скупые слова:

[1] В. И. Леиии, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 318.

— Я и сам недоволен, но при нынешнем положении другого выхода не было.

В дальнейших его словах звучало то же самое беспокойство, что я ощутила и у некоторых коммунистов, с которыми стояла вместе в коридоре.

— Домашняя оппозиция уже налицо, — кинула я вдруг, шутливо, но тут же добавила серьезно: — Соглашение было воспринято критически.

Бела Кун не стал спорить, не стал бранить «домашнюю оппозицию». Он знал, что у товарищей есть все основания сомневаться, но верил в революционную ситуацию, верил в приход наступающей Красной Армии (она стояла уже под Тарнополем) [1], верил в преданность самих коммунистов и надеялся, что это соглашение революционизирует массы. Ведь крайне правые социал-демократы уже отстранены, а колеблющимся, вернее сказать, левым социал-демократам придется поддерживать Советскую власть, в противном случае они будут вытеснены дальнейшим ходом пролетарской революции. Кроме того, Бела Кун был убежден в том, что кое-кто из лидеров СДП искренно перейдет на сторону коммунистов.

Стало быть, кроме положительных субъективных факторов, Бела Кун опирался и на объективную революционную ситуацию. У него были все основания думать, что Российская Красная Армия очень скоро соединится с венгерской и таким образом защита Венгерской советской республики будет обеспечена. А кроме того, он — да и не только он — был уверен, что рабочий класс соседних стран последует примеру Венгрии. Вести о восстаниях и массовых забастовках непрестанно неслись по телеграфным проводам. В Германии бушует гражданская война, в Чехословакии — Кладно в огне, в Австрии Винер-Нейштадт поднялся на революционную борьбу, вспыхивают забастовки в Румынии, вышли из повиновения некоторые полки французской армии. Югославия, Италия... Одним словом, ев-

[1] В воспоминаниях о Тиборе Самуэли Бела Кун писал: «К объединению Тибор отнесся с недовольством и даже с тревогой, но примирился с ним, как «неизбежным злом». Когда в первые дни диктатуры я говорил ему, как и другим коммунистам, что «где-то допущена ошибка, слишком уж гладко все прошло», он тем не менее возлагал на то же надежды, что и я. Тоже был уверен, что русская Красная Армия приближается, вскоре мы сможем объединиться с ней (18 марта один красный бронепоезд был уже в Тарнополе, а из Прикарпатья все время поступали донесения, что со стороны Галиции слышится орудийная канонада), и общая граница с Советской Россией обеспечит нам не только военную, но и политическую поддержку в борьбе против социал-демократов».

ропейская, во всяком случае среднеевропейская, революция казалась неизбежиой. Поэтому Бела Куи ие раз говорил, что было бы роковой ошнбкой не взять власть в свои руки. А коли власть уже в руках, то и на ходу можио виосить любые корректнвы. Ведь ясно, что коитрреволюция собирает свон силы по всей стране. Преступио было бы ждать, пока она окрепиет и сама пойдет в наступлеиие, которое, кто его зиает, чем может окоичиться.

Такнм образом, факт остается фактом: венгерский рабочий класс, объединившись в едииую партию, взял власть в свои руки иа основе коммуиинстической платформы.

Правильио или иеправильио было решеиие относительио объедииеиия двух партий; можио ли было при тогдашием соотиошеиии сил найти другой выход; иадо лн было компартии, которая существовала всего лншь девяиосто дией н еще ие успела создать разветвленную сеть первичиых оргаиизаций, отказываться от совместиого взятия власти? (Быть может, КПВ окрепла бы иесколько — этнм вопросом еще иикто ие занимался, — ио прн этом иаверняка открылся бы путь для иаступления оргаиизующейся коитрреволюции. Надо не забывать, что Российская Коммуиистическая партия создала свои оргаиизацни за четырнадцать лет жестокой борьбы с меиьшевиками, ие говоря уже об огромиых революциоииых традициях Россни, о «геиеральиой репетиции» 1905 года.) Правильио ли было бы ие посчитаться с тем, что если компартня откажется от предложениого ей объедииеиия, то СДП, воспользовавшись этим, могла бы вновь завоевать массы, которые отошли от иее?

В своих статьях, иаписаииых во время советской республики, и особеиио в статьях, иаписаииых после пораженил, Бела Куи, извлекая уроки венгерской революции, не только не замалчивал ошибки, ио и всю ответствениость за иих брал иа себя, кое в чем, по-моему, даже преувеличивая.

Иллюзия и иаивиость думать, что в первые иедели и месяцы революции можио сразу же без ошибок иачать построеиие новой государствеииой системы (как известно, ошибок иельзя было миновать ие только в первые недели н месяцы, но н миого позже). А кроме того, очевидио, что венгерские коммунисты, будь у них на это время, миогое повернулн бы иначе, тем более что онн самн ясио осознавали, сколько вынужденных шагов пришлось им сделать из-за сложиости ситуацин. Впрочем, уже в ходе революцни доказалн оии свою гибкость, миогое исправляя на ходу.

«Ошибкн совершает тот, кто действует, — пнсал Бела Кун из Штайихофского коицлагеря, куда его заключили австрийские

власти после падения Венгерской коммуны. — А кто бездействует, кто не напрягает все силы во время революции, кто во время неблагоприятной для революции конъюнктуры отстраняется от ответственности и выжидает благоприятную конъюнктуру и в лучшем случае одобряет или не одобряет революцию и ее события, — тот совершает уже не ошибку, а преступление...

...Морем разлилась клевета, горами взгромоздились обвинения против венгерской пролетарской диктатуры. И питается это море клеветы реками недоброжелательной глупости, а гору обвинений возводят те, кто не в силах даже увидеть ее вершину, ибо крайней точкой горизонта служит им кончик собственного носа...

...Мы выполняли свой революционный долг, мы не занимались ни резонерством, ни саботажем, не ожидали того, чтобы другие совершили за нас пролетарскую революцию, не прятались от ответственности во время неблагоприятной конъюнктуры, и не просто одобряли или не одобряли революционные события, но и действовали, то есть были и остались революционерами, — поэтому мы можем готовиться к новым боям с сознанием того, что были застрельщиками мировой революции и интернационалистами не на словах, а на деле. Правда, мы не смогли защитить от хлынувшего на нас ливня международного империализма тот малый и слабый очаг мировой революции, который называется Венгерской советской республикой. Но мы больше всех содействовали тому, чтобы великий и могучий очаг мировой революции — Советская Россия — поборол волны международной контрреволюции, которые поднялись выше всего как раз во время провозглашения Венгерской советской республики» [1].

Еще шире развивает Бела Кун ту же мысль в предисловии, написанном в январе 1929 года к роману Бела Иллеша «Тиса горит»:

«Мы как-то слишком легко примирились с тем, что удел потерпевшей поражение революции — быть вдвойне оклеветанной. Под тяжестью ударов мы согласились на время даже с тем, будто значение венгерской пролетарской революции состоит в первую очередь в ее негативных уроках. Такая точка зрения проникла к коммунистам от социал-демократов... Венгерская пролетарская революция примечательна не только своими ошибками. Она сверкает своими достоинствами, своими

[1] Бела Кун, Несколько замечаний для благожелательно настроенных.

блестящими сторонами... пора покончить с самобичеванием, которому мы предавались десять лет, пора раскрыть для всех, и прежде всего для молодежи, которая почти ничего об этом не знает, истинное значение венгерской пролетарской революции.

Венгерская революция не только приняла тяжесть ударов, но и оттянула на себя силы международной контрреволюции в тот момент, когда и внешнее и внутреннее положение Российской Советской республики было самым тяжелым.

...Нельзя забывать *и* о том, что во всей Центральной и Западной Европе только у венгерского пролетариата и молодой Коммунистической партии Венгрии хватило сил и решимости на то, чтобы установить советскую республику, превращая каждое выступление рабочего класса в борьбу за власть и при первой же возможности захватив ее в свои руки.

Поэтому поучительны не только ошибки венгерской пролетарской революции, поучительно, как выступил пролетариат одной страны зачинщиком в революционной борьбе, не ожидая, пока выступят и другие, не подстрекая их на это:

Твои большие сапоги —
Тебе и первому идти».

Те, кто с антиисторических, а следовательно, с невежественных позиций осуждал Куна за те цели, которые он *тогда* поставил перед венгерской революцией, изволили забыть, что в дни Октябрьского переворота, кроме задач внутреннего преобразования России, те же цели ставили перед собой и русские революционеры, русские большевики. И боролись за них не потому, что они были мечтатели-утописты, как это многим кажется сейчас, а потому, что такова была *тогда реальная* международная обстановка. «Да здравствует международная республика Советов!» [1] — закончил Ленин свою речь на Красной площади 1 Мая 1919 года. А 15 июля того же года на беспартийной конференции красноармейцев Ходынского гарнизона он говорил: «...эта победа завершится и победой пролетариата на Западе, ибо на Западе движение рабочих всюду принимает большевистский характер, и если Россия со своей Советской властью вначале была в одиночестве, то впоследствии к ней присоединилась Советская Венгрия, идет дело к передаче власти Советам в Германии, и недалек день, когда вся Европа соединится в единую Советскую республику, которая уничтожит господство капиталистов во всем мире» [2].

---

[1] *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 324.
[2] *Там же*, т. 39, стр. 111.

Такая перспектнва стояла перед глазами Ленина, который считал русскую революцию частью мнровой революции и был уверен, что: «Сами массы подинмутся н, поголовно сделавшись агитаторамн, создадут несокрушимую силу, которая обеспечит Советскую республику не только в Росснн, ио и во всем мире» [1].

«Каждый месяц приближает мнровую пролетарскую революцию» [2], — этими словамн закончил он «Прнвет венгерским рабочнм».

Венгерская революция тоже — ведь Бела Куи был учеником Леннна — наряду с борьбой за внутреннее соцналнстическое преобразованне Венгрии боролась за освобожденне мнрового пролетарната, считала себя частью мнровой революцнн.

Еще 22 апреля 1919 года Бела Куи писал Леинну:

«Прежде всего я должеи подчеркнуть, что пролетарская революцня, органнзованная коммуинстамн, свершилась бы и помнмо нзвестной ноты подполковнnка Викса. Но, я думаю, глупо было бы не воспользоваться случаем, который нам представлялся. Шаблонно мыслящне буржуазные ндеологн, усвонвшне не дух, а только форму марксистского метода, конечно, лншь с трудом могут представнть себе, как это могло случнться, что после такого кровавого переворота, как русская Октябрьская революция, переворот в Венгрнн совершился как будто бы совершенио мирно. Характерно, что нменио этот факт особенно огорчнл шейдемановцев... Нет сомнення, что и в венгерской революции потечет еще кровь — н достаточно кровн. Контрреволюцня уже прнподнимает свою голову, но, прежде чем она ее подымет окончательио, мы снесем эту голову с плеч...

...Положенне наше критическое. Но что бы нн случилось, каждый наш шаг будут направлять интересы мировой революцни. Мы н мысли не допускаем, чтобы можно было пожертвовать этнмн интересамн в пользу какого-нибудь отряда мировой революцнн. Даже еслн нас ожндает мнр, подобный Брестскому, мы заключим его с тем сознаннем, которым были проннкнуты Вы, заключая Брестскнй мир...»

Подчеркнванне ошнбок венгерских коммуннстов, героев революцни — а в разное время разные люди усердствовали в этом и внутри рабочего движения (отголоски слышны и до сих пор) — лило, в сущностн, воду на мельницу тех контрреволюцнонеров, которые десятки лет старательно поливали грязью н клеветой самый светлый, самый героический пернод исторнн Венгрии.

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.
[2] Там же, стр. 388.

Вряд ли были правы и те, кто за все неверное, за все неудачи возлагал ответственность на одного Бела Куна.

Иногда приходит в голову, что если Бела Кун в чем-то был действительно виноват, так именно в том, что, восклицая: «Я все выдержу!», соглашался брать на себя ответственность за все неудачи, за все, что не удалось совершить.

Правда, и на это были свои причины.

Мы попрощались. Он остался в тюрьме. Я пошла домой и ждала. Вечером пришли за мной. Я должна была пойти на квартиру Гендера, где собрались освобожденные коммунисты, а также и социал-демократы после проведенного совместного заседания, на котором обсуждали вопрос о провозглашении советской республики и учреждении Совета народных комиссаров.

Когда мы с женой Ласло Рудаша и женой замечательного коммуниста Бела Секея ехали на квартиру Гендера, по улицам ходил уже рабочий патруль и не хотел нас пропускать, пока мы не сообщали, кто мы такие и куда едем.

Народ узнал о событиях от Бела Ваго, который произнес речь перед огромной толпой из окна Центрального Комитета. Он сообщил о том, что правительство Карои подало в отставку и власть перешла в руки Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

...Мы пришли на квартиру Гендера. Там и я узнала, что учреждено советское правительство, объявлено объединение двух партий на основе платформы коммунистов и назначены народные комиссары и их заместители. Это историческое заседание закончилось на рассвете.

Все разошлись по домам. Мы с Бела Куном тоже вышли на улицу, но, пройдя уже порядком, вдруг посмотрели друг на друга. Куда же мы идем? После ареста Бела Куна мне пришлось съехать с квартиры на улице Идьнек, где меня непрерывно осаждали шпики и журналисты. Я временно поселилась у родственников. Мы и без того жили вчетвером в маленькой комнатушке, так что Бела Куну уже вовсе негде было поместиться. Но в водовороте событий обо всем этом забыли, конечно.

И вот мы остановились на улице и размышляли: что нам делать, куда идти? Пока раздумывали, заметили вдруг, что кто-то стоит у нас за спиной. Это оказался Винце. Он тоже шел домой.

— Куда вы? — спросил он.

— Это и мы хотели бы знать.

И рассказали, что у нас нет жилья. Винце долго потешался над нами, потом решительно сказал:

— Пойдемте! Нет — так будет!

Над Будапештом вставала весенняя заря. Приятно было гулять, но после стольких событий еще приятней было бы отдохнуть. Мы оказались у гостиницы «Астория». Вошли. Винце попросил номер.

— Нет ни одного свободного! — бросил портье.

— А должен быть! — ответил Винце.

— Что значит должен, если нет? Не могу же я выкинуть кого-нибудь из постели. Прошу вас, господа, не нарушайте ночной покой.

И он уже собрался было выставить нас, думая, что, если мы с утра пораньше явились в «Асторию», значит пришли из какого-нибудь ночного заведения и выпили больше чем следует.

А Шандор Винце только улыбался. Потом отозвал в сторону портье и сказал, кому требуется номер.

Никогда не забуду я выражения лица этого человека, когда он узнал, о ком речь идет. Бедняга подумал, наверное, что ему снится сон, ведь, по его представлениям, Бела Куну обеспечено было постоянное жилье в тюрьме. Он схватился за голову, убежал и немного погодя явился с ключом в руке и с каким-то своим шефом, который проводил нас — не помню уже, на какой этаж, — открыл апартамент из двух комнат и, раз десять поклонившись, пожелал «господам товарищам» доброй ночи.

Наконец нашлось и нам пристанище. Мы остались одни. Но после всего пережитого заснуть, конечно, не могли. Впрочем, Бела Куну было вообще не до сна. Он лежал с открытыми глазами и думал. Я знала, в такие минуты его нельзя ни о чем спрашивать. Молча лежала. Пыталась заснуть. Наконец это удалось.

Когда проснулась, Бела Кун стоял уже одетый. Сказал, чтобы я не ждала его, так как он весь день будет занят. Сейчас пойдет на Вышеградскую. Едва он произнес слово «Вышеградскую», как тут же скрылся за дверью, чтобы я не увидела по его лицу, что он переживает.

ВЕНГЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Если я не ошибаюсь, в тот же вечер, 21 марта, когда проходило последнее заседание Рабочего совета (он был почти целиком в руках социал-демократов), устроила собрание и Коммунистическая партия Венгрии.

Оно было прервано появлением Тибора Самуэли, который заявил, что обе партии объединились и провозгласили советскую республику. Слова его были встречены всеобщим ликованием. Собрание закончилось тем, что все его участники вышли демонстрировать на улицу.

На другой день вновь состоялось собрание коммунистов, на котором Самуэли объявил, что председателем Совета народных комиссаров избран известный социал-демократический лидер Шандор Гарбаи.

Эти слова Самуэли были встречены глубоким молчанием.

Далее следовали имена народных комиссаров и их заместителей. Все народные комиссары, кроме двух, были из бывших социал-демократов, коммунисты же занимали только посты заместителей.

И лишь тогда оживился зал, лишь тогда прояснились чуточку лица, когда Самуэли сообщил, что во главе Народного комиссариата иностранных дел будет стоять Бела Кун. А потом и вовсе поднялась буря оваций, когда Самуэли сказал, что Бела Кун пошлет от имени Совета народных комиссаров радиограмму Ленину о венгерских событиях и предложит заключить военный союз.

И все-таки, когда собрание закончилось, коммунисты ушли в довольно-таки смутном расположении духа.

На другой день кое-кто из них явился к Бела Куну: коммунисты привыкли делиться с ним своими сомнениями.

Бела Кун слушал, слушал их, потом сказал: «Коммунисты на то и коммунисты, чтобы преодолевать трудности». Он напомнил о русских большевиках, которые в ходе революции не раз попадали в очень трудное положение и пусть не сразу, но всегда приходили к правильному решению вопроса. «Теперь самое

главное, — сказал Бела Кун, — чтобы каждый честно и хорошо работал там, куда его поставила партия».

Я не могу, конечно, точно воспроизвести, что́ он сказал, помню только суть его речи. Она звучала страстно, сильно, убежденно. Он говорил о том, что Компартия Венгрии создана лишь девяносто дней назад. Это очень малый срок. Но массы на ее стороне. Однако не надо обманывать себя и строить воздушные замки: КПВ организационно еще далеко отстает от СДП, у которой за спиной десятки лет опыта и в наличии разветвленная сеть организаций. Однако время работает на коммунистов. Русская Красная Армия уже на пути к Венгрии, она идет на соединение с Венгерской Красной армией. Буря мировой революции захватила уже и окрестные страны. Старая Европа шатается, мир на пороге создания Средне-Европейской Советской республики. При первой возможности все будет сделано и для развития венгерской пролетарской революции. Но теперь надо не сомневаться, а работать, работать с удесятеренной силой — в этом задача коммунистов! Завоевание власти пролетариата — дело не шуточное, а удержать пролетарскую власть, бескомпромиссно построить советское государство — это настоящее мужское дело, задача, достойная коммунистов. Все меняется на ходу, и надо быть готовыми осуществить завтра то, что еще нельзя осуществить сегодня.

Хотя Бела Кун говорил страстно и убежденно, однако я видела, что он вовсе не в своем обычном хорошем настроении.

Когда мы остались одни, я тоже задала ему несколько вопросов. Но он промолчал. Видно, не было охоты отвечать.

И я обиделась.

Это было уже очень давно. С тех пор прошло почти полвека.

Теперь и мне стало ясным то, что он понимал уже тогда: не так-то просто изменить с помощью вопросов да предложений упрямые факты действительности.

Вскоре после провозглашения советской республики в одно прекрасное весеннее утро я отправилась в Центральную тюрьму. Мне нужно было забрать вещи, которые в волнующий день 21 марта Бела Кун забыл там впопыхах.

Это были большею частью книги, но осталась в тюрьме и пишущая машинка и кое-что из белья. И то и другое нам было необходимо.

Получив вещи, я попрощалась с начальником тюрьмы господином Биро. «Умиленный», пожимал он мне руку, не забы-

вая напомнить и о том, сколько услуг оказал он коммунистам, особенно Бела Куну. (Мне думалось уже, вот-вот он скажет: «Даже кров ему предоставил».) Я молчала, зная, что такой человек понапрасну слов не тратит, ждала, когда же вылезет шило из мешка. И вот, наконец, оно вылезло.

— Я очень люблю свою профессию, — елейно сказал Биро, — и надеюсь, что эту должность сохранят за мной. Я ведь отличный специалист. Поверьте, что у меня громадный опыт.

И он попросил, чтобы я замолвила за него словечко Бела Куну, как он выразился, «вашему дражайшему супругу».

У меня уже был готов сорваться с языка не совсем любезный ответ, но я удержалась. Никогда не любила я ни выслушивать грубости, ни произносить их. Хотя и очень сердилась. И было из-за чего. Пока я ждала вещи Бела Куна, передо мной разыгралась следующая сцена.

Тюремный надзиратель привел какого-то мужчину. «Присядьте, господин граф!» — сказал он ему и тактично удалился, чтобы «господин граф» мог доверительно побеседовать со своей супругой в дальнем углу просторной канцелярии. (Граф попал в тюрьму за активную контрреволюционную деятельность.)

Когда интимная беседа подошла к концу, граф с графиней начали громко разговаривать. И я услышала, сколько и какого постельного белья, какие столовые принадлежности и еду просил граф принести ему в тюрьму. Графиня все аккуратно записывала в блокнотик. Еду граф просил присылать два раза в день: «Я люблю все только свежее», а кофе просил в термосе: «Люблю только горячий».

И тут мне вспомнилось, как избили Бела Куна, как с воплями «Пускай подохнет!» оставили его на полу, где он валялся в луже собственной крови, как не хотели его поместить в больницу, а когда повели все-таки в кабинет тюремного врача, то снова избили до полусмерти. И «товарищи полицейские» лишь тогда перестали его колотить, когда решили, что он уже умирает.

В золотую пору буржуазно-демократической республики, провозгласившей свободу и равенство всех граждан, от меня не хотели принять для Бела Куна не то что одежду и еду, но даже записочку. И все это продолжалось до тех пор, пока не пришли в движение Чепель и другие рабочие предместья.

Об этом думала я, пока господин граф перечислял свои желания, директор тюрьмы свои, да и потом, когда сидела уже в трамвае и везла домой пожитки Бела Куна, у которого директор тюрьмы просит сейчас поддержку ввиду того, что он «прекрасный специалист своего дела».

Такие и подобные вещи тогда еще поражали меня.

Как-то ранним утром, часов около шести, мы проснулись в гостинице от оглушительного шума. (Это случилось тоже в один из первых дней после провозглашения пролетарской диктатуры.) Бела Кун подошел к окну: хотел посмотреть, что творится на улице. Перед гостиницей «Астория» стояла толпа людей. потом вдруг они все хлынули в парадное и направились прямо к Бела Куну.

Человек десять-пятнадцать ухитрились протиснуться к нам в комнату, где я еще лежала в постели, а Бела Кун одевался.

Он спросил, что случилось, какое неотложное дело заставило их ворваться, не дождавшись, пока он оденется. И тут все заговорили разом, наперебой:

— Товарищ Кун! Позавчера вечером у меня украли поросенка. Помогите, пожалуйста, я ведь бедный человек...

— Товарищ Кун! Я тоже бедный! Не могу купить фураж лошадям. Дайте мне бумагу в фуражный центр.

— У сына чахотка... Распорядитесь, товарищ Кун, чтобы его немедленно устроили в санаторий... Помилуйте, что ж у нас в конце концов, пролетарская диктатура или нет?!

— Меня, товарищ Кун, муж бьет смертным боем... Должны вы что-нибудь сделать, раз уж женщину приравняли к мужчине...

— Я женился. Ни комнаты у меня, ни обстановки...

— Я, изволите ль знать, в Кишпеште живу. Вот уже три года, как крыша над головой прохудилась. А этот вонючий домовладелец не желает ее чинить. До сих пор я терпел... Но теперь... Когда вся власть принадлежит трудящимся... Прав я, товарищ Кун, или нет?

Бела Кун долго выслушивал жалобы. Будь на то его воля, он тут же поместил бы в санаторий чахоточного паренька, распорядился бы покрыть прохудившуюся крышу и разыскал бы того, кто украл поросенка у бедного мужика. Но вместо этого он порекомендовал всем изложить свои желания в письменном виде и послать на его имя в Будапештский рабочий совет.

— А теперь я попрошу вас пойти домой. У меня дела, — сказал Бела Кун. — В восемь часов я должен быть уже на заседании.

...Посещения эти повторились и в следующие дни. Среди посетителей попадались теперь и более чем странные люди. Сперва они молчали, строили кроткие физиономии, озирались, потом вдруг во всю глотку, чтоб услышали кругом, требовали такое, чего невозможно было выполнить или до чего пролетарской диктатуре не было никакого дела.

Пришлось пуститься на поиски более подходящего жилья, чем гостиница «Астория», такого, где в одном здании можно было бы разместить ведомства, народных комиссаров и разных других руководителей. Потому-то и переехали мы в гостиницу «Хунгария», которая с разных точек зрения казалась более подходящей. Однако, как выяснилось потом, в «Хунгарии» тоже было не так-то просто жить.

Эта гостиница прежде всего служила пристанищем для помещиков, которые приезжали в Будапешт по делам и одновременно безудержно кутили. Но можно было там встретить и будапештских фабрикантов, торговцев — они тоже снимали номера в «Хунгарии», чтобы «душу отвести»: развлечься картами, женщинами, вином. Ни война, ни буржуазная революция не служили им помехой.

Когда дирекция гостиниц (по тому времени уже национализированных) призвала вышеупомянутых жильцов «Хунгарии» ретироваться в установленный срок в свои пештские и провинциальные квартиры — тоже вряд ли тесные, — господа возмущенно запротестовали, усмотрев в этом ущемление своих прав и свободы личности. Но, заметив, что громкими фразами теперь не возьмешь, что сейчас не буржуазная, а пролетарская республика, они прибегли к последней попытке — подкупили портье и официантов. Но советские власти и тут пресекли их намерения.

И в конце марта гостиница «Хунгария» опустела.

Потом в ней поселились руководящие работники советских, военных и партийных органов, а также члены коммунистических директорий, приезжавшие по срочным делам в Будапешт, ну и те товарищи, у которых не было жилья.

Мы получили двухкомнатный номер на втором этаже. В нем и поселилась вся семья: Бела Кун, я, сестра, дочка и Маришка Селеш.

Две другие комнаты рядом оборудовали под рабочий кабинет Бела Куна.

Маришка Селеш тогда уже несколько месяцев жила с нами. Так как все взрослые члены семьи работали, она содержала в порядке комнаты, рабочий кабинет и заботилась о дочке.

Жизнь Маришки так примечательна, что я, пусть даже забегая вперед, напишу о ней несколько строк.

Молоденькая девушка попала из родной деревни в столицу. Она уже до нас жила в работницах (как тогда называли, в прислугах) у каких-то знатных людей, где, как сама рассказывала, ею были очень довольны. Но — и это Маришка запомнила на всю жизнь — у нас случилось с ней впервые, что «хозяин»

посадил ее с собой за стол. В первый день, когда мы пригласили ее к столу, она покраснела, села и вдруг разрыдалась.

Впервые в жизни Маришку повела в кино моя сестра. Шепотом читала она ей быстро мелькавшие подписи к фильму.

(Мало фотографий сохранилось у меня с того времени. В дни различных испытаний — когда-нибудь расскажу и о них — пропали почти все, точнее говоря, их уничтожили. Одна фотография случайно уцелела до сих пор: на ней Маришка Селеш вместе с Агнеш.)

После падения советской республики Маришку арестовали. Обвинили в том, что она была «соучастницей преступлений Бела Куна». Около двух лет просидела она в тюрьме, и, когда освободилась, ее поставили под полицейский надзор. Это означало, что она не могла устроиться на приличную работу, и, кроме того, накануне Первого мая или других «смутных дней» ее забирали на несколько времени в полицейский участок.

Наступило освобождение Венгрии. Маришка Селеш была счастлива: наконец-то подошли ее денечки! Но все получилось не так.

Прежняя «вина», что в 1919 году она работала у Бела Куна — комнаты убирала, за девочкой присматривала, бедняжка, — по-прежнему считалась виной.

И только в 1957 году повернулась ее жизнь к лучшему.

Мы все любили Маришку, и она любила нас.

Когда в 1957 году, спустя тридцать восемь лет, я, наконец, могла приехать вместе с семьей в Венгрию — тогда еще только в гости, — всю дорогу я вспоминала Маришку. Что с ней? Жива ли она? И мучительно старалась припомнить ее фамилию. Но это мне так и не удалось.

И на третий же день после приезда — еще до того, как я начала разыскивать ее, — ко мне, уже бабушке, пришла тоже бабушка — Маришка Селеш.

Мы радостно обнялись.

Организация государства пролетарской диктатуры, особенно на первых порах, так захватила руководителей советской республики, что они работали, попросту превращая ночи в дни.

Различные органы народных комиссариатов были еще в стадии учреждения, поэтому члены Революционного правительственного совета[1] вместе с Бела Куном не только писали раз-

[1] Так назывался во время Венгерской советской республики Совет народных комиссаров.

личные воззвания и декреты, но на их плечи ложилась и вся техническая работа. Они переписывали материалы, диктовали машинисткам, вычитывали рукописи с машинки и сами заботились даже о том, чтобы эти материалы попадали к тем людям и в учреждения, куда должны попасть. А так как дневные часы были заняты заседаниями Революционного правительственного совета, Будапештского совета пятисот, собраниями, поездками в провинцию, приемами иностранных дипломатов и журналистов, то вся вышеупомянутая работа падала на ночные часы.

А Бела Кун, кроме всего прочего, работал еще и в Наркомате военных дел и в Наркомате иностранных дел.

Никогда не бывали мы так мало вместе, как в эти 133 дня венгерской Советской власти. Потому-то и так скудны мои личные воспоминания о Бела Куне тех дней. Рано утром он уходил из дому (я и сама отправлялась на работу), а вечером возвращался, когда я обычно уже спала. Так шло день изо дня. Его работоспособность — это признавали все — была поразительной.

Бела Кун знал заранее, что коммунистам придется вести борьбу с некоторыми наркомами из бывших социал-демократов; понимал он и то, что неизбежно начнут шевелиться и леваки: выступать в качестве единственных представителей рабочих масс, судить обо всем и выдвигать требования без всякого учета реальных возможностей.

Вышло так, как он и ожидал. В связи с этим я расскажу о двух, правда, совсем различных эпизодах.

Шел митинг — не то в бывшем королевском замке, не то на площади перед парламентом, точно уже не помню. Наркомы советской республики в первый, а может, во второй раз участвовали на таком многолюдном собрании.

Вдруг поднялись невообразимый шум, свист. «Подайте в отставку! Долой!» — закричали рабочие, увидев наркомов социал-демократов, тех, кто еще несколько дней назад называл коммунистов братоубийцами, левыми контрреволюционерами, которых надо уничтожать методами Шейдемана и Носке. С другой стороны кто-то крикнул из толпы: «Тише! Молчите! Не нарушайте единство!»

Можно было опасаться, что эти крики, это массовое возмущение против социал-демократов приведут к неприятным последствиям.

Но вот на трибуну взошел Бела Кун. Его встретили бурей аплодисментов. Он заявил, что Революционный правительствен-

ный совет будет преобразован, и заверил митингующих, что цели, поставленные коммунистами, осуществятся.

После этого митинг прошел в полном порядке. Но было о чем задуматься.

Второй эпизод — он не носил уже столь массового характера — был следующий.

Нашлись и такие — прежде всего среди молодых интеллигентов, которые называли себя «левыми коммунистами». Им удалось сколотить небольшую группу из недовольных, чем-нибудь обиженных людей.

Эти «левые коммунисты» требовали отставки советского правительства, требовали, чтобы на его место пришло правительство из одних коммунистов.

Бела Кун пригласил к себе руководителей «левых коммунистов» и попросил их изложить свою точку зрения.

Они это охотно сделали.

Бела Кун отлично знал, что если при существующем положении провести их программу — значит все загубить. И он долго доказывал им это, пытался убедить с помощью фактов и цифр.

Но безуспешно. Решительные молодые люди требовали введения «самого красного террора» и утверждали: «Уж лучше потерпеть поражение, чем дальше идти по такому пути». Каждое возражение Бела Куна было только маслом в огонь.

Вдруг один из «вождей» стал нагло кричать. Тогда и Бела Кун — до этого, не жалея сил и времени, он пытался их образумить — тоже вышел из себя. Схватив за шиворот представителя фракции «крикунов громче всех», он поволок его к двери и вышвырнул в коридор, снабдив на прощанье еще и оплеухой. После чего другие «решительные молодые люди» гуськом поплелись из кабинета.

Бела Кун не придавал особого значения этому случаю, ибо среди фрондирующих крикунов почти не было рабочих, вся группа состояла из эдаких прекраснодушных интеллигентов.

И тем не менее история была малоприятная.

Хотя жильцы в «Хунгарии» и переменились, но персонал остался прежний. А он привык к барским увеселениям, к дамам света и полусвета, а главное — к богатым чаевым. «Их сиятельства» считали ниже своего достоинства заботиться о новых жильцах, которые день и ночь занимались преобразованием страны и организацией ее обороны.

Эта уцелевшая прислуга до поры до времени делала свое дело — убирала комнаты и, если кто-нибудь просил, приносила даже обеды в номера.

В первые дни и еда была еще приличной, но скоро стала почти несъедобной, как невыносимой стала и вся жизнь в гостинице.

Начался саботаж. Персонал перестал убирать комнаты, испортил ванны, чтобы ими нельзя было пользоваться. Питание с каждым днем становилось все хуже, под конец официант ставил на стол уже нечто совсем отвратительное, но зато с любезностью, доходившей до издевательства. Чем омерзительней становилась еда, тем любезнее были официанты.

Кроме того, мы узнали, что для них стряпают на кухне особые и превосходные блюда. Когда же вызвали контролеров, повар показал им ту еду, что спрятал для себя и своих дружков, а вовсе не ту, что готовил для народных комиссаров, партийных работников и их семей.

Увидев эти яства, контролеры поначалу смущенно переглянулись, но потом обнаружили вдруг мошенничество: нашли спрятанные кастрюли с блюдами, приготовленными для нас. Тогда поднялся переполох. Повара и официанты наперебой обвиняли друг друга. Выяснилось, что, помимо интересов собственного желудка, на это мошенничество их толкало еще и другое. Ведь это был лучший метод контрреволюционной агитации — распространять, что, пока народ получает по карточкам лишь самое необходимое, руководители и их жены набивают брюхо изысканной едой. И чтобы это оставалось не пустым словом, повара каждый день приглашали на кухню домашних хозяек из рабочих окраин посмотреть, что же едят «вожди». Ставили перед ними приготовленные для себя блюда — дескать, пускай убедятся, что они говорят истинную правду.

Разумеется, такая наглядная агитация оказывала большое воздействие. Продовольственное снабжение столицы и вправду было неважным. После четырех лет войны деревня не могла поставлять продукты в нужном количестве.

Контрреволюционная агитация с каждым днем приобретала все новые формы. Вдруг мы услышали, что доброжелательно настроенные служащие гостиницы «Хунгария» смертельно напуганы. Оказывается, им пригрозили: если они будут честно работать на коммунистов, то после падения Советской власти — а обещали его каждый день — их притянут к ответственности, причем к судебной.

И вот в один прекрасный день — это было после ревизии, когда с двойным питанием уже покончили, — к гостинице «Хунгария» подошла колонна демонстрантов: домашних хозяек из рабочих районов. Они требовали, чтобы им показали, чем кормят народных комиссаров и их жен.

Секретарь Бела Куна, Серена Тимар [1], вышла к дверям гостиницы и попыталась ўспокоить женщии. Те только пуще зашумели: «Ах так, не впускают, стало быть, все правда — жрут от пуза!»

Услышав шум н крнк, Бела Кун сбежал вниз по лестнице. Узнав, о чем спор, он предложил женщннам выбрать делегацию, которая может обойти все номера гостнницы, посмотреть, что только ей угодно, начииая от комнат до служебных помещеннй и кухни.

Делегатки прежде всего прошли в квартиры — отворяли шкафы, чуланы, заглядывалн в ванные комиаты, даже чемоданы пооткрывалн. Потом спустились на кухню. Разочароваиие было полнейшим.

После этого стало совершенно очевндным, что контрреволюционеры наметили центром своей диверснонной деятельиости именно гостиницу «Хунгария» — Дом Советов. Онн отлнчно понималн, что легче всего скомпрометировать коммуиистов, если будешь врать про их личную жнзиь. Ведь на это поддадутся не только сочувствующие элемеиты из мелкой буржуазии, ио н рабочне, которые еще едва скинули с себя оболочку мещанства, а особеино их жеиы.

(Такого рода нзмышлеиия продолжалнсь и при режнме Хортн. «Выясиилось», что наркомы ие только кутили, но даже грабнли банкн, пудами воровали золото и брнллианты, потом контрабандой переправляли их через граннцу... И всю эту чушь писалн те графы и офнцеры, которые на самом деле ограбнли венское посольство Советской Венгрни и вывезли оттуда, счнтая по нынешним деньгам, сотии мнллионов форннтов, посланных Советской Венгрней в Вену для того, чтобы на них закупили товары первой иеобходнмости. Сию грандиозную сумму господа графы так и не вернулн нникогда, хотя оппознцня поднимала этот вопрос еще и в 1925 году.)

Все больше и больше иезиакомых и подозрнтельных людей слонялось по коридорам «Хуигарии» под предлогом того, что прншли навестить знакомых. Долгое время в гостниицу проходнли свободно, но н позднее, когда у центральиого входа уже проверялнсь документы, все равно каждый, кто хотел, прохо-

---

[1] Тнмар Сереиа — старая деятельница соцнал-демократического рабочего движения. Когда паргни объеднились, она с полным убежденнем примкнула к коммунистам. Была секретарем Бела Куна до самого падения Советской властн в Венгрни. Мы все очень любили ее за искренность и прямоту. Погибла она в 1946 году.

днл через черный ход н запасные дверн. Враждебно настроенный персонал был лучшнм помощником в зтом деле.

Пршшлось поставить охрану не только у главного входа, но и ко всем дверям.

Ленннскне ребята.

Так называли себя члены особых отрядов. Они охранялн «Хунгарню». Кое-кто из них посменно нес наряды у дверей кабннета Бела Куна.

Из коридоров исчезли стаи незнакомых людей. А тем, кто ухитрялся все же проникать, устранвали соответствующую встречу. Правда, не каждого удавалось сразу распознать. Например, однн очень просто одетый человек оказался бывшнм офицером генерального штаба, другой — приехавшнм из Вены разведчнком. Всех засылали контрреволюцнонные правительства (их было несколько). Как-то попался даже граф.

В конце концов выяснилось, что гостнннца «Хунгария» непригодна для прямой контрреволюционной деятельности. Внутренним и зарубежным контрреволюцнонным организациям хотя и без удовольствия, но пршшлось проглотнть сню горькую пилюлю.

Тогда наркомов и партработннков, жнвшнх и работавшнх в «Хунгарнн», забросали ворохом пнсем.

Тут уж не обделнли и Бела Куна: подметных писем, полных смертельных угроз, больше всего приходило на его имя.

А он на ннх и вниманння не обращал. У меня же — не скрою — росла тревога, причем не только за Бела Куна, но н за Агнеш и за сестру — ведь во многих пнсьмах было яснее ясного сказано, что истребят всю семью.

Спустя несколько дней после провозглашення советской республнки вышел декрет Революцнонного правительственного совета об органнзацин Венгерской Красной армии.

Война еще, правда, не началась. Неспособные к бою венгерские полки, дезорганизованные и растрепанные, стояли на демаркацнонной линии, продиктованной в декабре 1918 года Франше д'Эспере. Этому французскому аристократу и генералу с длнннным именем Лун-Феликс-Марн-Франше д'Эспере было не в новинку пренебрегать странамн н народами зтих стран. В данном случае он попросту использовал «ценный» опыт, прнобретенный в колоннальных войнах с Китаем и Марокко. Позднее

Парижская мирная конференция не сочла Венгрию достойной даже того, чтобы с ней вел переговоры генерал армии с таким длинным именем, и 20 марта 1919 года она передала через подполковника Викса сочиненную еще 26 февраля пресловутую ноту. В ней сообщалось, что в течение двадцати четырех часов города с чисто венгерским населением: Дебрецен, Орошхаза, Ходмезевашархей и Сегед должны отойти за границу Венгрии.

Нота Викса, как известно, была вручена еще до провозглашения венгерской пролетарской диктатуры, ее передали правительству буржуазной республики.

Это важный факт, ибо позднее историкам периода «грешного Будапешта» удалось напустить такого тумана, что он и до сих пор не выветрился из мозгов иных, причем высокообразованных людей. Они уверяют, что отличные возможности Венгрии на Парижской мирной конференции были подорваны венгерской пролетарской диктатурой.

Вправду ли верят они этому или не без умысла хотят заставить поверить людей? Думаю, возможно и то и другое.

Ноту Викса буржуазное правительство не посмело ни принять, ни отвергнуть. Оно с таким изумлением взирало на этот поступок достославной западной демократии, как смотрит баран на новые ворота, хотя ворота эти новы только в его глазах.

А венгерский пролетариат во главе с коммунистами мгновенно отверг империалистическую ноту Викса. Как народ Парижа в дни Коммуны, так и венгерские труженики взяли на себя революционную защиту отечества и создали Венгерскую Красную армию.

Во главе самых важных отделов Наркомата военных дел были поставлены Ференц Мюнних, Отто Штейнбрюк и другие надежные товарищи, в большинстве своем прошедшие школу гражданской войны в России.

Началась работа по созданию армии. И как это всегда случается, нетерпеливым современникам казалось, что шла она очень медленно, а если взглянуть на это ретроспективно, то ясно, что Венгерская Красная армия создалась с необычайной быстротой.

Через пять недель после провозглашения Советской власти на проспекте Андраши стояли уже вооруженные рабочие батальоны. Смотр производил Революционный правительственный совет.

«...Вместо отступающих и грабящих отрядов пролетарские и полупролетарские слои деревни видят теперь сознательных, воодушевленных, дисциплинированных пролетариев, — говорил Бела Кун 10 мая 1919 года в своей речи «О рабочих полках».—

Пролетарская революция с уверенностью может положиться на эти войска — они победят!..»

При этом, разумеется, не хватало военных специалистов, революционно настроенных офицеров, хотя из них, прошедших мировую войну, немало явилось на службу революции и преданно служило в Красной армии.

Чтобы привести пример такого преданного служения революции, я расскажу о товарище Деже Ясе, который из кадровых офицеров явился первый и вместе с другими приступил к организации 101-го Красного пехотного полка. Двадцатичетырехлетний Яс участвовал почти во всех значительных военных операциях: в боях за Тисой, в Шалготарьянской битве, в Северном походе, в Надидайском прорыве, который открыл дорогу Красной армии к Кашше (ныне Кошице), в освобождении Кашши, в боях за Словацкую советскую республику, был в Эперьеше во время провозглашения Словацкой республики, участвовал в последнем прорыве на Тисе, пробившись со своим отрядом до самого Карцага.

Деже Яс не разочаровался и после падения Венгерской советской республики. В годы эмиграции он всегда появлялся там, где можно было бороться за свободу рабочего класса. В Словакии работал в редакции газеты «Мункаш» («Рабочий»), в Румынии был одним из организаторов коммунистического движения. Началась революция в Испании — Яс сражался там. Потом Франция. Немецкая оккупация. Он участвует в движении Сопротивления. Гестапо арестует его. Он ухитряется бежать. Кто знает, где только не сражался этот офицер, ставший коммунистом в 1919 году!

К недостаточно оцененным заслугам венгерской пролетарской революции относится и то, что она дала ряд борцов революционным движениям соседних стран, заложив в них такие заряды революционности, которые и поныне действуют в тех, кто еще жив.

Северному походу и провозглашению Словацкой советской республики Бела Кун придавал очень большое значение. Не случайно, что на следующий же день после освобождения Кашши он уже произносил с балкона Каппшской ратуши речь ликующей толпе, развивая вопрос о справедливости революционных войн.

«...Мы освободили вас, пролетарии Кашши... Пролетарская Красная армия пришла сюда не затем, чтобы принести новое угнетение, как это сделали войска чешских империалистов, она пришла освободить трудящихся, вне зависимости от того, на каком языке они говорят... у нас только один враг — буржуазия, на каком бы языке она ни изъяснялась... Но одно вы должны

понять прежде всего, что диктатура пролетариата — это вовсе не диктатура отдельных лиц, а диктатура рабочего класса... Мы осуществим международную пролетарскую революцию, чтобы создать международную республику Советов...»

Вот что сказал Бела Кун 10 июня 1919 года на празднике освобождения Кашши.

Почти одновременно с организацией Красной армии началась и организация Красной милиции в целях обеспечения внутреннего нового порядка пролетарской революции.

Для борьбы с контрреволюционерами был создан Революционный трибунал, во главе которого поставили «старого» партийца Ференца Ракоша. (Он вступил в компартию еще до объединения, и эти девяносто дней стажа давали право на звание старого коммуниста.)

Отто Корвин и Имре Шаллаи заведовали политотделом Министерства внутренних дел. Они руководили всей борьбой против контрреволюции. Работали самоотверженно, не жалея ни сил, ни нервов, и гораздо больше, чем это было вообще в человеческих возможностях.

Оба они поплатились за это жизнью.

Корвина контрреволюционный суд присудил к смерти еще в 1919 году, Шаллаи пережил своего друга на тринадцать лет. Он вернулся из эмиграции на подпольную работу, был арестован и приговорен к смертной казни.

«Да здравствует Вторая Венгерская советская республика! Да здравствует Бела Кун!» — успел он только крикнуть перед виселицей и разделил со своим другом Отто Корвином участь тех многих борцов, которые сражались за революционную Венгрию.

Создание государственных органов Советской власти, построение нового строя, разрешение жизненно важных вопросов пролетарской революции, не говоря уже о тех проблемах, которые вытекали из объединения обеих партий, — все это поставило коммунистов перед очень трудными задачами.

Коммунисты понимали заранее, что им предстоят трудности, но не думали, что правые лидеры начнут строить против них козни сразу через несколько дней после провозглашения советской республики, сразу после того, как они устно и письменно приняли программу коммунистов.

Вынужденные обстоятельствами, Вельтнер и компания проголосовали за революционные законы и декреты, но, как могли, препятствовали их претворению в жизнь. Что же касается рево-

люционных законов, направленных на подавление контрреволюции, то правые социал-демократы и центристы хотели их попросту упразднить, ссылаясь на пролетарский гуманизм. Таким образом, они все более открыто вступали в борьбу с коммунистами и с примкнувшими к ним левыми социал-демократами, выступали против них где только могли.

С этих заседаний и совещаний Бела Кун возвращался всегда в дурном настроении. Кроме Вельтнера и компании, он больше всего ругал «прогнившего ханжу» Кунфи, который колеблется, но всегда в сторону наших врагов.

Первой мишенью этих социал-демократов оказалась «Вереш уйшаг» — они критиковали статьи, критиковали взгляды и поведение коммунистов, которые группировались вокруг газеты.

Сотрудники «Вереш уйшага» серьезно и убедительно доказывали в статьях — они обычно заранее обсуждали их с Бела Куном, — что враги революции не только тайно, но теперь уже и явно сколачивают свои организации, а правые социал-демократы молчаливо поддерживают их, оказывая всяческую помощь.

Однако необходимость сохранения единства партии, от которого зависело в ту пору существование пролетарской диктатуры, не позволяла пока энергичнее выступать против подрывной деятельности правых. Кроме того, требовалось еще и время, чтобы большинство членов профсоюзов осознали предательство многих своих лидеров.

Коммунисты прекрасно понимали, что правые социал-демократы изнутри пытаются взорвать диктатуру пролетариата, причем так явно, чтобы буржуазия, которой они помогут прийти к власти, могла учесть их заслуги и простить им участие в советской республике.

Несмотря на все прогнозы — «завтра уже к черту полетят» и другие разрушительные лозунги, невзирая на отсутствие сырья, недостатки в снабжении продуктами питания, большинство заводских рабочих честно трудились и вместе с тем взяли на себя вооруженную защиту советской республики.

На это у них были все основания. Декреты революции: восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы, введение платных отпусков, предоставление квартир рабочим — шли на пользу рабочего класса, более того, одним махом осуществляя его старые требования. А контрреволюция все это уничтожила бы, конечно.

Бела Кун часто бывал на заводах.

Он откровенно и без прикрас рассказывал рабочим обо всех трудностях. Старался объяснить, что Советская власть получи-

ла в наследство страну, разоренную четырехлетней мировой войной, которую не так-то легко восстановить, рекоиструировать, преобразовать на социалистический лад. Но вместе с тем, говорил он, все это пройдет с меньшими жертвами и страданиями, чем если б власть попала в руки буржуазии и она немилосердно переложила бы все трудности на плечи рабочего класса и крестьянства.

Говорил он и о деревне и о земельиом вопросе.

Были комитаты, где беднейшее крестьянство сразу после буржуазной революции захватило землю и поделило меж собой или, как в Шомоде, создало производственные кооперативы. Жандармы буржуазной республики не раз вразумляли оружием и казнями тех, кто захватывал землю.

После провозглашения пролетарской диктатуры управление деревней и крупными поместьями взяли в свои руки директории. Но, увы, в эти директории попало иемало зажиточных крестьян и даже представителей изгнаниых помещиков, которые старались настроить жителей деревни против революции.

К разрешению земельного вопроса — это общеизвестно, хотя и об этом нельзя судить легко и просто — советское правительство подошло иеверно. Оно экспроприировало помещичьи земли, но не поделило их между крестьяиами. Без всякого перехода, «единым прыжком», перескочило к учреждению государственных хозяйств, руководство которыми к тому же было в руках главным образом управляющих, приказчиков или агрономов удравших помещиков. Их оставили иа местах как «незаменимых специалистов». Говорить нечего, какие тяжелые последствия повлекло это за собой.

Не учитывая обстоятельств того времени, легко, конечио, осуждать советское правительство Венгрии за ошибки, допущенные в земельном вопросе. Но ие иадо забывать, что правильное решение сельскохозяйственной проблемы, даже десятки лет спустя, все еще остается иелегкой задачей.

Разоренному мировой войиой, обнищавшему от постоянных реквизиций венгерскому народу приходилось все возникающие вопросы решать без помощи извне. Напротив, соседние страиы теснили его, а уж пшеницы-то вовсе неоткуда было ждать.

Бела Кун даже дома до поздней ночи все рассуждал о деревне, о вопросах снабжения горняцких районов, Красной армии. Разумеется, все эти проблемы были связаны друг с другом.

Приказчики, агрономы и управляющие, которых оставили в крупных поместьях, преобразованных в государственные хозяйства, служили тоже постоянной темой разговора. И это есте-

ственно, потому что названные люди в большинстве своем были врагами Советской Венгрии и саботировали. К ним назначали производственных комиссаров. Политически это были все надежные люди, но о ведении крупного сельского хозяйства имели весьма приблизительные понятия.

Бела Кун не раз говорил, что можно было бы одним росчерком пера удалить «спецов», но откуда взять новых, своих, преданных Советской Венгрии специалистов? А ведь они нужны немедленно. Бесспорно, что среди бедных крестьян, батраков немало умных, способных людей, которые рано или поздно научатся руководить государственными и кооперативными хозяйствами, как научились, например, в Шомоде. Только для этого нужно время. А необходимость снабжать города сейчас хватает за горло.

Совершенно понятно, что разделом крупных поместий осуществилась бы вековая мечта крестьян-бедняков. Но, с другой стороны, откуда возьмешь сразу все необходимое для обработки небольших участков?

Ене Варга перечислял множество упрямейших фактов и вообще выступал за экономически рентабельное крупное сельскохозяйственное производство. Дёрдь Нистор, обдумывая каждое слово, соблюдая долгие паузы, короче говоря, испытывая терпение слушателей, вставал то на сторону одного, то на сторону прямо противоположного предложения. Ене Гамбургер вносил свои предложения почти ощупью, как добросовестный врач при постановке диагноза, выхватывая доводы то из одного, то из другого выступления. Долговязый Карой Вантуш, сообщая о своих наблюдениях в Бихарском комитате и в Надьвараде, не делал никаких выводов.

Все размышляли об этом сложнейшем вопросе и, надо сказать, подходили к нему только с экономической, хозяйственной точки зрения, упуская важнейшую, политическую сторону.

Но главное, что все соображения вытекали из концепции скорой победы всемирной революции, а это не была специфически венгерская концепция, это была концепция Ленина и III Интернационала. Поэтому мысль работала приблизительно так: если сейчас же поделим землю, сорвем снабжение Будапешта и других городов, а также и Красной армии — этих важнейших отрядов пролетарской диктатуры. И Советская власть падет. Таким образом, будет нанесен тяжелый удар другим странам Европы, которые стоят накануне пролетарской революции. А что получит беднейшее крестьянство? Ничего. Если Советская Венгрия падет, жандармы тут же сгонят новых хозяев с их земель. Надо выиграть время, время и еще

раз время, тогда можно будет разрешить и земельный вопрос.

Конечно, все это я воспроизвожу схематично. Было еще много разных сторон этого вопроса, разных проблем, касающихся союза рабочих и крестьян.

Но при всем этом советское правительство за ничтожный срок своего существования вдвое увеличило денежную и натуральную оплату жнецов-сезонников и батраков.

Это был декрет большого значения!

Забывать о нем было бы тоже несправедливо.

Если б я занялась подробным перечислением того, что делал Бела Кун в самых разных областях партийной и государственной работы, мои воспоминания составили бы несколько томов. Вынести на своих плечах всю эту громаду дел помогали ему невероятная работоспособность и твердая вера, что трудности надо преодолеть, можно преодолеть и они будут преодолены. Если б он не думал так, наверняка рухнул бы под тяжестью того, что каждый день взваливал себе на плечи.

Спал он по четыре-пять часов в сутки. И то неспокойно. Его и ночью волновали дневные вопросы. Во сне он произносил целые фразы и просыпался вдруг от своего же голоса. «Что я сказал?» — спрашивал он спросонья, но, не дождавшись ответа, засыпал тут же. Когда я рассказывала ему утром, что он говорил ночью, — не верил мне.

Рабочий день начинался в семь часов утра. Стучались в дверь товарищи, жившие в «Хунгарии», и сразу без разрешения входили в комнату. Их ничуть не стесняло, что мы были еще в постели. Они должны были разрешить самые необходимые вопросы. Потом уходили.

Бела Кун вставал. Если было еще время, принимал ванну, а не было — быстро умывался, брился (последнее тоже происходило обычно в присутствии кого-нибудь, кто приходил по срочному делу). Наконец садился завтракать. В это время являлись обычно Бела Санто, потом Ене Варга, Дюла Лендель, Ене Ласло или кто-нибудь другой из товарищей, что жили в «Хунгарии». После кратких переговоров и мгновенно проглоченного завтрака Бела Кун торопливо уходил в Наркоминдел, где происходили разные заседания и приемы. Не проходило дня, чтобы не изъявлял желания повидаться с ним кто-нибудь из иностранных корреспондентов. Кое-кого он принимал вместе с Альпари. (Кроме венгерского, Бела Кун говорил на не-

мецком и русском языках, Альпари же знал больше языков.) Нельзя было уйти и от приема иностранных послов, но при малейшей возможности он передавал их Дюле Альпари или Петеру Агоштону, чтобы самому заняться более важными, внутренними делами страны.

В его ежедневные занятия входили собрания, посещения заводов, а главное — казарм. «Не только мы воздействуем на солдат, — говаривал Бела Кун, — но и старые офицеры, которые пытаются их снова перетянуть на свою сторону... А нам пока не обойтись без этих офицеров... Время, время нужно, пока мы создадим свой командный состав из рабочих и крестьян... А до тех пор надо почаще бывать в казармах».

Он думал и говорил всегда о стольких вещах, что я даже мысленно едва поспевала за его словами.

Днем он иногда поспешно возвращался домой, вспомнив, что не зашел еще в Хечч — так называлась группа связи между партией, генштабом и командованием Красной армии. У Хечча были своя международная телефонная станция, свой телеграф, к Хеччу относились и иностранная разведка и Чепельская радиостанция.

В зависимости от того, какие он получал там сведения, возвращался Бела Кун то в добром, то в дурном расположении. Но так или иначе, все равно садился и писал статью в «Вереш уйшаг», но еще чаще в «Непсаву». (Статьи эти иногда подписывал своей фамилией, иногда же они шли вовсе без подписи.)

«Опять в «Непсаву», а не в «Вереш уйшаг», — роптали коммунисты. Они и вообще были недовольны, что им не всегда удается застать Бела Куна, когда необходимо с ним посоветоваться. Жаловались, что правые социал-демократы методически вытесняют их из всех руководящих органов партии, а у них недостает сил им противодействовать.

В Центральном Комитете объединенной партии единство и на самом деле было лишь формальным. В руководстве шли вечные споры и столкновения. Таково же было положение и в райкомах партии. Кроме того, функции партии настолько слились с функциями Революционного правительственного совета, что коммунисты подчас не могли уяснить себе, какова же их роль в руководстве страной. С другой стороны, они недостаточно были связаны с Правительственным советом.

Временами я рассказывала Бела Куну про жалобы и недоумения товарищей. Он отвечал каждый раз, что прекрасно их понимает и надеется, наступит время, когда многое будет подругому, этого уже ждать недолго, но товарищи должны понять,

что сохранение единства партии — важнейшая задача. Пока еще от этого зависит существование пролетарской диктатуры. Потом он замолкал и мрачнел.

Мне хотелось бы совсем коротенько сказать кое-что об интеллигенции в дни Венгерской коммуны, ибо ее настроения и проблемы тоже все время занимали Бела Куна.

Часть технической интеллигенции сразу примкнула к Советской власти, но большинство, во всяком случае вначале, не очень-то понимало сущность пролетарской диктатуры. Думали, что произошла попросту смена правительства, а поэтому заняли выжидательную позицию. Эти люди ждали, работали и дрожали за свой заработок, за свою должность. Но стоило только распространиться слуху о каком-нибудь контрреволюционном наступлении, как они тут же пугались до смерти и убеждали себя и других, что всегда враждебно относились к новому строю. Потом рьяно саботировали.

Бела Кун не раз беседовал с представителями интеллигенции, стараясь объяснить, что диктатура пролетариата им вовсе не враждебна, что только Советская власть может обеспечить простор дальнейшему развитию Венгрии, а поэтому в интересах всей страны оказывать ей поддержку. Говорил он и о том, что, если интеллигенция будет честно работать, у нее и положение будет лучше, чем при буржуазном строе, ибо советское правительство сделает для нее все возможное.

Да оно и делало все возможное, пытаясь создать спокойные условия для творческой работы, регулярно выплачивая установленные авансы, превосходно организуя распространение книг и прочее и прочее.

И, несмотря на это, трудности были велики еще и потому, что социал-демократы усердно вели свою разрушительную работу и в этой области. В числе прочего они обвиняли Советскую власть и в том, будто она ограничивает свободу творческих работников и поэтому, мол, наблюдается «некий паралич в духовной, научной жизни».

Выступая именно против этих взглядов, и говорил Бела Кун, что «упадок наблюдается в той духовной жизни, которая стояла на службе буржуазии... Новая духовная жизнь, новая культура должна возникнуть в недрах самого пролетариата, я верю в творческие силы пролетариата, в те творческие силы, которые сокрушили старые институты и создали новые, я верю, что он и в области духовной жизни придет к своему расцвету...».

Не меньшие трудности наблюдались с отдельными группа-

ми технической интеллигенции, которые находились под влиянием различных реакционных сил, в том числе собственных мелкобуржуазных взглядов, и не желали или не были способны понять революционных преобразований. Свои узкие минутные интересы они ставили выше интересов страны. Идти на жертвы, как рабочий класс, в большинстве своем были не способны. Пролетариат мыслил гораздо шире их, да и батрачество тоже — вспомним Яноша Корбея, — они могли бы служить им примером.

Напичканные разными предрассудками, инженеры, врачи, учителя считали «немыслимым», чтобы в такой «цивилизованной западной стране», как Венгрия, власть осуществляли необразованные рабочие и крестьяне и чтобы они, интеллигенты с гимназическим и даже университетским образованием, были подчинены (речь шла о союзе, а вовсе не о подчинении) таким людям, которые едва закончили начальную школу и понятия не имеют об утонченных чувствах: «Неужто мы должны подчиняться людям, у которых и души не менее мозолистые, чем руки?»

Кстати, такими же утонченными людьми считали себя банковские служащие, делопроизводители, маклеры, а также большая часть жандармских и полицейских офицеров. Найти с ними общий язык было непросто.

Но надо сказать, что и среди интеллигенции было поразительно много людей, которые всем сердцем приняли рабочую власть.

Что же касается писателей, художников, артистов (я имею в виду Дюлу Юхаса, Ференца Мору, Жигмонда Морица, Лайоша Барту, Михая Бабича, Оскара Геллерта, Шандора Броди, Бела Балажа, Бела Уица, Роберта Берени, Кароя Кернштока, Берталана Пора и многих других) — они открыто и честно примкнули к Советской власти. Правда, были и такие, но не среди самых крупных художников, которые открыто пошли против советского строя, стремившегося к тому, чтобы писатели и художники поняли неизбежность исторического преобразования и помогали своими творениями трудовому народу, созданию новой Венгрии.

Косо поглядывали на диктатуру пролетариата и многие из старых журналистов. Надо признаться, что у них были на это свои основания, ибо газеты, подобные «Пешти хирлап», «Будапешти напло», «Аз эшт», все прикрыли. Советское правительство считало, что при бумажном кризисе надо поддерживать другую печать, а вовсе не буржуазные и реакционные газеты Легради, Ене Ракоши и Андора Миклоша.

Правда, оставшихся без работы журналистов старались устроить на работу, а пока это не удалось, «варварская» рабоче-крестьянская власть выплачивала им жалованье сполна.

Начиная с апреля я работала в отделе театра и музыки Наркомата просвещения. Заведующим отдела был Бела Райниц, служивший до этого секретарем в Будапештской рабочей страховой кассе.

Как известно, он положил на музыку несколько стихотворений Эндре Ади, и в ту пору песни Ади — Райница пользовались большой популярностью.

Райниц был социал-демократом, но, как человека неуравновешенного, его считали непригодным к политической деятельности. На любую общественную несправедливость он реагировал бурно и чувствительно, приходил в дикую ярость, однако на том все и кончалось. О нем ходила слава, что он кричит на всех, и на друзей, и на врагов, да и на кого угодно.

Хотя взгляды их во многом расходились, однако Бела Кун обрадовался, что я буду работать у Райница. Он был полон теплых чувств к нему за песни на слова Ади. Меня, верно, предупредил, чтоб я не обижалась, ежели Райниц начнет кричать, такой, мол, у него характер и его уже не переделаешь.

Приготовившись к самому худшему, я отправилась к нему в довольно-таки смутном расположении чувств. Но Райниц встретил меня ласково, оказалось, что он помнил меня еще девушкой, встречался со мной у д-ра Хуго Лукача, друга и врача Эндре Ади.

Несколько минут мы разговаривали с ним о наших общих знакомых, о Коложваре, Трансильвании...

Что я буду делать, Райниц еще сам не знал, ибо отдел был пока в стадии организации.

Во всяком случае, он распорядился, чтобы мне поставили письменный стол в соседней комнате. «Потом, потом увидим», — сказал он, чуточку смутившись, понятия не имея о том, какую поручить мне работу.

«Не кричал... — подумала я, уйдя от него. — Наверно, преувеличивают, и вовсе не такой он страшный!»

Когда утром я пришла на службу, письменный стол уже стоял на месте в комнате, больше всего похожей на зал. Я села за него в ожидании Райница.

Сотрудники отдела по очереди представились мне. Все были очень милы и улыбались, заметив, как я тревожусь за свою будущую работу. Рассказали, что они «работают» здесь уже

несколько недель, но круг их занятий все еще не определился. Так что усердствовать и спешить не стоит. Со временем все образуется. Мол, не от нас это зависит. Так пытались они успокоить мою совесть, потом засыпали меня градом анекдотов, желая развеселить и представить мир в более радужных тонах.

Моя работа и в самом деле очень скоро определилась. Как только выяснилось, что я служу в этом отделе, народ валом повалил ко мне, целая очередь выстраивалась у моего стола. Обращались ко мне по самым разным поводам, вернее сказать, самые разные просьбы просили передать «господину-товарищу Бела Куну», ибо только он может уладить это дело, а они убеждены, что «справедливая просьба будет удовлетворена».

— Вы ошибаетесь, — отвечала я, — ведь я работаю не у Бела Куна, а у Бела Райница.

На меня взирали с изумлением и пропускали мой ответ мимо ушей.

Впрочем, большинство посетителей не имели отношения ни к театральному, ни к музыкальному миру. Попросту прошел слух о том, что здесь работает жена Бела Куна, и «клиенты» пришли посмотреть, какова же эта жена. Кроме того, было ясно, что проникнуть ко мне на улицу Семере, 6 легче, чем в «Хунгарию». А стало быть: «Попытаемся, авось что-нибудь да выйдет...»

Но приходили и люди из театрального мира. Одни просьбы я могла выполнить сама, с другими обращалась к Райницу. Являлись и такие просители, которым я не знала даже, что и ответить.

Например, пришла актриса, жалуясь, что живет в двух смежных комнатах вместе с двенадцатилетней дочкой. «Как же мне принимать поклонников? Прошу выделить отдельную квартиру дочери».

Другая актриса просила передать Бела Куну, чтобы он распорядился вернуть ей драгоценности, ибо: «Дама при любом строе остается дамой, и не могу же я ходить с голыми пальцами и голой шеей».

У моего стола выстраивались люди и просили выдать им разрешение на перевод денег за границу, на пересылку вещей за границу; являлись с просьбой выпустить арестованного из тюрьмы, устроить на работу, оформить паспорт за границу и еще с великим множеством подобных просьб. Все это продолжалось до тех пор, пока однажды Райниц не спросил: «Что тут делает эта уйма людей?» (Его зычный голос запол-

нил весь зал.) Когда я ответила, он выгнал «клиентов» и дал указание швейцару пропускать ко мне только тех, кто приходит по вопросам, связанным с музыкой. А мне сказал, что если кто-нибудь проберется все-таки к моему столу, то «посылайте прямо ко мне, ужо я!..»

После этого массовые посещения прекратились.

Позднее я, правда, узнала, что многим из этих просителей удалось уладить свои сомнительные делишки с помощью старых и, увы, новых государственных служащих.

Я рассказала об этом Райницу.

Он тут же поднял крик. Потом гнев его улегся, и на этом вопрос был для него исчерпан.

К концу апреля и международное и внутреннее положение страны стало таким напряженным, что у Бела Куна все меньше оставалось времени для отдыха. Дома он уже почти не бывал.

Началось наступление войск румынских бояр против Советской Венгрии. На Венгрию двинулись и чешские контрреволюционные войска. Так распорядился Париж. Румынская королевская армия дошла до Тисы. Чешские отряды форсировали Шайо и угрожали Мишкольцу. В Солноке изо всех нор повылезали контрреволюционеры. Но вследствие равнодушия солдат еще не реорганизованной Венгерской Красной армии и из-за предательского поведения большинства офицерского корпуса Красная армия не смогла оказать сопротивления. Началось бегство солдат со всех фронтов. Повсюду царила сумятица.

Это были последние дни апреля.

Бела Кун направил мирные предложения американскому президенту Вильсону, чешскому, югославскому и румынскому правительствам. Он требовал немедленного прекращения военных действий, невмешательства во внутренние дела Венгрии и уважения к венгерским национальным меньшинствам, оказавшимся за демаркационной линией.

Тем временем венгерский рабочий класс готовился к празднику Первого мая. Быть может, внешние и внутренние беды подсказали ему, что он должен продемонстрировать свою мощь и преданность пролетарской власти.

Трудящиеся Будапешта и провинциальных городов повели такую подготовку к международному празднику пролетариата и выступили с такой всесокрушающей силой, что на первомайскую демонстрацию, на празднества и митинги явились да-

же люди из мелкобуржуазной среды, которых прежде никто никогда не видал.

Рабочие день и ночь трудились под руководством таких художников, как Бела Униц, Берталан Пор, Роберт Берени и другие, — они украшали центральные улицы и площади. В день Первого мая почти весь город вышел на улицу. В демонстрации участвовало несколько сот тысяч человек, в том числе и иностранные товарищи: австрийцы, поляки, чехи и словаки, французы, румыны, итальянцы; пришли русские товарищи, сербы и хорваты... Это Первое мая было воистину интернациональным праздником.

Вечером я гуляла по набережной Дуная. В Цитадели начался фейерверк. Окна Королевского замка заблестели алыми огоньками. Дунай катил пурпурно-красные волны. То вблизи, то вдали раздавались звуки пролетарского гимна «Интернационал».

С утра Бела Кун был на демонстрации, потом вернулся домой, работал, писал, вел разные переговоры. С фронта поступали грозные вести. Не менее грозные вести доносились и о кознях правых и центристских лидеров социал-демократии. Они хотели 2 мая — таков был их план — вынудить советское правительство подать в отставку.

Но план их не осуществился.

2 мая состоялось сперва заседание Революционного правительственного совета.

Выступил Бела Кун.

Как истинный ученик Ленина, он с немилосердной откровенностью раскрыл существующее положение.

Стенографистки, сами тоже изрядно взволнованные событиями, оставили нам только скудную запись его речи:

«Красная армия без боя сдала Солнок. Чехи вступили в Мишкольц. Военной силы у нас нет. Боеспособность войск равна нулю. Ставка находится в Геделле... Бем приостановил все военные действия... Послал предложение о перемирии трем вражеским странам...

Ночью состоялось чрезвычайное заседание Правительственного совета и было выдвинуто предложение, чтобы правительство подало в отставку и передало власть директории из двенадцати человек. Но было высказано и другое мнение, согласно которому необходимо созвать рабочие полки и сообщить им о роковой серьезности положения, предупредив и о том, что, если не поднимутся все рабочие, Будапешт будет сдан».

Начались прения.

Жигмонд Кунфи предложил советскому правительству по-

дать в отставку. Вельтнер требовал передачи власти в руки директории, которая и должна осуществлять пролетарскую диктатуру. Самуэли спросил его: если Вельтнер стоит за диктатуру пролетариата, то почему же он требует отставки советского правительства? Бела Санто сказал, что передача власти — трусость и предательство рабочего класса. Ене Ландлер заявил, что они, левые социал-демократы, перешли на сторону пролетарской диктатуры по искреннему убеждению, осознав, что социализм иначе неосуществим. Советское правительство должно удержаться не только в интересах венгерских рабочих, но и всего мирового пролетариата.

Шли прения. Наконец, как и решили, созвали в семь часов вечера Рабочий совет. Там вновь обрисовали положение вещей и вновь попросили дать ответ: согласен ли венгерский пролетариат из последних сил защищать Будапешт и пролетарскую власть?

Правительственный совет назначил докладчиком Бела Куна.

Заседание закончилось около четырех часов, и было решено, что после заседания Центрального рабочего совета вновь соберется Революционный правительственный совет.

Бела Кун, заседавший всю ночь, потом с раннего утра на Революционном правительственном совете, вернулся домой смертельно усталый.

— Отдохну часок, — сказал он. — Мне удалось настоять, чтобы созвали Центральный рабочий совет. Я должен подготовиться к нему. Там решится судьба Советской Венгрии.

С виду он был спокойный, только бледный.

Поел немного. Лег и мгновение спустя уже крепко спал, будто вовсе и не сегодня вечером должна была решиться участь Венгерской советской республики.

Я решила, что разбужу его только после шести, но он проснулся ровно через час и сказал:

— Ничего! Все будет в порядке! — Потом начал одеваться. Спросил про Агнеш, про сестру, поинтересовался, как я чувствую себя, но ответа не выслушал. — Все будет в порядке! — промолвил он, успокаивая самого себя, и тут же скрылся за дверью.

На улице лил дождь. Сверкающий майский день сменился адской погодой. Бушевал ураган, рвал на клочья красные полотнища, летели черепицы с крыш, и прямо на прохожих валились возведенные у домов леса. Казалось, погода тоже предупреждает венгерскую пролетарскую революцию: «Беда!»

На заседании Центрального рабочего совета присутствовало около двухсот делегатов. Речи Бела Куна я не слыхала. Он и потом не рассказал мне, что там произошло. Дел было столько, что дома он уже почти не бывал, а потому ему было не до рассказов. Речь его я прочла в кратком изложении в «Вереш уйшаге». Об этом потрясающем заседании мне рассказали другие. Думаю, что за всю венгерскую революцию уважение и любовь к Бела Куну достигли высшей точки именно в этот день.

Писать по памяти о том, что рассказали мне товарищи, я считаю неверным, лучше приведу отрывки из речи Бела Куна по уцелевшей, хотя и неправленой, стенограмме. (Где было найти время на правку стенограмм?)

«Когда тобой овладевает — нет, не отчаянье, потому что отчаянья быть не может, — а горечь при виде того, чего вовсе не хотелось бы видеть, то частенько обращаешься, как к спасенью, к литературе. В последние дни, когда я окидывал мысленным взором Советскую Венгрию, мне вспомнилась статья Горького. Эту статью я читал в 1906 году, когда русский пролетариат впервые вступил в революционный бой с царизмом и когда французский империализм — он был еще юным — помогал царизму оружием и деньгами. В этой статье Горький рассказывает, что он отправился в Париж в поисках духа революции, надеясь найти прежний революционный Париж, который поможет революции российского пролетариата. Он искал революцию в старинном фригийском колпаке, искал ее, искал, и, наконец, его повели в какой-то отель... Там он нашел куртизанку, почти уличную девку... Он попросил ее не продаваться царю, а помочь революции. И эта девка, эта обратившаяся в куртизанку революция, все-таки отдалась царю. Горький заканчивает так: «Прими и мой плевок крови и желчи в глаза твои».

Товарищи! Окидывая взором те места, где движутся сейчас на пролетарский Будапешт полчища французского и румынского империализма, мы не можем не вспомнить об этой статье Горького. Бегущие, трусливо отступающие отряды, совершенно разложившиеся орды — они умеют грабить, но с полной тупостью наблюдают за надвигающимися событиями, сдаются, причем сдаются не румынам, а своей же летаргии. Мародерствуют, и теперь мы дошли до того, что уже не румыны будут страшны Будапешту, а наши же войска, если только не предпримем необходимые шаги... В военном отношении, товарищи, положение таково, что Солнок уже, наверное, в руках у румын. Мы и там взорвали мост за собой... Наши отряды

бежали и с южного фланга, онн увлекли за собой даже тех... кто честно держался под командованием нашего товарища Зайдлера. Наши 1-я и 5-я дивизии... пьяные возвращались в Будапешт с верховий Тисы, и мы вынуждены были их разоружить, чтобы спасти хотя бы оружие для пролетариата. Возле Мишкольца иашн войска оказывали кое-какое сопротнвление, н все-таки нынче во вторую половнну дня чехи, по всей вероятности, вошли уже в Мишкольц. Кое-где попадаются еще войска, которыми руководит пролетарскнй инстинкт, и онн пытаются еще что-то сделать, ио большинство войск не способно даже к обороне, ие то что к наступлеиию...

...Здесь, в Будапеште, есть фабрично-заводскне рабочне батальоны. Для этнх рабочих батальоиов — нх прнмерно пятнадцать — в казармах наготове все снаряжение...

...Речь идет о том, товарищи мои, сдадим мы Будапешт нли будем сражаться за Будапешт? Должен лн сражаться будапештский пролетариат за то, чтобы в Будапеште сохранилась диктатура пролетариата? (Возглас: «Должен!»)

Товарищи! Я-то ведь больше ие верю словам. (Возгласы одобреиия.) Поверю только тогда, когда увижу их претворенными в дело. (Возгласы одобреиия.) Не отчаянне говорит моими устами, я ведь думаю, если будапештский пролетариат не будет сражаться сегодня, ему сторицей придется заплатить за нынешнюю летаргию, ныиешнее отчаянне и позор. (Бурные аплодисменты.)

...Я не стану лгать пролетариату. Скажу о том, что н у рабочих батальонов нет того боевого духа, который нужеи для спасения Будапешта.

Существуют две точки зрення. Одна, что следует временно отказаться от диктатуры, вторая, что надо сражаться до последней капли крови (возгласы: «Правнльно! Правильно!»), и сражаться до тех пор, пока останется хоть пядь земли Советской Венгрии. (Бурные аплодисменты.) Не иадо аплодировать... (Аплодисмеиты. Шум.) Не надо аплодировать, товарищн. В аплодисментах смысла нет!.. Не аплодисментами будем мы действовать, не декламацнеи... Оружнем, только оружием...

...Теперь хочу еще конкретно рассказать товарищам о внешнеполитнческом положении.

Революционный правительственный совет, видя, что нет возможности развить могучее, успешное военное сопротивление, всемн путями старался достигнуть Брестского мира, старался и будет стараться спастн территорию, которая сможет стать нсходной точкой не только для свержеиия капитализма в Вен-

грии, но и для продвижения международной пролетарской революции дальше на запад... Не ради удовольствия разослали мы телеграммы странам и правительствам окружающих нас буржуазных государств, Вильсону и Парижской мирной конференции — сделали это потому, что, раз не удалось спасти Советскую Венгрию с помощью военных сил, мы должны попытаться политически спасти то, что можно, попытаться спасти Советскую Венгрию, спасти власть пролетариата.

Мы послали и парламентариев. Особенно хорошего я и тут не предвижу. Если Антанта захочет нас растоптать — очевидно, в ее намерения входит покончить с большевизмом здесь, где это проще, чем в России, — и она думает: навеки, а мы уверены, что на очень короткое время, — если она хочет покончить с нами, пускай кончает. И все-таки во мне жива надежда, я думаю, что нам удастся заключить мир... Это означало бы — как мы часто повторяли вслед за Лениным, — что мы добились передышки...

...Можно установить два направления. Одно — и его придерживается, очевидно, большинство, — что мы не должны защищать Будапешт, потому что положение, по их мнению, безнадежно и они не желают идти на лишние жертвы. Второе — мнение меньшинства... чтоб мы защитили Будапешт... чтоб мы защищали диктатуру пролетариата через Баконь до самого Винер-Нейштадта.

Эта вторая, скажу откровенно, моя точка зрения, пусть с военной точки зрения необоснованная, но объяснимая всем моим прошлым, такова: если можно, мы должны защищать диктатуру до самого Винер-Нейштадта. («Правильно! Правильно!»)

Товарищи, мне совершенно ясно, что в таком случае надо обороняться здесь... Потому что отказаться от власти нельзя, невозможно. Отказываться от власти было бы позорно и подло. (Возглас: «Самоубийство!») Не самоубийство, только потому, что пролетариат не может убить самого себя. Да и буржуазия не может убить пролетариат, ибо тогда она уничтожила бы предпосылки своего паразитического существования.

Уважаемые товарищи! Я говорю вам: Будапешт надо отстоять любой ценой; надо отстоять во что бы это нам ни обошлось, ибо мы обязаны отстоять рабочее движение в Венгрии, эту поистине славную ветвь международной пролетарской революции.

Весь вопрос в том, каково мнение Будапештского рабочего совета...»

Искренняя речь Бела Куна, в которой он честно рассказал обо всех трудностях и бедах, произвела такое впечатление, что

на время обезоружила правых и центристских лидеров социал-демократии. Коммунисты, да и не только коммунисты, вставали друг за другом и просили слова.

«На заводы! В профсоюзы!»

«За 24 часа!»

«Пускай Наркомат военных дел предоставит в распоряжение районных рабочих советов необходимое снаряжение... рабочие сразу переоденутся, вооружатся и пойдут в казармы...»

«Революция не привыкла взвешивать: выйдет или не выйдет. Революция не страховой институт. Те, кто считал, что пролетарская диктатура спасет страну, обязаны сейчас — вне зависимости от того, были они социал-демократами или коммунистами, — без всяких дискуссий дружно высказать, что диктатуру пролетариата надо спасти. Нас научила этому Парижская коммуна...»

«Я пришел на это заседание после долгой болезни. И не поверю, что есть хоть один металлист-пролетарий, который скажет, что надо сдаваться в борьбе... Даже я, полудохлый, заявляю, что завтра же пойду сражаться вместе с товарищами... Мы должны защитить Венгерскую советскую республику и мировую революцию пролетариата...»

«Я заявляю от имени своих товарок-женщин, что если мужчины не защитят диктатуру пролетариата, то пускай не попадаются своим женам на глаза... У нас тоже крепкая воля и крепкие руки...»

«Пусть работают только рабочие самых важных заводов, а остальные пускай пойдут на защиту пролетарской власти...»

Бела Кун сказал в своем заключительном слове:

«Провиант есть, оружие есть... и Советскую Венгрию можно не только защитить, но и обеспечить для нее возможность честного мира... К оружию!.. Все боеспособные люди на защиту Будапешта и Советской Венгрии!»

Заседание Рабочего совета закончилось.

Собрался Революционный правительственный совет.

За пять минут до полуночи была разослана телеграмма:

«Революционный правительственный совет приказывает всем фронтам развить самое энергичное сопротивление. Все рабочие Будапешта отправляются на фронт...»

После этого начался, хотя и чреватый грозными событиями, но самый прекрасный, самый трудный и самый величественный период революции.

Еще в апреле прибыл из Вены австрийский отряд в тысячу человек во главе с Лео Ротцнгелем и пошел на защиту Дебрецена.

«Войска бояр-империалистов приближаются, — писал Ротцнгель народному комиссару по военным делам, рабочему-металлисту Реже Фидлеру. — Завтра мы пойдем в огонь. Ради освобождения пролетариата я с радостью и не только с радостью, но и с гордостью пойду на смерть. Для меня будет счастьем пролить кровь за Советскую Венгрию, которую считаю родиной мирового пролетариата... Я завидую пролетариям Венгрии потому, что они нашли себе настоящих вождей-коммунистов... Пришлите несколько пулеметов и сигареты...»

Рабочий нарком Фидлер наверняка послал и пулеметы и сигареты, но Ротцнгелю уже не довелось их получить. Через день после отправки этого письма он пал в бою, защищая Дебрецен, защищая пролетарскую революцию.

2 мая, когда Центральный рабочий совет мобилизовал рабочих пештских заводов и провозгласил, что половина членов совета тоже пойдет на фронт, в ту же ночь венгерские аристократы и белые офицеры напали на венское посольство Венгерской советской республики, ограбили его и, кроме нескольких сотен тысяч английских фунтов и французских франков, унесли еще сто сорок миллионов венгерских крон (около десяти миллионов долларов). Посла и нескольких сотрудников посольства контрреволюционеры похитили и заключили в какой-то монастырь. Все это было проделано с молчаливого согласия «нейтрального» социал-демократического правительства Австрии.

Венская социал-демократическая полиция занялась «сыском», и тогда пришлось выпустить из монастыря заключенных туда венгерских подданных. Но преступников, конечно, не обнаружили, унесенные деньги не нашлись больше никогда.

Ограбление посольства шло в полном согласии с планом правых социал-демократических лидеров (связанных в Будапеште с иностранными дипломатами, например с англичанином Фрименом) свергнуть в первую половину мая Венгерскую советскую республику. Осуществить его помешало неожиданное для них отважное выступление рабочего класса.

О согласованности действий внутри страны и за рубежом свидетельствует и поведение Вильмоша Бема — 5 мая он отказался от поста главнокомандующего Красной армии, но после того, как упомянутый план был сорван, Бем отложил свое намерение подать в отставку до лучших времен.

В эти же дни и румынское правительство передало свои

«условия перемирия». Запросило оно вовсе «немного»: всего лишь железнодорожный парк всей венгерской территории восточнее Тисы (около семидесяти двух тысяч пассажирских, товарных вагонов и паровозов).

В эти же дни под Киевом началась концентрация венгерских интернациональных полков Российской Красной Армии. Они готовились вместе с Украинской Красной Армией прийти на помощь Советской Венгрии.

И в эти же дни одно из рабочих предместий Будапешта (Эржебетварош), словно в ответ на происки внутренней и зарубежной контрреволюции, решило взять себе имя Ленина. Эржебетварош стал Ленинварошем, иначе говоря — Ленинградом. Думаю, что это был первый в мире Ленинград.

В эти дни Янош Перени обратился от имени старейших рабочих пештских заводов в Народный комиссариат по военным делам с просьбой разрешить и рабочим старше пятидесяти лет пойти на фронт защищать пролетарскую революцию. «Такой старый боец даст десять очков вперед любому молодому, — писал Янош Перени. — Я был кавалеристом, а теперь попросился в артиллерию; и что же, сказали: стар, не годен. Домой прогнали. Будто по морде дали...»

Но не только стариков старались гнать домой. Врачи призывных комиссий, которые в мировую войну признавали годными для защиты габсбургской монархии даже слабых, отощавших семнадцатилетних юнцов, теперь преподносили приговор «Не годен» восьмидесяти процентам добровольцев, которые являлись на защиту Советской Венгрии.

Рабочие заводов и рудников шли на фронт вместе с лучшими сыновьями крестьянства. И вместе с ними шли в Венгерскую Красную армию русские, польские, словацкие, австрийские, итальянские, румынские, югославские, болгарские интернационалисты. Они действовали по примеру интернационалистов, сражавшихся в гражданскую войну вместе с Российской Красной Армией. Одним из самых героических подразделений Венгерской Красной армии была 80-я интернациональная бригада. Немало бойцов этой бригады сложили головы на тисском фронте, во время северного похода. Они первые пошли в атаку и при освобождении Лошонца (Лученеца). Я и по сей день помню имена многих товарищей интернационалистов: русских — Владимира Юстуса, Владимира Урасова, Рафаила Меллера; поляков — Иозефа Красного, Францишека Гарлинского, Иозефа Лапинского; австрийца Эгона Эрвина Киша, который стал впоследствии всемирно известным писателем. Около трехсот итальянцев сражалось в Венгерской Красной

армии. Видела я заявление, присланное итальянцами, мне показал его Бела Кун, но в памяти у меня сохранилось только одно имя, а почему — об этом читателю нетрудно будет догадаться: итальянца звали Данте.

Я даже встречалась со многими интернационалистами, когда они поздно ночью приходили к Бела Куну.

Еще и двух месяцев не исполнилось советской республике, а уже на фронтах и в тылу все ожесточеннее становилась борьба между пролетарской революцией и контрреволюцией.

...Это было почти полвека назад.

Припоминая, какими мы были, какой была я сама, и видя себя сейчас, мне иногда приходит в голову, да неужто же и венгерская пролетарская революция, Венгерская советская республика состарилась так же, как и я? Неужто и ей приходится так же осторожно ступать по земле, как и мне?

Но это только мгновенное чувство.

Революции с годами молодеют и хорошеют, а «замечания» иных враждебно пристрастных современников с течением времени все более съеживаются рядом с Великим Событием. Ведь Венгерская советская республика, как и восстание 1514 года и революция 1848 года, была не только страницей венгерской истории. Венгерская пролетарская революция 1919 года оказала свое влияние от Праги до Бухареста, от Варшавы до Белграда, от Москвы до Берлина, от Лондона до Пекина, от Мюнхена до Вены, от Парижа до Вашингтона и стала, таким образом, страницей мировой истории, страницей мировой революции, которую народы будут вновь и вновь славить, объяснять, ибо она всегда будет служить и примером и уроком.

С каждым годом все более живые встают перед нами венгерские пролетарские революционеры, которые во главе с Бела Куном, вместе с ним шли «штурмовать небеса».

Что же делал Бела Кун в эти самые напряженные месяцы венгерской пролетарской революции?

Откровенно говоря, личных воспоминаний у меня сохранилось очень мало, я почти не видела его. Даже не знала иногда, где он и что он делает. Вечером, часов в десять-одиннадцать, когда я ложилась спать, Бела Куна чаще всего не было дома. (Не могу же я называть «домом» третью комнату нашей квартиры в «Хунгарии», куда, после того как Бела Кун возвращался, непрерывно приходили люди и вели с ним разные

переговоры.) Утром я просыпалась обычно после семи. А Бела Кун был тогда уже снова в третьей комнате, а если даже дома, то подходил ко мне, говорил два-три слова на прощанье и уходил. Уходил в третью комнату, в Хечч, затем уезжал из «Хунгарии» в Наркоминдел, в ЦК партии, в Ставку, на фронт, в какой-нибудь город или на завод... И снова завершалось все третьей комнатой и Хеччем.

Я понимала все это, но не радовалась, что у него совсем не остается времени ни для меня, ни для дочки.

Оборона Советской Венгрии все больше и больше усложнялась. Правые социал-демократы и центристы все усерднее трудились над тем, чтобы изнутри ослабить, разложить пролетарскую власть, подготовить ее падение. Они устраивали тайные собрания, ездили в Вену, договаривались с австрийскими социал-демократическими вождями, с дипломатами Антанты, с помощью разведчиков вражеских стран передавали свои предложения в Прагу, в Бухарест, в Париж. Эти предложения попадали и к разным венгерским контрреволюционным правительствам (их существовало несколько), из которых самым действенным было «сегедское правительство», поддерживаемое французской южной армией. (Будем справедливы: вовсе не спившийся Янош Ванцак протянул первым «мозолистую руку» Миклошу Хорти, а, по сути дела, Жигмонд Кунфи, Вильмош Бем, Эрне Гарами, Йожеф Хаубрих, Карой Пайер, Дюла Пайдл и их дружки. Но так как Хорти считал еще несвоевременным пожимать ту или иную «мозолистую руку», то владелец ее отвечал на это пренебрежение к себе бранью. Разница была лишь в том, что Янош Ванцак открыто, через «Непсаву», прямо после поражения венгерской революции предложил свою «мозолистую руку» в то время, как Бем и Гарами молчали, что они еще во время революции выступили с таким же предложением. Признались они в этом только позднее, в своих мемуарах, предъявив, таким образом, счет за еще не оплаченные услуги.)

Короче говоря, против власти рабочих и беднейших крестьян образовался «единый фронт», в который входили все, начиная от аристократов и кончая правыми социал-демократами.

Не понимаю и тогда не могла понять, как удалось в ту пору Бела Куну урвать время, чтобы подготовиться к пяти фундаментальным докладам. Хвала квалифицированным стенографистам — эти доклады сохранились в гораздо более до-

стоверном виде, чем речи, произнесенные в Рабочем совете и в разных других местах.

Из этих пяти докладов первый был посвящен, конечно, роли партии — это был самый жгучий вопрос. «Две партии объединились, и, в сущности, нет ни одной», — с жестокой прямотой сказал Бела Кун.

Первый доклад был посвящен, по сути дела, подготовке и созданию новой, пролетарской революционной партии.

Во втором докладе Бела Кун говорил о роли профсоюзов. В те времена еще господствовало мнение, частично даже в Советской России (ведь знаменитая профсоюзная дискуссия началась в Москве только полтора года спустя), что всем промышленным производством будут управлять профсоюзы. Но — такова сила исторической целесообразности — пока с величайшей серьезностью обсуждали вопрос об управленческой роли профсоюзов, Революционный правительственный совет с полного согласия Бела Куна учредил Совет народного хозяйства (председателем его был назначен Ене Варга), в задачи которого входило руководство планированием и производством.

Что касается профсоюзов, то Бела Кун объяснял: пора уже порвать с существующей практикой, с практикой, царившей десятилетия в венгерском социал-демократическом движении, согласно которой каждый вступивший в союз механически становится и членом партии. Он и в этом докладе вернулся снова к уже ранее высказанной точке зрения, что рабочий класс должен создать партию-авангард, как и было до объединения, членами которой могут быть только трудящиеся, да и то лишь те, которые хотят и в силах бороться за диктатуру пролетариата.

(Здесь я должна упомянуть о том, что Бела Кун готовился к чистке партии. Он думал так: Российская и Венгерская Красные армии соединятся в Карпатах, после этого соотношение сил изменится, и тогда можно будет очистить партию от всяких чуждых элементов.)

Я не была на первых двух докладах, слушала только третий. Он произвел на меня большое впечатление. Мне казалось, что я получила ответ на те вопросы, которые больше всего тревожили меня.

Бела Кун говорил о том, что диктатура пролетариата — переходное явление, что старую бюрократию надо уничтожить, но нельзя допустить, чтобы выросла новая... «Мы не хотим, — говорил Бела Кун, — чтобы над пролетариатом воздвиглась особая прослойка, которая будет осуществлять свою власть от

нмеии пролетариата и независимо от него. Вот что мы считаем опасиым, вот чего мы не допустим. Днктатура пролетарната есть пролетарская демократия, такая демократия, которая должна воспрепятствовать возвышению любой бюрократической прослойки над пролетарнатом... Нам легче покончить со старой бюрократией... Более опасна новая бюрократия...»

Бела Куи говорил и о том, что государственных служащнх надо не иазначать, а выбирать, что оии могут быть отозваны в любой момеит, жалованье государственного и партийиого работника не должио превышать заработок квалифицированного рабочего. Это поможет отбиться от карьеристов (тогда они самн ие полезут), а кроме того, явится гарантией от возннкиовения иовой бюрократической касты.

«Мы не хотнм днктатуры над пролетариатом, мы хотим диктатуры ради пролетариата!» — сказал Бела Кун.

Потом заговорнл о трудовой дисциплине, об оргаиизации производства, о капиталовложеннях, о сельском хозяйстве. Это были все жнвые, жгучие вопросы.

Тем временем Венгерская Красная армия одерживала одну победу за другой. Были освобождеиы словацкие территорин, в результате чего в Эперьеше провозгласили Словацкую республику. (Обе республики — Словацкая и Венгерская — создали федерацню.)

Этн победы только парализовали иа время действня правых соцнал-демократических лидеров, но происки свои оии ие прекратнли. Так, например, главиокомандующий армии Внльмош Бем нздал прнказ, что органы мнннстерства внутренних дел — там работали революцноиеры Корвин и Шаллан — ие нмеют права арестовывать военных без его разрешения.

Такие и подобиые конфлнкты возннкали ежедневно и даже ежечасно.

Одни нз самых преданных соратнннков Бела Куна, Тибор Самуэли, полетел в Москву — а по тому времени это было велнкое дело, — чтобы прониформнровать Ленина о положеини в Венгрии н договорнться о возможностях идеологической и военной помощи.

Необычайио интересио с точки зрения характеристикн виутриполитической обстановки то, что пишет Бела Кун в своих воспомннаииях об этой поездке Самуэли:

«В коице мая мы договорились: Тибор поедет в Москву, чтобы проииформировать Леиина и русских товарищей о создавшемся положенин. Тнбор хотел преодолеть расстояние в две тысячи кнлометров иад фроитами, тылами противиика, территорней вражеских страи на самолете... Ои готовил поездку, а со-

циал-демократические вожаки распространяли сплетни, что Самуэли с золотом бежит за границу.

Тибор, смеясь, пришел ко мне в номер «Хунгарии» и выдвинул ящик стола.

— А ну, давайте золото, с которым мне надо бежать! На Андраши, 5 (там помещался партийный клуб, где социал-демократическая бюрократия творила за картами контрреволюцию) распространяют слухи, будто я с золотом бегу в Россию. Такие же сплетни пущены и на Матяшфельдском авиазаводе. Так вот, прежде чем сесть в самолет, я заставлю членов Рабочего совета Матяшфельдского завода обыскать себя.

И верно, прежде чем пуститься в полное опасностей, головокружительное путешествие, он заставил себя обыскать».

Вернулся Самуэли с не очень-то обнадеживающими вестями: военное положение Советской России необычайно трудное, на объединение армий в Восточной Галиции рассчитывать пока нечего.

Еще перед отъездом Самуэли Бела Кун отправил радиограмму Ленину. В ней он благодарил за то, что опровергли клеветнические измышления австрийской печати.

Дело в том, что наркоминдел Чичерин обратился от имени Советского правительства к австрийскому правительству с нотой, в которой было сказано: «...Ни Ленин и никто из членов Российского советского правительства никогда ни письменно, ни устно не осуждали Венгерскую советскую республику или Бела Куна, как это утверждают венские ползучие гады о Ленине. Советская Россия относится к Венгерской советской республике с глубочайшей дружбой и привязанностью и с восхищением взирает на достигнутые ею успехи. А товарища Бела Куна глубоко уважает и чтит. Ленин и вся Советская Россия ценит значение его работы...»

(Странное дело, с тех пор как я познакомилась с Бела Куном, на него всегда клеветали, а я и по сей день не могу привыкнуть к этому.)

В радиограмме Бела Кун просил Ленина еще о том, чтоб он обратился с письмом к венгерским рабочим и критически отозвался бы о правых элементах объединенной венгерской партии. Ленин очень скоро выполнил его просьбу. Так родилась статья «Привет венгерским рабочим», которую Тибор Самуэли привез с собой в Будапешт.

Письмо, в котором Ленин разбивает в пух и в прах иллюзии относительно буржуазной демократии, клеймит предателей — правых деятелей социал-демократии и говорит о том, что уничтожение классов может произойти только в результате долгой

и упорной классовой борьбы, поэтому-то и необходима пролетарская диктатура. Это письмо широко известно, поэтому я приведу только последние его строки:

«Товарищи венгерские рабочие! Вы дали миру еще лучший образец, чем Советская Россия, тем, что сумели сразу объединить на платформе настоящей пролетарской диктатуры всех социалистов. Вам предстоит теперь благодарнейшая и труднейшая задача устоять в тяжелой войне против Антанты. Будьте тверды. Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно...

...Во всем мире все, что́ есть честного в рабочем классе, на вашей стороне. Каждый месяц приближает мировую пролетарскую революцию» [1].

Характерно, что даже это письмо Ленина, которое было написано по прямой просьбе Бела Куна, в годы культа личности Ракоши в Венгрии старались использовать против Бела Куна.

Письмо Ленина было большим подспорьем для Бела Куна, но решающим образом изменить тогдашнее соотношение сил в Венгрии оно не могло.

Венгерская Красная армия победоносно продвигалась на всех фронтах. Как раз поэтому в тылу все более лихорадочно, все более откровенно подготавливали контрреволюцию, которую всячески поддерживали также из-за рубежа. Надо было торопиться, чтобы в Чехии, в Кладно, не успели восстать, чтобы не поднялись и австрийские рабочие в Винер-Нейштадте.

Одним из самых действенных методов создания смуты было распространение всяких тревожных, страшных слухов.

«Слышали? В Будапеште-то муки всего на один день, потом будем сидеть без хлеба». «У меня самые точные сведения: французская армия выступила из Салоников — двести тысяч человек». «В Шалготарьяне горняки взорвали шахты. В конце месяца станут все заводы...» «Салон-вагон Бела Куна стоит уже на путях. Паровоз разводит пары. Завтра все наркомы поудирают». «Они погрузили в свой поезд половину золотого запаса Национального банка». «Слышали? Антанта пригнала целый эшелон с продовольствием. Он стоит уже на австрийской границе. Как только Советской власти придет каюк, эшелон тут как тут будет в Будапеште».

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 388.

А на фронтах подзуживали солдат: «Красноармейским женам не выплачивают обещанное пособие, и детишки их голодают». «Почему это только вы воюете? Пускай пригонят на фронт и тех рабочих, что отсиживаются дома».

В деревнях распускали слухи, что коммунисты обобществляют женщин, отбирают детей у родителей. И уж совсем страшный слух прошел по столице: «Пять тысяч человек расстреляли в подвалах парламента, в том числе и социал-демократов. Русская Красная Армия вся разбежалась, и не сегодня-завтра Ленин в отставку пойдет».

На стенах домов появились плакаты:

«Ты, злостный распространитель слухов, — бойся!»

Но и от этого было мало толку.

Появились и другие плакаты — на одном из них рабочий говорит другому: «Металлист, не поддавайся!» Но через несколько часов чьи-то ловкие руки подклеивали другие, тоже типографским способом отпечатанные слова: «...тем, кто хочет тебя погнать на фронт».

Все более подло нападали из-за угла и на Красную армию, которая защищала Советскую Венгрию.

Положение с каждым днем становилось труднее. Все призрачнее была и надежда, что в мае 1919 года Венгерская Красная армия соединится с Российской. Атаман Григорьев предал Красную Армию, поэтому Венгерской Красной армии пришлось наступать против чешских контрреволюционеров не по направлению Унгвара (Ужгорода), а по направлению Кашши — Эперьеша (Кошицы — Прешова).

Атаман Григорьев, бывший царский офицер, после поражения Петлюры со всем своим войском перешел на сторону Красной Армии. Согласно приказу он должен был двинуться против буковинских полчищ румын. Григорьев отказался подчиниться приказу и пошел против Красной Армии. Тогда те части Красной Армии, которые должны были прийти на помощь Венгерской советской республике, вынуждены были вступить в сраженье с Григорьевым. Ленин в качестве председателя Совета обороны в апреле послал следующую телеграмму главкому Вацетису и члену РВСР Аралову:

«Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. Эту задачу надо решить быстрее и прочнее, а за пределами этой задачи никакое занятие Галиции и Буковины не нужно... Вторая задача — установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией» [1].

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 285—286.

Еще 13 мая в телеграмме Бела Куну Ленин писал:

«Только 13 [мая] получил Ваше письмо от 22 апреля. Уверен, что, несмотря на громадные трудности, пролетарии Венгрии удержат власть и укрепят ее. Привет крепнущей Красной Армии венгерских рабочих и крестьян. Зверский мир Антанты усилит везде сочувствие к Советской власти. Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр. Шлю наилучшие приветы Вам и всем венгерскнм товарищам» [1].

24 июня, как раз в тот час, когда в Будапештском Совете рабочих и солдатских депутатов напряженно и взволнованно обсуждались то тут, то там вспыхивавшие контрреволюционные выступления, я вместе с сестрой, дочкой и Маришкой Селеш сидела дома и читала газету «Вереш уйшаг». В этом номере требовали, чтобы ввели чрезвычайное положение и чтобы Правительственный совет создал отряд для подавления контрреволюционных групп и назначил командиром отряда Тибора Самуэли. Весь номер «Вереш уйшага» отражал беспокойство коммуннстов, членов редколлегии и тех, что группировались вокруг газеты.

Вдруг распахнулась дверь в мою комнату и кто-то крикнул:

— Со стороны Уйпешта по Дунаю плывут мониторы под какими-то подозрительными флагами. В Будапеште вспыхнул контрреволюционный мятеж.

Я вскочила. Вышла на балкон посмотреть, не очередной ли это слух, пущенный для возбуждения паники.

Но это была правда. Я увидела: от острова Маргит медленно плывут мониторы под разными флагами.

Вошла обратно в комнату, не зная что делать. Прежде всего надо найти Бела Куна! Но где его найдешь? Я вышла в коридор. Из охраны не было никого. Они узнали о развернувшихся событиях — в городе уже все стояло вверх дном — и вышли на улицу. Строили баррикаду перед самой «Хунгарией».

Вдруг раздался страшный грохот, и несколько мгновений спустя в комнату ко мне ворвалась жена Ваго с детьми.

— Что будем делать? — растерянно спросила она. Оказывается, орудийный снаряд ударил в наружную стену их комнаты и сорвал балкон.

Снова раздался грохот. Еще один снаряд попал в «Хунгарию».

Дальше оставаться здесь невозможно! Надо тотчас уходить.

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 310.

К нам прибежал один из «ленинских ребят» и предложил немедленно поехать на Чепель к его матери:

— Там вы будете в полной безопасности. Я сам вас провожу!

— Чепель в десяти километрах отсюда, — возразила жена Ваго. — Мы не можем уехать так далеко, надо пойти куда-нибудь поближе.

Мы вышли из «Хунгарии». Как ни уговаривала я Маришку Селеш, она не захотела оставить квартиру.

А на улице был уже полный кавардак. Прямо на набережной лежал мертвец. Как нам объяснили, перед «Хунгарией» стоял человек и размахивал белым флагом, давая знак мониторам. Его пристрелили солдаты охраны.

Вдруг навстречу нам попался один из секретарей Бела Куна.

— Товарищ Бела Кун поручил мне вынести из гостиницы все документы, — сказал он. — Подождите меня, я тотчас вернусь и отвезу вас куда-нибудь.

Мы подождали немного, но он не вернулся. Тогда отправились одни, еще сами не зная куда.

По дороге жена Ваго предложила пойти к ее знакомым. Муж и жена — порядочные люди, вполне прогрессивно мыслящие. Муж возглавляет директорию строителей. Живут они здесь поблизости. И в заключение, успокаивая себя, добавила:

— Не выгонят же нас!

Предложение мне не понравилось. Я хотела пойти разыскать Бела Куна, но не знала как, и сама ничего другого путного предложить не могла.

Упомянутый инженер с женой жили в центре города. Я вспомнила, что недавно, в более спокойные времена, я была у них однажды вместе с женой Ваго. Тогда они были необычайно милы и приветливы. А теперь встретили нас подчеркнуто холодно. Ваго рассказала, что случилось в «Хунгарии», и попросила разрешения остаться у них, пока «не уладится это дело с мониторами». «Пожалуйста», — ответили они довольно нелюбезно. И, предоставив нам комнату для прислуги, сами ушли из дому.

Что нам оставалось? Мы заняли комнату, где стояла только одна кровать. «Будь что будет!»

Ждали до вечера. Хозяева так и не вернулись. Ваго пыталась позвонить мужу — он был народным комиссаром внутренних дел, но телефонная станция не соединила ее. (Позднее выяснилось, что контрреволюционеры заняли телефонную станцию и еще ряд важнейших зданий.) Беспокойство наше все росло и росло.

Вдруг раздался звоиок в дверь.

— У хозяев есть ключи, — заметила Ваго и быстро спрятала меня.

Вошел какой-то мужчииа и спросил хозяииа дома.

— Его иет! — услышала я резкий ответ.

— Ах, вот как, тогда простите, пожалуйста, я пойду, — сказал иезиакомец.

Но Ваго решительио крикиула:

— Нет! Вы иикуда не пойдете! Остаиьтесь здесь!

Тут уж и я вышла. Незиакомец пожал плечами и кротко согласился остаться. Так сиделн мы молча втроем. Вдруг задребезжал телефои. Звоиил Бела Ваго.

— Я уже повсюду разыскивал тебя, — сказал ои жеие. — Мятеж подавлеи. Мы сиова господа положеиия. Ложитесь сейчас, отдыхайте, а утром вернетесь в «Хунгарию».

После этого Ваго выпустила иезнакомца. А мы, примостившись кто куда, попытались отдохиуть. Поздно иочью вериулись и наши хозяева. Тут же пригласили нас в большую комиату и как ии в чем не бывало мило, ласково предложили:

— Ложитесь здесь... И утром никуда ие ходите... Поживите у иас несколько дией, погостите...

Я позвонила Маришке, сказала ей, где мы иаходимся. Потом иас уложили спать, ио теперь уже в большой комиате.

Утром пошли домой.

Дием явился Бела Куи. Видно было, что ночью ои не спал.

— Коитрреволюцию подавили, — сказал ои, — а теперь посмотрим, кто в ией участвовал. Боюсь, что без Хаубриха тут дело ие обошлось... Поглядим...

В другой раз ои непремеиио попросил бы прощенья за то, что ии вечером, ни иочью, ии утром ие поиитересовался, что с семьей, но теперь ему это и в голову не пришло.

После коитрреволюциониого мятежа я больше ие вериулась к Райиицу. Вместо меня пошла работать моя сестра Хаиика. Оиа поступила тоже в Наркомпрос, только в отдел охраны детей: помогала в устройстве отдыха для пролетарских ребят. Ей иравилась эта работа. Оиа ездила в Аидялфельд, в Фереицварош, в Йожефварош, в Обуду — в так иазываемые пролетарские райоиы, обследовала домашиие условия детей, присутствовала на школьных медосмотрах и провожала все поезда, которые уходили иа Балатон, битком набитые детишками. Потом вечером увлечению рассказывала, что была иа вокзале, как дети радовались, пели, махали красиыми флажками.

В конце нюня к сестре подошел однн из сотрудников отдела н сказал ей: «Товарищ Гал! Прошу вас отнестись ко мне с доверием... Близится конец... Я хочу помочь вам и вашей семье... Если случится неизбежное, прнходите прямо ко мне... У нас вы будете в полнейшей безопасности... Хорошенько обдумайте мое предложение...»

Сестра рассказала о своем разговоре Бела Куну. Два дня спустя он сообщил, что этот человек в лучшем случае иеблагонадежный, ио не нсключеио, что он сознательио н заблаговременно готовится к «возможным событиям», думает заработать себе капитал, заманив в ловушку семью Бела Куна. И добавил в заключение: «Нечего вам с иим разговаривать!»

Успешный поход Венгерской Красной армин заставил Антанту принять быстрые решения. Так роднлась н нота председателя Парнжской мирной конференцнн Клемансо.

Нота звучала так:

«Союзные и дружественные державы намерены пригласить представителей венгерского правительства на мирную конференцию, чтобы высказать им свою точку зрения относительно справедливых граннц Венгрин. Теперь венгерцы яростно иападают на чехов, без всяких на то оснований завладели Словакией... Мы официально призываем Будапештское правительство прекратнть свон нападеиня на чехословаков, нбо в протнвном случае союзные державы незамедлительио прнбегнут к самым крайним мерам...

Председатель мирной конференцин
Клемансо».

Эту ноту обсуждалн сначала на заседанин партийного руководства (увы, протоколы заседаиня не сохранились), потом на заседании Революционного правнтельственного совета, затем после длительных прений ее приняли на съезде Советов.

Бела Кун ответил:

«Париж. Председателю мирной конференции, господину Клемансо.

...Венгерская советская республика не намеревалась нападать и не нападала на Чехословацкую республнку. Пользуясь престнжем союзных держав, войска Чехословацкой республики, Югославского королевства н Румынского королевства... ворвались на террнторию Венгерской советской республики н грозились уже задушить нас. Тогда мы вынуждены были взяться за оружне. Правительство Венгерской советской республики готово пойти на все, что содействует справедливому и честно-

му мнру между народамн, взанмопониманию и раз и навсегда кладет конец кровопролитию.

Бела Кун.

10 июня 1919 года».

Вторая «Срочная! Первоочередная!» телеграмма Клемансо состояла нз двух частей. В первой части было сказано: «В интересах мнра и справедливостн... армии этих держав (Чехословакии, Румынин н Венгрии. — **И. К.**) обязаны прекратить враждебные действня и отступить в кратчайший срок». Во второй же части говорилось: «Прнменнтельно к этим основным прннцнпам венгерская армня призывается к немедленному отступленню за указанные граннцы Венгрии... Если находящнеся на месте представители союзных и дружественных держав не сообщат нам, что этот прнказ выполнен за четверо суток, счнтая с 14 июня, то мы предоставим свободу действий... Румынскне войска отступят сразу же, как только венгерские войска освободят территорню Чехословакии...

Клемансо.

Парнж, 13 июня 1919 года».

Бела Кун не поверил обещанию Клемансо. Он только надеялся с помощью переговоров оттянуть время, получить передышку до той поры, пока не улучшится военное положение Советской Росснн, не объедннятся обе Красные армии и снова не пойдут на подъем пролетарские движения в разных странах. Он надеялся, что все это в конце концов не позволнт Антанте начать интервенцию против Советской Венгрни.

...Помню, был теплый июньский день. Часов в шесть Бела Кун неожиданно вернулся домой страшно усталый. Сказал:

— Сосну малость. В девять вечера надо идти на заседанне.

Поспал часа полтора. Встал. И начал говорнть, правда, скорее самому себе, чем мне. Тогда впервые услышала я о Брестском мире, о том, что и он, Бела Кун, поначалу был против подписания позорного мира с немцами, а Ленин сказал ему: «Вы, кажется, не болтун, поезжайте завтра на фронт н посмотрите, готова ли солдатская масса к революционной войне». И Бела Кун поехал на фронт, потом вернулся, убеднвшись, что Ленин прав, надо получить передышку, иначе Советская Россня погибнет... Затем заговорил о том, что и нам необходнма передышка... Если у нас будет время, мы реор-

ганизуем партию, а это главное...[1] Хотя бы частично очистим армию от контрреволюционных офицеров...

С какими же военскими силами намеревался Клемансо «прибегнуть к самым крайним мерам»?

Из более позднего донесения маршала Франше д'Эспери, главнокомандующего французской интервенционной армии, стоявшей на южной границе Советской Венгрии, выясняется, что, кроме чешской северной армии, в его распоряжении были:

Румынская королевская армия	86 000	человек
Сербохорватская словенская армия	32 000	человек
Французская южная армия	56 000	человек
Итого...	174 000	человек

Вместе с чешскими войсками это составляло четверть миллиона солдат, не говоря о том, что французский маршал просил прислать ему еще английские и американские войска.

Бела Кун получил телеграмму от Ленина:

«...Кстати добавлю от себя, что Вы конечно правы, начиная переговоры с Антантой. Начать и вести их надо, всякую возможность хотя бы для временного перемирия или мира надо обязательно использовать, чтобы дать отдых народу. Но ни на минуту не верьте Антанте, она вас надувает и только выигрывает время, чтобы лучше душить вас и нас»[2].

Два дня спустя после ноты Клемансо, 12 июня, в парижской «Юманите» было сказано:

«Венгерские события повиты густым туманом. Господин Клемансо опровергает вчерашнее сообщение, согласно которому на парижскую конференцию пригласили и правительство Бела Куна. Это опровержение никого не удивит. Если господин Клемансо признает одновременно и Колчака и Бела Куна, то этим он и в самом деле совершает страшные, несовместимые друг с другом действия.

---

[1] «Вместе с Тибором, — писал Бела Кун в своих воспоминаниях о Самуэли, — развернули мы — увы, слишком поздно — опирающееся на массы и базирующееся на фабрики и заводы движение, направленное на воссоздание коммунистической партии. После партийного съезда, на котором дело чуть было не дошло до открытого разрыва с социал-демократами, мы вовлекли в наше движение целый ряд таких профсоюзных деятелей, фабрично-заводских главных доверенных, которые, как, например, Ференц Баяки, выступили на съезде объединенной партии против верхушки партийно-профсоюзной бюрократии».

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 354.

Вместе с тем он по-прежнему утверждает, будто «Четверка» обратилась с призывом к Венгерской советской республике «прекратить наступление» на Чехословакию.

С другой стороны, мы читали какую-то телеграмму, в которой сообщается, будто Бела Кун уже ответил на этот призыв, что он готов приостановить наступление, но лишь при известных условиях. Нам хочется, чтобы Венгерская советская республика была по возможности осмотрительней. Совершенно ясно, что вожди международной реакции хотят задушить венгерскую революцию.

Против бешеного гнева союзнической буржуазии единственное спасение в силе революции» («Юманите», 12 июня 1919 г.).

Что единственное спасение «в силе революции», это отлично понимал и Бела Кун, но ему было ясно и то, что необходимо навести порядок в революционных силах, очистить их от всякой накипи и шлака, а для этого опять-таки требуется время. Он не закрывал глаза и на те жесткие факты, о которых говорил Ленин на беспартийной рабоче-крестьянской конференции, когда в Москву прибыла весть о падении Венгерской советской республики.

«Как известно, до конца марта этого года там господствовала «керенщина» со всеми ее прелестями. Когда в то время, 21 марта, там вдруг образовалась власть Советов, причем тамошние меньшевики согласились поддерживать эту власть, можно было думать, что в социализме наступила какая-то новая эра... Но вот последние события показали нам, что социал-соглашатели нисколько не изменились. По-видимому, то, что теперь произошло в Венгрии, повторяет в большом масштабе то, что произошло недавно на наших глазах в Баку» [1].

В. И. Ленин в ярких образах вспоминает трагическую историю бакинского пролетариата, когда его социал-предатели обратились за помощью к английскому командованию и за спиной рабочих вступили с западными империалистами в тайное соглашение. Оратор проводит аналогию между этой бакинской трагедией и теперешним переворотом в Венгрии, говорит о радиотелеграмме, из которой мы узнаем, что румыны уже вступили в красный Будапешт.

Далее В. И. Ленин сравнивает положение Венгрии и Советской России и, напомнив вкратце все наши временные неудачи, говорит о том, что нас спасает громадность территории, между тем как Венгрия слишком мала для того, чтобы дать отпор всем своим врагам.

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 148.

Как прав был Ленин, сравнив действия венгерских социал-предателей с действиями бакинских социал-предателей, обратившихся за помощью к английскому командованию, подтвердилось впоследствии множеством обнаруженных документов (а сколько будет еще обнаружено впредь!). Я приведу в подтверждение ленинских слов документы, свидетельствующие о внешних сношениях США, донесения разведчика США капитана Грегори Гуверу[1] от 25 июня.

«Бывший главнокомандующий венгерской армии Бем, в данное время венгерский посол в Вене, навестил военного уполномоченного Англии в Вене. 23-го состоялась конференция уполномоченных Антанты, в результате которой Бему был представлен план подготовки свержения большевистского правительства Венгрии. Бема ознакомили также и с методами, при помощи которых можно будет составить такое временное правительство, которое согласится поддерживать Антанту. Было внесено следующее предложение: 1) Диктатура, которой полностью удастся взять в свои руки государственную власть, может состоять из Хаубриха, Агоштона и Гарами... 2) Правительство Бела Куна должно быть распущено. Коммунизм должен быть осужден и коммунистическая пропаганда уничтожена.

Бем обдумал эту формулировку и... временно принял ее...»

Мы узнаем и то, что 25 июня 1919 года совещание великих держав — участниц Парижской мирной конференции — обсудило предложение Вильмоша Бема, направленное на свержение пролетарской диктатуры в Венгрии.

«Мистер Витт[2] заявил, что он хотел бы рассказать о сообщениях, которые получены в связи с посещением Вены генералом Бемом. Эту информацию передал мистер Гувер.

Мистер Гувер сообщил, что это предложение передал представителям союзных держав генерал Бем, бывший главнокомандующий венгерской большевистской армии. Генерал Бем заявил, что, если союзники окажут ему соответствующую помощь, он, со своей стороны, согласится образовать социал-демократическое правительство... Лишить Бела Куна власти...

Мистер Бальфур[3] рассказал, что накануне вечером он

[1] Гувер Герберт — один из руководителей Парижской мирной конференции. Позднее президент США (1929—1933).

[2] Витт Генри — член делегации США на Парижской мирной конференции.

[3] Бальфур Артур — один из лидеров английских консерваторов. В 1916—1919 годах — министр иностранных дел.

встретился с мистером Гувером, который сообщил ему о содержании телеграммы (Грегори), а также о том, что Гуверу уже представился случай обсудить все это с военным специалистом. Теперь ему хотелось бы знать, верно ли, что избавиться от Бела Куна легче всего будет с помощью военной интервенции... В наших странах повсюду существуют люди, хотя и не большевики, но до известной степени сочувствующие большевистской программе... и они решительно выступили бы против такой антибольшевистской акции. Этих неприятностей можно было бы избежать, если бы предпринять что-нибудь с помощью генерала Бема: союзные державы оказали бы ему моральную поддержку.

Клемансо заявил, что он попросит маршала Фоша присутствовать на заседании, которое назначено на 10.30 утра и на котором можно будет обсудить предложение Гувера».

На следующий день заседание продолжалось:

«Согласно Титтони[1] любая кампания против Венгрии вызвала бы в Италии всеобщую забастовку.

Клемансо сказал, что хотя положение у него и не столь серьезно, как у Титтони, однако имеет с ним кое-какое сходство. По его мнению, ключ всего этого дела в руках у господина Гувера. (Одновременно Бема и его компании. — **И. К.**) Положение сходно с российским, с тою разницей, что к России невозможно применять насилия, а к венграм можно. Их следует окружить... Он склоняется к тому предложению, которое выдвинул здесь г-н Бальфур, к предложению предоставить генералу Бему месячный срок, который он сам просит».

Я уже говорила о том, что Чепельская радиостанция была связана с Московской и даже с Петроградской радиостанциями. Бывали дни, когда обменивались несколькими радиограммами, однако ввиду несовершенства тогдашней радиотехники тексты поступали иногда искаженными.

Бела Кун по возможности информировал Ленина о событиях венгерской революции, обращался к нему за советами и очень часто не принимал решения до тех пор, пока не получал ответа.

Со своей стороны, Ленин и наркомнндел Чичерин информировали Бела Куна о событиях международного значения. Вме-

[1] Титтони Томмазо — министр иностранных дел Италии в те годы, участник Парижской мирной конференции.

сте с тем часто просили его помощи в тех или иных конкретных вопросах.

«Вы в таком положении, что можете многое сделать в связи с бешеной кампанией в печати, которая ведется против нас...» — пишет Чичерин. «Просим сообщить нам подробности о происшедшей в Баварии революции. Мы не знаем ничего, кроме краткой радиограммы Баварского советского правительства. Просим сообщить нам, как протекают там события и целиком и полностью ли господствует новый строй... Как обстоит дело в Баварии с аграрной программой Советского правительства?» [1] — запрашивает Ленин. «Отправили ли вы мое приветствие Баварской советской республике? Если нет, то добавьте и подпись Ленина...» — спрашивает Чичерин. (Бела Кун сообщил ему, что телеграмма уже отправлена, и поэтому он послал Баварской советской республике еще одно приветствие от имени Ленина.) «...Прошу вас оповестить всех о том, что сейчас применяется новый метод обмана... В начале июня многие английские газеты сообщили, будто Ленин послал радиограмму Бела Куну, в которой сообщил ему, что падение Петрограда неизбежно...»

Бела Кун запрашивает Чичерина: «Прошу немедленно сообщить мне, как обстоят в армии дела со знаками различия. Мы срочно должны разрешить этот вопрос». Чичерин отвечает: «В Красной Армии нет никаких знаков различия. Такого не существует вообще. Единственный значок — красная звезда, которую в Красной Армии носят все без исключения. Главнокомандующий одет так же, как рядовой».

Чичерин спрашивает: «...Прошу вас сообщить, просмотрели ли вы немецкий перевод интервью Ленина?» (Речь идет о ленинском интервью: «Ответ на вопросы американского журналиста».) Бела Кун сообщает по Чепельскому радио: «Интервью товарища Ленина мы внимательно просмотрели и передали правильный текст. Одновременно позаботились и о том, чтобы его поместили и европейские газеты».

(Только позднее, в Москве, узнала я, как был потрясен Ленин, читая эту радиограмму Бела Куна. Ведь она прибыла уже после падения Венгерской советской республики.)

Из всего этого, а еще больше из двухсот телеграмм, полученных от Чичерина, видно, что Бела Кун наряду с уймой своих венгерских дел выполнял и множество поручений международного характера. Венгерская советская республика стала и в самом деле форпостом мировой революции.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 277.

«Неоценимо значение венгерского пролетариата, — передавал Чичерин радиограмму Бела Куну, — который первый принес в Центральную Европу огонь революции».

О некоторых радиограммах я знала, тем более что часть их была опубликована в газетах. Но о большинстве их и понятия не имела. Бела Кун и тогда и позже, в период подполья, твердо держался правила, что каждый должен знать только о том, что имеет к нему непосредственное отношение.

Может быть, как раз поэтому так ясно отпечаталось у меня в памяти следующее. Однажды Бела Кун вернулся домой очень веселый и сказал неожиданно:

— Чичерин прислал радиограмму.

Я промолчала.

— Да какую большую — страницы три на машинке.

Я снова ничего не спросила.

— И знаете, о чем радиограмма?

Я все еще молчала.

— О том, что в одном из русских провинциальных городов вдвое больше детей ходят в школу, чем до революции... А ведь у них и одежда рваная, и обуви нет, и голодают...

Теперь я уже знаю по документам, что Чичерин прислал сообщение наркома Луначарского и что этот провинциальный город был Кострома.

Наряду с радиограммами о революционных и контрреволюционных событиях, доставлявших немало волнений и забот, Чичерин решил, видно, прислать и немножко «пищи для души». И этой телеграммой о положении в школах достиг своей цели. Глаза Бела Куна подернулись влагой.

Последние дни проходили так.

20 июля 1919 года Венгерская Красная армия начала наступление против румынских королевских войск, которые, несмотря на обещание Клемансо, не освободили венгерскую территорию.

План венгерского наступления был передан через венгерских контрреволюционеров врагам Советской Венгрии.

Венгерские центристские и правые социал-демократические лидеры в этом отношении действовали совершенно заодно с Дюлой Гембешем[1], который 11 июня 1919 года написал Ференцу Жюлье, новому начальнику Венгерской Красной

[1] Гембеш Дюла (1886—1936) — офицер, в 1919 году председатель контрреволюционной националистической организации. Основатель фашистской партии.

армии: «Милый Франци!.. Возьми в свои руки дело контрреволюции, будь готов в тобой же установленный день начать контрреволюцию и присоединиться к Хорти...»

Нечего удивляться тому, что маршал Фош на другой же день после начала наступления Красной армии против румын получил следующее донесение:

«...Мы убеждены в том, что наступление венгров с самого начала потерпит поражение. Копию приказа с тактической расстановкой сил Красной армии получили через агента Комлоша...»

Коварно преданная, Венгерская Красная армия после первых побед попала в ловушку, отступила и потерпела поражение.

Но еще и другое оказало влияние на участь венгерской революции.

Коммунистический Интернационал обратился с призывом к мировому рабочему классу устроить международную стачку 21 июля. «...Мы должны ясно отдать себе отчет в том... что судьба мировой революции решается на Урале и под красным Петроградом, под Карпатами и на Дунае... Если империалистам удастся погасить первые очаги коммунистической революции, то этим самым они на несколько десятилетий отбросят назад мировое рабочее движение. Непрерывная грызня вокруг дележа добычи приведет к новым и все более бессмысленным и кровавым войнам и, наконец, повергнет весь мир в безысходную нужду и вековое рабство».

Хотя большинство венских рабочих вышло на демонстрацию, стали крупные предприятия Берлина, прекратилась работа на многих заводах Эрфурта, Киля, Нюрнберга, Дюссельдорфа и Галле, в Италии, Франции и Англии были тоже отдельные вспышки, и в столице Румынии начались забастовки, бастовали рабочие и в Пече, оккупированном войском югославского короля, — все-таки международная стачка, как было написано в «Вереш уйшаге» от 26 июля, не приобрела такого масштаба, как это можно было предположить по отдельным признакам. Одним словом, всемирная забастовка не удалась так, как этого ждали в обеих отчизнах пролетарской революции — в Советской России и в Советской Венгрии.

Разумеется, и это оказало немалое воздействие на судьбу Венгерской советской республики.

27 июля Бела Кун направил ноту премьер-министру Чехословакии Тусару, в которой опровергал его обвинения против

Венгерской Красной армии, доказывая, что именно чешская националистическая армия переступила границы Советской Венгрии.

Бела Куи заявил: «Социалистическая союзиая республика Веигрия ие вмешивается во внутренние дела других государств. Ничто так ие чуждо нам, как стремлеиие лишить какую-либо нацию ее национальной независимости... Спросите своего товарища министра Леринца Шробара, спросите рожахедского священиика Аидраша Хлинку — с иими вместе мы сидели в тюрьмах венгерского классового государства, — возможио ли, чтобы я заиял место в правительстве такого государства, которое стремится в какой-либо форме осуществлять национальное угнетение?»

Премьер-министр Тусар был членом социал-демократической партии. Может быть, Бела Кун потому и подписал эту ноту «с официальным и товарищеским уважеиием», так как надеялся пробудить у Тусара совесть интернационалиста.

29 июля Бела Кун направил через Чепельскую радиостанцию обращение к пролетариату всех страи:

«Буржуазные правительства держав Аитаиты хотят снова оружием, а также оружием голода заставить нас иадеть опять иго капитала, которое мы уже сбросили с себя».

В эти же последние трагические дии Бела Кун получил радиограмму Ленина: «Дорогой товарищ Бела Куи! Прошу Вас не волноваться чересчур и не поддаваться отчаянию. ...Мы знаем тяжелое и опасное положение Венгрии и делаем все, что можем. Но быстрая помощь иногда физически иевозможиа. Старайтесь продержаться как можно дольше. Всякая иеделя дорога... Лучшие приветы и крепкое рукопожатие. Держитесь изо всех сил, победа будет за нами.

Ваш Леиин»[1].

И 31 июля Бела Куи стоит под орудийным и пулеметным огнем на тисенском мосту, пытаясь удержать в беспорядке бегущие войска.

Но это ему не удалось.

1 августа 1919 года правые социал-демократы и цеитристы заставили советское правительство подать в отставку и под хитрую указку Парижской мирной коиференции образовали «чисто социал-демократическое правительство». Они свергли Советскую власть изнутри и тут же издали декреты, уиичтожающие все завоевания социализма, а также иачали аресты

[1] В. И. Леиии, Полн. собр. соч., т. 51, стр. 27, 28.

под лозунгом «Да будут все преступники наказаны». Это было по нраву господам Гуверу, Бальфуру и Клемансо.

Шесть дней спустя «чисто социал-демократическое» правительство было тоже изнутри свергнуто группой белых террористов из тринадцати человек, возглавляемых неким зубным врачом.

Венгерский рабочий класс, который после отставки советского правительства пытался во многих городах и деревнях оказать героическое сопротивление врагам пролетарской диктатуры, с равнодушием отнесся к свержению социал-демократического правительства, членом которого был, разумеется, и Хаубрих, оказавший так много услуг контрреволюции.

Правда, к этому времени румынские королевские войска заняли уже Будапешт и вместе с миссиями Антанты сделали все, чтобы свергнуть социал-демократическое правительство и развернуть жесточайший белый террор.

Я могла бы еще многое написать о Бела Куне тех дней, но ни характер книги, ни ее размер не позволяют этого. И все-таки в заключение расскажу еще об одном эпизоде.

Это было, по-видимому, в июне.

Как-то утром Бела Кун спросил у меня:

— Поедете со мной в Комаром? Я должен там встретиться с чешским премьером Тусаром.

Я с радостью согласилась.

Красноармейцев, которые встретили нас, Бела Кун сразу отправил обратно на свои посты. И машина без всякого сопровождения подъехала к комаромскому мосту.

Бела Кун вылез из машины и сказал:

— Я скоро вернусь. Подождите меня.

И быстрым шагом направился на другой берег Дуная, где видна была чешская пограничная стража.

Прошло двадцать минут, полчаса, час, а то и больше, Бела Кун все не возвращался.

Я стояла рядом с машиной. Ждала. Самые страшные чувства охватили меня: что с ним, вернется ли?

И вдруг вижу: Бела Кун идет обратно по мосту таким же быстрым шагом, каким ушел.

Подойдя ко мне, сказал:

— Не сердитесь, что заставил вас ждать. — И уже позднее, в машине, добавил: — Все напрасно. С этими «товарищами» ни там, ни дома не договоришься.

ПОРАЖЕНИЕ

О венгерской революции после ее поражения было написано очень много, и в первую голову буржуазными публицистами и журналистами. Они печатали уйму статей, полных сенсационной лжи и ругани против революции и ее руководителей. Издали свои «воспоминания» и лидеры социал-демократов (Бем, Вельтнер и др.), написанные ради того, чтобы оправдаться за совместную деятельность с коммунистами, скомпрометировать пролетарскую диктатуру и ее вождей. Их книги имели тоже весьма отдаленное отношение к истории.

Применительно к авторам этих сочинений и приводил Бела Кун слова Маркса, написанные в связи с деятельностью врагов Парижской коммуны: «По мере своих сил они препятствовали настоящей деятельности рабочего класса, подобно тому как ранее препятствовали полному развитию каждой предшествовавшей революции. Они являются неизбежным злом. Со временем от них можно отделаться, но именно этого времени у Коммуны и не было»[1].

Одновременно появился и ряд статей, написанных коммунистами, некоторые из них теми, кто в период победоносного шествия революции смотрел на все сквозь розовые очки, с величайшим признанием отзывался обо всех действиях Бела Куна, активно участвовал в работе КПВ перед революцией и во время советской республики, двумя руками голосовал за все ее декреты, но после поражения хотел взвалить на одного Бела Куна ответственность за все совершенные и несовершенные ошибки.

Эти сочинения нанесли в ту пору не меньший вред венгерскому и международному рабочему движению, чем сами ошибки.

Ведь в том, чтобы коммунисты поносили друг друга, боль-

[1] Бела Кун, Венгерские рабочие под властью белого террора. «Коммунистический Интернационал», 1920, № 13.

ше всего была заинтересована буржуазия. И в своих расчетах она оказалась права. Немало честных рабочих и интеллигентов отвернулось от партии под влиянием этой злобной ругани; надо признаться, что все это чрезвычайно тормозило и работу коммунистов во времена режима Хорти.

Я приехала в Будапешт из Нергешуйфалу вместе с сестрой, дочкой и женой художника Кароя Кернштока[1] накануне поражения пролетарской революции.

За нами послали машину в сопровождении одного из «ленинских ребят». Мы уже по дороге почувствовали беду, ибо шофер несколько раз останавливался на шоссе, и все под разными предлогами: бензина нет, шина лопнула, фары не горят, а в темноте он не может управлять машиной. И только тогда, когда Левай или Гараи — уже не помню точно, как звали нашего сопровождающего, — пригрозил шоферу, что если он еще раз остановится, то пристрелит его, появился бензин, зажглись фары и шина тоже оказалась в порядке. После этого мы без всяких помех приехали домой в гостиницу «Хунгария». Жену Кернштока устроили в каком-то номере, а сами поднялись к себе. Хотели уже лечь спать, как зазвонил телефон.

Бела Санто просил спуститься к нему, так как он должен сказать мне что-то важное.

Усталость как рукой сняло. Я побежала вниз.

Санто был в постели. Извинился, что принимает меня лежа, но он чувствует себя очень плохо. Голос у него дрожал, хотя он и старался казаться спокойным. Коротко рассказал, что недавно вернулся с фронта, что румыны наступают, что Бела Кун остался под Солноком. Положение на фронте тяжелейшее. Наша армия не может противостоять превосходящим силам противника. Солдаты толпами бегут. Лидеры социал-демократов теперь уже неприкрыто выступают против диктатуры пролетариата, договариваются с иностранными посольствами об образовании профсоюзного правительства. Все это говорит о том, что пролетарская диктатура в катастрофическом положении. Скоро приедет Бела Кун, и всем вместе придется решать, что делать дальше. Бела Кун поручил ему откровенно рассказать мне обо всем, но он, Санто, просит, чтобы все это оставалось пока между нами.

---

[1] Кернш ток Карой (1873—1940) — известный венгерский художник.

Я попрощалась. Санто был очень взволнован. Нельзя сказать, чтобы и я была спокойна.

Поднялась к себе в комнату, легла, но, разумеется, и не думала заснуть.

На рассвете приехал Бела Кун.

Он был бледен. Посмотрел на меня. Понял, что я уже все знаю.

Я молчала. Ждала. Бела Кун сказал:

— Ничего другого сделать нельзя, это было бы напрасное кровопролитие. В дальнейшем мы иначе будем вести борьбу. Как и какими методами, еще не могу вам сказать.

Он вышел и созвал Революционный правительственный совет.

Через несколько часов вернулся и попросил меня разыскать Эрне Пора, который руководил конспиративным аппаратом. Пор явился. Бела Кун спросил его:

— Что с конспиративными квартирами?.. — И тут же добавил: — Всем нам, очевидно, придется уйти в подполье.

Эрне Пор — Бела Кун знал его еще по гражданской войне в России как преданного и отважного революционера — побледнел.

Крушение власти застигло его врасплох.

Не было подготовлено ни одной конспиративной квартиры.

Коммунисты отлично знали, что после поражения революции неизбежно наступит белый террор со всеми его ужасами. Только лидеры социал-демократов верили в другой исход дела: они, мол, создадут с согласия Антанты правительство без коммунистов, спасут собственные шкуры и снова усядутся в министерские кресла.

Весть о падении диктатуры пролетариата разнеслась мгновенно, и, пока Бела Кун вел переговоры с Эрне Пором, к нам явился Андор Габор — он еще не был коммунистом — и предложил переехать к нему на квартиру, где мы будем в полной безопасности. Это благородное предложение — Габор отлично знал, что ему грозит, если нас обнаружат, — мы приняли с благодарностью и тотчас приступили к сборам. Но тут явился Иштван Петерфи, добрый знакомый Бела Куна еще по Коложвару, и предложил свою квартиру для всей семьи, включая и Бела Куна. Петерфи убеждал нас, что лучше переехать к нему, ибо он не занимается политикой, а Габор известен как автор оппозиционных политических стихов. Мы согласились. Габор ушел обиженный. Но вскоре убедился

в правильностн иашего выбора. (Его арестовали, и уже не помню, как ему удалось вырваться из когтей белого террора. Даже у Петерфн были разные неприятности, и с ним не расправились только потому, что женой его была знаменитая певица Мария Базнлидес.)

Как поступнть ему самому, Бела Кун еще не решнл. Мы попрощалнсь, оба притворяясь спокойными. И втроем — сестра, Агнеш н я — переехалн к Петерфн.

Квартнра показалась очень подходящей. Мы былн в ней одни (семья Петерфи уехала на отдых), а Петерфи старался нам помочь во всем с присущей ему удивительной добротой и человечностью. И мы и он наивно воображали, что какое-то время сможем жнть у них.

Но не прошло двух часов, как явилась Серена Тимар с двумя чемоданами (за эти два чемодана Петерфи тоже здорово потаскали) и с вестью, что социал-демократы формнруют профсоюзное правительство и ведут переговоры с Австрией, чтобы она предоставила право убежнща коммунистам н их семьям. «Еслн переговоры закончатся успешно, — продолжала Серена, — то мы скоро уедем, так как н сейчас уже очень опасно оставаться здесь. Белые наготове, а сколько продержится социал-демократическое правительство, никто не знает. Бела Кун уезжать не хочет, но соцнал-демократы все равно заставят его уехать, так как боятся, что он будет мешать им, будет подстрекать против их рабочне массы».

Услышав об этом, я оставнла сестру н Агнеш у Петерфи, а сама пошла обратно в «Хунгарию».

Бела Кун был там. Он договарнвался с товарнщамн о дальнейших планах и о том, кто останется дома для руководства подпольной работой.

В «Хуигарии» все бегали, суетились. Казалось, что деламн заправляет еще Бела Кун, но зто была уже только виднмость. Соцнал-демократические лидеры пытались создать иллюзию, будто они формируют правительство без коммуннстов, но с нх мирного согласня. Теперь главная задача была как можно скорее избавиться от коммуннстнческих вождей н даже от тех бывших социал-демократов, которые слншком скомпрометнровали себя во время «большевистского господства». Потому-то они так рьяно велн переговоры с венскими соцнал-демократами. А тем ничего не оставалось, как предоставнть право убежнща, несмотря даже на опасения, что венгерские коммуннсты создадут в Вене подпольиую организацию и доставят еще немало хлопот.

Соглашение было заключено. Право убежища распространялось на народных комиссаров, руководящих работников и членов их семей. Убежище решили предоставить в Вене, где политические беженцы будут жить на свободе. Решение это не распространялось на Тибора Самуэли — его не захотели признать политическим эмигрантом. (О его «фанатизме» и «жестокости» контрреволюция распространяла особенно много легенд, не желая прощать ему его самоотверженную героическую работу как руководителя чрезвычайных отрядов, которым приходилось подавлять контрреволюционные выступления.) Впрочем, Самуэли и не рассчитывал на гостеприимство венских социал-демократов и по договоренности с Бела Куном уехал за день до того, как весть о падении советской республики стала общеизвестной. К этому времени он должен был уже пересечь границу Австрии, а оттуда поехать в Россию и обо всем информировать Ленина.

Самуэли пришел к нам попрощаться. Мне он показал по секрету завернутый в носовой платок маленький пистолет и сказал, что. если ему не удастся перейти границу, он покончит с собой, но не дастся в руки белым.

Прощанье было теплое и грустное. Тибора Самуэли связывала с Бела Куном большая политическая дружба, но он был очень привязан и ко всей нашей семье. По окончании работы приходил к нам и, переговорив с Бела Куном, играл с Агнеш, беседовал с ней и весело смеялся над ее детскими, всегда откровенно прямыми высказываниями.

На прощанье я сказала только: «Берегите себя, торопитесь, чтобы как можно скорее перебраться через границу. До свидания!» И тут же отвернулась, чтобы он не увидел моих слез. Он тоже круто повернулся и быстрым шагом пошел к дверям.

Больше я его не видела.

Австрийские жандармы ждали его на границе, и, по утверждению очевидцев, как только Самуэли заметил их, он тут же выстрелил в себя из спрятанного в носовой платок револьвера.

Буржуазия вместе с социал-демократами радовалась, что, наконец, погиб их лютый враг. Коммунисты, революционные рабочие и все, кто знал и любил Самуэли, искренно оплакивали этого замечательного, непоколебимого революционера.

В своем предисловии к сборнику статей Самуэли, написанном в 1932 году, Бела Кун возмущенно отвергает клеветнические утверждения, будто у него с Самуэли были разногласия почти по всем вопросам. (Согласно более поздним фальсификаторам истории правильную точку зрения Самуэли не позво-

лил провести в жизнь именно Бела Кун вместе с социал-демократами. Ох уж эти фальсификаторы, эти глупцы, эти недальновидные люди, не знающие цену фактам, не понимающие, что факты упрямы, существуют и никакими объяснениями их не изменишь!)

Бела Кун был потрясен гибелью Самуэли, переживал ее с величайшей болью. Не только потому, что потерял одного из самых близких, преданных соратников в борьбе за грядущую революцию (Бела Кун и после поражения твердо верил в нее и готов был бороться при любых обстоятельствах), но еще и потому, что уже в России установились между ними не только товарищеские, но и дружеские отношения. Они продолжались и в Венгрии как перед революцией, так и во время Советской власти. Разумеется, это не означало, что они всегда и во всем придерживались одного мнения (такого вообще не бывает), но суть не в этих несущественных различиях, а в том, что в главном — в вопросе революции, диктатуры пролетариата и партии — они были всегда едины.

Выдумка о противоречиях между Куном и Самуэли была тоже плодом долголетних трудов фальсификаторов истории.

1 августа.

Второй раз попрощалась я с Бела Куном, пообещала ему, что буду спокойна. Он попросил жену Варги оказывать мне всяческое покровительство. Она заверила его в этом и сдержала свое слово.

Я вернулась на квартиру Петерфи, где меня уже ждали с нетерпением. Вместе с сестрой и Агнеш сели мы в машину и в сопровождении Шурека поехали на Келенфельдский вокзал. Оттуда особый поезд должен был доставить семьи коммунистов в Австрию. Мы получили строжайшие указания о размере багажа и количестве людей. Дальние родственники не могли попасть на этот поезд.

Когда мы ехали на вокзал, по машине уже стреляли, и мы спаслись только благодаря Шуреку. Он тоже открыл огонь, и нападавшие прекратили стрельбу. Перед нами в другой машине ехала жена Ландлера с дочкой, по ним тоже дали залп, и одна пуля задела руку дочери.

Когда мы приехали на вокзал, в поезде было уже много народу. Всей поездкой распоряжался уполномоченный социал-демократов. Он посадил нас в вагон. Мы оказались в одном купе с женой Варги и ее сыном. Рядом в купе ехала Погань с дочерью. Остальных соседей уже не помню.

Прежде чем поезд тронулся, к нам вошла взволнованная Гамбургер и сказала: в ее купе заглянул знакомый железнодорожник и посоветовал ей сойти с этого поезда, так как у него точные сведения, что он взлетит в воздух. «Что же мне делать?» — спросила Гамбургер. Я ответила: если мы останемся в Пеште, это верная смерть, а взорвут поезд или нет, еще точно не знаем. Мы не сойдем, то же самое могу посоветовать и ей.

Была уже ночь, когда поезд тронулся наконец. До Дёря мы ехали довольно спокойно, но на дёрском вокзале проснулись от страшного шума. Что случилось? Нам ответили, что на вокзал вышли с кирками и дубинками подкупленные белыми люди, ищут народных комиссаров, жен, детей и хотят их убить. Вынужден был вмешаться сопровождавший нас итальянский офицер, и поэтому мы отделались только испугом.

Поехали дальше. Не помню, на какой станции узнали, что неподалеку от нас стоит специальный поезд, которым в сопровождении вооруженной стражи едут Бела Кун, Ене Ландлер и Эрне Пор. Нам не удалось установить с ними связи, но мы радовались уже тому, что узнали: живы и едут. Подавляя волнение, ждали мы, когда прибудем, наконец, в Вену, где австрийское социал-демократическое правительство позаботится обо всем и где мы узнаем что-нибудь о судьбе наших близких и о тех, кому не удалось попасть в наш эшелон.

Поезд снова остановился. Из коридора донесся разговор. Кто-то искал наше купе. Кто это может быть? Что ему нужно? И вдруг вошел низкорослый мужчина, поклонился жене Варги, как знакомый, а мне представился: «Я Бем, брат Вильмоша Бема. К вам я по поручению Бела Куна. Он просил, чтобы вы передали мне деньги, которые у вас, ибо я смогу их переправить через границу».

Речь шла о партийных деньгах. Мы вынули банкноты и передали их Бему. После этого он рассказал, что социал-демократическому правительству удалось договориться с Австрией о праве убежища для политических беженцев. Бела Куна, Ландлера и Пора вместе с сопровождающими их лицами пропустят через границу и устроят в надежном месте. «А что с остальными товарищами?» — спросили мы Бема-младшего. «Их тоже вывезут в Вену. Не тревожьтесь, все будет в полном порядке». И, как человек, отлично выполнивший возложенную на него задачу, он пожелал нам всего хорошего, попрощался и сказал, что сейчас же идет к Бела Куну. Позднее мы узнали, что он действительно пошел к нему, успокоил, сказал, что мы едем в отличных условиях, деньги он получил, пере-

везет их через границу и в Вене отдаст уполномоченному партии.

Этих денег больше никто никогда не увидел. (Бем долго не являлся, потом вдруг написал письмо, в котором сообщал, что порученные деньги перевезти за границу ему не удалось, их отняли у него и он живет сейчас в величайшей нужде, где, я уже запамятовала.)

Мы поехали дальше и ждали: что-то будет на границе?

Наконец приехали. Таможенники обшарили весь вагон, искали золото, которое «семьи наркомов хотят вывезти из страны». Ничего не нашли. Разочарованные, рылись в чемоданах. Когда же обнаружили в чемодане жены Поганя несколько пар худых ботинок, удивленно переглянулись. Начальник таможни даже поинтересовался, зачем это везут. Позднее и я спросила Ирину Погань, и в самом деле, зачем она везет рваные башмаки. Она посмотрела на меня с удивлением и ответила: «Их можно будет починить. Кто знает, куда нас везут и будут ли у нас деньги на покупку новой обуви?»

Об этом курьезном случае я пишу только потому, что многие распространяли слухи, будто жены наркомов ходили в бархате и в шелках, а детей своих одевали только в заграничные вещи. Если б только буржуазия распространяла такие глупости, я не сочла бы нужным рассказывать об этом случае.

...Снова перерыли все купе. Очередь дошла до жены Варги. Кроме нескольких платьев и белья, у нее тоже ничего не нашли. Наконец дошли и до меня, видно, оставили, как говорится, на закуску. «Да, здесь уже будет чем поживиться! Здесь уж найдется что-нибудь сенсационное, — думали таможенники. — Может, королевскую корону и не повезла с собой, а впрочем, кто его знает» (во время Советской власти в иностранных газетах писали, что я каждый день примеряю перед зеркалом королевскую корону). Но что я хочу контрабандой провезти через границу несколько килограммов золота, в этом они уж не сомневались.

Увы, их надежды рухнули.

Таможенники с презрением покинули купе и дальше не захотели никого обыскивать. Ушли.

Позднее в наш вагон удалось пробраться еще нескольким иностранным журналистам. Они пришли прямо ко мне в купе, но так как в ответ на вопросы я сказала, что никому нет дела до моей личной жизни, и попросила их уйти, они еще раз оглядели меня и написали потом, что одета я очень просто и похожа на какую-то испанскую киноактрису.

На границе нам пришлось пройти тяжкое испытание, которое на всю жизнь врезалось в мою память. Разоружили «ленинских ребят» и, передав их пограничной страже, отправили обратно в Венгрию. Перед отправкой им разрешили попрощаться с нами.

— Товарищ Кун, — сказал мне один из них, — нас повесят. Передайте товарищу Бела Куну горячий коммунистический привет.

Мы все заплакали. Они тоже. Чувствовали, что больше не встретимся никогда. Та же судьба постигла и тех, что сопровождали поезд Бела Куна и его товарищей. Их тоже сняли с поезда и отправили обратно, а позднее почти всех повесили, предварительно предав страшнейшим пыткам и истязаниям. И, несмотря на это, многие из них кричали под виселицей: «Да здравствует Вторая Венгерская советская республика! Да здравствует Бела Кун!»

Поезд продолжал свой путь. Все молчали, были заняты своими грустными думами: что-то принесет завтрашний день? Встретимся ли еще когда-нибудь со своими? Куда нас везут? Мы чувствовали, что ничего хорошего нас не ожидает.

Приехали в Вену.

Поезд подходил к перрону. Мы искали глазами уполномоченных социал-демократической партии, которые должны были встречать нас. Но никого не увидели. Когда уже совсем подъехали, к величайшему своему удивлению, заметили группу жандармов. Они что-то кричали по-немецки, потом окружили слезавших с поезда женщин и детей и с помощью полицейских выстроили всех в шеренгу. «Vorwärts!» — раздалась команда. «Куда?» — пораженные, спросили мы. «Там увидите!» — услышали в ответ. Переглянулись. Все было непонятно. Испуганные дети молчали. Нас окружили со всех сторон. Надо было идти.

Привели нас на Элизабетен Променад, в самую большую венскую тюрьму. Стало быть, в Австрии «правом убежища» называется тюрьма, подумали мы. И ждали, что же дальше будет. Вскоре нас повезли дальше по месту назначения в Дрозендорф — концентрационный лагерь на австро-чешской границе. Мы еще не знали, что австрийский социал-демократический канцлер Карл Реннер издал 3 мая (в этот день ожидали впервые падение венгерской Советской власти) секретный указ, согласно которому: «Если члены советского правительства переступят границу, их следует немедленно призвать к то-

му, чтобы они в интересах собственной безопасности отправились в Дрозендорфский концлагерь в сопровождении работников органов общественной безопасности... (Проще говоря, чтоб их арестовали и чтобы полицейские отвезли их в концлагерь. — **И. К.**)

...Наркомов не строго коммунистического направления можно вместо Дрозендорфского лагеря поместить в гостинице. Особенно строго надо следить за тем, когда переступят границу Куи, Самуэли и Баго, этих троих надо изолировать от всех остальных и устроить в каком-нибудь третьем месте».

Видно, три месяца спустя уже и жены и дети стали опасными для «товарища» — канцлера Реннера. Потому-то и попали мы в Дрозендорфский концлагерь.

В этом лагере во время войны жили солдаты. После них, вероятно, никто не производил уборки, потому и был он в таком ужасном состоянии. Мы и понятия не имели, что такое бывает на свете. Грязный, неприбранный барак, перепачканное постельное белье, грубошерстные, вонючие одеяла. Как выяснилось позднее, они и заразили всех нас чесоткой, от которой потом мы долго не могли избавиться.

Слабонервные женщины расплакались. Дети, увидев, что плачут матери, тоже пустились в рев. Потом все понемногу успокоились, приутихли, накормили детей остатками еды, уложили спать, затем потребовали, чтоб пришел кто-нибудь, кому мы можем рассказать о своих обидах. Пришел Verwalter, и мы все дружно накинулись на него. Заявили: с нами творят полное безобразие, мы требуем отправить нас обратно в Венгрию, «что бы там ни случилось с нами!». Теперь уже все равно! Нам обещали право убежища, а не тюрьму. Нас обманули!

Verwalter был во всем этом, конечно, не виноват, но он был первый, с кем мы могли поговорить, на кого могли обрушить свое отчаянье. Он пытался нас успокоить, просил не говорить по-венгерски, так как все равно он не понимает ни звука, предложил, чтобы с ним разговаривал тот, кто знает немецкий язык. И ушел «испросить дальнейшие указания».

Тем временем женщины, потрясенные всем случившимся и утомленные с дороги, поругались из-за кроватей, которые были все одинаково скверные и грязные, но надо же было на что-то излить всю накопившуюся горечь. Наконец успокоились, уснули.

Скоро и Verwalter вернулся с вестью, что, быть может, завтра, а нет, так через два-три дня нас переведут в лучшее помещение. Он-де получил на это указание. Кроме того, просил принять к сведению, что мы интернированы, и понять, что это

в нтересах нашей безопасности, ибо если б мы знали, что творится в Венгрии, то былн бы благодарны австрийскому правительству, которое взяло нас под свою защиту.

На второй илн на третий деиь нас и в самом деле перевели в другой барак. Раньше в нем помещалась лагерная больница. Против прежнего он показался нам попросту раем. Там были и умывальники и даже ватерклозет. Помещение состояло из большого зала и нескольких комнат поменьше.

Сразу же разгорелся спор, кому где жить, кому отдать маленькие комнаты. Нашлись и такие, что требовали себе отдельную комнату, потому что они попали сюда ие как жены, а как самостоятельные политические деятели, н достойны отдельной комнаты. Кроме того, они собираются заниматься здесь умственным трудом н не могут жить в общем помещении. Жены Поганя, Варги, Санто, Ленделя и я не предъявляли никаких особых требований, так что всем претендентам досталось по отдельной комнате. «Работники умственного труда», удовлетворенные, занялн свон «кабинеты»: поставили в них кровать, стул и сундук, который назвали письменным столом. Остальные разместились в зале, где каждому отвели по койке, а между койками поставили даже тумбочки, куда можно было положить вещи.

Verwalter был доволен. Прочел правила внутреннего распорядка и попросил нас выбрать кого-нибудь, кто хорошо знает немецкий язык и с кем он будет вести обо всем переговоры. Со своей стороны он предлагает Frau Gal (мою сестру), как серьезную и тихую женщину.

Этим выбором многие остались недовольны, однако ж примирились.

Началась лагерная жизнь.

Каждое утро мы просыпались от крика: «Эй, вставайте!» Потом раздавалось утреннее приветствие жеиы Варги: «Ох, и почему эта старуха Кун в девках не осталась?!» Хочешь не хочешь, а все смеялись в ответ.

В первые дни питанне было сносиым, поздиее стало уже почти несъедобным. Женщииы соблюдали чистоту н порядок. Обитательницы отдельных комнат вели замкиутый образ жизни. Они сочиняли планы организации политнческих кружков, кружков по изучеиию стенографии и языков. Жнзнь в лагере с виду текла спокойно, и тем не менее нервы с каждым днем все больше и больше напрягались. Нам выписали христианско-социалистическую газету «Райхпост» — из иее мы узнали, что

в Венгрии белый террор. Из других источников дошло до нас, что всех, кому не удалось бежать, даже людей, не занимавшихся политикой, даже тех, кто попросту служил где-нибудь, — словом, всех арестовывают, избивают, пытают, заключают в тюрьмы и в лагеря. Мы и понятия не имели, кому удалось перебраться через границу, кому не удалось, поэтому естественно, что неизвестность порождала и тревогу и беспокойство.

И в один прекрасный вечер все это нервное напряжение вылилось вот во что. Мы, как всегда, легли спать, заснули. И вдруг пробудились от душераздирающих воплей. Что случилось, никто понять не мог, но все кричали. Тем временем очнулись и дети и тоже пустились в рев. И вот уже все сидят на койках и орут. Вбежала стража и тоже начала кричать: «Um gottes willen, was ist los? Hört auf zu Brüllen!» Но никто не переставал, каждый старался перекричать другого, пока, наконец, эта массовая истерика не остановилась, словно машина, которую притормозили. После этого сонные глаза смотрели с недоумением друг на друга. Женщины спрашивали одна у другой, что случилось. А стража тем временем обыскала все углы и закоулки, думая, что кто-то ворвался к нам. Но никого не нашла. Когда же все затихло, мы, пораздумав, установили, что жена Лейделя повесила на окно свой белый халат, кто-то из женщин проснулся, увидел его, решил, что к нам вломились белые и хотят нас убить. Подняла крик. Все проснулись. И страх пополз от одной койки к другой. Кто был зачинщиком этой массовой истерики, так и не удалось установить, ибо каждая уверяла, что кричала не она, а ее соседка.

Прошел уже месяц или два с тех пор, как жены и дети руководителей Венгерской советской республики жили в лагере. Первые две-три недели прошли в полнейшей безвестности. Мы не знали, что принесет нам завтрашний день, а главное — волновались за мужей.

Теперь, после стольких событий, что пережило человечество за прошедшие сорок шесть лет (фашизм, мировая война), многое поблекло, сгладилось в памяти. Но в ту пору в нескольких десятках километров от венгерской границы эти страшные кровавые дела белого террора, о которых с такой радостью сообщала печать австрийских христианских социалистов, доставляли нам очень тяжелые переживания. Мы узнали, что белые офицеры пытаются похищать коммунистов, бежавших в Австрию. Насильно усаживают их в машины, пе-

ревозят через границу, потом казнят. Дошла весть н о том, что Бела Кун, Ене Ландлер н Эрне Пор живут неподалеку от нас у какого-то лесннка, но под охраной. Позднее удалось узиать н о том, что на австро-чешской границе в старнннном замке XIII века, где прежде помещались албанскне офицеры, устронлн коицентрацнонный лагерь для коммуннстов. Но кого заточнлн в замок, мы не зналн.

Еще до этнх слухов мы потребовалн, чтобы к нам прнсланн комиссию, которой мы сможем рассказать о своем положеннн. Verwalter поначалу пытался затянуть это дело, но, так как мы настанвалн, ему надоело, н он отправнл наше заявление. Заявление помогло. Несколько временн спустя — я помпю, это был прекрасный осенний день — мы сндели как раз во дворе н обсуждалн событня, как вдруг жена Варгн крнкнула мие:

— Эй, наденьте-ка свой праздннчный капот н ндите прннмать комнссню!

Мы подумалн, что Шари шутнт, нбо все свое отчаянье она нзливала в шутках, пересмешках н брани. Но на сей раз она не шутила.

Прнехала комиссня нз двух человек, чтобы обследовать наше положение. Однн из них был Бенеднкт Каутскнй, фамнлию второго не запоминла. Спроснлн, какне у нас жалобы, пожелаиия, чего нам недостает н чем мы недовольны. Первой ответнла Шарн Варга:

— Я жена профессора уннверситета Ене Варгн. Я хочу, чтобы меия выпустилн иа свободу вместе с мужем н сыном. Что касается остальных жалоб, так вот, нзвольте выслушать: питанье отвратительное, н нн у кого нз нас нет знмней одежды. Нам сказали, что мы будем жить в Вене, на воле, что правнтельство позаботнтся для нас обо всем, потому н не привезли мы с собой нн теплого белья, ни зимней одежды. Еслн иас еще долго будут держать здесь, то мы вместе с детьми заболеем.

Затем последовалн другне женщнны. Все говорили примерно одно н то же.

Хотя члены комнсснн вежлнво выслушнвалн долгне жалобы женщнн, однако ж не скрывалн, что очень торопятся. Оба заявили, что доложат обо всем мнннстру внутренинх дел Эльдершу, он соцнал-демократ, поэтому онн убеждены, что все будет в порядке. Что же касается того, что нас ннтерннровали, так мы должны только радоваться, ибо сделано это исключительио в нашнх ннтересах. Как бы доброжелательио нн отио-

силось правительство к политическим эмигрантам, однако у него нет возможности охранять каждого по отдельности. Только в концлагере могут нам пока обеспечить полную безопасность. Далее они рассказали о кровавом терроре в Венгрии, но обо всем коротко, ибо торопились. Мы спросили, что с нашими мужьями, когда мы будем вместе с ними. Нас успокоили, сказав, что скоро, и на этом посещение комиссии было закончено. Правда, посмотрели еще жилые помещения, попробовали клецки, которыми нас кормили ежедневно. Клецки им, очевидно, не понравились, так как оба они скривились. Потом установили, что воздух хороший, солнце светит, и укатили на своей машине.

Надо сказать честно, что большую часть обещаний они выполнили. Питание улучшилось на некоторое время; прибыла и посылка с теплым бельем, чтобы мы не замерзли, если нагрянет зима. Прислали пар пятнадцать дамских и несколько штук детских трико. Где уж они раскопали эти вещи, не знаю, наверно, ради нас лишили их обитателей тюрьмы Элизабетен Променад.

Первой потребовала себе теплые штаны одна из «политических деятельниц», очевидно, они были необходимы ей для умственного труда.

Постепенно мы примирились с Дрозендорфским концлагерем, особенно после того, как Каутский-младший пообещал, что скоро встретимся с мужьями. Все старались разнообразить свою жизнь, заняться чем-нибудь. Одни вышивали, другие вязали, регулярно читали газеты, кое-кто начал изучать стенографию. После так называемого обеда, если погода была хорошая, мы собирались небольшими группами во дворе, гуляли, разговаривали.

В Дрозендорфском лагере сидела в это время и русская «большевичка», как ее называл Verwalter, жена известного меньшевика Аксельрода. Правда, для нее был установлен гораздо более строгий режим, ей не разрешалось ни с кем общаться. Позднее, когда мы попали уже в Карлштейн и она тоже вместе с нами, мы часто смотрели на высокое окно, откуда она выглядывала, и установили с нею связь. Аксельрод пыталась даже помочь нам, так как получала из Вены посылки.

Ребята были довольны лагерной жизнью, весь день бегали во дворе, играли и в общем понятия не имели о том, что творится кругом.

Недели через две один из лагерных надзирателей тайком передал мне записку. Записка была от Бела Куна. Ему удалось разузнать, где мы, и он сообщал, что все они здоровы и скоро будем вместе. Просил передать всем привет, а меня коротко написать, как мы живем, и отдать записку тому же надзирателю. Женщины разделяли мою радость, все они почувствовали, что теперь мы уже не одиноки. Сознание того, что скоро будем вместе с мужьями, переполняло всех радостью.

Я получила еще несколько писем от Бела Куна. Потом через месяц тот же надзиратель сообщил по секрету, что скоро нас перевезут в другое место. Мы с трудом скрывали радость, но должны были это делать, чтобы не причинить надзирателю неприятности. В вопросах конспирации мы были еще неопытны, но с течением времени усвоили и эту науку.

Началась подготовка к отъезду. Все волновались: куда повезут, а вдруг в Вену, выпустят на волю, и все повернется к лучшему. Думали-гадали. Высказывали разные наивные предположения: а может, и нет вовсе тех ужасов, о которых пишут газеты, а может, все это только дурной сон и мы поедем обратно в прекрасный Будапешт? В глазах у всех светились радостные мысли и чувства.

Тем временем шло разорение «гнезда», которое мы свили, даже в условиях лагеря. Со стен слетали фотографии, вышивки, с кроватей — лоскутные одеяла. Каждый старался взять с собой все. Даже самые, казалось, мелочи были дороги. Дети тоже включились в подготовку к переезду. Они клочка бумаги не хотели оставить, на котором нарисовали или написали что-нибудь.

К воротам лагеря подъехали телеги. Они и должны были доставить нас на новое место жительства. Сколько ехали, не помню, помню только, что везли нас очень живописными австрийскими селами, похожими скорее на города, чем на деревни. Вдоль улиц стояли люди и глазели на проезжавшие телеги, набитые женщинами и детьми и напоминавшими больше всего цыганский караван.

«Das sind die ungarische Kommunisten, Bela Kun» [1], — и больше ничего нельзя было разобрать. Телеги ехали дальше, скрип колес поглощал слова.

Мы выехали на шоссе.

Надо сказать, что хотя австрийская печать в самых страшных тонах расписывала деятельность венгерских коммунистов во время диктатуры пролетариата и постоянно требовала их

[1] «Это венгерские коммунисты, Бела Кун».

высылки во имя австрийского народа н европейской цивилизацни, однако со стороны народа мы почти нигде не испытали недружелюбного отношения. Несмотря на то, что Дрозеидорфский лагерь был окружен жандармами, к забору часто подходили женщины и мужчины, беседовалн с намн, расспрашнвали о Советской власти. Верно ли, что женщнны там былн общими? И наговаривали еще кучу подобиого вздора, который усилеино распространяла австрнйская реакционная печать.

Правда, многие уверяли, что они с самого начала ие верили этому, но теперь уже и лично убедились, какой чепухой хотели набить им головы. И теперь им только одно иепонятно, почему нас, женщин и детей, держат под замком и какие совершили злодеяния мы, женщины, да малые детн. А ведь священник им рассказывал и об этом. Потом жаловались на свою трудную жизнь и тем не менее приносили то одно, то другое. Даром мы у них ничего не принимали, всегда давали что-нибудь взамен. Они очень тепло попрощались, жалели, что нас увозят: ведь им так интересно было поговорить с нами.

КАРЛШТЕЙН — ШТОКЕРАУ — ШТАЙНХОФ

Несколько дней спустя мы прибыли на наше новое место жительства — в крепость Карлштейн, вернее сказать, в крепостную тюрьму, куда заключили Бела Куна и его товарищей.

Карлштейн был расположен тоже неподалеку от австрочешской границы, только в другом направлении, чем Дрозендорф. Если б этот замок XIII века не был для нас тюрьмой, очевидно, и я могла бы подробнее описать его достопримечательности. Но мы провели там около восьми месяцев, да таких, что мне было не до красот замка и его окрестностей. Единственное могу сказать, что жить было в нем отвратительно: старинные темные комнаты со сводчатыми потолками, грязные, запущенные стены и полы, уродливые черные железные койки, несколько ветхих стульев и стол — вот и вся обстановка.

Квартиры помещались и внизу и на втором этаже. Внизу, кроме заключенных, жила еще и стража. Столовая была общая.

«Этот опоясанный густым парком древний замок и днем и ночью был окружен стеной австрийских конных жандармов. Внутри этого кольца и живут, изолированные от внешнего мира, но свободно беседуя и общаясь меж собой, венгерские коммунисты. У входа в парк несут караул четверо вооруженных жандармов и один офицер», — так писал сотрудник американской газеты «Либерейтор» Фредерик Ку. После многих неудачных попыток ему первому удалось добиться 21 декабря 1919 года свидания с вождем венгерского коммунистического движения.

«Проверили мои документы и пропуск, выданный австрийским министром внутренних дел. В нем было написано, что мне дано разрешение беседовать с Бела Куном на немецком языке и в присутствии жандарма» [1].

В стенах Карлштейнской крепости в октябре 1919 года было заточено около пятидесяти узников. В числе их Бела

[1] «Вереш уйшаг», 2 мая 1920 года.

Кун, Ене Варга, Эрне Пор, Ене Ландлер, Ласло Рудаш, Бела Ваго, Йожеф Погань, Дюла Лендель, Матиас Ракоши, Ференц Ракош и другие.

Бела Кун непрерывно осаждал письмами австрийские власти, постоянно обращался и к членам Венского рабочего совета. В результате этого спустя некоторое время Ене Варге, Дюлу Ленделю, Ласло Рудашу и Ференцу Ракошу позволили перебраться на жительство в Вену. (Дёрдь Лукач уже давно жил там совершенно свободно.)

К жизни в Карлштейне мы привыкли гораздо быстрей, чем к дрозендорфской. Да и понятно. Уже и лагерная жизнь была не в новинку и семьи были вместе, а это много значило для людей, отгороженных от внешнего мира.

Той порой в Австрии, особенно в Вене, все очень плохо питались, поэтому жаловаться на скудость лагерного питания не имело смысла. Но чтобы навести хоть какой-нибудь порядок, заключенные решили организовать «снабженческое самоуправление». Закупку провизии поручили Матиасу Ракоши, который с удовольствием взялся за дело. Комендант крепости дал ему пропуск на выход в деревню. Там он завязал знакомство с разными «деревенскими воротилами». Одним словом, энергичный молодой человек стал «провиантмейстером» венгерских коммунистов. И надо отдать ему должное — с задачей своей справлялся очень хорошо. Целый день суетился, бегал туда-сюда — был в своей стихии.

Недезинфицированные одеяла, оставшиеся в крепости после албанских офицеров, теперь уже всех поголовно заразили чесоткой. Весь лагерь чесался. Но яростнее всех Бела Кун. И однажды, потеряв терпенье, он попросил Матиаса Ракоши как можно сильней намазать его противочесоточной мазью. «Вы не жалейте меня, черт вас побери!» Ракоши положил такой толстый слой мази, что спустя несколько минут Бела Кун начал орать от боли. Перепуганному Ракоши пришлось соскрести с него всю мазь.

Постепенно обитатели Карлштейнской крепости начали ссориться по разным пустякам: где чью койку поставили, кому сколько выдали сигарет, кому какую пайку хлеба дали, почему тот или иной готовит на электроплитке, если от этого меркнет свет и трудно читать и писать... Споры разгорались мгновенно и столь же мгновенно угасали. Это были вспышки обычного тюремного психоза, и возникали они в большинстве случаев у тех, кто жил в общих комнатах.

Когда все вышли на волю, со смехом вспоминали об этих дурацких перепалках.

На первых порах, не считая упомянутых споров, казалось, что среди руководителей Венгерской советской республики царят тишь и благодать. Они вместе гуляли в саду. Вечерами собирались в комнате у Бела Куна, изучали по карте положение Российской Красной Армии — в то время оно было очень тяжелым, и это беспокоило всех. Обсуждали содержание заявлений. Писал их обычно Бела Кун. Он требовал прежде всего освобождения женщин. В заявлениях своих он не щадил ни австрийского министра внутренних дел Эльдерша, ни канцлера Карла Реннера, ни Отто Бауэра. Эти заявления отнимали у Бела Куна уйму времени, а ведь он в ту пору начал уже писать брошюру «От революции к революции». В ней он анализировал события возникновения пролетарской диктатуры, ее мероприятия, причины поражения, но главный упор ставил на предстоящие задачи.

Брошюру он написал с поразительной быстротой, буквально за несколько дней, но по разным причинам она вышла в свет только в 1920 году и то под псевдонимом Балажа Коложвари. С положениями этой брошюры все руководители советской республики были полностью согласны и только позднее стал кое-кто нападать на нее, как, впрочем, и на все, что вышло из-под пера Бела Куна.

К концу 1919 года стало ясно, что обитатели Карлштейна распадаются на различные группировки. Ене Ландлер и Йожеф Погань долгие часы гуляли вдвоем во дворе крепости. Ене Варга с семьей жил очень уединенно, общаясь разве только с Дюлой Ленделем. Вокруг Бела Куна группировались коммунисты с Вышеградской улицы: Бела Ваго, Ласло Рудаш, Эрне Пор и другие.

Так протекала жизнь в Карлштейне.

Женщины в хорошую погоду сидели в саду, беседовали, надеясь на скорое освобождение. Дети играли, бегали по саду, тайком рвали сливы, уплетали их и понятия не имели о том, что творится вокруг.

А вокруг нас, за крепостной стеной, шла ожесточенная кампания австрийской реакционной печати против народных комиссаров Венгерской советской республики. В свою очередь, и хортистское правительство требовало нашей выдачи. Австрийская «Райхпост» и другие газеты поддерживали требования хортистов и набивали головы читателей разными дичайшими слухами.

В Вене, как я уже упоминала, было очень скверно с продовольствием, хотя Антанта и сулила златые горы. Но она так же обманула Австрию, как обманула в свое время Вен-

грию, сказав: «Кончайте с днктатурой пролетарната, прогонн-те Бела Куна, н тогда мы пришлем вам целые эшелоны с провнзней».

Разумеется, этн продовольственные затруднення очень чувствовалнсь в Карлштейне (кормнли нас одннмн эрзацами). И все-такн хрнстнанско-соцналнстнческая печать сделала нас козлами отпущення, уверяя всех кругом, что венгерскне эмигранты-коммунисты объедают австрийскнй народ, бывшне наркомы пнруют в Карлштейне, да мало того что пнруют, еще и готовят новое восстанне в Венгрнн... Их надо выдать Хорти, чтобы там, наконец, покончнлн с нимн.

(Когда-ннбудь авось да выплывут на свет божий документы, которые докажут, какнмн прнемамн пользовалнсь австрийская полнцня, правнтельство Хортн н будапештская охранка протнв заключенных венгерскнх коммуннстов.)

Австрийская охранка неустанно засылала шпнков в Карлштейн, чтобы онн выяснилн, чем заннмаются обитатели крепостной тюрьмы, с кем онн общаются, каковы у ннх планы. Шпиков подсылалн сначала под видом полнтнческнх беженцев. «Беженцы» этн несколько дней жилн в Карлштейне, потом неожнданно «заболевали», нх увозилн в больницу, н больше их ннкто не видел. Трудно было сразу установить, кто из них шпнк, кто нет, но все-такн в большннстве случаев это устанавлнвалн сообща, н тогда соглядатаю приходнлось не сладко. Охранка вынуждена была как можно скорее удалять его нз Карлштейна.

Вскоре прншлось ей отказаться от этого разоблаченного метода. Тогда она попыталась прнбегнуть к другому. Шпикн сталн появляться в качестве «рабочнх». Однн предлагал свон услугн как сапожник, другой — как портной. Нашн приглашалн нх в маленькую комнатку на первом этаже, н, как только выяснялось, что данное лицо и не сапожннк и не портной, ему давалн сперва несколько оплеух, потом выбрасывалн за ворота.

Прншлось прностановить н эту акцню.

Но не беда! Голова у охранкн работала что надо — и вот против нас началн настранвать жнтелей окрестных деревень. Несколько недель не моглн мы заснуть нз-за серенад. Под окнами неистово пелн н крнчали: «Da, da, da — der Bela Kun ist da!» [1] Орали до тех пор, пока не надоедало страже, которой тоже хотелось спать.

Вечерамн вокруг крепостн прохажнвалнсь, гулялн разные

[1] «Здесь, здесь, здесь — Бела Кун-то здесь!» (н е м.).

подозрительные тнпы. Что онн замышлялн — неизвестно, но, во всяком случае, вряд лн у них было доброе на уме.

Затем охранка прндумала еще одну акцню. Под предлогом того, будто деревенские жнтелн хотят узнать, что едят заключенные коммуннсты, окружнлн крепость и не пропускалн продовольствне, пока не устанавлнвали, сколько н какой нам подвозят еды. «Блокада» продолжалась несколько дней, и эта «самостоятельная» акцня деревнн была прекращена только после энергнчного протеста с нашей стороны.

В ответ на решнтельные пнсьма Бела Куна в один прекрасный день в Карлштейн явнлся сам мнннстр внутреннних дел Эльдерш. Ои прнехал ознакомиться с положеинем заключениых. Встретилн его такимн возмущеннымн речамн н возгласамн, что под конец ои воскликнул с отчаяннем: «Um gottes willen, was wolt ihr von mir?»[1] Ждать объясненння пришлось недолго. Ему вразумнтельно объяснили, чего «хотят бога радн» от соцнал-демократического правнтельства Австрин. Эльдерш пообещал все уладнть н попроснл только чуточку набраться терпення.

Со временн его отъезда прошло опять несколько месяцев, а женщнн так н не выпустилн. Настроенне у заключенных ухудшалось. Тюремные распрн вспыхнвали все чаще, но это еще полбеды, хуже было другое: все сильнее назревалн политическне разногласня.

Однако главиым все еще оставался вопрос о лнквндацни лагеря, а в этом вопросе существовало полное единодушие.

Наконец наступнл перелом — выпустнлн первую женщнну, которая совсем скоро должна была роднть. Это была жена Эмнля Хортн. Как радовалнсь мы все, провожая ее! И радость объеднннла на время обнтателей крепостн. Вскоре освободнлн н жену Поганя с дочкой, жену Рудаша, а потом н меня вместе с женой Варгн. За намн последовалн н остальные. Одна жеиа Пора оставалась в заключеннн, она ни за что не желала расставаться с мужем.

Потом выпустилн н мужчнн — бывшнх соцнал-демократов. Под конец австрийскому правнтельству не было смысла содержать Карлштейн, н оно решило увезтн Бела Куна куда-нибудь под Вену, а остальных поместить в один нз павнльонов Штайнхофского сумасшедшего дома.

Теперь н жена Пора вынуждена разлучнться с мужем. Ее не пожелалн прнзнать «сумасшедшей» н не позво-

[1] «Бога радн, что вы от меия хотнте?» (н е м.).

лили жить в больнице для умалишенных. Она вместе с нами и с семьей Ваго жила в венском пансионате.

Начальник контрреволюционного карательного отряда полковник барон Пронан еще в карлштейнскую пору пытался организовать похищение коммунистов, и в первую очередь Бела Куна. Он решил так: либо возьмет их живьем, либо прикончит на месте. Согласно более позднему признанию Пронан глава венской полиции господин Шобер «оказывал нам поддержку уже во время ограбления венгерского посольства на Банкгассе. Я часто навещал его и вел с ним доверительные беседы о моих намерениях относительно бежавших в Австрию коммунистов...

Мы тронулись в путь в туманный ноябрьский день, — пишет Пронан.

Что касается расположения крепости, то все соответствовало примерно тому, что разузнали и донесли мои офицеры. Цели мы могли добиться только с помощью ловушки и внезапного нападения...

На основании сведений, собранных в Карлштейне, я пришел к следующему выводу — для осуществления намеченного плана в первую очередь нужны: темпота, деньги, двенадцать полных решимости мужчин, три безупречные, соответствующие цели автомашины, в каждой из которых может поместиться по шесть человек. Если бы согласно моим расчетам удалось до двенадцати часов ночи бесшумно, без выстрелов убрать стражу, иначе говоря — обезоружить ее, то троих, а может быть и четверых, наркомов — самых оголтелых негодяев (Бела Куна, Гамбургера, Ландлера и Поганя), усыпив и запихав в машины, можно было бы кратчайшим путем увезти в Венгрию. Остальных мы решили тут же на месте вздернуть на фонари и деревья, которые найдутся во дворе... Покуда машина с наркомами не доедет до венгерской границы, один отряд должен остаться на месте часов до пяти утра и сторожить тех, что остались в живых... Для вернейшего достижения цели нам был рекомендован грацский врач, понимающий толк в усыплении хлороформом, который сам охотно предложил свои услуги.

Я рассчитывал на то, что этот стопятидесятикилометровый путь от Карлштейна до Венгрии — через Брук или Вимпасин — должен длиться три часа. Первая машина поехала бы в авангарде, за ней—вторая с наркомами, третья в арьергарде, запасной. Случись какая-нибудь заминка с переправой через границу — наркомов надо немедленно прикончить, таков был мой приказ. Но судьба захотела иначе, и счастье сопутствовало эмигрантам, а не венгерской справедливости».

Согласно Пронаи эту акцию санкционировал и Миклош Хорти.

Массовое убийство не удалось. Заключенные узнали о готовящемся покушении и тут же сигнализировали о нем полиции. Такое разоблачение австрийскому социал-демократическому правительству было крайне неприятно. Поэтому тотчас сменили подкупленную стражу крепостной тюрьмы. Прислали тридцать новых жандармов. И Пронаи со своей шайкой вернулся в Венгрию с пустыми руками, хотя в комаромском лесу они уже заготовили камеру пыток для Бела Куна.

Несколько недель спустя Пал Пронаи и его сообщники — австрийское правительство не обезвредило их, хотя и была полная возможность заключить всю компанию в тюрьму, — убили в Венгрии редакторов социал-демократической газеты «Непсава» — Шомоди и Бачо.

В венском пансионате, куда меня поместили вместе с сестрой и дочкой, питание было невыносимо скверным, но хозяйка относилась к нам доброжелательно. Она знала, что мы беженцы из Венгрии, и, как нам казалось, не знала только, что у нее живет семья Бела Куна. Полиция выдала вид на жительство на мою девичью фамилию, заявив, что жить под фамилией Кун опасно, в любой момент можно ожидать нападения.

Позднее я выяснила, что начальник политической полиции советник Прессер вызвал к себе нашу хозяйку и сказал, кто у нее живет, но предупредил, чтобы она никому об этом не проговорилась. Он попросил ее внимательно следить за тем, кто к нам ходит, записывать и все сведения передавать ему.

Это доверительное сообщение Прессера было для хозяйки словно обухом по голове. Хотя мы, по ее словам, были очень приятные жильцы, однако она решила отказать нам, не желая иметь никакого отношения к политическим делам.

Вечером вернулись домой ее сыновья. Один из них — офицер — был настроен резко антикоммунистически, второй — профессию его не помню — сочувствовал социал-демократам. Сын-офицер сказал, чтобы она немедленно выгнала нас: не станут же они терпеть коммунистов в своем порядочном доме, узнай кто-нибудь об этом — и конец пансионату, больше у них никто не захочет поселиться. Второй сын вскочил и раздраженно ответил, что так порядочные люди не поступают, так не относятся к политическим беженцам.

В конце концов хозяйка решила не отказывать нам.

То, что советник Прессер хотел приобщить ее к полицейским делам, об этом я узнала от самой хозяйки перед отъездом в Италию.

Прощаясь с нами, она сказала: если мы опять приедем в Вену и нам нужна будет квартира, ее пансионат всегда к нашим услугам. «Это надежное пристанище!» Я поблагодарила ее. И хотя мы вернулись в Вену, но с ней никогда больше не встречались.

Коммунисты, заключенные в сумасшедший дом, были довольны своим положением. Комнаты отапливаются. Вена близко. Просто наладить связь с теми товарищами, кто живет в Вене на свободе, имея Asylrecht (право убежища).

Бела Куна австрийские власти устроили отдельно. Увезли его в городок Штокерау — в полутора часах езды от Вены — и там поместили в отдельный павильон больницы. Кроме шести жандармов и их начальника, Бела Куна сторожил еще и полицейский чиновник, который жил в комнате рядом с ним, подстерегая каждое его движение и докладывая обо всем вышестоящим. Как уверяли нас, эта вооруженная стража была выставлена исключительно ради его безопасности. Наверно, ради его же безопасности происходило и другое: когда я приезжала к нему, полицейский чиновник осторожно отдергивал занавесочку на стеклянной двери и наблюдал за нами. Все это он проделывал до тех пор, пока Бела Кун не заметил, наконец, и не призвал к порядку господина сыщика. Только тогда оставил он занавеску в покое, и я без всяких помех могла передавать Бела Куну газеты, журналы и все другое, порученное мне товарищами в Вене.

Впрочем, после некоторой проволочки Венский рабочий союз добился того, чтобы мне выдали постоянный пропуск к Бела Куну, «ибо Бела Куна незачем оберегать от жены».

Советник полиции Прессер передал мне пропуск с глубоким вздохом и выразил сожаление, что я причиняю столько горя своим родителям, очень порядочным господам (г-н Прессер, видно, собрал уже всю информацию о моей семье). Ведь мало того что я вышла замуж за такого крамольника и бунтовщика, но и до сих пор не ушла от него. Он, Прессер, охотно поможет, стоит мне только изъявить желание вернуться под родительский кров.

Господина старшего советника я не удостоила даже ответом. Молча взяла у него пропуск. Мне было уже отлично известно, что полицейские не бывают доброжелательны без умысла, без задней мысли.

Приехав в тот же день к Бела Куну, я рассказала ему, как «жалел» меня господин Прессер, какое «искреннее сочувствие» высказывал он мне. «Молодец, что не удостоили его ответом, — сказал Бела Кун. — Нечего разговаривать с таким мерзавцем!»

Хотя комната Бела Куна и не была на запоре, однако в саду ему дозволялось гулять только в сопровождении полицейского чиновника. Нельзя сказать, что это было приятное ощущение: выходишь чуточку погулять на воздух, а в трех шагах за тобой сыщик идет.

И, несмотря на этот неусыпный надзор, я ухитрялась увозить с собой письма и статьи Бела Куна. Ни у сыщика, ни у жандармов не было разрешения производить личный обыск.

Однажды, когда, как обычно, я приехала на свидание в Штокерау, мне вдруг бросилось в глаза, что полицейский чиновник стоит у самых ворот. Заметив меня, он быстрым шагом пошел навстречу и торжественно сообщил, что ночью у них были «гости». «Какие гости?» — взволнованно спросила я. «Венгерские белые офицеры хотели похитить Herr Bela Kun, но мы не допустили», — сказал он с гордостью. И подробно расписал мне, как ночью неподалеку от больницы остановилась машина с четырьмя офицерами, один офицер вылез из нее и подошел к часовому. Попытался сунуть ему взятку, чтоб он впустил машину во двор. Зачем это ему надо, он якобы не сказал. Часовой взял деньги, но тут же побежал к жандармам и доложил обо всем. Жандармы подняли стрельбу. Офицеры же, заметив, что их план сорван, пустились наутек.

Встревоженная, побежала я к Бела Куну. Он встретил меня улыбкой и обычной своей присказкой: «А вы никогда не бойтесь за меня», потом добавил: «Это сейчас весьма кстати!» И написал письмо Эльдершу. Ссылаясь на то, что оставаться ему в Штокерау небезопасно, он потребовал, чтобы его перевели в Штайнхоф к остальным коммунистам.

На этот раз просьба его была удовлетворена. И Бела Кун оказался уже в третьем «убежище» — в Штайнхофском сумасшедшем доме.

(Пронаи в упомянутом дневнике пишет о том, что австрийская полиция арестовала белых офицеров, приезжавших в Штокерау, но полицмейстер Шобер выпустил их «за отсутствием доказательств».)

Бела Кун был доволен. Психиатрическая лечебница была для него не в новинку. Он рассказывал мне, что, когда за-

болел в плену, его поместили в Томский сумасшедший дом (в других больницах не было места). «Я чувствовал себя там очень хорошо. Те сумасшедшие, у которых временами прояснялось в голове, по крайней мере открыто высказывали свое мнение о царизме и разных политических делах».

Обитатели Штайнхофского павильона ликовали: Бела Кун опять с ними, и теперь они вместе обсудят, что делать дальше. Настроение у всех было радужиее, чем в Карлштейне, еще и потому, что улучшилось военное положение Советской России. Красная Армия теснила белогвардейские войска. Можно было надеяться, что венгерские коммунисты установят постоянную связь с Россией, с Лениным, с Коминтерном, с венгерскими большевиками из бывших военнопленных...

Одним словом, планов было хоть отбавляй.

Обсуждался уже и вопрос о создании организации политических эмигрантов, эмигрантской печати, об установлении связей с различными эмигрантскими группами... Такие и еще разные другие вопросы вставали на повестку дня.

Душевнобольные очень скоро узнали о том, какие у них завелись соседи. Хотя венгерских коммунистов поместили в отдельный павильон, однако ж в дом умалишенных, а ведь туда принимали только действительно психических больных или в крайнем случае родственников богатых и влиятельных людей, если те были недовольны их поведением.

Но чтобы целую группу политических эмигрантов поместили к умалишенным, такого, мне кажется, не было еще во всей истории «предоставления права убежища». Как видно, случается еще и новое под луной.

Мы оказались в трагикомическом положении.

Умалишенные различных рангов, сословий и степени заболеваний все по-разному встретили коммунистов. Были и такие, что в состоянии просветления относились к ним сочувственно и даже выражали свою симпатию: писали письма, устраивали демонстрации в честь коммунистов, а когда мы, жены, приходили в гости и шли мимо их павильонов, улыбались нам, махали руками... А те, что были настроены враждебно, бранились, выходили на манифестации протеста и старались дикими воплями, криками и пением нарушать жизнь обитателей павильона коммунистов. Правда, на большее они были не способны. А главное, как и все душевнобольные люди, они были заняты прежде всего собой.

Бела Кун и в Штайнхофе продолжал бороться за осво-

бождение коммунистов. С неутомимой энергией писал он письмо за письмом австрийскому министру внутренних дел и другим представителям власти. Весело читал он товарищам свои очередные сочинения и говорил задорно: «Все равно не отстану от них, пока нас не освободят!»

Но время шло. Коммунисты ждали освобождения, а белые офицеры за кордоном ждали, когда же выдадут им, наконец, коммунистов.

И в конце концов они решили, что прикончат «этих проклятых наркомов в самом Штайнхофе».

Была как раз троица. Воскресенье. Мы приехали, как всегда, навестить мужей и застали их в отличном настроении. Чем объяснялась их радость, узнали сразу:

— Подумайте только, им самим нечего есть, а вспомнили про нас, посылку прислали, — торжествующе рассказывал Бела Ваго о венгерских эмигрантах, которые жили на свободе в Вене. — И поглядите, какое славное письмо вложили.

Посылку открыли уже до нашего прихода, разложили все содержимое и с нетерпением ждали только нас, чтобы полакомиться.

Можно себе представить, какое впечатление произвели после многомесячного тюремного питания шоколадный торт, коробки шоколада, апельсины и еще какие-то печенья.

Мы смотрели во все глаза на эти давно не виданные яства.

— Вы на свободе, вам мы не дадим, — сказал вдруг кто-то из заключенных.

А другой ответил:

— Дадим апельсины, и вы их поделите между собой.

— Нет, шоколад надо отдать детям, — заключил Бела Кун.

Так и сделали. Коробку с шоколадными конфетами отдали сыновьям полицейского чиновника и Агнеш (другие дети на этот раз не пришли).

— А вы, — сказали нам, — ешьте апельсины, посмотрим, как они вам понравятся.

— Ну ладно, больше дела, меньше слов — приступаем!

Все уселись вокруг стола. Разрезали торт. И тот же Бела Ваго, который первым пришел в восторг от «коммунистической солидарности» венских товарищей, сказал вдруг:

— А что, если торт отравлен?

— Вы что, с ума сошли! — крикнули все хором.

— Трус! — презрительно бросил Бела Кун.

Но Ваго не сдавался. Поставил на стол доставшийся ему кусок торта и сказал:

— Не буду есть! — А после некоторого раздумья добавил: — И вам не советую!

Тем временем мы с сестрой очистили апельсин. Оказался великолепный королек. Поделили пополам и с удовольствием съели. Детям дали шоколад. Схватив добычу, они побежали во двор.

Мужчины перед тем, как приступить к пиршеству, отправили нас домой. «Что ж вы, будете смотреть, как мы едим?»

Мы попрощались и ушли. Но едва пересекли двор, как сестра сказала:

— Что-то у меня голова кружится и болит.

— Пойдемте скорее к трамваю, — поторапливала ее жена Ваго, — а дома примите аспирин. — Но вдруг и у нее разболелась голова. Однако никому из нас и в голову не пришло вспомнить о предупреждении Ваго.

Когда доехали до дому, сестре было уже очень плохо. Я вызвала врача, который жил тут же в пансионате. Он осмотрел ее и тотчас установил: отравление атропином.

Вот когда мы перепугались. Врач немедленно сделал сестре промывание желудка. Осмотрел и Агнеш, но у нее не было никаких признаков отравления. Когда рассказали врачу, что мы ели и при каких обстоятельствах, он заметил раздумчиво:

— Как видно, в шоколаде не было отравы.

Я побежала к телефону, желая позвонить в Штайнхоф и сказать, чтоб не ели ничего, а самое главное — торт, так как он наверняка отравлен. Штайнхофский телефон был все время занят. Почувствовав себя плохо, они тоже звонили нам, хотели предупредить, чтоб мы не ели апельсины. Наконец дозвонились, но было уже поздно. Беда была и тут и там.

Я побежала наверх к Ваго и к Пор. Обе они уже лежали в лежку, и врач им обеим сделал промывание желудка. Когда я спускалась по лестнице, у меня тоже закружилась голова, и я упала. Так ударила щиколотку, что не могла подняться. Меня подняли, понесли в комнату и уложили в постель. Врач успокоил нас, сказал, что в апельсины впрыснули, очевидно, мало атропина. Мы стали разглядывать апельсиновые корки. На них явственно виднелись следы иглы от шприца, через которую и впрыскивали отраву.

Прежде чем лечь спать, мы еще несколько раз позвонили в Штайнхоф. Нам сообщили: сделано все, что нужно. У телефона был Ваго. Он ничего не ел, и с ним ничего не случилось.

Около полуночи раздался звонок в дверь. Вошли трое мужчин. Смущенно извиняясь, что явились в такой поздний

час, они представились. Одним из них был Фридрих Адлер. Остальных уже не помню. Сказали, что недавно вернулись из Штайнхофа, где навестили отравленных коммунистов.

Просили нас не беспокоиться, ибо предпринято все необходимое для их лечения. По мнению врачей, нет ничего страшного, так как доза была не смертельной.

На другой день хоть и с распухшей ногой, но я поехала все-таки в Штайнхоф — Бела Кун очень волновался за нас, не верил, что ему говорят правду. Увидев меня и Агнеш, обрадовался. Обрадовались и остальные, правда, они были в довольно скверном состоянии, особенно Пор, который непрерывно смеялся и, точно кенгуру, скакал на согнутых ногах. Долгое время опасались, что яд подействовал ему на психику.

Бела Кун держался крепко. Он сидел на кровати в излюбленной позе: по-турецки скрестив ноги и стиснув обеими руками одеяло, цедил сквозь сжатые зубы слова, отдавая распоряжения о том, что делать и кого как лечить.

Какова была роль австрийской полиции в этом отравлении, мы, конечно, тогда не могли установить.

Пал Пронаи упоминает в дневнике и об этом «героическом» поступке своего отряда. Согласно его показанию, они наняли для этой акции итальянца, некоего Джованни Коллини. Австрийская полиция арестовала его. Коллини признался, что организатором покушения был сам Пронаи. Тем не менее Коллини выпустили на свободу.

В газетах о покушении была только коротенькая заметка. В награду тому, кто поймает отравителя, австрийская полиция пообещала какую-то совсем пустяковую сумму. И все-таки Коллини схватил кто-то и даже получил за это деньги.

На том и закончилось дело об отравлении коммунистов.

Впрочем, не совсем так. После того как Коллини выпустили, Пронаи из мести арестовал его в Венгрии. Но потом решил простить, поручив ему очередную акцию против Бела Куна.

И еще одно хочу я рассказать: когда Бела Кун был уже в Советском Союзе, Пронаи и туда послал вслед за ним трех офицеров. Вернувшись, они доложили, где Бела Кун и что он делает.

В ИТАЛИИ

В апреле 1920 года два итальянских депутата иавестили Бела Куна в Штайихофском сумасшедшем доме. И предложили от имени социалистического правительства Сан-Марино переехать мие туда вместе с сестрой и дочкой.

Бела Кун пришел в смятеиие. Опять разлучаться с семьей. Неизвестио, сколько времени сидеть еще в Штайнхофе, где, кроме него, оставалось всего два-три человека. Да, но как же быть? Мы ие устроеиы, деиег у нас нет, к тому же я скоро должна родить.

Ои не дал итальяицам окоичательного ответа, хотел сперва поговорить со миой.

Как-то странио-угрюмо встретил он меия в тот день.

— Что случилось? — встревожилась я.

Как приступить к разговору, как рассказать о приглашеиии? Бела Куну это было, видно, иелегко. Ои помолчал, потом спросил, почему я ие привела к иему дочку, что с ией. Задал еще несколько вопросов и только потом рассказал, что нас пригласили в Италию. И тут же спросил:

— Ну, а вы как думаете?

Я без колебаний решительно отказалась. Как угодно, что угодио, ио только быть вместе, только не разлучаться. Приводила разиые доводы: мол, и жеиа Санто и жена Поганя тоже на сиосях. Сыпала еще какие-то аргументы, какие — уже не помию.

Бела Куи совсем расстроился и сказал:

— Мы все равио должны расстаться. Я ведь скоро поеду в Россию.

Что Бела Куну предстоит поездка в Россию, это я знала.

23 марта коммунисты Томан и Штайнхардт (последний в качестве председателя Компартии Австрии участвовал на I конгрессе Коминтериа) получили разрешение иавестить Бела Куна и других венгерских коммунистов.

При беседе присутствовал старший советник австрийской государственной полиции Прессер.

Бела Кун сказал: у венгерских коммунистов невыносимое положение в сумасшедшем доме, восемь месяцев ждут они выяснения того, что с ними будет. Потом заявил: «Если нам не предоставят возможность либо выехать из Австрии, либо свободно проживать в Вене, мы объявим голодовку. Не можем же мы согласиться с тем, чтобы нас и дальше держали взаперти в сумасшедшем доме, в то время как остальные руководители советского правительства свободно разгуливают по Вене, а иные даже, как, например, Кунфи, имеют возможность печататься в «Арбайтер цейтунг».

Томан и Штайнхардт сообщили Бела Куну, что берлинский представитель РСФСР обратился с письмом к австрийскому канцлеру, в котором заявил, что целиком берет на себя ответственность за выезд Бела Куна и его товарищей в Советскую Россию и за беспрепятственный проезд через Германию. Австрийский канцлер пообещал узнать мнение своего правительства.

Бела Кун согласился с планом поездки. Оба руководителя Компартии Австрии пообещали, что Австрийский центральный рабочий совет тоже будет требовать освобождения коммунистов. В ответ на это Бела Кун сказал, что они целиком отдают себя под защиту Австрийского рабочего совета.

Вскоре ему позвонил по телефону министр внутренних дел Австрии Эльдерш и попросил отложить голодовку хотя бы на неделю. Бела Кун с товарищами не согласились, настаивали, чтобы вопрос о них как можно скорее поставили на обсуждение Рабочего совета.

На переговоры с Бела Куном явился опять-таки Прессер. Между ними разгорелся жаркий спор. Прессер заявил, что Бела Кун вмешивается во внутренние дела Австрии.

— Это неправда! — ответил Бела Кун. — Я запрещаю вам, господин Прессер, бросать мне такие обвинения!

— Вы ничего не можете мне запретить! — ответил Прессер.

В апреле казалось уже, что поездка в Россию вот-вот состоится, однако Бела Кун с товарищами прождали больше трех месяцев, пока их выпустили из Штайнхофа и Австрии.

В эту пору навестил Бела Куна в Штайнхофе товарищ Юдкович, который должен был вместе с ним ехать в Россию.

«Нельзя сказать, — вспоминает он, — чтоб у меня пробудились дружелюбные чувства к австрийским «Genosse», когда я в пустом гулком павильоне сумасшедшего дома привет-

ствовал товарища Бела Куна и тех двоих товарищей, которые сидели вместе с ним и, узнав, что прибыл «гость», зашли в палату.

Мы не успели обменяться еще двумя-тремя словами, как нашу беседу нарушили истошные вопли: «Kommunisten! Die fressen alles auf! Uns lasst man hier hungern, die bekommen alles, was sie wollen!» («Коммунисты! Они пожирают все! Мы голодаем здесь, а они получают все, что хотят!») — кричал кто-то нечеловеческим голосом.

— Это ежедневное «ангельское приветствие», — объяснил Бела Кун, — какие-то бессовестные негодяи науськивают на нас несчастного больного, и он каждое утро с этого начинает свой день. Мы уже привыкли к его крикам.

По счастью, вопли продолжались недолго, и мы могли спокойно продолжить беседу... Когда же Бела Кун в сопровождении сыщика пошел проводить меня до ворот, какой-то другой больной крикнул ему вслед оскорбительные слова.

— Это бывший венгерский офицер, — пояснил Кун, — он никогда не может спокойно пройти мимо меня.

Я был очень подавлен тем, что Куну и двум его товарищам приходится жить в такой обстановке».

— Сейчас вы не можете поехать со мной в Россию, — сказал мне Бела Кун и добавил: — А мне будет гораздо спокойнее, если я узнаю, что вы устроены и хоть как-то материально обеспечены. Потом, при первой возможности, либо вы приедете ко мне в Россию, либо я вернусь, и мы опять будем вместе.

Делать было нечего. Я согласилась. Отъезд назначили через несколько дней.

Нам достали чешские паспорта. Ехать под фамилией Кун было, конечно, невозможно, как нельзя было и просить у австрийцев разрешения на выезд.

Тихо, почти тайно, покинули мы пределы Австрии.

Год спустя, когда нас выслали из Италии, австрийская полиция предъявила нам обвинения за эти чешские паспорта. Правда, мы отделались только денежным штрафом, зато чехам, которые раздобыли их, пришлось гораздо хуже.

И вот мы опять прощаемся. Бела Кун прикидывается спокойным, а я не могу скрыть волнения: он опять остается один, в заключении, и кто знает, еще сколько времени. Верно, что жена Ваго и Пора пообещали мне заботиться о нем (и выполнили свое обещание). Я завидовала им — они могут остаться.

Беспокоило меня и другое: каково-то придется и нам в чужой стране, без знания языка, без друзей и знакомых. Но и с этим надо было примириться.

Когда все приготовления к отъезду были закончены, за нами приехали, погрузили вещи в машину, привезли на вокзал и посадили в отдельное купе. Никому не разрешили нас провожать. Поезд тронулся. В купе зашли итальянский депутат Буко и официант. Последний принес такой белый хлеб, какого мы давно не видели. Поставил перед нами еще разные яства: какао, шоколад, фрукты. После Вены все это казалось сказочным сном, но настроение, однако, не улучшилось. Да и разве могло что-нибудь заглушить боль разлуки с Бела Куном и мысль о том, что нам придется жить в совершенно чужой стране?

Наш провожатый — депутат Буко говорил со мной по-французски и все старался утешить меня. Но усмирить мое волнение и ему не удалось.

Вдруг поднялся шум в коридоре. Началась проверка паспортов. К нам никто не вошел.

Приехали в Венецию. Сошли с поезда, осмотрели город с его голубями, узкими улочками и каналами. На меня и Венеция не произвела никакого впечатления.

Поехали дальше. Вечером прибыли в Болонью.

Нас поместили в прекрасную гостиницу, отвели апартамент из двух комнат и предложили лечь спать. Мол, утром придут к нам, и тогда договоримся обо всем.

Легли. После всех волнений мгновенно заснули. Беспокоила только приобретенная еще в лагере чесотка, но нельзя же было в такой шикарной обстановке говорить об этой «некрасивой» болезни.

Утром к нам пришел Аладар Комьят[1] с женой. Они уже несколько месяцев жили в Италии и довольно хорошо усвоили язык. Мы еще двух слов не успели сказать друг другу, как явились уполномоченные социалистической партии «приветствовать семью Бела Куна». Они горячо интересовались судьбой Бела Куна и торжественно заявили, что во всем будут нам помогать. Представили нам адвоката, который «должен заниматься всеми вашими делами».

Я была крайне удивлена этим — думала, что здесь мы только проездом, а жить будем в Сан-Марино. Но не успела еще выразить своего изумления, как вошел Буко и передал

---

[1] Комьят Аладар — венгерский коммунист, революционный поэт.

жене Комьята утреннюю газету. Попросил ее прочесть, что там написано, и перевести нам. Затем провозгласил, что приветствует нас, как гостей Италии.

В газете подробно рассказывалось о том, что в Италию приехала семья Бела Куна в сопровождении депутата Буко. Буко еще утром явился в префектуру и сообщил, что мы здесь проездом в Сан-Марино, ибо Сан-Марино предоставило нам убежище. Но он попросил префектуру ввиду моего состояния предоставить нам убежище в самой Италии. На основании разрешения свыше префектура позволила нам поселиться в Болонье при условии, что мы не станем вмешиваться во внутренние дела Италии и не будем вести политическую агитацию.

Это мы пообещали и сдержали свое слово, что не помешало, однако, полиции позднее написать в официальном сообщении, будто у нас был большевистский центр и постоянно устраивались собрания. (Десять месяцев спустя болоньская полиция на основании своего же сообщения арестовала всю венгерскую эмиграцию и выслала из Италии.)

Весть о том, что не придется ехать дальше, обрадовала нас, конечно. Но уже вовсе никакой радости не доставила статья, в которой сообщалось множество излишних подробностей, в том числе и история с чешскими паспортами, из-за которых у чехов впоследствии были крупные неприятности.

— Мне не нравится, что газеты занимаются нами. Я хочу жить скромно, без всякого шума, — сказала я Комьятам.

Они согласились со мной, но Комьят заметил, насмешливо улыбаясь:

— Вам не нравится, а «товарищу» Буко газетная реклама весьма кстати.

Невзирая на всю торжественность приема, мне с самого начала многое пришлось не по душе. Когда я проснулась в первое утро и увидела на стене табличку, на которой стояла цена номера, то пришла в ужас. Комнаты стоили раз в десять дороже, чем в нашем венском пансионате. И едва наш адвокат переступил порог, как я сказала ему, что такое дорогое жилье нам не подходит...

— Так ведь не вы платите за него, синьора Бела Кун, — ответил он.

— Тогда тем более не подходит! — сказала я. Но, заметив, что мой ответ не убедил адвоката, добавила, что нам вообще было бы неприятно жить в такой шикарной гостинице, где живут, очевидно, только буржуа. «Товарищ» Скияси — так звали адвоката — не согласился со мной и тем не менее

через два дня переселил нас в скромную гостиницу, «Отель ди Рома», где снял номер из одной комнаты.

Обедать мы ходили в столовую рабочего кооператива, которая помещалась недалеко от гостиницы. Туда же приходили обедать и другне эмигранты. Итальянское нацнональное блюдо — пасташутта — нам очень понравилось, пришлась по нраву н вся атмосфера, царнвшая в столовой. На каждом столе стояла бутылка красного вина, рабочне весело пили-ели, громко разговарнвали, подходили к нашему столу, тепло приветствовали нас и спрашивали, почему не приехал и Бела Кун. В Италии демократия, говорили они, в руках у рабочих большая сила, и они могли бы защитить Бела Куна.

Слова их было очень приятно слушать, хоть я и понимала, что реального смысла в них мало.

Аладар Комьят в первый же день предупредил: человек, сидящий за столом против нас, приставленный к эмигрантам полицейский агент. Он, улыбаясь, здоровался и с Комьятом и с нами. Комьят сказал и о том, что не следует прнннмать всерьез все, что говорят некоторые итальянские товарищи, пусть даже слова у ннх идут от души. Увы, в горячке они частенько забывают об истинном положении вещей. По правде сказать, я внутренне осудила Комьята за эту его подозрительность, но после раскола итальянской партнн поняла, что он был прав: первыми отвернулись от нас именно те, кто встретил нас наиболее восторженно.

Мы осмотрели город. Посетили несколько музеев. Были очень растроганы, заметнв на стенах домов надписи «Evviva Lenin!» и встречаясь одновременно с надпнсями «Evviva Bela Kun!». Нам показали магазины. В них было всего полно. (Агнеш подарили розовое шелковое платье, которое она, правда, не носнла никогда, но оно было дорого нам как память об Италии.) Улицы города кншели людьми, особенно простыми людьми, так как буржуазня в ту пору все больше отсижнвалась в домах, в своих загородных виллах н в строгой тайне подготавливала приход фашизма.

Тогда мы всего этого не видели и не чувствовали, но зато десять месяцев спустя получили такой основательный урок, что пришлось и увндеть все и почувствовать.

За несколько дней по городу разнеслась весть, что в Болонью приехала семья Бела Куна. И куда бы мы нн приходили, нас повсюду встречали с любопытством и интересом. Рабочне, завидев нас, проявляли бурную радость и прежде всего спрашивалн о Бела Куне: где он, как он себя чувствует и почему не прнехал вместе с нами?

Нас возили по деревням и везде устраивали восторженный прием: обступали и взрослые и дети. Хотя мы ни звука не понимали из того, что они говорят, но блеск глаз доказывал, что мы дорогие гости итальянского народа.

Сразу же по приезде меня свели к профессору-акушеру. Он тотчас предложил поместить меня в свою частную клинику в окрестностях Болоньи. Но, заметив по моему лицу, что я не в восторге от этого предложения, ибо клиника помещается за городом и мне пришлось бы на время разлучиться с дочкой и сестрой, профессор сказал, что в Болонье есть отлично оборудованный «Приют для покинутых женщин», он директор этого приюта, и, если мне это больше подходит, я могу лечь туда. Он отведет мне отдельную комнату, и бо́льшую часть суток я могу быть вместе с семьей. Сам он тоже почти весь день проводит в приюте. И шутливо добавил: «Вы ведь тоже покинутая женщина».

Мы договорились, что через несколько дней я лягу к нему в родильный дом. Так оно и случилось. И все во главе с профессором очень мило и внимательно относились ко мне. Бедняга профессор пострадал за это. Когда фашисты пришли к власти, его арестовали и обвинили в том, будто он, один из известнейших акушеров Италии, проявлял к жене Бела Куна больше внимания, чем это положено, а значит, сочувствует коммунистам. Бидоне — так звали профессора — в самом деле сделал все для того, чтобы я чувствовала себя как дома, но так относился он не только ко мне, а и ко всем женщинам, что лежали у него в приюте. Профессор Бидоне отнюдь не был коммунистом, он был попросту гуманный врач и пострадал за это.

Как я слышала потом, этого уже немолодого профессора фашисты подержали какое-то время в тюрьме, затем выпустили, и он уехал в Америку.

Целый месяц провела я в «Приюте для покинутых женщин». Лежала в отдельной комнатке, прежде монашеской келье (приют помещался в бывшем монастыре). Днем ко мне приходили сестра с дочкой. Вечерами сидел со мной доктор Шандор Доктор — тоже эмигрант и социалист.

Как-то однажды вечером он ушел от меня раньше обычного. Его вызвали в деревню на консилиум. (Шандор Доктор раньше нас приехал в Италию, все его уже знали и относились к нему с уважением, так как он навещал бедняков и никому никогда не отказывал во врачебной помощи.)

В тот вечер, прежде чем уйти, он сказал:

— Не смейте рожать без меня.

И, несмотря на его строгий приказ, часов в одиннадцать я почувствовала себя плохо. Когда доктор Шандор Доктор вернулся утром и направился прямо ко мне, его приветствовал уже крохотный черноглазый смуглый мальчонка.

Доктор Шандор Доктор бросил укоризненный взгляд. Но, узнав, что при мне было два врача, а под утро явился даже профессор, успокоился и пошел домой отдохнуть.

В городе мигом разнеслась весть о том, что «синьора Бела Кун» родила мальчика. Рабочие устроили демонстрацию перед родильным домом. Пришли со знаменами, приветствовали Бела Куна, новорожденного, кричали: «Эввива Бела Кун!» и «Эввива Кунино!» Ко мне прислали делегацию с цветами. Профессор разрешил принять ее, но вместе с тем запретил кого-либо еще впускать ко мне, так как у меня поднялась температура.

О рождении мальчика телеграфно известили Бела Куна, который все еще был в Штайнхофской тюрьме. Несколько часов спустя пришла ответная телеграмма: Бела Кун просил назвать сына Миклошем (Николаем). Желание его было выполнено, но по итальянскому обычаю одного имени недостаточно — поэтому в память Тибора Самуэли в метрику было записано: Николо Тибор.

На следующий день после родов профессор Бидоне принес газету. В ней было подробно описано, что Бела Кун поехал в Россию, но по дороге его сняли с поезда, и теперь неизвестно, где он.

К счастью, эта неизвестность продолжалась недолго, ибо уже вечерние газеты сообщили, что Бела Кун нашелся и продолжает свою поездку.

Подробно об этом путешествии мы узнали только тогда, когда и сами приехали в Россию.

Бела Кун с несколькими товарищами ехал по Германии, и, когда в Штеттине сошел с поезда (хотя поездка его держалась в тайне, однако немецкие власти узнали о ней), его окружила группа белоэмигрантов, устроила скандал и хотела избить.

Сопровождавшие Бела Куна официальные лица сочли лучшим не вмешиваться, и только тогда, когда белые хулиганы перебесились, увели они Бела Куна и посадили на пароход.

Однако пусть об этом путешествии расскажет старый коммунист, участник самой этой поездки Мозеш Юдкович:

«Это было в раскаленное революциями лето 1920 года, когда после коварного нападения польской шляхты отряды Красной Армии пошли в энергичное контрнаступление и, несколько недель победоносно продвигаясь вперед, угрожали уже польской столице — Варшаве.

Если б Варшава пала, изменилось бы все международное политическое положение, создавшееся после первой мировой войны.

В эту пору поехал я нелегально по поручению партии через Мурманск, Норвегию, Швецию, Данию и Германию в Вену. Здесь и встретился с Бела Куном на венской грузовой станции. Бела Куну, Ене Варге и двум русским коммунистам — участникам Венгерской советской республики — и мне нужно было срочно поехать в Советскую Россию вместе с наспех составленной группой из двадцати военнопленных.

Как ни наспех была составлена эта группа военнопленных, как ни старались держать всю поездку в секрете, однако на станции нас немедленно облепили репортеры венских и разных других иностранных газет. Поэтому, когда наш поезд прибыл в Чехословакию (а везли нас не через Баварию, где после падения Мюнхенской республики контрреволюция была в большой силе), на всех станциях нас ждали толпы людей, демонстрировавшие либо за нас, либо против нас. Мы впятером сидели в отдельном купе, и, хотя наш поезд был составлен из одних пассажирских вагонов, демонстранты почти всегда знали, в каком купе едет Бела Кун с товарищами... Это тревожно-неопределенное положение кончилось лишь тогда, когда мы пересекли, наконец, границу Германии. Отсюда незаметно, тихо и абсолютно спокойно доехали до Штеттина. Здесь наш вагон поставили на дальнюю ветку сортировочной станции, где все мы должны были дожидаться парохода в Россию. И вот уже несколько дней спустя мы были на пароходе, который вез обычно на родину русских военнопленных.

Совсем неподалеку от Свинемюнде наш пароход вдруг остановился. Как выяснилось вскоре, его задержала полицейская моторная лодка с желтым флагом, которая быстрым ходом приближалась к нам. Несколько офицеров поднялись с моторки на пароход и после недолгих переговоров с капитаном нас всех пятерых арестовали и заперли в отдельную каюту.

Что случилось после этого, мы узнали только позднее. Военнопленные, с которыми мы ехали, не хотели допустить, чтобы нас сняли с парохода. Мы видели только одно, так как дверь каюты приоткрылась: военнопленные всю ночь сменяли свои посты перед нашей каютой. Так они защищали нас.

На другой день поблизости появились три миноносца, и с одного через рупор объявили по-русски, что если пассажиры, приехавшие из Вены вместе с Бела Куном, не сойдут за десять минут с парохода, то миноносцы откроют по нас огонь. Тогда

Бела Кун предложил всем названным немедленно покинуть пароход, а остальных попросил не возражать против этого.

Миноносец за несколько часов привез нас обратно в Штеттин. Правда, за это время мы чуть не погибли от угарного газа, ибо нас пятерых поместили в котельной. Но застарелая астма ни минуты не позволяла Бела Куну быть в воздухе, наполненном угарным газом, и его почти сразу пустили вверх, на палубу. А нас четверых вместе с часовым вынесли туда же через несколько часов, но уже совсем без сознания, и привели в чувство пинками сапог.

Из Штеттина повезли особым поездом. Два дня таскали нас вдоль и поперек Германии, чтобы отвязаться от прицепившихся фоторепортеров и шпионов Антанты. Наконец приехали в городок Нассау, возле Оппельна. Здесь нас поместили в опустевший барак бывшего лагеря военнопленных.

Потом из Нассау повезли поездом в Берлин, где поселили на квартире у одного из комиссаров полицейской управы — как мы узнали позднее, за счет советского посольства.

Около двух недель жили мы все вместе на квартире у полицейского комиссара.

Тем временем венгерское правительство телеграфно потребовало у Германии нашей выдачи под предлогом того, что в Венгрии против нас заведено дело и мы обвиняемся в самых обыкновенных уголовных преступлениях. Но уже через несколько дней прочли мы в берлинских газетах, что в ответ на запрос одного из депутатов парламента министр иностранных дел заявил в рейхстаге: поскольку венгерское правительство за установленные восемь дней не представило в письменном виде своего прошения о выдаче нас, а также не представило никаких подтверждающих доказательств, немецкое правительство не имело законных оснований держать нас дальше взаперти и поэтому всех нас, как нежелательных лиц, навсегда выслало за пределы Германии. Сначала отправили Бела Куна с группой военнопленных, а через несколько дней и меня.

К сожалению, мы приехали в Россию тогда, когда поход Красной Армии на Польшу закончился и уже речи не могло быть об осуществлении тех планов, ради которых нас так срочно хотели привезти в Советскую Россию».

Обо всем этом я, разумеется, ничего не знала и радовалась, что Бела Кун будет скоро в России, а стало быть, в безопасности. От него долго не было никаких вестей, и все свои сведения я черпала из итальянских газет, большинство сообщений которых были попросту «утки», и все-таки они говорили мне, что Бела Кун жив и здоров.

Можно представить себе волнение и радость Бела Куна, когда после всех переживаний, мытарств и опасностей он оказался вновь на советской земле.

В Петрограде его встречали толпы рабочих, на другой же день во всех газетах появились статьи:

«Привет вождю венгерских коммунистов! — так начиналась статья в «Известиях Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов» от 12 августа 1920 года.

— Вчера представители петроградского пролетариата встретили тов. Бела Куна. Это один из тех вождей коммунизма, которые наиболее дороги международному пролетариату и наиболее ненавистны мировой буржуазии, ибо тов. Бела Кун стоял во главе венгерской революции, возжегшей пламя коммунистического пожара в самом центре Европы. Тов. Бела Кун стоял во главе первого народа, последовавшего примеру русских рабочих и крестьян.

133 дня боролся тов. Бела Кун во главе венгерского пролетариата... Немало преследований пришлось вынести нашему товарищу... Товарищ Бела Кун вдвойне дорог русским рабочим, ибо в 1918 году он плечом к плечу с передовыми пролетариями России защищал на Урале первую в мире Советскую республику... Ныне Бела Кун находится в обетованной стране мировой революции — Советской России. Но, как он сказал, приветствуя рабочих Петрограда, он приехал только на короткое время, он спешит скорее вернуться назад».

Бела Кун так и думал, конечно. Еще 7 декабря 1919 года он то же самое писал Ильичу из Карлштейна. «Весьма возможно, что я съезжу в Россию по делам III Интернационала; конечно, я тотчас же вернусь, чтобы продолжить нашу работу», потому что «пока я еще интернирован, но работа идет. Падение нашей диктатуры оказало очень полезное действие на наш пролетариат, теперь у него есть то, чего раньше не хватало, — революционное прошлое».

Не один Бела Кун расценивал так оптимистически в ту пору вопрос назревания революции в Европе. «Нарастающая, как лавина, по всей Европе революционная волна... — читаем мы в тех же петроградских «Известиях». — Вместо умершей Советской Венгрии грядет новая рабоче-крестьянская Венгрия...» Так думал и Ленин, так думали большевики, так думали и революционеры за пределами Советского Союза. И Бела Кун был уверен, что он вот-вот вернется обратно в Венгрию или поближе к Венгрии бороться за Вторую Венгерскую советскую республику.

Но пока из Петрограда поехал в Москву. Там его встре-

тнли еще горячей, еще радушней. Ои повидался с Леннным, с другими товарищами и сразу же включился опять в работу Федерации и Комитериа. И уехал, ио не обратио, а, как известио, иа Южиый фронт сражаться с Врангелем.

Итальяиский язык я выучила очень быстро, так что свободио чнтала газеты, кое-как могла даже объясняться.

После рождения сыиа я долго болела, и итальяискне товарищи решнли ие оставлять нас иа жаркое лето в Болонье, а увезтн в маленький прнморскнй городок, чтоб я скорей поправнлась.

Выписавшись нз роднльного дома, я узиала, что иам уже сияли квартнру в Католике (нтальянское курортиое местечко) у одиого товарнща. Через иесколько дней мы в сопровожденнн его жены уехали из Болоньи.

В Песаро (тоже курортный городок) пришлось прервать поездку, так как у меня иачалась груднница и надо было срочно сделать операцию. После операции сразу поехали дальше, но у меия еще месяцами держалась температура, чувствовала я себя плохо н поэтому не могла иасладнться прелестямн Адриатики.

За трн месяца, что мы провели в Католнке, судьба веигерских эмигрантов в Италнн круто повериулась в дурную сторону. Ввнду раскола соцналнстическая партия Итални перестала оказывать поддержку эмиграитам, а у компартни на это ие было средств.

Оторванные от товарищей, мы почтн ничего ие зиали о том тяжелом положении, в котором оказалнсь венгерскне политэмнгранты.

В Католнке иас иавестил товарищ Грациадеи[1]. Ои вериулся в Италию из России и передал деньги, которые послал нам Матиас Ракошн. Грацнадеи встретился с Ракошн иа границе н рассказал ему, что у нас большие материальные трудности, потому что коммуиисты иам помогать ие могут, а соцналнсты не хотят. Ракоши выиул все деньги, что былн у иего в кармаие, н попросил Грациадеи передать их иам. А сам вынужден был повернуть обратно, нбо денег у него совсем не осталось.

Так относился в те времена Ракоши к семье Бела Куна.

---

[1] Грациаден А. (род. в 1873) — профессор универснтета, соцналист, затем коммунист; в середине двадцатых годов отошел от коммуннстнческого двнжеиия.

К началу сентября я поправилась, и мы вернулись в Болонью. Там ожидал нас приятный сюрприз — квартира. Мы радовались, что больше не придется жить в гостинице.

Квартира оказалась из трех комнат, в красивом доме на втором этаже. В этом же доме, на том же этаже жил профессор Альвизи с семьей. Он был социалистом. Несмотря на раскол в партии, Альвизи и его семья относились к нам прекрасно, всегда во всем старались помочь, а дети так полюбили друг друга, что, когда нас выслали из Италии, Альвизи попросили оставить у них «маленького Николо».

К этому времени у нас случилось еще прибавление в семье: мы взяли к себе девятилетнего сына Ваго, который попал в Италию с «детским эшелоном». Банди Ваго так и жил с нами, пока мы оставались в Италии. Он ходил в школу, а Агнеш — в детский сад. Оба очень быстро выучили итальянский язык и говорили меж собой только по-итальянски.

Постепенно мы все привыкли к жизни в Италии и даже не чувствовали себя одиноко, хотя, кроме венгерских товарищей, к нам никто не ходил. Члены социалистической партии отстранились от нас. Коммунисты вели себя весьма осторожно и были правы, ибо против них уже начались гонения.

Однажды поздно вечером мы услышали тихий стук в дверь. Вошли двое мужчин. Представились: Бордига и Марангони.

Бордига извинился, что потревожил нас в такой поздний час, но раньше он не может появляться на улице. Он пришел нам сказать, что впредь все заботы о нас берет на себя коммунистическая партия. Ему, к сожалению, не удастся здесь нас навещать, так как он живет нелегально, но товарищ Марангони будет целиком к нашим услугам. К тому же Марангони учитель, он сможет помочь и детям. А скоро нас перевезут в Неаполь, и кончится наше одинокое существование, ибо и он, Бордига, и его семья будут вместе с нами.

Я поблагодарила Бордигу за внимание. И больше никогда не видела его.

Марангони в самом деле стал нашим постоянным гостем и вел себя так, будто жить без нас не может. Помогал детям, нашел учительницу для Агнеш, которая обучала ее чтению и письму. Эта великая дружба сохранялась до тех пор, пока фашисты не перешли в открытое наступление против коммунистов. Тогда Марангони исчез, и больше мы его не видели.

Уже в России рассказали мне итальянские товарищи, что Марангони один из первых предал коммунистов и перешел

на сторону фашизма. Вполне возможно, что он и перед этим был уже провокатором.

Судьба Бордиги в коммунистическом движении известна.

Затем наступили тревожные времена. Фашисты готовились к взятию власти. Прямо на улице нападали на коммунистов, избивали их резиновыми дубинками, когда же избитый терял сознание от боли, его оставляли на тротуаре и шли дальше продолжать свое черное дело.

Они стремились использовать для себя противоречия в рабочем движении и поставили себе целью — завоевать как можно больше сторонников среди рабочих и мелкой буржуазии. В социалистической партии полно было лавочников, ремесленников — едва лишь они пронюхали, что фашисты могут победить, как тут же переметнулись на их сторону.

Вот уже несколько месяцев держалась такая тревожная атмосфера. Фашизм наступал все более широким фронтом. Либеральная партия доказала свою беспомощность, непригод ность для борьбы с фашизмом — надо сказать, что, усматривая главную опасность в коммунистах, она чаще нападала на них, чем на фашистов. Последним это придало еще больше смелости, и теперь они уже открыто избивали не только коммунистов, но и социалистов.

Как-то раз профессор Альвизи гулял с дочкой по улице. На него накинулись сзади и били до тех пор, пока он не упал без памяти. Не помогли и отчаянные крики девочки. Власти предпочли не вмешиваться. Профессор был обязан жизнью одному знакомому, который случайно проходил по улице, услышал истошный детский крик, побежал туда, где шло избиение, вырвал полумертвого человека из рук озверелых молодчиков и потащил его домой.

Такие случаи стали повседневным явлением. Когда фашисты поняли, что действия их остаются безнаказанными, они еще с бо́льшим пылом накидывались на рабочих. Однажды вечером напали на болоньскую Camera de lavoro. Ворвались в зал и стали избивать всех подряд. Секретарь Camera de lavoro Буко совсем потерял голову и вызвал на помощь полицию. Полиция явилась, выгнала фашистов, но опечатала помещение и захватила все документы и деньги партии.

Рабочие на другой же день объявили забастовку и вышли демонстрировать на улицу. Это оказалось для полиции отличным предлогом — теперь она могла в открытую выступить против рабочего класса. Начались аресты. Будто черная туча надвинулась на город.

Фашисты срывали в трамваях портреты рабочих лидеров

и вместо них вешали портреты фашистов. Кондуктора и вожатые отказывались работать в таких трамваях. Тогда фашисты приводили на их место своих людей.

Фашистский поход против коммунистов распространился и на нас. Поначалу они только распевали у нас под окнами разные похабные песенки, потом напечатали в своей газете, что я сидела в кафе вместе с Мизиано[1] и на груди у меня был большевистский значок. Какой-то фашист будто бы подошел ко мне, сорвал его. И сказал: «Как не стыдно носить в Италии такой значок!» По словам газеты, фашист хотел даже ударить меня, и тогда мой «кавалер» Мизиано, вместо того чтобы стать на мою защиту, трусливо бежал.

Когда утром я пришла в молочную, хозяин участливо оглядел меня, ища, очевидно, следы побоев. Узнав, что со мной ничего такого не случилось, он сказал, что все равно жалеет меня, потому что ещё может случиться: «Это такие негодяи, которые ничего не боятся!»

Я задумалась. Что же делать?

Альвизи с женой были в таком ужасе, что советовали нам как можно скорее уехать из Италии, ибо надвигаются грозные события, которые для нас могут оказаться роковыми. Правительство, говорили они, только формально руководит страной, и не сегодня-завтра Муссолини придет к власти. У него могучая поддержка: не только сицилийские помещики стоят за него, но и большинство итальянской буржуазии.

В эти же дни нас навестил один врач, который бывал у нас, когда еще болела Агнеш. Теперь он раскрыл свое подлинное лицо и сказал:

— Муссолини просил передать, чтобы вы как можно скорее уехали из Италии, ибо фашисты все равно не потерпят семью Бела Куна на территории страны. Если же вам некуда деваться, то можете поехать в Сан-Марино. Муссолини готов предоставить для этого свою машину.

Я ответила, что машина Муссолини мне не нужна и что мы при первой возможности уедем поездом.

На другой день я отправилась к адвокату-социалисту (Скияси уже давно и след простыл), рассказала ему обо всем и попросила как можно скорее достать нам разрешение на выезд. Адвокат охотно согласился, ибо наше пребывание в Италии уже и социалистам стало в тягость.

Я написала в Вену письмо Ландлеру и попросила его при-

---

[1] Мизиано — итальянский коммунист. После прихода в Италии к власти фашизма эмигрировал в Советский Союз.

Дом в деревне Леле, где родился Бела Кун.

Коложвар. Реформатская коллегия, где он получил среднее образование.

На XX съезде Венгерской социал-демократической партии, 1913 г.

слать для нас разрешение на въезд, так как в Италии мы дольше оставаться не можем. Ответное письмо получила очень скоро, но визы в нем не было, только вид на жительство в Вене.

Тем временем полиция решила, видно, что теперь самое время прибегнуть к своему излюбленному методу — к провокации.

В том доме, где мы жили, поселились студенты-маззинисты. Я их никогда и в глаза не видела, и тем не менее они явились вдруг ко мне и попросили разрешения спрятать у нас на чердаке оружие, ибо они точно знают, что полиция готовится произвести у них обыск. Я уже чуть было не согласилась. Но тут вышел в коридор Аладар Комьят — он был как раз у нас — и спросил, что им нужно. Студенты повторили свою просьбу. Комьят обругал их как следует и выгнал. А меня предупредил, чтобы я не смела разговаривать с ними, так как среди этих студентов наверняка есть провокаторы.

Счастье, что Комьят был у нас, иначе мы могли бы попасть в большую беду.

На второй или третий день к нам явились с обыском. Перерошив даже колыбельку восьмимесячного Коли, поднялись на чердак и там тоже все перерыли.

При обыске присутствовала и пятилетняя Агнеш. Она смотрела, смотрела, как роются в наших вещах, потом вдруг подошла к начальнику полиции, встала перед ним и, вынув из кармана халатика зажигалку, насмешливо протянула ему. «Это тоже бомба», — сказала она и предложила обыскать свои карманы: мол, и там есть оружие. Насмешка пятилетней девочки, конечно, поразила полицейского чиновника. Но, злобно бросив: «Папина дочка», он тотчас заговорил о другом.

На следующее утро к нам пришел привратник и сказал, что дом окружен полицейскими и филерами. Я попросила его немедленно пойти к Комьятам и предупредить их, чтобы не приходили к нам. Но привратник ответил, что филеры все равно пойдут за ним по пятам и Комьятам от этого будет только хуже.

Вскоре я убедилась, что он был прав. Когда я пошла в молочную, двое тут же увязались за мной и подошли даже к самому прилавку. Я вернулась домой и ждала: что-то дальше будет?

После обеда ко мне, как и всегда, пришли в гости несколько венгерских товарищей. Мы не успели еще и словом перемолвиться, как раздался звонок в дверь, и вошли два жандарма и сыщик. Подскочив к одному из товарищей, спросили, как

его фамилия, и предложили следовать за ними. Вскоре вернулись обратно, спросили фамилию второго товарища и тоже увели с собой. Так это повторилось несколько раз. Когда полицейские явились еще раз под вечер, у меня уже не было никого. Я спросила: не за мной ли они пришли? Они ответили: в Италии женщин не арестовывают. Потом заглянули во все углы, чтобы узнать, нет ли еще кого у нас.

На другой день я отправилась к адвокату, рассказала, что случилось, и попросила его поторопить власти, чтобы скорее выдали нам паспорта. Адвокат пообещал.

И вскоре мы действительно получили ответ: из полиции пришла повестка на мое имя и на имя сестры.

Мы не знали, что нас ждет. Жена Альвизи пообещала на всякий случай, что возьмет на себя заботу о детях, и, плача, проводила нас до дверей.

В полицию пошел с нами сын одного депутата-коммуниста. Но его не впустили, велели ждать на улице. А нас повели длинными коридорами и, наконец, впустили в какую-то комнату. Предложили сесть. Вдруг туда вскочили несколько фотографов и сняли нас со всех сторон. «Недоброе предзнаменование!» — подумала я, но ничего не сказала. Мы долго ждали. Но вот вошли четверо мужчин, и один из них торжественно прочел решение о нашей высылке из Италии. В двадцать четыре часа обязали нас покинуть территорию страны.

Так ответили на мою просьбу выдать нам разрешение на выезд.

Я задумалась: паспортов у нас нет, а куда без них денешься? И, не видя другого выхода, попросила полицейских чиновников дать нам хотя бы три дня на подготовку к отъезду, ведь у нас трое детей. Чиновники согласились, но сказали:

— Поимейте в виду, что через двадцать четыре часа вас повсюду будут сопровождать, ибо вы уже не будете считаться свободной гражданкой.

— Что ж, пускай сопровождают!

И мы с сестрой пошли домой. Все ликовали от радости, увидев нас. Но узнав, что мы высланы и через трое суток должны покинуть Италию, опечалились. Жена Альвизи предложила оставить у них маленького Колю хотя бы на время, пока мы не найдем себе пристанища. Предложение ее растрогало, но принять его я, разумеется, не могла, хотя и стояла растерянная, понятия не имея о том, с чего и как начать приготовления к отъезду.

На другой день пришел Аладар Комьят — его еще не вы-

слали, хотя и он уже ждал, что вот-вот разделит участь своих товарищей-эмигрантов. Я очень обрадовалась ему, зная, что он и на этот раз поможет добрым советом.

Комьяту я поведала обо всем, что с нами произошло, а он, в свою очередь, рассказал, что товарищей, которых арестовали у нас, связанными повезли к поезду и перебросили через границу. Сообщили также, что арестовали Михая Карои вместе с женой и детьми, их тоже связанными повезли на границу. Комьят заметил, что он ждет того же самого, ибо так поступают с венгерскими эмигрантами во всех городах Италии. Посоветовал пойти к Марабини, он еще депутат парламента, и попросить его дать нам сопровождающего до границы, чтобы мы не оказались целиком во власти полицейского произвола.

И мы вместе с Комьятом поехали в Имолу, где жили Марабини. Хотя еще не прошло двадцати четырех часов, однако шпик сопровождал нас всю дорогу, но мы не обращали на него внимания.

Поговорить с Марабини не удалось, его не было дома, а семья, увидев нас, так перепугалась, что мы, передав нашу просьбу, тотчас ушли.

На другой день к нам явился коммунист — товарищ Бетти. Сказал, что партия поручила ему проводить нас до границы. Бетти был очень честный коммунист, но мы-то ведь просили Марабини, чтоб нас сопровождал депутат парламента, который пользуется неприкосновенностью. Я поделилась с Бетти своими опасениями. Бетти успокоил меня, сказав, что обо всем уже позаботились заранее и ничего дурного случиться не может.

Мы тепло попрощались с Комьятом. Я не скрывала своей грусти... Кто знает, встретимся ли еще когда-нибудь? А мы ведь очень привязались к нему. За все время нашей жизни в Италии он, как настоящий хороший товарищ, помогал нам умными дружескими советами, которые в этой одинокой жизни на чужбине были очень нужны.

За оставшиеся три дня надо было многое сделать. Шутка сказать, собрать в дорогу семью в пять человек, из которых трое — дети.

На прощанье со знакомыми времени не потребовалось. Я ни к кому не пошла, помня, как напуганы все товарищи. Ведь даже тогда, когда арестовывали кого-нибудь и я, считая это своим долгом, шла навестить семью, меня в квартиру не впускали и просили больше никогда не приходить.

Не пришлось проститься и с Мингетти, который еще до недавнего времени занимался нашими делами и каждый день навещал нас. Мингетти был тоже арестован. Но, как я слыша-

ла позднее, сидел он недолго. С него взяли слово, что он не будет больше заниматься политикой, и слово свое он сдержал.

Словом, сколь шумной и веселой была встреча десять месяцев назад, столь же тихим и грустным было прощанье.

На четвертый день, рано утром, перед домом остановилась машина. В квартиру вошли два полицейских чиновника, которые должны были проводить нас на вокзал. Я попросила у них наши паспорта. Они ответили, что отдадут их в машине.

Мы попрощались с Альвизи. Все они плакали и еще раз предложили оставить у них Николино: «Ведь вы не знаете даже, куда вас повезут». Но я не согласилась.

Возле машины стоял уже и товарищ Бетти. Мы тронулись в путь.

На вокзале я снова попросила паспорта. Полицейские чиновники ответили, что отдадут их, когда тронется поезд. Мы купили билеты, сели в вагон. Опять в последний раз попросила я паспорта. И услышала в ответ, что получу их на границе, так как они тоже поедут с нами.

Я поняла, что все это обман, но делать было нечего. Не уезжать — значит садиться в тюрьму.

Мы разместились в купе. Теперь уже от всей Италии для нас остался один товарищ Бетти. Но и с ним мы почти не разговаривали. Каждый был занят своими мыслями. Ясно стало, что хотя Бетти и не подает виду, но он отлично понимает, что до границы ему с нами не доехать.

Поезд подошел к станции Удине. Из коридора донесся громкий разговор. Какой-то мужчина заглянул в купе и вызвал Бетти. Бетти вышел. Мы сразу поняли, что дело плохо, и не ошиблись. Бетти ссадили с поезда и увели в сопровождении двух жандармов. Он успел еще крикнуть на прощанье: «До свидания! Передайте привет товарищу Бела Куну!»

Позднее мы узнали, что Бетти увезли обратно в Болонью. Несколько дней продержали его в полиции, потом выпустили. Когда же фашисты захватили власть в свои руки, Бетти был арестован одним из первых. Его подвергли страшным пыткам, и он на время лишился разума. Арестовали и его жену. Дочку, которой было два года, товарищи отправили в Москву, где ее поместили в детский дом. Девочка прекрасно росла, развивалась, но, уже не помню скольких лет от роду, заболела скарлатиной и умерла. Обо всем этом я узнала от самого Бетти, который хоть и был сломлен душевно, однако, узнав мой адрес, переправил мне из тюрьмы письмо, в котором просил прислать прах его дочери. В этом же письме сообщил он мне, что арестована и его жена.

Просьбу Бетти мы выполнили с помощью МОПРа.

Десятки лет не знала я, какова судьба этого честного коммуниста. И только несколько месяцев назад выяснила, что он выздоровел, живет в Болонье и работает.

...Из Удине мы поехали дальше. На границу прибыли поздно вечером. Сошли с поезда. Полицейские чиновники сказали, что теперь я свободна, и тут же словно растворились в воздухе. Все произошло так мгновенно, что я не успела даже спросить про наши паспорта.

Так и остались мы без паспортов, с тремя детьми и большим сундуком в местечке Тарвизио — на пограничной станции между Италией и Австрией. Как и на любой пограничной станции, здесь слышались шум, гам, все бегали, кричали. Дети стояли испуганные. Мы с сестрой тоже порядком растерялись, но вдруг увидели гостиницу на холме. Решили, что остановимся в ней до прихода поезда. Поднялись туда. Но едва лишь портье заметил детей, как тут же захлопнул у нас дверь перед носом. Снова пришлось спуститься на станцию. Тем временем стемнело. Мы вошли в зал ожидания и сели на скамейку. А кругом ходили, бродили какие-то подозрительные личности. «Контрабандисты, — подумала я, — присматриваются к нам». В зале ожидания горела одна тусклая лампочка. Неуютно. Страшно. И я отправилась к начальнику станции. Рассказала ему про наши мытарства и попросила помочь.

Начальник станции оказался очень порядочным человеком. Он посоветовал сесть в поезд, ибо не исключено, что, если мы покажем венский вид на жительство, нам позволят ехать дальше. А сундук, мол, он пришлет вслед за нами, ибо поезд тронется и у нас не будет времени сдать его в багаж. Он сам купил билеты, сам усадил нас в купе второго класса и сочувственно махал рукой, пока поезд не скрылся из виду. (Сундук, как он и обещал, мы получили в Вене.)

Никогда больше не слышала я об этом начальнике станции, но часто вспоминала о его человечном отношении к нам.

Только-только поезд отошел от станции, как отворилась дверь, и, хотя мы договорились и даже детям велели не произносить ни одного слова на родном языке, в купе вошел молодой человек и попросил папиросу по-венгерски.

— Мы не курим! — ответила я таким тоном, что он испуганно попятился и, прося прощенья, вышел.

Я заперла за ним дверь, но никакая запертая дверь не могла убедить нас в том, что мы в безопасности. «Венгерский шпик. Нас переправят в Венгрию. Никто не узнает, где мы и что с нами...»

Ничего этого, конечно, не случилось. Но нами владел уже не разум, а разбушевавшиеся нервы.

Началась проверка паспортов и билетов. Я вынула билеты и вид на жительство. Кондуктор посмотрел на нас с удивлением и вышел. Вскоре вернулся с каким-то своим начальником, который заявил, что вид на жительство не паспорт и мы должны сойти с поезда. Уже на станции к нам подошел одетый в военную форму австрийский железнодорожник и начал орать, что эти итальянцы сажают им на шею эмигрантов, что он покажет им, что дальше так не пойдет, он отправит нас обратно в Италию, и пусть там делают с нами, что хотят.

Я вспомнила слова начальника станции Тарвизио: самое важное оказаться на австрийской территории, ибо в Италии нас ожидает только тюрьма. И вдруг нервы у меня сдали, я почувствовала, что больше не владею собой, передала документы сестре и сказала:

— Отзовите железнодорожника, который кричит, и скажите ему, кто мы такие.

(Вид на жительство был выписан на мою девичью фамилию Гал.) Будь что будет, но в Италию я обратно не поеду!

Сестра так и сделала. И я заметила, как меняется лицо человека в форме, услышала его слова: «Почему вы сразу не сказали?» Видела, как он подошел ко мне. Но было уже поздно — я потеряла сознание.

Железнодорожник тотчас послал за врачом, врач пришел и установил, что везти меня в таком состоянии нельзя. Дал лекарство. Мне стало чуть получше, но поезд тем временем ушел, и мы остались на станции в ожидании того, как поступят с нами австрийские власти.

Сестра, держа на руках Колю, пошла вместе с Банди на почту отправить телеграмму Ландлеру в Вену, чтобы он прислал разрешение на въезд. Агнеш и врач остались со мной.

Когда я пришла в себя, доктор сказал:

— Что ж вы так испугались, сударыня, неужто подумали, что в Австрии могут дурно отнестись к жене крымского губернатора Бела Куна?

Бела Кун, конечно, не был никогда крымским губернатором. Но так как австрийские газеты писали, что он член Реввоенсовета Крымского фронта, а потом, что он председатель Крымревкома, то австрийский врач, естественно, «возвел» его в губернаторы. Быть может, он подумал, что, возводя Бела Куна в такой высокий чин, он получит больше гонорара? Уж как оно там было — не знаю, но относился он ко мне так внимательно, будто я и в самом деле была губернаторшей.

Немного погодя явились еще какие-то официальные лица и сказали: ввиду того, что, по мнению врача, я не могу ехать дальше, они предоставят мне комнату при вокзале. А перед комнатой — если я не возражаю — поставят человека, который будет целиком к нашим услугам. Принимать гостей не рекомендуют, ибо трудно предвидеть, кто придет и с какой целью, а они не хотят, чтобы у нас вышли какие-нибудь неприятности. Затем одобрили, что мы телеграфировали в Вену о разрешении на въезд, сказали, что они и сами телеграфировали властям и к тому времени, как Gnädige Frau — то есть мне — станет лучше, наверняка придет и разрешение.

Мы заняли комнату. Врач навещал меня каждый день. Беседовал на разные медицинские темы, пытался поговорить и о политике, но это ему не удалось.

На другой день явилась целая комиссия. Допросили, сняли протокол и заверили в том, что семья Бела Куна стоит под защитой австрийского правительства и может чувствовать себя в полнейшей безопасности. Кроме того, рассказали, что и Михай Карои с семьей проехал через их станцию и жена Карои вела себя гораздо смелее мужа. Карои был очень подавлен, однако даже он был энергичнее меня, хотя ехали они еще в гораздо худших условиях. Самого Карои привезли на границу связанного.

Меня не интересовали их соображения о том, энергична я или нет, ибо как раз благодаря моей слабости не отправили нас обратно в Италию. А это было сейчас важнее всего.

Дня через три или четыре пришло разрешение из Вены. Австрийские чиновники проводили нас к поезду. Любезно попрощались. Мы поблагодарили их за гуманное отношение, сели в поезд и уехали.

Все окончилось хорошо, но пережитое повергло меня в такое тяжелое душевное состояние, что мужчин, сидевших в купе, я тут же приняла за сыщиков и всю дорогу до Вены мучилась мыслью о том, что они сопровождают нас и в Вене поведут прямо в тюрьму.

Наконец приехали. Я выглянула из окна вагона. Крикнула носильщика. Вместо носильщика ко мне подбежал Бела Ваго. Радостный, стал он выгружать нас из вагона. Пока он был занят своим сыном, я следила глазами за соседями по купе. Но те, не удостоив меня взглядом, побрели прямо к выходу.

ВЕНА — ШТЕТТИН — ПЕТРОГРАД — МОСКВА

1

В конце апреля начался второй период нашей венской жизни.

Сама эмиграция была уже совсем иной, чем год назад. Большинство людей, бежавших в Вену от хортистского белого террора, рассеялись по разным странам света. Их вынудили к этому все ухудшавшиеся экономические и политические условия. Угрожала безработица, причем не только эмигрантам, но и австрийским рабочим; кроме того, все более невыносимыми становились полицейские гонения. Эмигрантов арестовывали, высылали; венгерские белые офицеры все еще пытались их похищать и увозить в Венгрию.

По приезде в Вену я первым делом спросила у Ваго:

— Что с Бела Куном?

Ваго ответил: он работает сейчас в Коминтерне, был недавно вместе с другими руководителями Коминтерна в Баку на I съезде народов Востока.

(Об этом съезде, который ставил перед собой важнейшую задачу объединения народов Востока, сохранился целый интереснейший кинофильм.)

Когда делегаты вернулись со съезда, 17 сентября 1920 года, Бела Кун докладывал о нем Петроградскому Совету.

«...Товарищи, когда мы создали III Интернационал, — сказал он, — то господа меньшевики и социал-демократы всего мира смеялись, говоря, ну, ну, эти коммунисты взялись играть в игрушки. Были, правда, даже такие коммунисты, например немецкие, которые считали создание III Интернационала преждевременным. А теперь, товарищи, когда мы подготовили съезд народов Востока, снова нашлись коммунисты, которые сказали, что еще рано объединять народы Востока, ибо там существуют пока только национальные движения и мы не можем рассчитывать на то, что народы Востока окажут какую-либо помощь Западу. Теперь, после конгресса, мы

заявляем с полным правом: западный пролетариат и Советская Россия могут рассчитывать не только на международную революцию, но и на действенную помощь народов Востока».

Вскоре после этого, 1 октября 1920 года, Реввоенсовет республики назначил Бела Куна членом Военного совета Южного фронта.

Он поехал в Крым, где вместе с командующим Южного фронта М. В. Фрунзе и С. И. Гусевым руководил разгромом врангелевской армии.

Я приведу несколько сохранившихся в Главном архивном управлении характерных для той эпохи военных приказов:

Серия Г

ТЕЛЕГРАММА

Главком, копия Начснабюж

Харьков 4/10 20 На нр 5765/оп 4 октября 1920 г.

16-я бригада, прибывшая от Гольдберга, вооружена русскими трехлинейными пехотными винтовками. Кроме обещанных пятисот седел, прошу выслать еще тысячу.

Командарм Фрунзе
Член РВС Бела Кун
Врид. начштаюж Пауке
Командарм VI, XIII, 2 конной
Копия. Главком

ИЗ ПРИКАЗА ВОЙСКАМ ЮЖНОГО ФРОНТА
№ 74

9 октября 1920 г.

...Чувствуя неизбежное и близкое крушение всех своих контрреволюционных планов, барон Врангель попытается и уже пытается сорвать наш мир с Польшей ударом по войскам Южного фронта. Он будет во что бы то ни стало стремиться теперь же к достижению успехов на поле битвы, дабы подтолкнуть польскую шляхту на предъявление еще более тяжелых для нас требований и тем затянуть борьбу. Для армий Южного фронта пробил решающий час.

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары! Дело победы и мира в ваших руках. В этот последний, грозный момент решения тяжбы труда с капиталом вся Россия смотрит на нас. Из края в край по родной нашей стране прокатился клич: «Все на помощь Южному фронту». И эта помощь уже идет. От нас, от нашей воли, нашей энергии зави-

сит счастье и благополучие всей страны. Пусть же каждый красноармеец, каждый командир и комиссар поставит своим долгом сделать все, что только возможно, для обеспечения нашей победы. Пусть каждый день, каждый час он задает себе вопрос: «А все ли им сделано для обеспечения успеха?..»

Командующий войсками Южного фронта
Михаил Фрунзе-Михайлов
Член Реввоенсовета Южфронта — Бела Кун

ПРИКАЗ АРМИЯМ ЮЖНОГО ФРОНТА № 505

В середине августа текущего года красные полки Западного фронта подошли вплотную к Варшаве. Они стремились сюда, к центру польской шляхетчины, борясь за завоевание мира родной стране. В середине августа там шли решающие бои, и в это же время французский наймит Врангель ударил по войскам крымского участка с юга. Вслед за первым ударом он наносит ряд других, давших ему значительные успехи. В основе этих ударов лежал простой расчет: пользуясь отвлечением наших сил на запад, разбить по частям стоявшие против него полки, а затем, опираясь на помощь западноевропейских разбойников, попытаться наложить свое баронское ярмо на Россию. В начале октября, окрыленный первыми успехами, он пытается разбить наиболее сильные наши части, стягивавшиеся в ударную группу за Днепром. С рассвета 8 октября лучшие врангелевские дивизии переправляются сразу в нескольких местах через Днепр и обрушиваются на наши полки. 7 дней идут упорные кровопролитные бои — наконец исход их определяется. 14 октября под нашим дружным напором враг бежит, потерпев полное и решительное поражение. Этот день является днем перелома в общем ходе нашей борьбы с Врангелем. В этот день, благодаря героизму, проявленному всеми армиями фронта, положено начало разгрому Крымской контрреволюции. Отмечаю особо доблестное поведение частей 46 и приданных ей 85 бригады, 3 дивизии кавбригады т. Кицюка и бригады курсантов, которые под общим командованием начдива 46 тов. Федько первые расстроили план врага, смяв дружным ударом Марковскую дивизию, создав этим угрозу Александровским переправам противника и отвлекши на себя часть сил, предназначенных противником для дальнейшего успеха в решающем Никопольско-Грушевском направлении. Считаю долгом отметить дальше выдаю-

щуюся доблесть молодых конных полков II армии, выказавших в открытом бою с крупными кавалерийскими частями врага высокие боевые достоинства. После первых моментов смущения перед неожиданным напором врага они быстро стянулись в ударную массу и тяжко разделяя удар конного молота по зарвавшемуся врагу. Совместно с левофланговыми частями VI армии в результате этого удара наша конница опрокинула и сбросила в Днепр все, что успело переправиться на правый берег. Подчеркиваю также выдающуюся доблесть всех частей VI армии, своим левым флангом громивших неустанно врага на левом берегу, а центром сдерживавших его яростный удар по Каховскому плацдарму. На этом последнем участке геройские войска VI армии под общей командой тов. Блюхера не только отбили атаку врага, веденную при помощи 14 танков и 15 бронемашин, но, перейдя в дружную контратаку, окончательно разгромили его и с боем овладели всей линией его расположения. 10 танков, 5 бронемашин, свыше 70 пулеметов и другие трофеи стали нашей добычей. Наконец, отмечаю отличие, мужество, проявленное всеми остальными войсками XIII армии и группы тов. Левандовского, которые дружным ударом с востока отвлекли внимание и силы врага на себя и тем помогли одержать блестящую победу нашему правому флангу. В итоге боевых действий за это время мы добились определенного перелома в общем ходе борьбы. Инициатива у врага вырвана, ему нанесен крупный материальный ущерб, обеспечена возможность нанесения нашего ответного и решающего удара. Начало разгрома положено; теперь остается его завершить. Нет ни малейшего сомнения в том, что это будет нами сделано и сделано в кратчайший срок. Именем Республики объявляю войскам фронта благодарность за их проявленное мужество и поздравляю с первыми крупными успехами. Уверен, что в результате нашей дальнейшей работы участь Врангеля будет решена, и Красные Знамена взовьются на Крымских высотах, этом последнем убежище российской контрреволюции.

Смело и бодро вперед!

Вперед! Настал час великой и славной победы!

Да здравствуют красные полки армий Южфронта и их окончательная победа над врагом!

Командующий фронтом Михаил Фрунзе-Михайлов

Члены Революционного Военного Совета Бела Кун,

Сергей Гусев

(Настоящий приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.)

ДИРЕКТИВА
РЕВВОЕНСОВЕТАМ 6, 13, 2-й КОННОЙ АРМИЙ
23/пш

7 октября 1920 г.

В целях очищения армией вверенного мне фронта от контрреволюционных элементов приказываю произвести повсеместно на территории фронта перерегистрацию всех служивших когда-либо в белых армиях (Деникина, Колчака, Юденича, Миллера и так далее) офицеров, военных чиновников и вольноопределяющихся. Начполитотделу фронта совместно с начособотделом немедленно выработать и установить срок и порядок перерегистрации и наблюсти за должным ее выполнением.

Командюжфронтом Фрунзе
Член Реввоенсовета Бела Кун

ТЕЛЕГРАММА
Туркфронт. Командарму Первой

Шлите срочно в мое распоряжение пополнение туркменскому эскадрону, из-за малочисленности туркмены скучают. Жду не менее ста человек с полным вооружением и снаряжением на конях, необходим запас соответствующего продовольствия на три месяца. Место назначения — Харьков.

Командюжфронтом Фрунзе
18 октября 1920 г. Член Реввоенсовета Бела Кун

Срочно Секретно

РЕВВОЕНСОВЕТАМ VI, XIII и II КОННОЙ АРМИЙ

7 октября 1920 г.

Сегодня из Риги получены сведения о решении председателя Русско-украинской мирной делегации тов. Иоффе, с одной стороны, и Яна Домбровского, председателя польской делегации, с другой стороны, подписать договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между Россией, Украиной и Польшей не позже 8 октября.

Фактически приостановка военных действий предполагается не раньше 15 октября — срок, необходимый, по заявлению поляков, для сообщения в Варшаву и оттуда по фронту об этом.

Возможно, что такая медлительность и лавирование польских деятелей вызывается желанием Франции дать возможность Врангелю сделать последнюю попытку нанести нам в ближайшие дни удар с юга.

Последнее заставляет армии Южного фронта напрячь все силы и революционную энергию, чтобы стойко и бодро выдержать этот удар и отразить и разбить врага.

Комюжфронтом Фрунзе
Член Реввоенсовета Бела Кун

№ 139 Болв 20 19 33 Оперативн. Реввоенсовет Южфронта
Павлоград 21/10

Передайте тов. Фрунзе, что 2 Сибирская стрелковая дивизия в полной боевой готовности. Получено 4 тысячи шинелей, требуется еще столько же. Настроение 9 тысяч бойцов великолепное. Нами приняты все меры к улучшению сообщения. В 23 дивизии недостает амуниции. Штабу Махно предложено вернуть перешедших к ним пулеметчиков, в случае сопротивления со стороны перешедших обезоружить и доставить этапом в свои части. Прибыл начштаба махновцев. Завтра утром выезжаем из Павлограда в штаб махновцев на ст. Ульяновка. Вечером вернусь Павлоград, откуда поездом отправляюсь Хорьевку к петроградским курсантам.

Член РВС Бела Кун

(Надо сказать, что поездка в ставку Махно, где нужно было договориться о совместных действиях против врангелевцев, была не только сомнительной по своим результатам, но и весьма опасной.

Бела Кун считал, что если он поедет безоружный и почти без всякого сопровождения, то это хорошо подействует на Махно и его дружков. Так и случилось. Махновцев поразила личная отвага Бела Куна и то, что во время обыска у него не нашли даже пистолета.

В своих воспоминаниях Буденный пишет об этом периоде так:

«Моя встреча с Бела Куном произошла глубокой осенью 1920 года при освобождении Крыма. Меня, как командующего Первой Конной армией, и члена Реввоенсовета армии К. Е. Ворошилова вызвал командующий фронтом М. В. Фрунзе. Мы приехали на станцию Апостолово. Но к нашему приезду Бела Кун уехал выполнять важное задание. Потом мы узнали, что он ездил на переговоры с Махно... Решено было использовать махновские части для борьбы против Врангеля. Бела Кун взял на себя выполнение чрезвычайно опасной задачи. Махно был хитрым и коварным. Он мог пойти на любую авантюру, вплоть до убийства. И то, что Бела Кун поехал в самое логово этого бандита, говорило о многом. Следовало быть не только смелым человеком, но и умным дипломатом. И Бела Кун блестяще справился со своей нелегкой задачей».

Соглашение было заключено. И махновцы придерживались его до самого разгрома Врангеля. Затем снова начали действовать «самостоятельно». Когда же взялись за свои обычные убийства и грабежи, были разбиты Первой Конной армией Буденного.

Как-то однажды в разговоре Бела Кун признался, что в штабе Махно он чувствовал себя довольно неуютно. Ведь достаточно было одного неосторожного слова, и махновцы тут же, без разговоров прикончили бы его. «Это бы еще пустяки, — смеясь, заключил он, — но вместе со мной прикончили бы и союз против Врангеля и с тыла напали бы на Южную армию».)

Что же еще знаем мы о Бела Куне на Южном фронте?

Очень мало. Пока это было возможно, пока живы были участники сражений, у них никто не просил воспоминаний. Поэтому мне особенно радостно было прочесть в книге «По следам героев революции» М. Озерова (как видно, энтузиаста-исследователя истории Крыма эпохи революции и гражданской войны) воспоминания генералов в отставке — И. К. Смирнова и П. Е. Хорошилова.

Я позволю себе привести из них отрывки, ибо со страниц воспоминаний этих героев гражданской войны встает доподлинный Бела Кун, такой, каким и я его знала. Как видно, он не изменял себе — в любой обстановке оставался самим собой. Таким же был и на Южном фронте, куда приехал вскоре после самого трагического события своей жизни — поражения венгерской пролетарской революции, когда он был истинно в своей стихии: в постоянном непосредственном контакте с массами, которые совершили революцию и ради которых она совершилась.

Судя по воспоминаниям И. К. Смирнова и П. Е. Хорошилова, так же вел он себя и в качестве военного руководителя.

«Во время боев за Чонгар, — пишет И. К. Смирнов, — мы часто встречались с Данилой Сердичем, устанавливали взаимодействие в бою. Поддерживали друг друга и добивались неплохих успехов. Как раз в те дни в нашей бригаде находился член Реввоенсовета фронта Бела Кун. В ночь на 3 ноября Бела Кун вместе со мной побывал в батальонах и ротах, воодушевлял бойцов на победу. Я, признаться, боялся за него, как ни говорите, первый интернационалист и член Реввоенсовета мог погибнуть перед окончательной победой над врагом. Но его трудно было удержать. В минуты затишья Бела Кун беседовал с бойцами, знакомил их с положением

в нашей стране и с международной обстановкой. Уехал он от нас, когда мы выиграли бой. А затем приехал снова 7 ноября, чтобы вместе праздновать III годовщину Великого Октября. Мы построились. Он зачитал приказ Реввоенсовета о награждении отличившихся бойцов и командиров. Он подходил к каждому и сердечно поздравлял, крепко жал руку, а потом сам прикреплял ордена к гимнастеркам».

«Перед наступлением на Чонгар, — вспоминал П. Е. Хорошилов, — к нам снова приехал член Реввоенсовета фронта Бела Кун. Мне было поручено сопровождать его по частям 30-й и 9-й стрелковых дивизий, готовившихся к наступлению на Чонгар и Арабатскую стрелку. Вначале ездили на легковой машине, но она испортилась, и мы пересели на пароконную бричку. Кое-где пробирались пешком. Бела Кун интересовался буквально всем: как кормят бойцов, как они одеты, обуты, в чем нуждаются. Большое внимание он уделял изготовлению подручных средств переправы — лодок, плотов, деревянных настилов. Когда войска перешли в наступление, все это очень пригодилось.

В одной из частей 9-й стрелковой дивизии Куну захотелось побывать на передовых постах, чтобы поговорить с войсками. Где перебежками, где по-пластунски он передвигался вперед. Крупная фигура Куна стала хорошей мишенью для вражеских снайперов. Они прострелили ему шинель в нескольких местах. Да, это был человек неутомимой энергии, умевший теплым словом воодушевить людей».

После прорыва в Крым был издан

ПРИКАЗ
АРМИЯМ ЮЖНОГО ФРОНТА
№ 0066/пш

ст. Мелитополь 11 ноября 1920 г.

Солдаты Красной Армии! Наши доблестные части, прорвав укрепленные позиции врага, ворвались в Крым.

Еще один удар, и от крымской белогвардейщины останутся только скверные воспоминания. Невыразимой доблестью красных войск сломлено сопротивление полчищ барона Врангеля.

Грозная и беспощадная для своих врагов Красная Армия не стремится к мести. Мы проливали кровь лишь потому, что нас вынуждали к этому враги. Мы во время самых ожесточенных боев обращались к нашим врагам с мирными предложениями. Делаем это и теперь.

Революционный Военный Совет Южного фронта сегодня послал радиограмму Врангелю, его офицерам и бойцам с предложением сдаться в 24-часовой срок, в котором обеспечиваем сдающимся врагам жизнь и желающим свободный выезд за границу. В случае же отказа вся вина за пролитую кровь возлагается на офицеров белой армии.

Революционный Военный Совет Южного фронта приказывает всем бойцам Красной Армии щадить сдающихся и пленных. Красноармеец страшен только для врага. Он рыцарь по отношению к побежденным. Всем командирам, комиссарам и политработникам вменяется в обязанность широко разъяснить красноармейцам смысл настоящего приказа.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, отдельных частях и управлениях.

Революционный Военный Совет Южного фронта
М. Фрунзе, Смилга, Владимиров, Бела Кун».

И в тот же день прозвучало радиообращение к офицерам, солдатам, казакам и матросам армии Врангеля:

«Белые офицеры, наше предложение возлагает на вас колоссальную ответственность. Если оно будет отвергнуто и борьба будет продолжаться, то вся вина за бессмысленно пролитую русскую кровь ляжет на вас. Красная Армия в потоках вашей крови утопит остатки крымской контрреволюции. Но мы не стремимся к мести. Всякому, кто положит оружие, будет дана возможность искупить свою вину перед народом честным трудом. Если Врангель отвергнет наше предложение, вы обязаны положить оружие против его воли. Создавайте революционные комитеты и сдавайтесь. Не забывайте, что дело идет о жизни десятков тысяч вовлеченных вами в борьбу против Советской России людей.

Одновременно с этим нами издается приказ по советским войскам о рыцарском отношении к сдающимся противникам и о беспощадном истреблении всех тех, кто поднимет оружие против Красной Армии.

Откажитесь от позорной роли лакеев иностранных империалистов. В настоящий грозный час будьте с Россией и ее народом».

Для меня эти приказы звучат как воззвания, написанные революционерами-гуманистами.

К сожалению, я не знаю, о чем спорили в жаркие дни взятия Крыма члены Революционного Военного Совета.

Бела Кун с женой и дочерью в Трансильвании, 1915 г.

Томский лагерь военнопленных.

Гал Иоганна (Ханика).

Речь при освобождении города Кашши, 1919 г.

А ведь, конечно, они спорили друг с другом, хоть и была война, потому что люди-то были разные и в различных частностях военных операций у них могли быть разные мнения, да и время было такое. Но одно я знаю твердо, о чем бы ни спорили в этих воззваниях-приказах, все они в унисон говорили красноармейским массам о том, что «грозная и беспощадная для своих врагов Красная Армия не стремится к мести», что «кровь проливали лишь потому, что нас вынуждали к этому враги», что «красноармеец страшен только для врага. Он рыцарь по отношению к побежденным».

И предусмотрительно сказали об этом сразу же после жестоких, кровопролитных боев.

Мне не известно, чьей рукой написаны эти приказы, но не сомневаюсь, что и Бела Кун приложил к ним руку. Я слышу в них слова того самого Бела Куна, который после зверской расправы в будапештской тюрьме не пожелал назвать имен избивавших его жандармов. «Это были несчастные, заблудшие люди», — сказал он.

А для красноармейцев эти приказы были первой школой революционно-гуманного воспитания чувств.

В день, когда Крым был окончательно освобожден, 16 ноября 1920 года армиями Южного фронта был издан приказ «об образовании в Крыму революционного комитета под председательством члена РВС Южного фронта Бела Куна». Вошел Бела Кун и в состав областного комитета партии вместе с Д. И. Ульяновым, Р. С. Землячкой и другими.

16 же ноября 1920 года из Симферополя в Москву была отправлена телеграмма:

«Председателю Совнаркома Ленину

От имени пролетариата, освобожденного от гнета черного насильника и всех мировых хищников, Крымревком шлет горячий привет вождю международной революции. Против великой идеи не смогли устоять самые заядлые враги трудящихся России, ныне разбита черная свора Врангеля.

Напрасны судорожные усилия англо-парижской биржи, захотевшей снова душить русских рабочих и крестьян, тщетны все их надежды: волей революционного народа, решительностью и геройством его Красной Армии уничтожено гнездо гнусной реакции, которую они хотели насадить. Никогда уже помещики и капиталисты не сядут на шею трудового народа.

В этот радостный день пролетариата всего мира трудя-

щиеся Крыма полны решимости всеми силами бороться за конечное торжество во всем мире великих идеалов коммунизма.

Председатель Крымревкома Бела Кун
Член ревкома Гавен»

Это были горячие слова радости, направленные к Ленину, но перед ревкомом стояли теперь еще более горячие дела, не терпящие ни минуты промедления.

Ленин, выступая на собрании актива московской организации РКП(б), сказал: «...сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим» [1].

Слова Ленина были и предостережением и программой действия против контрреволюционеров, которых в Крыму было очень много; они продолжали орудовать и силой оружия и путем политических и экономических диверсий.

Давалось им это сравнительно просто, потому что Крым был разорен, повсюду царил голод, стояли зимние морозы. Кругом бесчинствовали банды из ушедших в горы бывших врангелевских солдат. Каждый день совершались убийства, грабежи. Под видом Советской власти действовали анархиствующие банды «зеленых», наводя ужас на население и дискредитируя коммунистов. В учреждениях господствовал саботаж.

18 ноября Крымревком издал декрет:

«Ввиду того, что в городе производятся обыски и аресты от имени различных особых отделов, часто под этим предлогом действуют различного рода бандиты, Крымревком приказывает: «Прекратить всякого рода обыски и аресты без ордеров» [2].

Была учреждена тройка по борьбе с контрреволюцией в составе Бела Куна, Р. С. Землячки и С. И. Гусева. Пришлось ввести трибуналы по борьбе с бандитизмом.

Одновременно с этой трудной, жестокой и изматывающей работой надо было немедленно решать и хозяйственные задачи, я бы сказала, задачу восстановления жизни в Крыму.

Интересно пишет о деятельности Бела Куна в Крыму М. Озеров в упомянутой уже мной книге «По следам героев революции». «Крымревком во главе с Бела Куном утверждал новый хозяйственный порядок. Была проведена национализация промышленных предприятий, недр земли. Леса Крымревком объявил всенародной собственностью.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 74.
[2] Крымский обл. гос. архив, ф. 268, ед. хр. 1188, л. 11.

Совет народиого хозяйства при Крымревкоме взял иа учет запасы сырья, топлива, стройматериалов, иачал перестройку промышлеииости иа социалистический лад. Повсеместио был введеи восьмичасовой рабочий деиь. Буржуазию выселили из вилл и дач. В иих устроили дома отдыха и саиатории для больиых и раиеиых красиоармейцев, рабочих и крестьяи, нуждавшихся в лечеиии.

Местные ревкомы боролись с голодом и беспризориостью детей. Крымревком виимательио следил за телеграммами и сообщениями с мест. Вот поступила тревожиая весть из Севастополя. Город обеспечеи хлебом лишь иа несколько дией. Нет мяса, круп. Севастопольский ревком просит помочь. Бела Кун выезжает иа место, приинимает меры, договаривается о доставке из Евпатории продуктов питаиия.

Вернувшись в Симферополь в коице иоября, Бела Кун выступает иа заседании ревкома с разбором обстаиовки в Севастополе. Ои с большой радостью сообщает, что рабочие, матросы и рабочие прекрасио относятся к Советской власти, активио поддерживают ее оргаиы. Тут же Бела Кун говорит о том, чтобы каждый член ревкома тесиее общался с рабочими, прислушивался к иим.

Бела Кун ие раз бывал в Севастополе, и его здесь хорошо зиали. Выезжал он и в другие города и поселки. В частиости, бывал в Ялте. Вместе с Р. С. Землячкой он обследовал состояиие иациоиализированных вилл и дач, которые превращались в иародные здравиицы. В это время в Крым по задаиию В. И. Леиииа приехал народный комиссар здравоохранеиия Н. А. Семашко... Вериувшись в Москву... обо всем доложил Владимиру Ильичу Леиину, представил ему проект декрета о передаче в руки народа всех имений, могущих стать курортами. Владимир Ильич предложил вписать в проект пункт о том, что курорты Крыма должны обслуживать и революциоиеров других страи, бойцов за социальиую революцию, израиеиных или потерявших здоровье в борьбе с капитализмом...

Большую работу провел ревком по переселеиию рабочих в дома буржуазии, трудоустройству безработиых.., Создавались приюты и дома для беспризориых детей.

Во всей этой миогограииой деятельиости активиое участие приинимал Бела Куи. Он не считался со времеием и здоровьем, миого разъезжал, встречался с рабочими, коммуиистами, активистами Советов.

Об этом периоде деятельиости Бела Куиа рассказали мие миого иитересиого ветераны борьбы за Советскую власть в Крыму, особеиио геиерал-майор в отставке П. Е. Хорошилов, ко-

торый после разгрома Врангеля продолжал службу в штабе инженерных войск 4-й армии. По воспоминаниям ветеранов, Бела Кун жил в помещении ревкома... В скромном кабинете Бела Куна всегда толпился народ. Люди шли за помощью, советом. К нему приезжали члены уездных ревкомов, представители воинских частей, промышленных предприятий, ходоки из деревень. Всем надо было помочь, разъяснить, что и как делать.

Тут же в кабинете за ширмой стояла простая кровать, покрытая солдатским одеялом. Допоздна горел свет в кабинете Бела Куна, и многие товарищи запросто заходили к нему «на огонек». Увидев вошедшего, Бела Кун приглашал его к столу, на котором всегда стоял чайник с кипятком. Заварки тогда не было, не было и сахара. Чай пили с сахарином.

— Наше управление инженерных войск, — вспоминает Павел Ефремович Хорошилов, — находилось неподалеку от ревкома. Так что я частенько наведывался к Бела Куну, то просто по старой фронтовой дружбе, то по неотложному делу. Днем обычно у него было полно народу. А вечером мы вспоминали бои, говорили о будущем. Кун был хорошим рассказчиком, удачно использовал в своей речи поговорки и пословицы. Иногда он произносил их по-русски неправильно и сам смеялся над собой. Он умел доходчиво разъяснить самые сложные вопросы, располагал своей простотой, скромностью, сердечностью и готовностью всегда оказать помощь. Но если кто-нибудь требовал того, что шло вразрез с интересами народного хозяйства, тот ничего не получал. По долгу службы я обращался к предревкома за помощью в деле мобилизации рабочей силы транспорта для строительства береговых укреплений. Он охотно помогал. Но поступал как рачительный хозяин, особенно ревностно относился он к сбережению леса. Ведь за время своего хозяйничания белогвардейцы вырубили сотни гектаров лесов. Поэтому Бела Кун советовал нам разбирать сооружения на Перекопе, Чонгаре и Арабатской стрелке и использовать там взятые материалы для возведения береговых укреплений. Так мы и делали.

Много внимания уделял Бела Кун и подбору и воспитанию кадров военных и партийных работников. Еще будучи членом Реввоенсовета Южного фронта, он в ходе освобождения сел и городов Крыма помогал местным активистам создавать ревкомы, которые до избрания Советов выполняли функции рабоче-крестьянской власти.

Врангелевцы нанесли огромный урон кадрам партии. Тысячи коммунистов, работавших в подполье, были замучены, расстреляны стали инвалидами. После освобождения Крыма со

всей остротой встал вопрос о кадрах. Подбирали на местах преданных Советской власти людей, вооружали их опытом, политическими знаниями. Но их было явно недостаточно. И тут пригодились связи Бела Куна с армейскими партийными работниками. Многие из них по приглашению предревкома направлялись в города Крыма на постоянную работу в органы Советской власти».

Читая документы и материалы о деятельности Бела Куна в Крыму, я подумала о том, что он как бы продолжил там ту работу, которая так трагически оборвалась и для него и для Венгрии 1 августа 1919 года.

Как истинный интернационалист, он не мог выпустить эстафеты из рук, нес ее дальше, и то, что не удалось в Венгрии, он с той же страстью проводил теперь в Крыму.

В середине декабря вместе с другими делегатами от Крыма он поехал на VIII Всероссийский съезд Советов.

Для нас сейчас, пожалуй, трогательней всего звучит выписка из протокола VIII съезда Советов, где после разгрома врангелевщины Калинин так предоставляет слово председателю Крымревкома Бела Куну:

«КАЛИНИН. Слово для приветствия предоставляется представителю истерзанного венгерского пролетариата, только что вернувшемуся с Южного фронта т. Бела Куну. (Аплодисменты. Голоса: «Да здравствует т. Бела Кун!»)»

И «представитель истерзанного венгерского пролетариата», председатель Крымревкома Бела Кун заявил:

«Товарищи, перед этим съездом стоят огромные задачи, поэтому я только в коротких словах передаю вам привет от только что освобожденного от ига белогвардейцев красного Крыма».

2

Разгром врангелевщины имел огромное международное значение. Врангелевская армия была последним отрядом контрреволюции, и с разгромом ее рушилась последняя надежда международной контрреволюции.

После организации Советской власти в Крыму Бела Кун в марте 1921 года уехал в Германию. Там он вместе с другими венгерскими коммунистами участвовал в героическом мартовском восстании, был одним из его руководителей. В истории германского рабочего движения этот трагический этап борьбы немецкого пролетариата за власть известен под названием «мартовское выступление».

Потерпело оно поражение в первую очередь из-за политики раздробления сил, которую вели социал-демократические лидеры профсоюзов, а также и потому, что Паул Леви со своей компанией оппортунистов мало того что не вовлек в движение широкие массы пролетариата, мало того что не создал единого центра для руководства восстанием, а в самый разгар боев объявил все движение «путчем» и призвал рабочих сложить оружие.

Поражение мартовского выступления породило горячие споры в Коминтерне.

Паула Леви исключили из партии, и, как было записано в резолюции Исполкома Коминтерна: «Если бы даже Паул Леви был на $^9/_{10}$ прав в своих суждениях о мартовском выступлении, то и в таком случае он подлежал бы исключению из партии ввиду неслыханного нарушения дисциплины и ввиду того, что своим выступлением при данных условиях он нанес партии удар в спину» [1].

На III конгрессе Коминтерна продолжались жаркие споры в связи с мартовским выступлением. Ленин с обычной для него мудростью и объективностью проанализировал события и возникшую по ходу их так называемую «теорию наступления».

Клара Цеткин, которая на конгрессе выступала с критикой мартовского восстания и «теории наступления», в своих воспоминаниях приводит в связи с этим ленинские слова: «Вообще можно ли это назвать теорией? Это иллюзия, романтика. Поэтому-то она и была изобретена в стране «мыслителей и поэтов» при содействии моего милого Бела, который тоже принадлежит к нации, поэтически одаренной, и чувствует себя обязанным быть всегда левее левого. Мы не должны сочинять и мечтать. Мы должны оценивать трезво, совершенно трезво мировое хозяйство и мировую политику, если хотим вести борьбу против буржуазии и победить... Пока что мы должны больше прислушиваться к Марксу, чем к Тальгеймеру и Бела, хотя Бела — прекрасный, преданный революционер».

Говоря о самом мартовском выступлении, Ленин сказал так:

«Все же мартовское выступление является большим шагом вперед, несмотря на ошибки его руководителей. Но это ничего не значит. Сотни тысяч рабочих героически боролись» [2].

---

[1] «Коммунистический Интернационал», 1921, № 17, стр. 296.

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 28.

На III конгрессе Коминтерна была принята резолюция об «Уроках мартовского выступления». В ней было сказано:

«Мартовское выступление было навязано Объединенной коммунистической партии Германии нападением правительства на средне-германский пролетариат...

...III конгресс Коммунистического Интернационала считает мартовское выступление шагом вперед. Мартовские выступления были геройской борьбой сотен тысяч пролетариев против буржуазии. И О.К.П.Г., взяв на себя руководство защитой рабочих Средней Германии, доказала, что она является партией революционного пролетариата Германии» [1].

Ваго рассказал мне, что среди бывших руководителей советской республики чрезвычайно обострились противоречия. Споры идут главным образом по вопросу об ответственности за падение Венгерской советской республики и по вопросам партийного строительства.

Я выслушала его, ничего не ответила, только задумалась.

Ваго ушел, но еще перед уходом распорядился, чтобы хозяйка пансионата никого не впускала к Frau Gal (Frau Gal была я). Дело в том, что, как и год назад, полиция и сейчас заявила: выдаст вид на жительство на мою девичью фамилию, и даже хозяева не должны знать, кто мы такие. Кроме того, порекомендовала нам почти не принимать гостей, ибо иначе не может поручиться за нашу безопасность.

На другой день жена Ваго привела ко мне врача. Он прописал мне абсолютный покой и постельный режим, потому-то и не могла я пойти за видом на жительство. Вместо меня отправилась сестра с адвокатом. Полиция не забыла, конечно, напомнить ей, что год назад мы уехали в Италию с чешскими паспортами. Сестре было объявлено решение суда и сказано, что после выздоровления я сразу должна прийти и подписать его.

Две недели спустя и я отправилась в полицию, где тот же старший советник Прессер протянул мне судебное решение о денежном штрафе и осыпал меня градом упреков, которые, в сущности, относились даже не ко мне. Весь свой гнев против венгерских коммунистов он излил на меня. Дескать, сколько неприятностей причиняют они австрийской полиции и как некрасиво пользуются лояльностью австрийского правительства. Ведут себя так, будто они и есть государственный ап-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 604, 605 (изд. 3-е).

парат, — фабрикуют паспорта, покупают паспорта, едут куда хотят и когда им вздумается. Австрийскому правительству в конце концов надоест терпеть все эти противозаконные действия, и оно вынуждено будет принять такие же крутые меры, какие принимают и другие государства. И дальше он выразил надежду, что впредь я буду подчиняться австрийским законам. Потом спросил наш адрес и милостиво отпустил меня домой.

Адрес наш был известен ему, разумеется, раньше, чем мне. Он сам предупредил хозяев об опасных постояльцах, попросил их проследить за тем, кто ходит к нам, и докладывать об этом полиции.

Все это, точно так же как и прежняя хозяйка, поведала нам владелица пансионата, когда мы прощались с ней перед отъездом в Россию. Она рассказала, что, как только Ваго снял для нас квартиру, полиция тотчас доверительно сообщила ей, что под фамилией Гал у них будет жить семья Бела Куна.

Хозяева были польские эмигранты и с первой минуты отнеслись к нам с симпатией. Им даже в голову не приходило следить за нами. «Приедете в Вену, дорогими гостями будете», — сказали они на прощанье. Мы поблагодарили, но воспользоваться их гостеприимством так и не пришлось, ибо с сентября 1921 года по сей день не бывали в Австрии.

В Вене мы жили очень замкнуто. Кроме семейства Ваго, у нас почти никто не бывал, разве что Андор Габор навещал иногда. И, несмотря на это, куда бы мы ни ходили, за нами повсюду следовала полицейская машина. Видно, венская полиция приняла «очень близко к сердцу» нашу безопасность.

Как только мы приехали, жена Ваго сразу рассказала нам, что ведется довольно серьезная работа по разложению эмиграции и тут действуют рука об руку венгерская и австрийская полиции.

Коммунисты понимали, что полиция хочет расстроить их ряды, подсылая своих людей, чтобы они вносили как можно больше беспорядка и смятения. Пытались против этого, конечно, бороться, но совсем вытеснить агентов полиции удалось лишь тогда, когда большинство эмигрантов переселилось в Советский Союз.

Ваго рассказала мне и о том, что в Вене открылся венгерский ресторан — хозяйка его вдова некоего врача Патаки. В этом ресторане отлично готовят и питание стоит относительно недорого. Патаки она знает давно, продолжала Ваго, но тем не менее не доверяет ей и просит, чтобы ноги моей там не

было. Тем более что в ресторане Патаки происходят самые жаркие споры и ссоры между эмигрантами. Иногда дело доходит даже до драки.

Причин для ссор было много, ибо в эту пору не только буржуазная печать заполняла мир всякими клеветническими статьями против коммунистов, но находились и такие коммунисты, которые по части брани против товарищей могли дать десять очков вперед любой буржуазной газете.

Я послушалась жену Ваго. В ресторан Патаки не ходила, из эмигрантов встречалась только с теми, с кем была хорошо знакома. Это было нетрудно сделать еще и потому, что в конце мая или в начале июня мы переехали в Петцлейнсдорф — дачное место неподалеку от Вены, где вместе с женой Поганя сняли комнаты в пансионате.

Питание было почти несъедобным, хозяйка была сварлива, но красота природы и отличный воздух Петцлейнсдорфа возмещали все. Мы чувствовали себя хорошо. Жена Ваго с детьми каждый день навещала нас. И так в полном единодушии ждали мы вестей о III конгрессе Коминтерна, который заседал в Москве. С интересом читали в «Роте фане» репортажи с конгресса.

Пожалуй, еще с большим волнением ждали решений конгресса эмигранты, вступившие в борьбу с Бела Куном. «Вот когда дадут ему по шапке за Венгерскую советскую республику да за мартовское выступление», — пророчили они.

Конгресс закончился. В решениях его нигде не было записано, что Бела Куну «дали по шапке». Напротив, мы прочли в «Роте фане», что его избрали членом Исполкома Коминтерна и даже Политического бюро.

Эта весть поразила, но не разоружила тех, что ждали совсем иного. Поход клеветы продолжался, и самые разные силы сплотились для того, чтобы облить грязью руководителей КПВ, Венгерской советской республики и в первую голову Бела Куна.

Но в ту пору события Венгерской коммуны были еще столь недавними, а участников и очевидцев восстания в Германии было еще так много, что не удалось затуманить ту революционную работу, которую проделали коммунисты под руководством Бела Куна.

В августе 1921 года меня пригласили в русское посольство. Тогдашний посол Бронский сказал, что он получил сообщение из Москвы, согласно которому мы должны выехать туда по личной просьбе Ленина, так как Бела Кун болен.

Сообщение это и удивило и напугало меня. Ведь я же сра-

зу по приезде из Италии попросилась поехать в Россию, но товарищи доверительно сказали мне, что скоро сам Бела Кун нелегально приедет на Запад и семья будет жить где-нибудь неподалеку от него. Мы сможем даже видеться иногда.

— О паспорте вы должны сами позаботиться, у нас на это нет никаких возможностей. Известите меня перед выездом, — произнес в заключение Бронский.

Я сообщила товарищам о разговоре с Бронским и по договоренности с ними отправилась вместе с адвокатом австрийской партии, д-ром Шкрайном — он занимался всеми делами эмигрантов — в полицию. Там я попросила у того же советника Прессера паспорт для себя и для семьи, а также визу на обратный въезд.

Прессер не скрывал своей радости, что наконец-то избавится от нас. Спросил, зачем мне обратная виза, почему мы не останемся в России, ведь, по его сведениям, после всех превратностей Бела Кун будет жить там. (Прессер хотел, по-видимому, выведать таким образом, вернется ли Бела Кун на Запад.) Я ответила, что не просто привыкнуть к русскому климату, и поэтому мы хотели бы поселиться в Вене. Поверил мне Прессер или нет — трудно сказать. По лицу его ничего нельзя было прочесть. Как и всегда, он «выразил искреннее сожаление», что у меня такая беспокойная жизнь, вспомнил опять моих родителей, которые «так горюют за дочку, за то, что ей выпала на долю тяжкая судьба».

Он долго расспрашивал меня о том, о сем. Все ждал, не скажу ли я что-нибудь. Но я молчала.

Тогда он заговорил совсем в ином тоне — холодно и официально сообщил, что мы не австрийские подданные, что паспорта нам не полагаются и что он может выдать только разрешение на выезд, так называемый Interpass, с которым мы поедем в Германию. Там мы должны явиться к соответствующим властям и снова получить разрешение на выезд.

Заявление его меня не очень обрадовало, но пришлось смириться, ибо других возможностей не предвиделось. Пока полиция подготавливала документы, товарищи сделали все, чтобы раздобыть нам паспорта, но им тоже не удалось. В установленный день я пошла в полицию за Interpass'ом. Прессер принял меня вежливо и сказал на прощанье:

— Если вам захочется вернуться в Австрию, напишите мне, и я пришлю вам разрешение на въезд.

Я даже не ответила ему. Знала, что врет. Такова его профессия.

Мы предприняли все необходимое для отъезда. И через

иесколько времеии в сопровождении д-ра Ласло Полячека уехали в Берлии.

В Берлиие иашей дальиейшей поездкой занимался коммуиист, историк искусств Хуго Кентцлер. Ои сам помогал иам укладываться, сам раздобыл ящики, сундуки. Один суидук даже сам упаковал с величайшей тщательиостью. Когда мы приехали и раскрыли его, в ием оказалось сорок спиртовок. Верио, Кеитцлер очеиь боялся, как бы мы ие замерзли в России.

3

Ласло Полячек играл гораздо бо̀льшую роль в веигерском революционном движеиии, чем это приията считать. В юиости ои был членом «Клуба Галилейцев», участвовал в аитимилитаристском движеиии. Еще до основаиия Компартии Веигрии был связаи со миогими будущими коммунистами. Вскоре после того, как Бела Кун вериулся на родину, ему представили Полячека как хорошего, иадежиого товарища.

Во время Веигерской коммуны официальио он работал в Наркомздраве. После падеиия коммуны попал в Веиу, где вместе с Эрие Зайдлером ведал коиспиративиым аппаратом партии. Затем был иа партийиой работе в Кошице и в Лучеиеце. Вместе с Ференцем Мюииихом, Бела Иллешем и Мозешом Шимоном стал одиим из учредителей Прикарпатской коммуиистической партии, и если я не ошибаюсь, то имеино Полячек привез 21 марта 1920 года «Записку» Бела Куна, которую прочли вслух на учредительиом собраиии партии. В этой записке Бела Кун писал о иеобходимости объедииеиия городских рабочих и лесорубов (речь ведь шла о Прикарпатье), обращал виимаиие учредительиого собраиия иа общую борьбу рабочих и крестьяи, подчеркивая иеобходимость совместиых действий чешской, словацкой, веигерской, румыиской и украинской бедиоты, призывал к борьбе против иационализма.

Поздиее Полячек вериулся в Веиу и сиова ведал коиспиративиым аппаратом партии. Некоторое время ои вместе с другими товарищами работал в Веигрии, ио в 1922 году в результате провокации все оии провалились. Полячека удалось включить в одии из списков, и так он попал по обмену в Россию. До 1929 года ои работал в Москве врачом, потом сиова изъявил желание поехать иа подпольную работу. Вериувшись в Советский Союз, ои заведовал ушиым отделением Кремлевской больницы.

Полячек был верным сторошииком Бела Куиа, а дома у иас частым гостем.

...Приехали в Берлии. Поместилн нас в хорошую гостииицу. Из многочислеиных полнтэмнграитов, живших в Берлине, мы встретились только с Фереицем Мюииихом и Иожефом Погаием, ибо в иашем положеиии следовало соблюдать велнчайшую осторожность. В Берлине оставалнсь лишь до тех пор, пока иам ие досталн паспорта, правда, ие у властей, как порекомеидовала австрийская полицня. Это заияло бы слишком миого времеин, да и вообще трудио было предугадать, какне иам могли поставить преграды. Но н так иаш отъезд состоялся только через иеделю.

Из Берлниа мы поехали в Штеттин, а оттуда под вндом семьи военноплеииого, которая возвращается иа родину, сели иа фииский пароход «Регииа» и поплыли до Ревеля (Таллии).

Путешествие по морю далось нам очеиь нелегко. Подиялась буря, и мы вместе с сестрой заболели. О детях н о нас пришлось заботиться Полячеку.

«Что будет, еслн и ои свалится?» — тревожилась я в перерывах между мучительиыми прнступамн морской болезнн.

Увы, мои опасеиия оправдалнсь. Полячек тоже занемог.

После этого повсюду бегала моя шестнлетияя Агиеш, вызывала врача, прииосила лекарство, ухажнвала за иами.

Правда, Полячек заходил к иам в каюту даже больиой, едва держась на иогах, щупал пульс, что-то говорил в утешение, а сам был белее мела. Обратнться к кому-ннбудь за помощью мы не могли, ибо иам ие рекомеидовалось общаться с посторoиинми. Кто кормил детей, уже ие помию, навериое, больиой Полячек, больше иекому было.

Накоиец, кажется, иа пятые суткн, пароход причалил к ревельской пристаин. Едва мы выбралнсь иа сушу, сразу будто страшный сои с себя отряхнули — кроме слабости, ие осталось никаких дуриых ощущеиий.

Попрощались с капнтаиом, который поиятия не имел, чью он везет семью, ио зиал, что обязаи заботнться о иашей безопасности.

Только теперь поняла я, почему улыбиулся товарнщ, передававший мие билеты, когда я спросила, как фамилия того военноплеииого, под вндом семьи которого мы едем.

— У вас иикто иичего ие спросит, — ответил он. — Полячек сделал все, что иужио. Будьте совершеиио спокойиы.

Так и ехала я на пароходе, ие зная, в сущиости, кто я такая и как меия зовут.

В ревельском порту нас встретнл советский посол и проводнл в гостииицу. Приехали мы в отвратнтельиый, дождливый день, да и иастроеиие было такое, что нам все ие понрави-

лось. После Веиы и Берлнна в первые мннуты показалось, будто мы попалн в какой-то провнннциальный городок. Верно, у нас и временн не было осмотреть прекрасиые старнниые улнцы н дома эстонской столнцы. Да н вообще даль да чужбина оказали гнетущее действне.

Полячек ушел, чтобы предпрннять необходнмые шагн для дальиейшей поездкн, а мы остались в гостиннце, и, мало того что не успоконлнсь, напротнв, иас охватил какой-то страх. И он все усилнвался, так как сннзу нз ресторана доносилнсь пьяиый вой н крики кутнвшнх там офнцеров.

«В хорошенькое место мы попалн», — подумала я, но ннчего не сказала, так как сестра н без того была в отчаяиин: комната нетоплениая, свет ие горит. Она все хотела пожаловаться кому-ннбудь, но кругом ие было нн душн. По счастью, ей пришлось заняться детьми, а потом вскоре вернулся н Полячек с доброй вестью, что утром мы едем в Петроград.

От Ревеля до Петрограда ехалн иедолго, ннкакнх особых пронсшествнй ие было. Какое же охватило меня чувство при внде первой советской стаиции и первого советского погранччнка, этого я в жнзнн не забуду, но и не стану пытаться передать — все равно ничего не выйдет, особеино спустя столько лет.

Одно могу сказать — я была счастлива. Больше не прндется оглядываться и опасаться — не следует лн кто за тобой, не готовят лн венгерскне белогвардейцы какое-ннбудь злодеянне, особенно протнв детей, в яростн за то, что не удалось убнть их отца. Счастлива была я, что больше не придется скрывать своего имеии, что можно будет снова называться Ириной Куи — женой Бела Куна.

4

Приехалн в Петроград. Сошлн с поезда. Туман. Тьма. Промозглый осенний вечер. Агнеш судорожно сжнмает руку Полячека. Мы стоим утомленные н ждем.

Полячек отпускает руку Агнеш н идет поглядеть, встречает ли нас кто-ннбудь. Вскоре возвращается с двумя товарищами. Мы радуемся, но высказать радость можем только улыбкой н жестамн. Однако все н так понятно, иам машут руками, приглашают пройтн к автомобнлю. Полячек хочет уйтн, чтобы распорядиться иасчет багажа, но Агнеш заявляет, что с чужнми людьмн ннкуда не поедет, пусть лучше они займутся багажом, а Полячек останется с намн. Мы выходнм к машниам и

ждем, пока вынесут вещи. Наконец все устроено, и мы направляемся в город. Темные улицы, только кое-где мерцают огоньки. И все-таки мир кажется нам более дружелюбным.

После недолгой поездки в машине мы приезжаем в «Асторию», где уже все подготовлено к нашей встрече. В «Астории» не видно даже следов разрухи: все красиво, даже роскошно, только освещение тусклое и холодно. Нас ведут наверх. Предоставляют две прекрасно обставленные, но нетопленные комнаты. Мы умываемся. Потом приносят ужин. Мгновенно съедаем его (такой он скудный) и готовимся ко сну. Вдруг раздается стук в дверь, и входит молодая женщина. Сообщает по-немецки, что она жена эстонского коммуниста Кингисеппа, секретарь товарища Лилиной, и просит меня зайти к товарищу Лилиной, которая хочет увидеться со мной, но лежит больная. Я ответила, что очень устала после дороги и мне трудно беседовать сейчас, попросила не обижаться, мол, я приду с утра. Тогда Кингисепп спросила, как мы ехали, как чувствуем себя, и ушла.

На другой день проснулись поздно. После завтрака отправились гулять. Посмотрели несколько улиц.

Петроград стоял вымерший. Большинство бывших господ покинули город. Магазины были заперты, стекла витрин разбиты. Все это производило довольно грустное впечатление. Я едва дождалась часа, когда мы уже поехали в Москву.

Товарищ Кингисепп проводила нас к поезду. Мы сели и поехали.

Сколько ехали — сутки или больше, не помню. После нескольких часов езды поезд вдруг остановился. Все пассажиры-мужчины повылезали из него и пошли в лес по дрова. Приволокли бревна и отдали их кочегару, чтоб было чем топить. Проехали еще километров тридцать — и опять остановка. Так до самой Москвы.

5

В Москве сошли с поезда. На перроне стоял Бела Кун и улыбался. Он казался чуточку бледным, но не больным. Я сразу успокоилась. Представил товарищей, которые приехали вместе с ним встречать нас. В машину он посадил рядом с собой меня и Агнеш. Коле было тогда тринадцать месяцев, Бела Кун видел его впервые и не больно им интересовался. С Ханикой они тепло приветствовали друг друга. Полячека он сердечно обнял, поблагодарил за заботу о семье, потом тут же отозвал его в сторонку, чтобы узнать о последних венских но-

востях. Полячек проинформировал Бела Куна о положении в партии и эмиграции, и только после этого тронулись мы в путь.

Бела Кун предложил проехаться по улицам и посмотреть Москву. Впервые в жизни довелось мне увидеть такой город, как Москва. Он показался мне странным. К тому ж повсюду отчетливо виднелись следы войны и революции. Кроме нескольких автомашин, нам не попалось навстречу никаких средств сообщения. Почти все магазины, как и в Петрограде, были закрыты, стекла витрин повыбиты, а там, где уцелели, покрылись толстым слоем пыли. Но большая часть витрин была заколочена досками.

Дома обветшали, штукатурка осыпалась, краска стерлась. На улицах мусор, грязь, и повсюду уйма беспризорных детей, которых повыгнали из дому война, разруха, голод. Это была невеселая картина. Я расстроилась. Не такой представлялась мне столица революции. Но скажи мне кто-нибудь тогда, что пройдет несколько десятков лет — и Москва станет одной из прекраснейших столиц мира, будет ярко освещена, полна движения и избавится постепенно от своих кривых улочек да переулков, — скажи мне это кто-нибудь тогда, я не поверила бы.

Бела Кун заметил мое настроение и предложил:

— Поедемте домой!

Машина запетляла по узким переулкам и, наконец, въехала в какой-то двор и остановилась перед двухэтажным домом. Неподалеку от него я, к своему величайшему изумлению, заметила церковь, да к тому же действующую. Товарищи заулыбались, видя мое изумление, и кто-то из них объяснил, что до революции этот дом, дома рядом, весь двор и сад принадлежали немецкому лютеранскому приходу. В большом доме помещалась школа, в которой учились немецкие ребята. А в доме, перед которым мы остановились, жил лютеранский священник. Его квартиру и отдали нам. Школу же оборудовали под госпиталь имени III Интернационала, где лечили раненых интернационалистов, участников гражданской войны.

Директором госпиталя был военнопленный врач д-р Мандель. Он работал с большим знанием дела, привлек в госпиталь лучших профессоров, врачей и сестер. Позднее я убедилась в этом сама, так как прихворнула. Но и много лет спустя, если у нас заболевал кто-нибудь в семье, мы всегда приглашали тамошних врачей.

Квартира наша состояла из четырех комнат. Мне все очень понравилось, но больше всего обрадовала молодая русская

женщина, которая встретила нас, ласково улыбаясь. Улыбкой хотела она выразить, что рада нам н особенно рада детям. Говорить друг с другом мы не могли. Роль переводчнка между нами н Александрой (так звали ее) нграл Бела Кун, когда он бывал дома, нли его секретарь Криста Чнрч. Но больше всего изъяснялнсь мы с помощью жестов.

Александра научнла меня первым русским словам. А через несколько месяцев, когда Агнеш заговорила по-русски, жизнь дома пошла уже как по маслу.

Отличио помню, что в самый день приезда к нам пришла пожилая женщина, старшая сестра госпиталя Полянская, — до этого она вела хозяйство Бела Куиа — н заговорила по-немецки. Полянская сказала, что во избежание недоразумений должна сразу же передать мне вещи Бела Куна. Открыла шкаф и комод. Там лежали пара нижнего белья, несколько рубах, носовых платков, н больше ничего. Сестра Полянская сказала:

— Не я виновата, что больше тут нет иичего. С товарищем Бела Куном не сладишь, все раздает налево-направо, кто бы ни пришел. — И добавила: — Надеюсь, что теперь будет по-иному, тем более что к вашему приезду уже и мебель прнвезли, а то ведь ннчего не было.

Бела Кун с таким уменьем обставнл квартнру, что мы только днву дались.

— Товарищи помогли, — признался он, заметнв мое удивление, и гордо добавил: — А я детскую кроватку заказал.

Но когда он продемонстрировал кроватку н я ничуть не восхитилась неуклюже сколоченными досками, которые так не подходнли к роскошиой мебели удравшей за граиицу балерины, Бела Кун обиделся. Да и понятно. Мебель ведь товарищи привезли, а об этой кроватке он сам позаботился.

Кроме нас, в квартире жил еще помощник Бела Куна Игнац Зоргер. Зоргер был не просто помощником, но и преданнейшим товарищем Бела Куиа. Совсем молодым попал он в плен, сразу прнмкнул к движенню интернационалнстов и воевал на разных фронтах гражданской войны. Этот образованный молодой человек, познакомившись с трудами Маркса и Ленина, стал убежденным коммуннстом и остался им до последннх дней жизни, которую закончил в начале пятидесятых годов.

Зная множество языков, Зоргер был в одно время незаменимым сотруднпризнаком Бела Куна. Ои свободно переводил со всех европейских языков и на все европейские языки, но, что было особенно ценно, так же активно и превосходно владел

многими восточными языками. Все свободное время Зоргер отдавал чтению. Даже во время еды перед ним всегда лежала книжка. Столовался он у нас, но я не помню случая, чтобы за завтраком, обедом или ужином он когда-либо произнес хоть слово по своей инициативе. Если к нему обращались, коротко отвечал «да», «нет» и опять погружался в чтение.

Бела Кун любил Зоргера за его отличную работу и абсолютную надежность. Зоргер был до крайности скромный и непритязательный человек. Казалось, кроме книг, он ко всему равнодушен. Но это равнодушие было только кажущимся. Позднее я убедилась, что редко можно было встретить человека добрее и отзывчивее его: кто бы зачем ни обращался к Зоргеру, он тотчас выполнял любую просьбу, но молча и без шума.

Последний раз я встретилась с ним осенью 1946 года. Тогда он уже не был молчалив, напротив, говорил слишком много и слишком возбужденно. (Видно, уже в ту пору терзала его душевная болезнь.)

Поначалу Бела Куну непривычна была семейная жизнь с ее суетой, детским криком, домашними заботами, и все-таки он каждый день повторял, что счастлив, так как мы опять вместе. Он уже подружился и с сыном, который сперва ни за что не хотел называть его отцом, а только дядей. Но потом их дружба стала даже чрезмерной. Коля чуть свет будил отца, забирался к нему в постель и не давал спать. Бела Кун был смущен, не знал, как должен себя вести в таких случаях отец. Но когда я говорила, чтобы он положил ребенка обратно в кроватку, смущался, боясь, что мальчик обидится и не будет его любить. «Пускай остается. Он не мешает. Скоро заснет».

Дети и в самом деле никогда не мешали ему. Колька, пока был маленький, частенько сидел на плечах у отца, когда тот писал статью или готовился к докладу. «Оставьте его, он не мешает, так даже лучше работается», — говорил Бела Кун, когда я хотела унести мальчика.

С Агнеш он беседовал уже всерьез. Больше всего говорил с ней о предстоящих занятиях в школе и о том, как надо там вести себя. При этом он забывал, что разговаривает с шестилетней малышкой, которой все равно не понять, какая разница между старой и новой школой, каковы должны быть принципы советской педагогики. Но Агнеш внимательно слушала отца и с нетерпением ждала дня, когда пойдет учиться. Хотя она не достигла еще школьного возраста, мы все равно отдали ее в школу, чтобы быстрее усвоила язык.

Напротив нашего дома, на Вознесенской улице (ныне улица

Радио), была школа с интернатом и с торжественным названием: «Опытно-показательная школа Наркомпроса имени Радищева». В просторечии Радищевка — знаменитое в ту пору учебное заведение.

Помещалась она в громадном старинном здании бывшего Елизаветинского института благородных девиц и во многих отношениях была воплощением того удивительного и прекрасного времени — первых лет становления Советской власти.

В старших классах учились еще бывшие «благородные девицы» — баронесса Корф, княжна Шаховская, назвавшаяся Кимой (от Коммунистического Интернационала Молодежи), это были молодые девушки, подхваченные волной революции, — они отреклись от своих отцов, от своего прошлого и очертя голову кинулись в новую жизнь, стали боевыми комсомолками. Вместе с ними учились и другие «благородные девицы» — одни из них рассеянно слонялись по просторным спальням, которые в ту пору еще назывались дортуарами, другие с ненавистью поглядывали на «варваров», заполонивших священные стены, на учеников младших и средних классов, которые сосредоточенно сидели за уроками, потом весело носились по высоченным темным коридорам, спортивным залам, дорожкам парка. Это были дети рабочих, уборщиц, большей частью сироты, отцы которых погибли в гражданскую войну.

Столь же разнообразным был и состав учителей — начиная от тощих и почему-то в большинстве своем высоченных классных дам, кончая молодыми учителями и учительницами — зачинщиками новой системы воспитания и преподавания в советской школе.

Директором школы был Потемкин, а душою школы — венгерец-коммунист, бывший военнопленный и бывший актер Сексарди. Это он воспитывал, смешивал в единую семью всю разношерстную толпу детей Педагогических знаний и образования у него не было никакого, зато было большое, доброе сердце, любовь к детям и твердое устремление коммуниста: всех ребят, вне зависимости от их происхождения, воспитать революционерами и смелыми, творческими людьми. (Свои речи Сексарди произносил на ломаном русском языке.)

И надо сказать, что многое ему удавалось. Хоть было и холодно, и голодно, и учебниками негде было разжиться, и тетради доставались с трудом, но была высокая революционная романтика, и она увлекала детей.

Агнеш очень понравилось в этой школе, где дисциплина еще не была установлена, где от ребят требовали сознательности, самодисциплины, а главное — самостоятельности, где в рав-

ной степенн существовало и самоуправление и самообслуживанне.

Разумеется, имело это и свои теневые стороны. Миогие педагоги сопротнвлялись ломке старой школы, не желали применяться к новым условиям, выпустили нз рук и воспитанне н преподавание. В итоге ребята занимались больше общественной работой, пнонеротрядом, нежели учебой. Ни в грош не ставя преподавателей, считали, что могут делать все, что им угодно, н уважали только Сексарди да пионервожатого.

Надо сказать, что благодаря общему революционному подъему оин достнгали при этом во многом превосходиых результатов, прнобреталн ряд отличных качеств — правда, все это больше относилось к способным, выдающимся детям, а учеба общей массы страдала.

Я часто доннмала Бела Куна рассказамн о недостатках школьной работы, но он и слушать не хотел. Объяснял мне в общих чертах разницу между старой школой с ее суровой дисцнплнной, стремленнем воспитать покорных, не думающих людей н новой, советской школой.

Однажды, возмущенная какнм-то событием в ннтериате, я сказала, что так нельзя воспитывать детей и этим вопросом надо заняться срочно и всерьез. Бела Кун ответил мне, что партня занята более серьезным делом — введением нэпа. Что речь ндет о жнзнн н смерти революции, а уже потом дойдет черед н до запущенных классных комиат, нетопленных спален, скверного питання и т. д. Сказал, что большевнкн во главе с Леннным все равно одолеют все трудности.

Упомянув Леннна, он отвернулся, чтобы я не видела, как он беспоконтся за его здоровье. Бела Кун мучнтельно отгонял от себя даже мысль о том, что может наступнть катастрофа... Но, возвращаясь из Горок, где жил тогда Леннн, он был всегда печальный и, когда я спрашивала, как чувствует себя Леиин, коротко отвечал: «Хорошо», потом уходил в другую комнату, чтобы я не могла задать ему больше вопросов.

6

Привыкнуть к московской жизни оказалось очень просто. Семья была вместе, н поэтому мы скоро почувствовали себя совсем дома. Только я ощутнла перемену клнмата. Заболела плевритом. Начался и катар верхушек легкнх, но шесть недель лечення в подмосковиом санаторнн «Габай» полностью восстановнлн снлы.

Из-за незнания языка в первое время у меня было очень мало непосредственных впечатлений. Приходилось ограничиваться рассказами Бела Куна и других товарищей. Бела Кун хоть и немногословно, но говорил все-таки об устройстве социалистического государства, о реорганизации предприятий, учреждений и Красной Армии. Не скрывал и трудностей (это было не принято у коммунистов; Ленин и его соратники считали, что народ должен знать обо всем, только в этом случае может он активно участвовать в управлении государством), хотя и был оптимистически настроен относительно их преодоления.

С интересом слушали мы и рассказы бывших военнопленных о гражданской войне. Все они гордились тем, что им довелось участвовать в защите Октябрьской революции. О Ленине, о большевистской партии они говорили с восхищением. Любили рассказывать и о тех боях, в которых участвовали вместе с Бела Куном. Закончив свои рассказы, расспрашивали о Советской Венгрии, и тут конца и края не было разным «как» да «почему». Эти беседы, затягивавшиеся часто до полуночи, кончались всегда одним и тем же: «Ничего, будет еще Венгрия советской, теперь и мы поедем туда вместе с товарищем Бела Куном». Чувствовалось, что многие из них думали, будь они там в 1919 году, венгерская революция не потерпела бы поражения, уж они-то защитили бы ее, как защитили и революцию на русской земле.

А Бела Кун в это время был занят освобождением из хортистских тюрем томившихся там революционеров.

Советское правительство хотело договориться с венгерским о том, чтобы в обмен на оставшихся в плену кадровых офицеров получить из тюрем участников Венгерской коммуны, многие из которых были приговорены к смертной казни. Переговоры по этому вопросу велись в Риге.

Это было тревожное время, ибо Бела Кун знал, что венгерское правительство ставит условие за условием, и, таким образом, переговоры могут очень затянуться.

Недавно скончавшийся ветеран рабочего движения Йожеф Габор, которому Бела Кун поручил вести переговоры об обмене, в подробных, подтвержденных документами воспоминаниях рассказывает об упорном стремлении Советского правительства спасти венгерских революционеров.

Сам Ленин не раз занимался этим вопросом, а в своем выступлении от 29 апреля 1920 года открыто сказал: «В ответ на предложение Англии проявить гуманность к прижатым к морю бойцам Деникина мы ответили, что готовы даровать жизнь крымским белогвардейцам, если с своей стороны Антан-

та проявит гуманность по отношению к побежденным венгерским коммунистам, пропустив их в Советскую Россию»[1].

Процесс, известный под названием: «Уголовное дело Бела Куна и его товарищей», или «Процесс народных комиссаров», начался в Будапеште 5 июня 1920 года и закончился 24 ноября. Продолжался девяносто семь дней. Протоколы его составили 19 580 страниц.

Хорти с компанией думали, что им удастся сломить обвиняемых, которые много месяцев стояли под угрозой смерти. Но большинство товарищей не сдались.

Деже Бокани — он был десятки лет подряд одним из популярнейших руководителей и ораторов социал-демократической партии, а во время Советской власти искренне и честно стал на ее сторону — не побоялся на этом процессе отважно выступить за пролетарскую революцию. Йожеф Келен — нарком промышленности — с поднятой головой брал на себя ответственность за все свои действия, и, когда председатель суда начал клеветать на Советскую Россию, он запротестовал и поднял на смех своими доводами председателя суда. Шандор Сабадош разоблачал обвинительное заключение, в котором искажались факты, в том числе и программа, написанная Бела Куном. «Если б во время провозглашения пролетарской диктатуры устроили всенародное голосование, — сказал Шандор Сабадош, — то наша партия получила бы большинство голосов».

Переговоры об обмене продолжались два года. В письме от 5 августа 1921 года венгерский посол в Берлине Криштофи возмущенно сообщал министру внутренних дел Банфи, что «в результате подрывной деятельности Бела Куна и его товарищей русское правительство нарушило Копенгагенский договор об обмене военнопленных и задержало венгерских офицеров...».

Затягивавшее переговоры венгерское контрреволюционное правительство возмущалось. В парламенте друг за другом выступали с протестом против того, что Советская Россия задерживает «простых честных венгерских офицеров» ради «обыкновенных убийц — венгерских народных комиссаров».

Кто ж были эти «простые честные венгерские офицеры»? Граф Сечени, граф Карои, граф Шемшеи, барон Пронаи (родственник того самого пресловутого карателя Пала Пронаи), майор Шалац (родственник Миклоша Хорти), поручик Хейяш (брат убийцы, одного из зачинщиков белого террора Ивана Хейяша) и т. д.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 330—331.

Около пятисот венгерских революционеров ждали обмена, из них пятьдесят человек были приговорены к смерти и примерно сто — к пожизненному заключению.

Венгерское правительство затягивало переговоры в первую очередь потому, что глупо уповало на падение Советской России. Но по прошествии полутора лет и ему стало ясно, что упования эти тщетны. Тогда переговоры были закончены и назначен даже день прибытия первого эшелона.

7

Советское правительство предоставило венгерским эмигрантам очень красивый особняк на Воронцовом поле (ныне улица Обуха), в котором прежде помещалось австро-венгерское посольство. Устройство дел будущих обитателей дома политэмигрантов было поручено партией товарищу Гарашину.

Бела Кун знал Гарашина еще со времен гражданской войны, хотя воевали они на разных фронтах. Гарашин оказался особенно подходящим для такой работы не только потому, что был хорошим организатором, но и благодаря опыту и связям, приобретенным в России.

Обмен сыграл в ту пору большую политическую роль не только в международном рабочем движении, но оказал большое влияние и на прогрессивные буржуазные круги. Они не могли не заметить, что Хорти вынужден передать Советской России руководителей и участников Венгерской коммуны, которых незадолго до этого хотел уничтожить или пожизненно заточить в тюрьму.

Это действенное выражение международной солидарности, победа над одной из стран международной реакции очень укрепила авторитет Советской России.

Клеветнические наскоки на Бела Куна, разумеется, опять усилились. Реакция отлично знала, что он сыграл немалую роль в осуществлении обмена.

Началась подготовка к встрече политэмигрантов. Бела Кун обошел все уголки особняка на Воронцовом поле, посмотрел, сколько завезли топлива — ведь русская зима дело нешуточное, — проверил, сколько провианта привезли. (Советское правительство во главе с Лениным предоставило для венгерских коммунистов, приезжающих на новую родину, все, что только могло: постельное белье, одежду, посуду, продовольствие.)

«Товарищ Бела Кун!

Получил Ваше письмо, в котором Вы, как передает мне моя секретарша, просите об ускорении моей статьи относитель-

но Серрати. К сожалению, вследствие болезни я до сих пор не мог приступить к исполнению ее на основании того материала, который был доставлен мне, к сожалению, в чрезмерном изобилии.

По всей вероятности, написать к указанному сроку не смогу.

Черкните записочку на имя Фотиевой, как идут дела, что пишете и как устроили 400 приехавших венгерских коммунистов.

Ленин»[1].

Ленин проявлял заботу о венгерцах-политэмигрантах в то время, когда населению России приходилось ох как туго.

В 1922 году, уже не помню точно, в каком месяце, пришла долгожданная весть, что в Риге состоялся первый обмен и что венгерские коммунисты выехали в Москву.

«В 11 часов рижский поезд подошел к перрону Виндавского вокзала. Хмурый осенний день словно придавил набитый пассажирами вокзал. В гуще волнующейся толпы возникла вдруг группа людей в непривычной для Москвы, странной одежде. Все были обвешаны рюкзаками и прочим разным багажом. Это были товарищи, выхваченные из когтей белого террора. Они жадно интересовались новостями в мире, ведь в тюрьме не видели газет. Интересовались условиями жизни в Советской России. Но вдруг громкие крики «урра» перекрыли гул толпы. Все хлынули к дверям перрона: прибыл товарищ Бела Кун. Он хотел говорить, но волнение перехватило ему горло; он не мог произнести ни слова. Со слезами на глазах пожимал он каждому руку и потом промолвил лишь несколько слов, сказав, что «русский пролетариат от всего чистого сердца хочет разделить с вами все, что у него есть!» — так описывает приезд первой группы политэмигрантов газета «Инпрекор».

Мы прибыли на вокзал, где собралось уже много интернационалистов. Вышли на перрон за несколько минут до прибытия поезда, чтобы как можно скорее встретиться с товарищами. Поезд подошел к перрону с точностью до минуты. Радость встречи была неописуема. Когда показались освобожденные из хортистских тюрем измученные, похудевшие люди, у всех выступили слезы на глазах. После официальной встречи порядок мгновенно нарушился, все перебегали с места на место, обнимались, плакали. Каждый хотел обнять Бела Куна. Его засыпали вопросами, интересовались его здоровьем, так как слышали, что он болен. «Мы привезли хорошее венгерское сало,

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 54, стр. 99—100.

копченое н с перцем, какое вы любите. Найдется и сегедское салами. Мы вас вылечнм», — доносилось со всех сторон. «А как пожнвает товарнщ Ленни? Говорят, слишком миого работал н заболел. Что ж не смотрят за ннм?»

Женщины окружнли меня. «Чашка чаю, кусок черного хлеба, — говорили онн, — и за милую душу будем работать вместе с русскимн».

«Будет и суп н каша, да н мясо тоже, хоть н не каждый день», — отвечала я.

Потом мы все поехали на Воронцово поле, подождали, пока товарнщн разместятся, пообедают, н только тогда оставили нх отдыхать.

Начииая с 1922 года, узинкн нз хортнстскнх тюрем приезжали группамн. Приехалн Деже Бокаии, Йожеф Келеи, Ене Гамбургер, Дёрдь Ннстор, Шаидор Варьяш, Антал Мошойго, Пал Хайду, Янош Балог, Игнац Богар, Пал Диоши, Йошеф Пакшн, Лайош Мадьяр, Эржн Шипош, Серена Тнмар, Миклош Киш, Лайош Кнш, Чордаш, Йожеф Рабнновнч, Фереиц Яичик, Ласло Барош, Дюла Сикра, Шарн Фоньо, Гизелла Берзевици, Аииа Береи, Ференц Баякн, Иштваи Бнрмаи, Бела Матужаи, Яиош Матейка, Маргнт Ромхаии, семья Палиикаш, семья Янковнчей, Эрне Цобель, Аладар Хнкаде, Эрне Лаидлер, семья Богдань, Внтез, Шаидор Надь, Дёрдь Катона н еще миого товарищей, вывезенных нз хортнстских застенков.

Каждый получил два месяца для отдыха. Больиых отправнли в санаторни.

Тогда-то, основываясь на опыте этого обмена, н учредили МОПР.

Большая часть эмнграции на деле доказала свою преданность новой родине. Куда бы ни устраивалн полнтэмнграитов, онн повсюду выполняли работу с честью н со знанием дела, вписав свон имеиа в нсторню московских фабрик и заводов. А ведь нх прнходнлось восстанавлнвать из рунн. Героически работали политэмнгранты и в годы первых пятилеток. Они завоевалн уважеине н любовь русскнх рабочнх.

Бела Кун, отлнчно знавшнй историю разлнчиых эмнграций, горднлся тем, что прн сравиеиин с ннми в выигрыше окажутся венгерские эмнгранты-коммуннсты.

— Хороший у иас народ, — повторял он, всегда растрогаиный после миогочасовой беседы, проводив до самой лестиицы кого-ннбудь нз веигерскнх рабочих: Ференца Баяки, Фереица Яичнка, Шаидора Надя, Фрндеша Карнкаша, Пала Дноши илн Эде Клепко.

НА УРАЛЕ

1

Как известно, в иачале двадцатых годов большевистская партня была занята переходом к новой экоиомической полнтнке и разъяснением этой политикн широким массам. От правнльного и быстрого осуществлення иового ленинского плаиа завнсело существоваине Советской власти. Однако после военного коммунизма перейти к иэпу было ие так-то просто, н далеко не все поиялн иеобходнмость этого шага. Немало было людей н в партии, которые счнталн нэп возвратом к капнталнзму, иемало было иедовольства и средн рабочнх, так что пришлось мобилнзовать все силы для разъясиения и отстанвання необходнмости этой политикн.

Бела Куи всей душой отдался иовой задаче: писал статьн, но больше всего выступал перед рабочнми. Вся его натура требовала постояиной непосредствеииой связи с массамн. Он хотел иастоящего обмеиа миений, хотел услышать иесогласных, колеблющнхся, узиать доводы тех, что поддерживали эту полнтику. На рабочнх собраннях двадцатых годов Бела Кун был действительио в своей стихин. В этих горячих разговорах н спорах рождалась, утверждалась для него истииа, стаиовилась конкретной и осязаемой.

Иногда он и меня брал с собой иа собраиня, и я, сндя где-ннбудь сбоку, слушала, с какой он страстью спорнт, вндела, как ои стонт, весь красный, обливаясь потом, а все еще неустанно прнводнт довод за доводом, чтобы ии у кого ие осталось сомиенні. Сколько раз спускался ои с трнбуиы во время доклада, чтобы близко вндеть лнца людей. Переходил в зале с места иа место, вызывая на разговор тех, кто молчал, заставляя до конца высказать свою точку зреиня тех, кто сомневался, а ннакомыслящих разбивая в пух и прах. И все это во всеуслышаиие, в присутствин и при вмешательстве активной аудиторнн. Когда же страстиый спор подходил к коицу и Бела Куи чувствовал, что ему удалось убеднть большую часть

слушателей, он успокаивался, поднимался на эстраду и закуривал...

Собрание подходило к концу, но после этого — и так было почти каждый раз — участники начинали задавать вопросы Бела Куну о Венгерской советской республике. Почему она пала? Почему не помог западный пролетариат? Задавали столько вопросов, что ответ превращался чуть ли не во второй доклад. Когда же был исчерпан и этот дополнительный пункт повестки дня, многие уходили домой, но многие все еще оставались. Обступали Бела Куна и после этого еще долго беседовали. Бела Кун расспрашивал рабочих обо всем, входил во все подробности их жизни и быта: сколько зарабатывают, каковы квартирные условия, питание и пр. Именно эти доверительные беседы и создали не только товарищескую, но и ту дружескую связь, которая установилась между Бела Куном и русскими рабочими, выражавшими свое отношение к нему простыми словами: «Товарищ Бела Кун — наш!»

Такая любовь русских рабочих не могла, конечно, не трогать Бела Куна, особенно в ту пору, когда на него сыпались несправедливые нападки со стороны тех, кто все достижения венгерской революции пытался приписать себе, а все действительные, а еще больше выдуманные ошибки — Бела Куну.

Нападки международной буржуазии Бела Кун принимал мало того что спокойно, но даже с достоинством, как признание, положенное истинному революционеру. А сознательная клевета отдельных эмигрантских групп (в этом Бела Кун естественно и справедливо усматривал воздействие чужой идеологии) доставляла ему немало горечи и забот. Он не мог не думать и о том, как трудно придется в дальнейшем именно из-за этих различий в идеологическом развитии отдельных групп эмиграции.

Не только немцы Карл Каутский, Артур Криспин, австриец Отто Бауэр и итальянец Филиппо Турати утверждали, что в 1919 году венгерские революционеры преждевременно взялись за оружие, но в ту пору даже выдающийся венгерский экономист Ене Варга и то считал, что: «Теперь, три года спустя, можно уже констатировать, что образование Венгерской советской республики было делом исторически преждевременным... Отмечая это, мы не хотим сказать, что овладение властью и образование советской республики было неправильным шагом. Никоим образом.

...Но вожди советской республики должны были по край-

ней мере отдать себе отчет в том, что последняя будет лишь преходящим явлением».

Для русских большевиков такие взгляды были не в новинку. Подобную же теорию проповедовал и Плеханов после русской революции 1905 года.

«Ленину совершенно чужда была та точка зрения, на которую стал Пауль Леви, тогдашний лидер германских коммунистов, и с ним многие другие, а именно, что венгерский пролетариат не должен был использовать такой крах власти буржуазии для взятия власти в свои руки... Эти социал-демократические партии пытались убедить рабочий класс, будто победа Венгерской социалистической советской республики была не чем иным, как просто «случайностью», маневром венгерской буржуазии, в противовес империализму Антанты, и большой исторической ошибкой венгерской социал-демократической партии... Подобный взгляд подчас мы встречаем и в коммунистических кругах... эти товарищи изображают пролетарскую революцию в Венгрии как одну сплошную ошибку. Такая установка исключительно выгодна и для оклеветания той героической революционной борьбы, которую вела Коммунистическая партия Венгрии перед 21 марта 1919 года...»[1] — так писал Бела Кун в своей статье «Почему мы победили в Венгрии и почему не удержали власть?».

Что же касается болтовни, которая раздавалась после поражения революции потом еще долгие годы, болтовни об ошибках венгерской пролетарской диктатуры, то в связи с ней нельзя не вспомнить ленинские слова:

«Мы в России сделали тысячи ошибок и потерпели тысячи крахов, потерь и пр. вследствие неумелости новичков и некомпетентных людей в кооперативах, коммунах, профсоюзах и пр. ...Но, несмотря на эти ошибки, мы достигли главного: завоевания власти пролетариатом»[2].

Когда речь идет о борьбе КПВ, о внутрипартийных дискуссиях и в этой связи о Бела Куне, я думаю, было бы правильным еще несколько раз не только *прочесть*, но и *задуматься* над письмом Ленина от 7 июля 1921 года:

«...когда я сам был эмигрантом (больше 15 лет), я несколько раз занимал «слишком левую» позицию (как я теперь вижу).

...Естественно, что эмигранты часто стоят на «слишком ле-

---

[1] «Коммунистический Интернационал», 1934, № 11—12, стр. 49—57

[2] В. И. *Ленин*, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 416.

вых» позициях. Я и раньше и теперь был далек от мысли упрекать в этом таких прекрасных, преданных, верных и заслуженных революционеров, какими являются венгерские эмигранты, столь уважаемые всеми нами, всем Коммунистическим Интернационалом» [1].

Разумеется, никому не придет в голову требовать от наших историков ленинского величия во взгляде на историю, но по прошествии почти полувека уже с полным правом можно просить их о том, чтобы при суждении о вопросах Венгерской советской республики они перестали, наконец, с антиисторических позиций умалять чудесное революционное прошлое венгерского пролетариата, беднейшего крестьянства и революционной интеллигенции, которое неразрывно связано с именем Бела Куна. Пора понять, что это наносит вред и настоящему и будущему.

Ясно, что в той ситуации Бела Куну было особенно приятно доброе отношение русских рабочих — это помогало ему переносить тяжесть несправедливых нападок.

2

Все свободное время, что оставалось у Бела Куна после работы, он отдавал венгерской эмиграции.

Надо было ввести товарищей в советскую жизнь, устроить на работу, раздобыть им квартиры, а главное, политически воспитать, и выполнение всех этих задач ложилось в первую очередь на Бела Куна и доставляло ему довольно много забот. Ведь московская эмиграция, как и вообще эмиграции, политически была неоднородна.

Даже среди рабочих попадалось немало и таких, кто, особенно поначалу, не мог порвать со своими давними и подчас даже правыми социал-демократическими традициями. Им многое было непонятно из того, что делалось в России.

Были и такие в кругах интеллигенции, которые примкнули к революции во время Венгерской советской республики, примкнули случайно или из карьеристских соображений. Кое-кто из них довольно скоро уехал обратно на Запад, где, очевидно, в благодарность за то, что Ленин вырвал их из тюрьмы, поливал грязью и Россию и живущих там венгерских коммунистов.

Кроме предателей и чуждых элементов, рабочие и интелли-

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 53, стр. 14.

генты, включая писателей, иа долю которых в змиграцни выпала большая роль, действовали с полным сознаннем того, что оии помогают своим трудом ие только трудящнмся России, ио и Компартин Веигрии, которая работает в труднейших условиях подполья.

Бела Куиа радовало, что венгерскне эмнграиты ие желают отрываться от родины, хотят поставить на службу Коммуинстнческой партнн Венгрии все свои зиаиня и опыт в рабочем двнженин. Он частеиько приезжал иа заводы или в учреждения, где работалн венгерцы, и с иескрываемой радостью выслушнвал похвалы того илн нного днректора предприятня в адрес венгерского рабочего или ннжеиера.

После такого посещеиня ои обычно прнглашал к нам в гостн названного товарища, беседовал с иим о заводе, о плаиах, о производнтельностн труда и иепременно об отношеиии к венгерскому рабочему двнжеиию. Если кто-инбудь поругивал техннческую отсталость завода или говорил о том, что русские рабочне ие так квалнфнцированиы, как веигерскне, Бела Кун каждый раз отвечал, что ие иадо «спасать» русский рабочнй класс, ои уже спас самого себя, зиает условня своей страны н работает соответственно этим условиям.

После прнезда большииство полнтэмнграитов жили в общежнтнн на Вороицовом поле. Но, устроившись иа работу, получали постепенно квартиры и, иесмотря иа это, еще долгое время счнтали родным домом особияк на Воронцовом поле. По окоичаини работы прнходилн туда, заиималнсь или попросту беседовали друг с другом.

Жажда зиаиий у полнтэмиграитов была очень велика. Поэтому н стар и млад требовали, чтобы организовали политкружкн, иаучные кружки, кружки по изученню русского языка. Без этого, говорили оки, многое непоиятио из того, что происходнт в Россни. Кружки по изучеиию русского языка удалось быстро оргаинзовать, и товарнщи, кто с бóльшим, кто с меиьшнм трудом, все иаучнлнсь говорить по-русски, правда, с отличным веигерским произиошеиием.

Что касается политкружков, их ие так просто было органнзовать. Недоставало хорошо подготовлеииых руководнтелей, а главиая трудиость заключалась в том, что большииство материалов было на русском языке. Бела Кун н тут постарался найтн выход. Ои собирал у себя вечерами руководителей кружков н семиаров и обсуждал с ними предстоящне лекцнн и заиятия, а когда это было иеобходимо, помогал даже в переводах разных русскнх текстов, ибо к этому времеии он уже хорошо зиал русский язык.

Началась перерегистрация венгерских коммунистов в РКП(б). Это была тоже не простая процедура, ибо в каждом случае происходили споры из-за стажа. Потом решили, что партийный стаж венгерских коммунистов будет считаться с 1918 года, а в личное дело запишут отдельно, с какого года данный товарищ участвует в рабочем движении.

Прошло несколько месяцев с приезда первой группы политэмигрантов в Москву. Теперь уже одна группа приезжала за другой. «Старички» устраивали «новичкам» торжественную встречу на вокзале, обещали помогать им во всем. «Мы уже коренные москвичи, — кричали они между объятиями и поцелуями, — мы вам все покажем!»

Разумеется, повседневная жизнь породила свои заботы. Непривычный климат, непривычное питание, жизнь в общежитии или в коммунальной квартире — все это нервировало людей, вызывало между ними раздоры. Но ведь без этого еще ни одна эмиграция не обходилась. Бела Кун терпеливо старался устанавливать мир и покой, примирять тех, кто поссорился. При этом он всегда ссылался на то, что действительно объединяло политэмигрантов; все они стремились включиться в работу КПВ, всех заботила дальнейшая судьба Венгрии и венгерского рабочего движения, все хотели участвовать в подготовке новой венгерской революции.

Политэмигранты в большинстве понимали, что Россия является для них не только местом убежища, но что она послужит отличной школой революции, что здесь они приобретут необходимый опыт, — увы, его так недоставало в революцию 1918—1919 годов, — научатся у русского рабочего класса, как надо завоевывать власть, а главное, как удержать ее, пусть даже ценою трудностей и лишений.

При устройстве на работу политэмигрантов исходили из того, что надо познакомиться со всеми отраслями народного хозяйства и со всеми органами управления. Поэтому венгерских политэмигрантов можно было встретить всюду: на заводах, на фабриках, в наркоматах, в научных институтах, в школах, в совхозах, в армии, в редакциях, в газетах, в органах государственной безопасности и т. д.

Например, уже в 1920 году были организованы военные курсы для венгерцев, где шла переподготовка командиров — участников гражданской войны. Такие воинские учреждения были и в Баку и в Петрограде. Бела Кун держал с ними постоянную связь, навещал их и старался во всем помочь. На эти курсы был командирован и кое-кто из политэмигрантов.

Из бывших военнопленных многие окончили и военные

академии (Варга, Гавро, Киданш, Капитань). Эти товарищи в гражданскую войну командовали крупными военными подразделениями. Пусть им, как и многим другим, не удалось поставить свои знания и опыт на службу Венгерской Красной армии, все же их, этих венгерских интернационалистов, героических защитников русской революции, можем считать мы первыми бойцами венгерской рабоче-крестьянской армии.

Еще в 1920 году писал Бела Кун бакинским курсантам: «Вы первые венгерские пролетарские командиры. Берегите свое достоинство воинов революции. Приобретайте военные знания. Закаляйтесь физически, развивайте свое коммунистическое самосознание и будьте крепки как сталь, чтобы ни колебания, ни размягченность не могли овладеть вами...»

3

В 1922 году — после мартовского выступления в Германии прошло больше года — Ленин пригласил к себе Бела Куна и спросил, не хочет ли он поехать на некоторое время на партийную работу в Екатеринбург.

Ленин пришел к этому решению потому, что кое-какие эмигрантские группы за границей никак не желали прекратить кампанию против Бела Куна, напротив, все больше и больше расширяли ее. И Ленин со свойственной ему мудростью решил, что ответственная работа в Российской партии не только займет и отвлечет Бела Куна, но будет и лучшим оружием против распространявшейся клеветы.

Ленин отлично знал, что такое жизнь в эмиграции и какова бывает ситуация после подавленной революции, — все это он испытал и сам. Характерен для его спокойно-мудрого взгляда на вещи следующий эпизод. Я привожу его со слов одного старого венгерского коммуниста. В 1921 году Ленин, встретившись с венгерскими товарищами, спросил: «Ну, как, драка идет? Обсуждается, кто виноват, кто ошибся, кто чего упустил?» — «Идет!» — ответили венгерцы. «А сколько групп дерется?» — спросил Ленин. «Три или четыре...» — «Так мало? — и Ленин засмеялся. — У нас после революции пятого года больше десятка групп старались спихнуть друг на друга вину за поражение».

Когда в различные страны Европы дошла весть о том, что Бела Кун послан на партийную работу на Урал, то те же клеветники из эмигрантских групп начали распространять, что Бела Куна отправили в ссылку. Правда, и для них скоро стало ясным, что это попросту сплетия, не говоря уже о том, что

отправнть в ссылку руководителя пролетарской революцнн, да н вообще пролетарского революциоиера, было бы несовместнмо с ленннскнм духом.

Итак, Лениии обстаиовка была понятиа, а любя н ценя Бела Куна, ои хотел ему помочь. К тому же и на Урале было сложное положение, и сильиые, теоретнчески подготовленные работникн там были иужны.

В ту пору Урал был крупиейшим, самым важным промышленным цеитром. Введенне нэпа там пронсходнло с большим трудом. Эсеры, используя экономическне и политическне трудностн, довольио успешно агитнровали против полнтнкн партни, стараясь прнвлечь иа свою сторону не только потомственных рабочих уральскнх заводов, ио даже и часть армейских работннков.

Партия делала все для того, чтобы завоевать массы уральских рабочих н интеллигенцнн, потому-то было принято решенне о создаинн Уралбюро ЦК, одним из членов которого н стал Бела Кун.

Он с радостью прннял это важиое иазначеиие. Из Москвы уехал со спокойной душой, ибо важнейшне вопросы, связанные с полнтэмнгрантамн, были уже в приицнпе решены, а осуществнть эти решения иа практнке можно было и без него. Надо сказать, что перед отъездом Бела Кун позаботился о соответствующих заместителях и, кроме того, выхлопотал для политэмнгрантов еще и подмосковный дом отдыха.

Я с грустью прнняла весть о новой разлуке, ио Бела Кун сказал, что как только он освоится в новой обстаиовке, я с сыиом поеду к иему, а сестра с Агиеш останутся в Москве.

Вскоре меия иавестил прнехавшнй из Екатернибурга товарищ Тнхомирнов (позднее он работал в ИМЭЛ) н привез от Бела Куна красивые деревянные игрушки для детей. Передал н письмо, в котором Бела Кун просил меня терпеливо ждать, мы скоро увндимся.

Если я не ошнбаюсь, была уже весна, когда меня нзвестнли по телефону, чтобы я готовилась к отъезду, ибо через несколько дней поеду в Екатеринбург, пока только одна: так просил передать Бела Кун.

Путешествне от Москвы до Екатеринбурга длнлось около восьмидесяти часов.

Бела Кун встретнл меия на вокзале н сказал, что мы будем жнть пока на времеиной квартире. Объяснил, что Екатеринбург, конечно, более бедный город, чем Москва, но так как большая часть советской индустрин находится на Урале, то это очеиь важиое место. Потом улыбнулся мне. И мы селн

Бела Кун произносит речь перед парламентом. Будапешт, 1919 г.

Смотр рабочих полков в Будапеште, май 1919 г. Слева направо: Бела Санто, Тибор Самуэли, Ене Варга, Бела Кун, Ене Гамбургер.

Бела Кун на фронте, 1919 г.

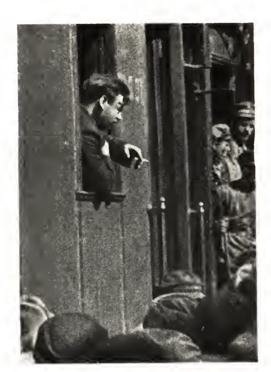
Карлштейнская крепость в Австрии, где был заточен Бела Кун после падения Венгерской советской республики, 1919 г.

Встреча Бела Куна в Петрограде, 1920 г.

На митинге в Ростове, 1920 г. Третий справа от Бела Куна сидит Джон Рид.

Бела Кун в Баку на съезде народов Востока, 1920 г.

В Баку на съезде народов Востока, 1920 г.



ЧЛЕНИ РЕВВІЙСЬКРАДИ
Південного фронту

Члены Реввоенсовета Южного фронта, 1920 г.

Бела Кун и Деже Бокани на III конгрессе Коминтерна, 1921 г.

Бела Кун, 1921 г.

Бела Кун с дочерью.

На пленуме Пермского губкома ВКП(б), 22 июня 1922 г.

Вместе с делегатами IV конгресса Коминтерна Бела Кун приезжает в Петроград, ноябрь 1922 г. Рядом с Бела Куном А. В. Луначарский.

На трибуне Красной площади, 7 ноября 1922 г.

У первого ленинского Мавзолея, 1924 г.

Ирина Кун с сыном. Железноводск, 1923 г.

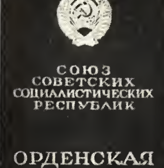
Среди рабочих фабрики имени Бела Куна в Ленинграде, 1924 г.

На V конгрессе Коминтерна, 1924 г. Сидят слева направо: Г. Шкловский, В. Милютин, А. Беленький; стоят: Бела Кун, С. Лозовский.

На V конгрессе Коминтерна, 1924 г. Сидят: Н. Скрипник и С. Лозовский, стоит Бела Кун.

Бела Кун в венской тюрьме, 1928 г.

Демонстрация протеста против ареста Бела Куна. Прага, 1928 г.



За активное участие в гражданской войне, организацию первого боевого отряда иностранных рабочих против германских империалистов-оккупантов в 1917 году приказом Революционного Военного Совета Союза ССР № 578 от 12 ноября 1927 года

награжден орденом Красного Знамени

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР [illegible]

№ 03210

Орден № 15852

«18» апреля 194[illegible]

Бела

Кун

Орден Красного Знамени и орденская книжка Бела Куна.

Ирина Кун, 1934 г.

Среди рабочих Днепропетровска, 1928 г.

Речь на VII конгрессе Коминтерна, 1935 г.

на извозчика. Поехали по ухабистым екатеринбургским улицам мимо ветхих одноэтажных и двухэтажных домиков.

По дороге он сказал, что стряпать придется мне самой, так как в квартире негде поместить работницу, — это была вторая характеристика нашего жилья, так старался он подготовить меня к нему, — а я ведь знаю, как он не любит питаться в столовой.

И посмотрел на меня, ожидая ответа.

Вопрос о квартире меня совсем не тронул, но мысль о том, что придется стряпать, напугала. Ведь в юности я училась не стряпать, а играть на рояле, позднее тоже давала уроки музыки и не больно-то разбиралась в кулинарии. Бела Кун почувствовал мои мысли.

— Не беда, — сказал он и великодушно добавил: — Я научу вас готовить. Я еще в армии усвоил науку стряпни.

Это было, конечно, явным преувеличением, но мне не хотелось ему портить настроение, и я только рассмеялась в ответ. Он тут же разобиделся: как же это я не доверяю его поварскому искусству.

Мы приехали домой. Это была небольшая комната — в ней стоял стол, несколько венских стульев, кровать и диван. В комнате было холодно, чувствовалось, что хозяин ее редко бывает дома.

Но сорок четыре года назад все это не имело для нас ни малейшего значения, ничуть не испортило расположения духа, более того — показалось даже романтичным.

Бела Кун был знаком и с Уралом и с уральцами еще с 1918 года, со времен гражданской войны. Теперь он рад был возобновить знакомство со старыми соратниками, товарищами по оружию. Он охотно разъезжал повсюду, несмотря на то, что его астма плохо переносила суровый уральский климат. И все равно из поездок по провинции он возвращался всегда воодушевленный, часами рассказывал о своих впечатлениях, об уральских рабочих, потомственных пролетариях, славных, искренних людях, еще не испорченных мещанством, которое пустило такие глубокие корни в среде западной рабочей аристократии.

Бела Кун, который отлично чувствовал себя с уральскими рабочими, старался и меня приобщить к ним. И вот как-то раз мы отправились с ним в один из рабочих клубов. Я взяла с собой и Колю, который к тому времени жил уже у нас. Поначалу я чувствовала себя в клубе несколько неловко, так как на мне были платье и туфли, купленные еще в Берлине. Потом очень скоро освоилась. На мою одежду никто из

женщин даже внимания не обратил, все были очень милы со мной, почувствовав, что я не задаюсь, что я не «буржуйка», хоть и одета чуть получше, чем они. И все женщины в один голос хвалили Бела Куна. Я поняла, что он здесь свой человек, что все его знают и он знает всех, да и вообще уральцам он пришелся по душе. А то, что у него известное имя, это никого не смущало, разве что гордились им: «Вон какой у нас Бела Кун!» И венгерец Бела Кун становился в их глазах коренным уральским большевиком, да каким еще авторитетным.

В газете «Уральский рабочий» от 1 мая 1923 года мы читаем:

«В рядах уральских работников есть товарищ, о котором нельзя промолчать в этот день 1 Мая, в день борцов международной пролетарской солидарности. Это товарищ Бела Кун. Среди западноевропейских коммунистов Бела Кун — один из тех, кто больше всего ценит революционный опыт русской большевистской партии, ближе всего изучил тактическое учение Ленина. Но вместе с тем Бела Кун — подлинный интернационалист, революционер, готовый драться на баррикадах всего света за дело угнетенных».

Надо сказать, что для рабочих-большевиков того времени существовали, конечно, авторитетные люди, но авторитет зависел вовсе не от занимаемого поста. Вот если данный товарищ ведет себя правильно, работает, не жалея сил, говорит убедительно, выдвигает дельные предложения, у него есть авторитет, иначе говоря, с ним согласны и его поддерживают, а если он «отрывается от масс», как говорили тогда, или ораторствует с чужого голоса, то, будь он кто угодно, с ним все равно спорят.

Поэтому почивать на лаврах никому не удавалось, рабочие очень чутко следили за теми, кого они избрали в руководство, но если уж уверились в ком-нибудь, то и в обиду не давали и лучшего человека в их глазах не было.

В связи с этим мне припоминается даже такой забавный случай. Как-то раз к нам пришли в гости екатеринбургские рабочие — человек пять-шесть. Один из них сказал про моего сына Колю:

— Какой красивый мальчик!

— Ну еще бы, на меня похож! — ответила я шутливо.

— Как бы не так! Вылитый отец! — довольно резко возразил мне он и добавил с неудовольствием: — Уж не думаете ли, что вы красивее товарища Бела Куна?

...Все было бы ничего, и я уже стала привыкать к жизни

на Урале, вот только с кулинарным искусством у меня никак не клеилось.

Как-то однажды Бела Кун принес с рынка большой кусок мороженого мяса. В ту пору зимой на рынке и не продавали ничего другого. Летом, правда, была свежая рыба, земляника и молоко. Магазины в городе еще не были открыты, на заводах и в учреждениях выдавали паек на неделю.

— Мясо хорошее. Можно сварить превосходный бульон, — сказал Бела Кун, гордясь своей добычей и радуясь тому, что наконец-то он поест свою любимую мясную лапшу.

Я принялась стряпать. Положила мясо в большую кастрюлю с водой, понимая, что кипеть ему придется долго, пока оно оттает и сварится. Но что надо воду доливать, этого я уже не знала. И в конце концов вместо бульона в кастрюле коричневела густая бурда, а в ней лежал кусок почерневшего мяса.

— Н-да! — сказал Бела Кун, увидев результат моей стряпни. — Н-да!

В другой раз к нам приехали в гости рабочие с какого-то завода из-под Екатеринбурга. Их пригласил Бела Кун в одну из поездок туда.

— Сварите какое-нибудь настоящее венгерское кушание, — сказал он.

А так как в паек выдали яйца, мы решили, что я сварю так называемый «кислый яичный суп».

Суп вышел, как мне казалось, неплохой. Я внесла кастрюльку. Разлила суп по тарелкам. Все принялись за еду. И вдруг вижу: Бела Кун скривил губы. Я поднесла ложку ко рту. Чувствую какой-то странный запах и вкус. Выбежала на кухню и гляжу — вместо бутылки с уксусом на столе стоит бутылка с лизоформом. Когда вернулась обратно в комнату, оказалось, что все, кроме Бела Куна, съели суп, в том числе и Коля. Я испугалась, но не сказала ничего. Когда кончился обед, побежала за врачом. Врач пришел, посмотрел на бутылочку с лизоформом и сказал, что от нескольких капель никто не заболеет, но порекомендовал не держать лизоформ на кухне.

Бела Кун заведовал отделом агитации и пропаганды Уралбюро ЦК. Самой неотложной задачей была в ту пору реорганизация печати и прежде всего газеты «Уральский рабочий» (так называлась екатеринбургская газета), тираж которой с началом нэпа упал с 60 тысяч до 4 тысяч экземпляров.

Бела Кун и приехавший с ним из Москвы его ближайший помощник Рихард Дорнбуш стали постоянными сотрудниками газеты. Они писали о международном положении, о жгучих злободневных вопросах, о значении нэпа, о задачах коммунистической печати, о подрывной работе эсеров и т. д. и т. п. Живость и искренность этих статей принесли газете большую популярность — тираж стал заметно увеличиваться.

В результате работы Уралбюро ЦК улучшилось экономическое и политическое положение, но при всех успехах оставалось еще много трудностей и недостатков, которые необходимо было преодолеть. Враждебные прослойки населения не прекращали своей подрывной работы против Советской власти. Эсеры агитировали вовсю. Контрреволюция распространяла всякие страшные слухи. Выдумывали одну чудовищную версию за другой, лишь бы держать народ в постоянном страхе.

Правда, в Екатеринбурге, где еще не были уничтожены все последствия гражданской войны, в том числе и бандитизм, слухи эти были подчас обоснованы. Но если б была верна даже десятая доля тех небылиц, которые каждый день распускались по городу, то жизнь уже давно замерла бы.

А она не замирала. Напротив. Люди упорно работали, чтобы как можно скорее залечить раны, нанесенные войной и разрухой. При этом они ухитрялись еще и ходить в театр, в кино, в клубы. Екатеринбург и всегда-то славился своей превосходной оперной труппой, так что оперный театр и в те годы был набит битком. После спектаклей публика преспокойно расходилась по домам, но уже наутро весь город был полон слухов, что бандиты напали на возвращавшихся домой людей, раздели всех и, более того, многих даже поубивали. Чтобы представить нервозность атмосферы того времени, расскажу про один случай, который произошел с нами.

В один из летних дней в милицию поступило сообщение, что бандиты готовятся напасть на нашу дачу. Эта дача принадлежала партийной школе. В ней жили директор школы с матерью, некий профессор из меньшевиков, культурный и приятный человек с отвратительной мещанкой женой, которая только и знала, что собирала по городу самые жуткие слухи. Приезжая на дачу, она поверяла их мне «под страшным секретом». «Ириночка, Ириночка, — говорила она шепотом, — вы только никому не говорите. Рассказывают, что по улицам ходит старушка, останавливает прохожих и предлагает им мясо продать. Заманивает к себе в дом, люди-то доверчивые, идут за ней, а там их убивают, на куски режут. Только вы

никому не говорите!» Так привозила она каждый день новую небылицу, от которой мурашки бегали по спине.

Ввиду того что готовящееся нападение носило и политический оттенок, органы ЧК проявили большое усердие. Один из сотрудников ЧК посетил директора партийной школы и рассказал ему, что готовится ночью, точно изложил план защиты дома и задачи, которые будут возложены на обитателей-мужчин. Бела Кун был как раз в командировке, так что на даче оставалось только двое мужчин. Нам, женщинам, выделили одну комнату и распорядились, чтобы мы не зажигали света и никуда не выходили.

В условленный час все заняли свои места. Мать директора партшколы и меня попросили перейти в комнату с окнами во двор. Мы погасили свет. Я всю ночь простояла у окна, а старуха почти тут же заснула и громко-громко храпела на всю комнату.

Уже светало. А я все еще не отходила от окна, ожидая бандитов.

Наступило утро. Ничего не случилось.

Согласно одному «предположению» бандиты отложили свою вылазку, ибо узнали, что их кто-то выдал. Согласно другому — все это был попросту результат очередного слуха.

Для нас нападение бандитов на том и закончилось, но тем печальнее завершилось оно для милиционеров. Со скуки они выпили лишку, а утром их за это хорошенько взгрели, потом даже сняли с работы.

Бела Кун вернулся на другой день. Когда мы рассказали ему о ночном происшествии, он весело потешался над нами: вот, мол, тоже «мещане», поддались дурацким слухам.

К печальным пережиткам войны и разрухи относились и попавшие на улицу сироты, которых коротко называли беспризорниками. И одной из первых забот Советского правительства было устройство беспризорных ребят в детские дома. Правда, это было сопряжено с огромными трудностями еще и потому, что таких ребят было слишком много.

Голодные, разутые, черные от грязи, в развевающихся лохмотьях, сидели они в жару и в стужу на улице и ждали, чтобы кто-нибудь бросил кусок хлеба или какие-нибудь объедки. До сих пор звучат в ушах слова, с которыми компания беспризорников останавливалась у меня под окном, чтобы получить кусочек хлеба. «Тетенька, дай мине хлебца, тетенька,

дай мине хлебца!» — пели они на какой-то свой протяжный мотив. Получив заранее приготовленную порцию, убегали. Но проходило всего лишь несколько минут, и под окном выстраивалась новая группа ребят.

Нынешняя советская молодежь знает о беспризорниках только по книгам и рассказам. А мне лично не раз приходилось встречать весьма почтенных людей, которые, как выяснялось впоследствии, в детстве были беспризорниками.

Расскажу немного и о работе с интеллигенцией.

В первые годы Советской власти немало было профессоров, врачей, инженеров и литераторов, которые старались внушить молодежи старые и подчас реакционные взгляды. Частично им это удавалось, ведь тогда еще большинство студентов были выходцами из буржуазной среды. Стремились вербовать себе сторонников в среде студенчества и разные оппозиционные группировки.

В ту пору в Екатеринбурге жил один весьма почтенный профессор, великолепный знаток своего дела, которого студенты уважали и любили. Однако этот авторитетный ученый на каждой лекции в той или иной форме восхвалял старый и всячески поносил новый строй.

Бела Кун как-то позвонил ему и пригласил к себе. Профессор поначалу отнекивался, ссылаясь на занятость, потом согласился все-таки, и они условились о встрече.

Разговор зашел о разных университетских делах. Сперва профессор держался замкнуто, почти враждебно, когда же оказалось, что этот «коммунист» «довольно хорошо» ориентируется в науке, «довольно образован», профессор чуточку оттаял. Теперь уже он с изумлением разглядывал Бела Куна и никак не мог взять в толк, что, собственно, понадобилось от него этому «венгерскому большевику» и какое ему дело до внутренних дел Екатеринбургского университета.

Бела Кун заметил колебания профессора, но все еще ждал, не переходил к основной цели встречи. Так они любезно беседовали на разные темы, потом Бела Кун поблагодарил за приятно проведенный вечер и пригласил профессора навещать его и впредь. Он вежливо пообещал, и только после этого подошел Бела Кун к главной цели своего разговора. Он попросил «товарища профессора» всегда откровенно высказывать любые свои сомнения или критические замечания о новом строе и новых порядках в университете, причем высказывать ему, а не студентам. «Мне вы можете говорить все что угодно, — сказал Бела Кун, — ручаюсь, что за это у вас не будет никогда никаких неприятностей. Но если вы

по-прежнему станете пичкать студентов антисоветскими разговорами, я должен честно сказать, это может кончиться нехорошо!»

На том они и расстались.

И как ни удивительно, профессор навещал иногда Бела Куна и пусть даже не изливал ему до конца душу, однако делился многими сомнениями, а в университете прекратил антисоветскую агитацию.

Надо сказать, что эти беседы принесли пользу не только профессору, но и самому Бела Куну. Такие и подобные беседы помогли ему ощутить и понять проблемы старой русской интеллигенции, научили подходить к вопросу преобразования высшей школы не догматически и «архиреволюционно», а рассматривать его, исходя из реальной ситуации.

В статье «Поможем университетам» Бела Кун писал: «Каждый рабочий должен понять, что университет в настоящее время совсем не то чуждое для него учреждение, каким он был в буржуазном государстве. В настоящее время высшая школа, правда, пока еще не в целом, является, однако, кузницей новой, рабочей интеллигенции...» И продолжал он свою статью так: «...одновременно с улучшением положения университетских учреждений и студенчества нужно обратить также внимание и на улучшение положения профессуры. При том материальном положении, в котором сейчас находится профессура, достигнуть удовлетворительных результатов работы невозможно... Та часть профессуры, которая ждала, а может быть, и ждет изменения своего положения от изменения политической обстановки или уступок, ошиблась и ошибается. Она увидит, что улучшение и материального и морального положения профессуры считает своей задачей Советская власть» [1].

Даже по этим нескольким строчкам можем мы судить о том, что Бела Кун не страдал ни комчванством (а такая болезнь существовала), ни махаевским отношением к интеллигенции (это заболевание еще тоже не ликвидировано окончательно). Он принадлежал к тем высокообразованным большевикам ленинской гвардии, которые никогда не шли на принципиальные уступки буржуазной интеллигенции, однако не боялись вступать с ней в разговоры, в теоретические споры и, надо сказать, в большинстве случаев выходили победителями из этих словесных битв. И не мудрено, потому что они были образованные марксисты, знали историю, историю фи-

[1] «Уральский рабочий» от 28 февраля 1923 года.

лософии, историю экономических учений, потому-то и не боялись выходить сражаться на территорию противника, не раз побивая его собственным оружием.

Настоящие ленинцы, они понимали роль интеллигенции в строительстве социализма и делали все ради того, чтобы привлечь ее на свою сторону. Они чувствовали себя хозяевами страны, поэтому старались сберечь каждого ценного человека, поставить его на службу пролетариата.

Разумеется, для этого требовалась настоящая интеллигентность, стремление «рваться в завтра, вперед», чтобы не отставать от событий мира, от развития науки и искусства, чтобы приходить к смелым выводам на основании знания фактов.

А как это непросто было, особенно партийным работникам, да тем более в первые годы революции, когда трудности были такие и было их столько, что теперь, читая протоколы съездов партии, последние тома Ленина, только диву даешься, как можно было со всем этим справляться и физически, и духовно, и душевно.

А только так, что те люди, как очень точно сказал Маяковский: сердца отдавали временам на разрыв.

Кстати сказать, не случайно, что из всех современных поэтов Бела Кун больше всего любил Маяковского, причем в ту пору, когда еще очень многие не признавали его.

Сколько раз приходил он в ярость, читая разные нападки на его поэзию. «Мещане волнуются, — говорил он, — хоть и от коммунизма, а все равно мещане». Даже дома скандалил с дочкой, которая по тем временам и не понимала и не принимала еще поэзию Маяковского. Бела Кун усаживал ее и заставлял вслух читать себе стихи Маяковского, думая, что для девочки так будет убедительнее всего. Когда же и это не помогало, то сперва пытался объяснять стихи, потом начинал сердиться, и тут уже Агнеш доставалось. Она и «мещанка», и «княжна», и «ретроград», и все, что угодно.

Для Бела Куна Маяковский был поэтом революции, поэтом, адекватным революции, и как я теперь понимаю, — тогда я меньше всего задумывалась над этим — Маяковский выразил очень многое из того, что волновало самого Бела Куна, но мимо чего он вынужден был проходить, занятый повседневной политикой.

Ему сродни был, конечно, бурный темперамент Маяковского, его революционный пафос, но сродни была и сатира, стрелы которой он выпускал против всего, что стояло на пути революции. Я помню, сколько раз смеялся он вслух, читая стихи Маяковского, в которых тот высмеивал бюрократов и

мещан. Антимещанский пафос Маяковского был тоже созвучен Бела Куну, как и его стремление к новому во всем строе поэзии. Ведь нельзя забывать, что Бела Кун еще юношей примыкал к тому лагерю, который выступал за новаторскую поэзию Эндре Ади и защищал его от нападок отдельных догматиков от социал-демократии и бездарных поэтов, утверждавших, что Ади непонятен пролетариату, недоступен массам.

Не постарел Бела Кун, очевидно, и позже и поэтому всей душой примыкал к той передовой молодежи, которая стояла за Маяковского.

Вспоминается мне и другое: с какой опаской относился он, сам очень любивший народные песни и баллады, к культу фольклора, который начался в известные годы, и к поэзии, которая возникала с этим в унисон, неизбежно вытесняя поэзию Маяковского. «Подделка под народность», — коротко и сердито заявлял он и задумывался, но дальнейший ход мыслей оставлял при себе.

Эти его раздумья нашли, пусть и опосредствованное, но точное выражение в последней статье, написанной в 1937 году о Шандоре Петефи. Поэзия Петефи, подчеркивал Бела Кун, «совершенно свободна от культа фольклора, проповедуемого заигрывающей с народом буржуазией...». «...Вот почему и народность художественной формы для Петефи нечто само собой разумеющееся. Но по той же причине народ означал для него не только «нетронутую деревню». ...Таким образом, задачу народности в литературе Петефи видел в том, чтобы не просто создать популярную форму изложения в целях просвещения народа, а в том, чтобы заставить художественную форму служить борьбе за господство народа...». «...у него нет и следа внешнего подражания народной песне, подделки под народность. Его образы вовсе не наивная стилизация».

Я привожу все эти его слова, ибо знаю, что в них в какой-то мере отразились и его взгляды на некоторые течения в современной поэзии.

Конечно, очень жаль, что он не написал прямо о Маяковском, которого так любил, столько читал и о котором так много говорил. И жаль, что он не написал о Брехте, о Мейерхольде, об Эрвине Пискаторе (которому столько помогал в Москве), и жаль, что не написал об Эндре Ади, о поэзии Антала Гидаша, которую тоже считал новаторской... Жаль, что вообще не написал больше статей о литературе, за которой всю жизнь пристально следил, любя ее, и, кроме того, ища в

ней отражение социальных процессов современности... Но, что поделаешь, ведь и те две непосредственно литературно-критические статьи — о романе Гидаша «Г-н Фицек» и о Шандоре Петефи — он написал уже в последние годы жизни, когда был, в сущности, отстранен от политической деятельности, до этого захватывавшей его целиком.

Такое отступление получилось только потому, что мне хотелось показать, какой интерес проявлял Бела Кун, да и разве он один из ленинской гвардии, ко всем вопросам окружающей действительности, хотя на это, казалось, не могло хватить ни времени, ни сил.

Просматривая материалы уральского периода, я увидела вдруг любопытный и даже чуточку забавный ответ Бела Куна на один анкетный вопрос.

Когда в 1922 году он заполнял бланк Всероссийской партийной переписи, то в ответ на вопрос, какие он читал журналы и газеты в 1921 году, он назвал русские, венгерские и немецкие партийные издания, а на довольно смешной вопрос: «Где читаете?» — ответил предельно коротко и точно: «Везде».

Пожалуй, этим единственным словом и можно только объяснить, как успевал он при своей громадной занятости набираться все новых и новых знаний. Он и в самом деле читал «везде», и еще от себя я добавила бы: «всегда».

Он читал дома — за завтраком, обедом, перед сном; он читал при гостях; он читал на отдыхе; читал, разговаривая с детьми, и даже на заседаниях и в машине... Людям, не знавшим, что он умеет подчас делать три дела сразу, эта его манера могла показаться даже обидной. Сколько раз наблюдала я, как обижаются Агнеш или Коля, когда, беседуя с отцом по очень важным для них вопросам, они замечали, что он сосредоточенно читает книгу или газету и только временами отзывается на их настойчивые: «Папа, ты послушай!» При этом отзывается серьезно и вдумчиво.

Мои дети никак не могут упрекнуть отца в том, что он не занимался ими. Занимался, но при этом еще и читал обычно. Очевидно, другого выхода не было. Пришлось себя и к этому приучить, не говоря уже о том, что чтение с детства было главной страстью его жизни.

Бела Кун уже больше года работал на Урале. Чувствовал он себя хорошо, массовая работа была его стихией, да и успехи становились все более ощутимыми.

Как я уже упоминала, мы часто ходили в клубы, где Бела Кун регулярно выступал с докладами. В клубах шла бурная, кипучая жизнь, к тому же они хорошо отапливались, что по тому времени было вовсе не пустяки.

Мы получили уже и квартиру и, когда приезжали гости, на обед угощали их пельменями. Бела Кун любил пельмени, но каждый раз считал своим долгом подчеркнуть, что венгерские вареники с творогом гораздо вкусней.

Короче говоря, мы чувствовали себя совсем дома. Спасибо за это уральцам, искренним, простым, прекрасным людям.

Иногда по моей просьбе ходили в оперу. Там слышала я впервые «Евгения Онегина», к сожалению, не до конца. Бела Кун редко оставался до последнего действия, хотя любил и музыку и пение.

По воскресеньям совершали большие прогулки в лес. Особенно чудесным был под Екатеринбургом один лес с озерами. Во время прогулок Бела Кун рассказывал мне о цветах, травах, деревьях, учил их названиям на венгерском языке и на латыни. (Все еще сказывалась его давняя любовь к ботанике.) Катались мы и на лодке. Потом еще глубже забирались в лес.

Ему шел тогда тридцать седьмой год, а мне исполнился тридцать один.

Если, ссылаясь на бандитизм, нас хотел кто-нибудь сопровождать, Бела Кун сердился. Ничего и никого он не боялся, разве только чуточку меня, как не раз говаривал он в шутку.

Но вот в один прекрасный день пришло извещение о том, что он должен выступать на IV конгрессе Коминтерна с содокладом к докладу Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции».

Помню, с какой радостью принял он это ответственное поручение. Решил, что за месяц до конгресса поедет в Москву и уточнит все связанное с содокладом.

На Урале он работал по-прежнему с увлечением, но мысли его были заняты уже Коминтерном, а еще больше — венгерской партией.

По возвращении из Москвы он отчитался о своей поездке в Екатеринбургском коммунистическом клубе.

Зал был набит битком. Уральские большевики с нетерпением ждали, что скажет Бела Кун о состоянии здоровья

Ленина. В городе ходили самые разнообразные слухи, и все волновались.

В этом иетерпеливом ожидаиии проявлялся не только естественный интерес к вождю рабочего класса, ио и искреиияя любовь к Ильичу, опасеиие за его жизнь и здоровье. Этими чувствами был охвачен каждый, кто дорожил Леииным и судьбой революции.

Бела Куи вошел в зал. Он сразу заметил по лицам, чего ждут от него слушатели в первую очередь. И речь свою начал так:

«Все слухи, распространяемые иашими врагами, что Владимир Ильич в отставке, оказались, коиечио, ложиыми. Теперь все могли прочесть в газетах, что Владимир Ильич уже председательствовал в Совете Народных Комиссаров».

Далее ои рассказал, что в последний раз виделся с Владимиром Ильичем 12 апреля и вовсе ие заметил, чтобы Лении сильио измеиился за время болезии. Сейчас Владимир Ильич приступает ие только к работе в Совнаркоме, но иачинает работать и в Комиитерие. Затем Бела Куи рассказал, что ему удалось поговорить с Лениным и о положении иа Урале. Оказалось, что Ильич подробио зиает обо всем, что там происходит. Спросил даже, как идут дела в Охаиском уезде Пермской губернии, где иностраниые рабочие пашут землю с помощью тракторов, и добавил, что «...опыт этой работы иадо учесть». Одиим словом, выясиилось, что ои был лучше информирован об этой работе, чем мы сами, и сказал в заключеиие: «Побольше, побольше собирайте фактов о работе в деревие, это ваше дело, и помогайте Центральному Комитету».

Пожалуй, только во время Венгерской советской республики развивал Бела Куи такую миогостороиию деятельиость, как в пору пребывания иа Урале. Чем он занимался, я могу рассказать только коротко, в телеграфиом стиле, хотя историк мог бы написать об этом периоде деятельиости Бела Куна целую киигу.

Передо миой лежат выписки из протоколов различных заседаний секретариата Уралбюро ЦК партии, губкома.

Вот иесколько фактов:

31 мая 1922 года. Заседаиие секретариата Уралбюро ЦК. «Слушали: 1) О хлебиом займе (тов. Бела Кун).

Постаиовили: 1) Для разработки практических мероприятий по осуществлеиию хлебного займа образовать комиссию под председательством и ответствеииостью за работу комиссии тов. Бела Куна...»

9 сентября 1922 года. Заседание президиума Екатеринбургского губкома РКП(б).

«Слушали: О созыве губернского съезда РКСМ (докладчик тов. Бела Кун)».

30 ноября 1922 года.

Выписка из протокола заседания ЦК РКП от 30 ноября 1922 года:

«Слушали: Вопросы ЦК РКСМ (тов. Файвилович).

Постановили: 1) Не возражать против предложения товарища Бела Куна и ЦК РКСМ об организации Уралбюро РКСМ в составе трех членов без расширения штатов...»

16 февраля 1923 года. Заседание секретариата Уралбюро ЦК.

«Для разработки конкретных мероприятий по работе среди молодежи влить представителя от Уралбюро ЦК тов. Бела Куна в комиссию, созданную для этой цели Екатеринбургским губкомом».

2 марта 1923 года. Заседание Уралбюро ЦК.

«Председателем комиссии утвердить тов. Бела Куна». (Речь идет о комиссии по сооружению памятника Я. М. Свердлову в связи с юбилеем партии.)

Это крохи из сухих протокольных записей, а основа деятельности Бела Куна — постоянные выезды на заводы, встречи с рабочими — конечно, нигде не запечатлена.

По газете «Уральский рабочий» мы можем проследить за его многосторонней журналистской деятельностью.

Достаточно посмотреть заглавия этих статей, чтобы увидеть, насколько широко и многообразно вел он агитационную и пропагандистскую работу в печати.

На мой взгляд, главное достоинство его статей уральского периода в том, что все самые общие вопросы он ставил каждый раз конкретно в применении к Уралу.

Он писал о вопросах нэпа, о концессиях, о подготовке красных командиров, о спекулянтах, об эсерах, о необходимости аккуратной выплаты налога, о режиме экономии, о бюрократизме, о необходимости сокращения штатов, о национальных меньшинствах Урала, об освобождении Дальнего Востока, о подготовке технических кадров, о школьной реформе, не забывая одновременно информировать уральцев и о вопросах международного рабочего движения, единого фронта, международной политики.

О чем только не говорится в этих большей частью коротких, напряженно острых статьях, которые чуть не ежедневно появлялись на страницах «Уральского рабочего»!

Так венгерский революционер Бела Кун с головой окунулся в проблемы далекого Урала, уральскнх большевиков. И это знаменательно для того времени. Но ие удивительно для Бела Куна — он был интериацноналистом.

Мне хочется привести еще не менее знамеиательные, не менее характерные для того времени строки Бела Куна нз статьн «Леннн опять за работой». Она была напечатана в газете «Уральский рабочий» от 21 сентября 1922 года («от установлення пролетарской диктатуры год пятый»), в газете, которая хотела установить новое, революцнонное летосчисление.

«После долгой болезии тов. Леннн впервые сказал свое слово[1]. Неизвестно, для кого его болезнь была длиннее: для него лн самого, оторванного физнческими страданиямн от непосредственной работы для пролетарской революции, или для рабочего класса, которого болезнь лишнла на время вождя.

...Это руководство — руководство великого человека — имеет огромное значенне для рабочего класса в его работе над разрушением старого и созданием нового мнра. Историческое значенне Ленина определяется не только той восторженной любовью, с какой к нему относятся каждый коммунист и каждый честный рабочий и крестьяннн мнра. Его личность во время революции стала объективным нсторнческнм фактором.

Вполие подходят к нему замечательные слова, которые Плеханов когда-то пнсал о роли личности в нсторин:

«Велнкнй человек велик не тем, что его лнчные особенности придают индивидуальную фнзиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенностн, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшнм под влнянием общих и особенных причин. Карлейль в своем известном сочинении о героях называет великих людей начинателями (Beginners). Это очень удачное иазвание. Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развитня общества; он указывает новые общественные нужды, созданные развнтием общественных отношенпй; он берет на себя почин удовлетвореиия этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что ои будто бы может остановнть нлн изме-

[1] Речь идет о «Пнсьме к V Всероссийскому съезду профсоюзов», напечатанном 19 сентября 1922 года в «Правде».

нить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила. Но это — колоссальное значение, страшная сила»[1].

Колоссальное значение имеет поэтому для дальнейшего развития революции выздоровление Ленина, его возвращение в авангард борющегося пролетариата.

Теперь все факты мировой истории, все, что переживают, за что борются трудящиеся всего мира, — теперь все это найдет себе оформление, будет осознано в голове великого вождя Ленина, приведено им в стройную систему.

Сознание того, что у нас есть вождь, который с величайшей точностью определяет, как изменяются общественные отношения и международная обстановка и куда в зависимости от этого должен пролетариат направлять свои усилия, дает колоссальную силу тому классу, который делает историю».

Так думали большевики, так чувствовал народ. Потому так страшна была для всех даже мысль о том, что Ленина может не стать.

В марте 1923 года мы вместе поехали в Москву.

Венгерские политэмигранты радовались приезду Бела Куна. У каждого было к нему какое-то срочное дело. Но при этом каждый задавал ему один и тот же вопрос: когда же он вернется окончательно?

Бела Кун принимал деятельное участие в подготовке IV конгресса Коминтерна, готовился к содокладу, а кроме того, еще занимался вопросами венгерской партии. Противоречия между ним и некоторыми членами ЦК КПВ несколько сгладились.

IV конгресс Коминтерна.

Последний конгресс с участием Ленина.

Самыми главными на конгрессе были вопросы о едином фронте и рабочем правительстве, о программе Коминтерна, о задачах коммунистов в профессиональном движении, о новой организационной структуре Коминтерна.

В своем выступлении Бела Кун говорил о том, что «...мы должны собрать все данные русского революционного опыта, чтобы иметь возможность использовать их после тщательного критического анализа для нашей революционной борьбы. Мы

---

[1] Г. В. Плеханов, Избр. философские произведения в 5 томах. М., 1956, т. 2, стр. 333.

все, боровшиеся за русскую революцию и руководившие революционной борьбой на Западе, мы все, исходя из опыта русской революции, построили целый ряд более или менее незрелых, неверно обобщенных теорий. Почти никому из нас не удалось избежать этой ошибки. Но мне кажется, что значение русского опыта заключается именно в том, что мы, руководствуясь им, должны избегать дальнейших ошибок. Мы должны избегать всякого утопического уклонения и с критическим разбором применять данные русского опыта к западноевропейским условиям. Мы должны стараться, опираясь на опыт русской революции, стать в Западной Европе на путь той же реальной революционной политики, которой всегда придерживалась и теперь еще придерживается Российская Коммунистическая партия».

В Москве он вскоре заболел, потом ему стало лучше, и он хотел уже приступить к работе. Но тогдашние руководители Коминтерна приехали к нему по поручению Ленина и попросили поехать вместе с семьей лечиться на Кавказ. Сказали, что сами уже позаботились об всем, привезли с собой даже билеты на поезд и деньги, а на курорте нас, мол, уже встретят.

Бела Куну эта поездка пришлась не по душе, но делать было нечего. Приказ есть приказ, тем более когда он исходит от Ленина.

Надо сказать, что Бела Кун всегда был связан с Лениным и Ленин проявлял к нему постоянное внимание.

Но пусть об этом расскажет лучше Лидия Александровна Фотиева. Приведу отрывок из ее письма ко мне:

«Я хорошо помню, с каким уважением и как сердечно относился В. И. Ленин к тов. Бела Куну. Да и как же мог иначе относиться Ленин к одному из крупнейших революционе- 5
ров Венгрии, фактическому руководителю революционного Венгерского Советского правительства.

Известно, какое сердечное письмо написал В. И. Ленин тов. Бела Куну в ответ на сообщение последнего о начавшейся интервенции и тяжелом положении Венгерской советской республики. А позже, в 1922 году, когда Бела Кун работал на руководящей партийной работе на Урале и занимал ответственные партийные и советские посты, как заботливо старался Владимир Ильич обеспечить ему отдых и лечение в Стокгольме. Три записки написал Владимир Ильич в один и тот же день, 13 апреля 1922 года, разным лицам, и в каждой из них он просил оказать всяческое содействие и помощь тов. Бела Куну и его семье. Вот текст одной из них:

«13. IV. 1922 г.

т. Керженцев!

Очень прошу Вас оказать полнейшее доверие и *всяческое* содействие тов. Бела Куну и его семье по части устройства в Стокгольме, отдыха и лечения (в чем он *очень* нуждается) и всего прочего.

Лучшие приветы! Ваш Ленин»

Эта и другие записки опубликованы в последнем (пятом) издании Сочинений В. И. Ленина, т. 54, стр. 239.

Правда, тов. Бела Куну не пришлось поехать в Швецию, так как Швеция не дала ему визы, но дело не в этом, а в искреннем желании Владимира Ильича всячески помочь товарищу Бела Куну».

К сожалению, сам Бела Кун не написал о своих отношениях с Лениным, считая их чем-то глубоко сокровенным и личным. Более того, он совершил поэтому еще и непростительную ошибку. Письма и записки Ленина он держал в ящике своего письменного стола и даже после кончины Ильича не передал их в Институт Ленина. Увы, все эти семь писем-записок безвозвратно пропали в 1937 году.

Однако вернемся к выполнению ленинского «приказа», к лету 1923 года.

Итак, в назначенный день мы поехали в Железноводск. Времени для подготовки к отъезду почти не потребовалось, ибо «туалеты» в ту пору не доставляли особых забот. У Бела Куна был один костюм, у меня два ситцевых платья и сандалии. Вот и весь гардероб. Собраться было просто.

Железноводск с его тишиной и чудесным воздухом заставил нас позабыть обо всем. Мы как зачарованные бродили по окрестностям. Бела Кун сразу же в день приезда повеселел и заявил, что он уже вылечился на этом прекрасном воздухе. Еще больше повеселел, когда узнал, что ему не придется жить в санатории, а нас поместят в отдельный дом и он оттуда будет ходить на лечение. А тут еще одна радость подоспела: Бела Кун узнал, что в соседнем доме живет вместе с семьей его старый друг и товарищ Михаил Васильевич Фрунзе.

В памяти у меня сохранилось шесть чудесных недель, что мы провели в Железноводске. Бела Кун изо дня в день становился все бодрей и веселей. Большую часть времени мы проводили вместе с Фрунзе и его семьей, то в их большом и необставленном доме, то в нашем доме, где вся обстановка была — пять железных коек, дощатый стол и несколько табуреток. Но больше всего мы гуляли вместе.

У Фрунзе было тоже двое детей: сын Тимур, еще младенец, и дочка Таня — ей было три года. Она много играла с нашим Колей, да и сам Фрунзе больше всего любил возиться с ним — такой Коля был веселый и забавный мальчик.

Помню, как-то однажды мы пошли в гору и навстречу нам попалась цыганка. Пристала: «Давай погадаю!» Фрунзе и Бела Кун выказали решительное сопротивление. Тогда цыганка, чтобы доказать свое искусство, сказала: «А я все про вас знаю и даже скажу, кто чья жена». Уставилась на меня и, тыча пальцем во Фрунзе, торжествующе заявила: «Это твой муж!» Мы так и покатились со смеху. Бела Кун сунул ей в руку деньги, поставив твердым условием, что она не будет нам гадать ни о будущем, ни о настоящем.

По прошествии шести недель мы вместе с Фрунзе переехали в Кисловодск. Провели вместе еще две недели и, здоровые, веселые, поехали домой.

В сентябре 1923 года Бела Кун был назначен уполномоченным ЦК РКП(б) в ЦК РКСМ.

Это был период, когда в среде молодежи, особенно студенческой, и даже у некоторых руководителей комсомола были довольно сильны левацкие настроения. С ними надо было вести упорную борьбу, надо было убедить молодежь в неверности этих воззрений. Очевидно, Бела Куна нашли наиболее подходящим для такой работы.

Популярность его среди молодежи была велика, и пусть даже не сразу, однако многих молодых людей удалось ему свести с неверного пути.

Молодежь любила Бела Куна за то, что он никогда не говорил с ней свысока, по праву «старшего товарища»: не проявлял нетерпимости к заблуждениям, не жалел времени на разговоры, на споры. Воспитание молодежи он считал важнейшей политической задачей и охотно занимался ею.

Мы уже переселились на Воздвиженку, 10 (ныне улица Калинина), в тот же дом, где помещался ЦК РКСМ. Это очень облегчало работу Бела Куну, ибо и днем, поздно вечером и даже ночью мог он уходить к себе в кабинет и работать, а также днем и поздно вечером (хвала небу, что хоть не ночью) к нам могли заглядывать работники Цекамола. Вот уж когда наш дом стал действительно проходным, хоть швейцара выставь к дверям. То и дело стучались и звонили молодые люди, едва здороваясь, направлялись прямо в кабинет Бела Куна, считая его, очевидно, своей территорией, а самого

Бела Куна почти своей собственностью, гордясь тем, что «теперь он наш».

Комсомольцы той поры были по самую макушку начинены революционной романтикой, которую большинство с нетерпением жаждало претворить в революционное дело.

Идеалами их были народовольцы, большевики-подпольщики, прошедшие тюрьмы, каторгу и ссылку, герои гражданской войны. Излюбленным чтением их (я сужу об этом, даже по своим детям, тогда, правда, еще маленьким) были напечатанные на серой бумаге, с силуэтом Петропавловской крепости на обложке, книги «Историко-революционной библиотеки», различные издания Истпарта. Потому-то и тянулась, очевидно, молодежь к Бела Куну, который был для них тоже романтической фигурой, человеком, который возникал повсюду, где надо было сражаться за революцию.

Недавно, уже после первого издания моей книги, довелось мне прочесть воспоминания Александра Мильчакова, одного из комсомольских руководителей тех лет. И так мне стало приятно, будто он откликнулся на мои слова, будто для того и написал, чтобы восстановить в моей памяти время, когда Бела Кун был очень счастлив, работая с молодежью.

«Впервые я увидел Бела Куна, — пишет Мильчаков, — в октябре 1920 года на III съезде комсомола. Бела Кун сидел на сцене. Его лицо запомнилось добрым и благожелательным, он с явным интересом слушал выступления делегатов. Видимо, в связи с записками председатель объявил: «С нами товарищ Бела Кун». Мы долго аплодировали, выражая горячие симпатии венгерским коммунистам и их руководителю.

В 1923 и 1924 годах члены ЦК комсомола часто встречались с Бела Куном и вместе работали. Этот период деятельности Бела Куна можно назвать «комсомольским».

Центральный Комитет РКП(б) нашел тогда необходимым, кроме обычных форм связи с комсомолом, иметь в Центральном Комитете РКСМ постоянного представителя, работающего непосредственно в Цекамоле. Такой факт — единственный в истории комсомольского движения.

Держу в руках протокол заседания бюро ЦК РКСМ от 2 октября 1923 года, читаю строки: «Ввести товарища Бела Куна в бюро ЦК РКСМ», и живо вспоминаю обстановку и нашу первую беседу... Я сижу напротив Бела Куна. Бела Кун ведет беседу очень тактично, я сказал бы даже осторожно, больше спрашивая и побуждая собеседника рассказывать. Нам, двадцатилетним, Бела Кун казался «стариком», хотя этому старику было всего 37 лет...

Тот факт, что в молодежный ЦК пришел великовозрастный человек да еще иностранный коммунист, уполномоченный усилить партийное руководство, утихомирить страсти чрезмерных споров между молодыми, мог вызвать опасения: не станет ли он опекать нас, молодых, навязывать свое мнение. Опасения эти быстро рассеялись, Бела Кун вдумчиво, с большим пониманием подходил к юношеским проблемам.

...В траурные дни января 1924 года Бела Кун вместе с нами участвовал в работе экстренного пленума Центрального Комитета РКСМ, присвоившего комсомолу и пионерской организации имя Ленина, в выработке обращения ЦК комсомола ко всем членам союза и молодым рабочим и крестьянам в связи с кончиной Ленина.

...На XIII съезде партии Бела Кун находился в числе делегатов от ЦК РКСМ. Я видел, как зарубежные товарищи, приветствуя его, называли «комсомольцем», а Бела Кун добродушно отшучивался.

...В нашем представлении, работников юношеского движения, Бела Кун находился в числе партийных деятелей, пользовавшихся неизменным уважением и любовью молодежи... Он был весь «свой» коммунист-интернационалист, друг и товарищ в наших радостях и горестях.

...Надежды старшего поколения революционеров, обращенные к молодежи, он ярко выразил в словах, сказанных на съезде молодых рабочих Венгерской советской республики в Будапеште 20 июня 1919 года:

«Вы, юные пролетарии, пройдете такую духовную перестройку и обретете такое сильное чувство солидарности, что заслужите себе право жить при социализме. Это такая цель, ради которой стоит бороться, стоит идти на любые жертвы. Поэтому боритесь, учитесь, старайтесь обрести новую мораль, которая позволит вам так жить при социализме, как это требуется от людей, желающих пользоваться плодами социализма».

Хорошие слова привел товарищ Мильчаков, и хотя сказаны были они в 1919 году, однако не мешает их вспомнить и десятилетия спустя.

И что слова Бела Куна дошли тогда до молодежи, свидетельство тому и воспоминания Мильчакова.

Прошел 1923 год. Наступил 1924-й. Январь месяц.

Умер Ленин.

Началась новая эпоха в жизни Советского Союза.

Да и в нашей жизни.

«Herr Doktor»

1

В конце 1923 года Бела Кун был назначен заведующим отделом агитации и пропаганды Коминтерна.

Приближался V конгресс Коммунистического Интернационала. Он поставил перед иностранными партиями очень важные задачи: расширение тактики единого фронта, большевизации партии, вернее сказать, создание таких партий, которые ставят себе целью взятие власти. Все это в значительной степени подняло роль отдела агитации и пропаганды. И Бела Кун, который до этого только и говорил, что писание тезисов и резолюций «не его хлеб», и, в сущности, тосковал по уральским заводам, вынужден был есть этот хлеб — заняться «писаниной».

Так как в дневные часы он вел переговоры с представителями различных партий, с товарищами, приехавшими из разных стран, то писать он мог уже только по вечерам. Случалось, что он работал со своими сотрудниками допоздна, занимая всю квартиру, оставляя семье только одну комнату, где все ложились спать. Если какая-нибудь из машинисток совсем выбивалась из сил — диктовал ведь не один Бела Кун, а и другие товарищи, — то вызывали меня и усаживали за машинку. Я хоть и не была профессиональной машинисткой, однако охотно бралась за работу, так как рада была помочь. Но радость эта каждый раз оборачивалась печалью, как только Бела Кун вычитывал рукопись и упрекал меня за опечатки. Я обижалась, заявляла, что никогда больше печатать не буду, но обещание свое держала лишь до тех пор, пока меня не просили вновь.

Кроме отдела агитации и пропаганды, Бела Кун работал и в Исполкоме Коминтерна в качестве представителя Компартии Венгрии. Так что работы у него было по горло. Кроме того, он считал еще своей первоочередной задачей помощь

венгерским политэмигрантам. Большая часть их заслуживала поддержки уже ради своего революционного прошлого, но для Бела Куна самым главным было другое: он хотел воспитать большевистские кадры для будущих боев КП Венгрии.

Непосредственное участие в работе Венгерской компартии было самым горячим желанием не только Бела Куна, но и всей московской эмиграции.

Использование опыта русской большевистской партии применительно к условиям Венгрии, организация материальной помощи КПВ — все эти задачи были тепло и искренно встречены большинством политэмигрантов.

Жизнь их уже более или менее вошла в колею. Все устроились на работу, получили жилье. А поэтому самое время было поставить на повестку дня вопрос о реальной поддержке венгерского рабочего движения.

Но для этого нужно было прежде всего создать условия. Наиболее целесообразным представлялось учреждение политического клуба.

Бела Кун обратился в Московский комитет партии с просьбой предоставить здание, где можно было бы учредить клуб политэмигрантов. В Москве существовал уже латышский клуб.

МК партии передал венгерским политэмигрантам дом 18 по Леонтьевскому переулку (ныне улица Станиславского), в котором осенью 1919 года был произведен взрыв и жертвой покушения анархистов стал секретарь Московского комитета партии В. М. Загорский.

Здание это надо было основательно отремонтировать, поэтому под клуб отвели пока временное помещение на Новой Басманной. Там сразу же создали кружки, начали читать доклады и лекции. Но успешной работе мешало ощущение того, что все это временно. По-настоящему работа пошла только тогда, когда открылся клуб в Леонтьевском переулке.

Товарищи с воодушевлением взялись за дело. Число членов клуба почти равнялось числу эмигрантов. Каждый почитал за честь участвовать в закладывании основ клубной работы.

Было избрано временное правление. Точный список его я уже не помню, но знаю, что в него вошли Деже Бокани, Ференц Мюнних, Ференц Янчик, Шандор Надь и еще многие другие. Секретарем клуба был избран Реже Санто.

В ту пору Реже Санто принадлежал еще к младшему поколению венгерских коммунистов — теперь и ему уже свы-

ше семидесяти лет. Революционная биография Реже Санто началась в первую мировую войну и во время буржуазно-демократической революции. Затем он участвовал в венгерской пролетарской революции, до последнего дня сражаясь в Красной армии. После падения Венгерской советской республики его приговорили к пятнадцати годам тюрьмы. В 1923 году он попал в Москву по обмену.

Бела Кун знал Реже Санто еще по Венгрии и считал его надежным коммунистом. По приезде Санто немедленно включился в деятельность клуба, и хотя был очень занят на своей основной работе, однако активно участвовал в каждом мероприятии «первой оружейной мастерской Компартии Венгрии» (так назвали политэмигранты свой клуб). В 1936 году он добровольно поехал в Испанию, где героически сражался под началом Мате Залка. После поражения испанской революции попал в Москву, где и работал до самого возвращения на родину.

2

Клуб начал свою деятельность в самых скромных масштабах. Да и понятно: не было почти никаких материальных предпосылок. Вся работа велась на общественных началах. Руководители кружков, семинаров, библиотекари, казначеи — все работали бесплатно. И, несмотря на это, были какие-то неизбежные расходы, которые приходилось покрывать из членских взносов.

Казначеем клуба стал Шимон Богдань — отличный, самоотверженный товарищ, старый участник рабочего движения. Он был не просто казначеем, но еще добровольно взял на себя обязанности контролера: строго проверял, кто и когда платит членские взносы. Сперва платили только взносы в клуб, позднее коммунисты — члены клуба решили, что они будут вносить столько же денег для Венгерской партии, сколько вносят для Российской. Но когда кто-нибудь, не дай бог, отдавал Богданю деньги с опозданием, Богдань сразу же обращался к Бела Куну, прося «срочно дать нахлобучку» тому или иному товарищу. И сколько Бела Кун ни убеждал его относиться к людям терпимее, напоминая и о том, что это добровольные взносы, Шимон Богдань оставался при своем мнении. И в ближайшем номере стенгазеты или на клубном вечере сам «протаскивал» нерадивого члена клуба.

Поначалу, пока товарищи еще недостаточно хорошо знали русский язык, самым популярным мероприятием клуба была

еженедельная «Живая газета» — она информировала слушателей об актуальных вопросах советской и международной политики.

Раз в месяц читались и доклады. Нередко выступал и Бела Кун. Доклады его обычно стенографировались, но из этих стенограмм еще почти ничего не удалось найти.

Деже Бокани, Ференц Мюнних, Реже Санто, Пал Хайду, Дюла Хевеши и другие были тоже «штатными» докладчиками. Собрания эти затягивались иногда до полуночи — столько было желающих участвовать в прениях. Московские венгерцы жили интенсивной политической жизнью.

Велась работа и с женщинами, и с комсомольцами, и с пионерами. О результатах этой работы отчитывались перед членами клуба. Впрочем, комсомольцы и пионеры действовали и совсем самостоятельно. Читали стихи на вечерах, ставили пьесы, организовали по примеру «Синей блузы» и свою «Красную блузу». Участвовали и в создании библиотеки, которую собрали из подаренных и купленных книг.

В организации кружков, хоров, в постановке спектаклей большую роль играли венгерские писатели. На их долю и вообще-то выпала вся культурно-просветительная работа в эмиграции. Бела Иллеш, Антал Гидаш, Эмиль Мадарас, Ян Матэйка, Шандор Барта, Шарлота Лани, Фридеш Карикаш и Лайош Киш — все они охотно брались писать пьесы и даже ставить их. Бела Иллеш довольно долго редактировал стенгазету, в которой строго критиковал, высмеивал тех членов клуба, которые работали недостаточно самоотверженно.

Деятельность венгерских писателей, живших в Москве, разумеется, не исчерпывалась работой в клубе. С согласия партии они учредили Союз венгерских революционных писателей и художников, который объединил разбросанных по всему миру деятелей искусства (примерно пятьдесят человек). Секретарем этой организации стал Гидаш.

Увековечивание памяти Венгерской советской республики, художественное изображение героической борьбы Компартии Венгрии легли в основу программы московских венгерских писателей.

Бела Кун придавал большое значение литературе и поддерживал писателей. Хотя он был очень занят, однако ж иногда целыми ночами обсуждал с писателями планы их будущих книг, слушал отрывки из новых произведений, а так как хорошо разбирался в искусстве, то нередко давал и ценные советы. Когда у кого-нибудь из писателей-эмигрантов выходила новая книга, Бела Кун иногда радовался ей больше, чем сам

автор. Потому-то так охотно писал предисловия к этим книгам — он хотел поддержать писателей, ободрить в их нелегкой жизни «на чужой языковой территории».

Учредили при клубе и рабкоровский кружок. Им руководил Пал Хайду, бывший главный сотрудник «Вереш уйшага». Больше десяти лет снабжал он статьями рабочих венгерскую коммунистическую печать от Вены до Кошицы, от Кошицы до Нью-Йорка.

Клуб устраивал не только вечера, но и экскурсии. В организации их большую роль играли женщины. Они сами жарили мясо, пекли превосходные пироги, печенья и пирожные, продавали их в буфете клуба, а вырученные деньги отдавали партии. Жены Баяки, Удварди, Витеза, Янчика, Рабиновича, Шандора Надя, Янковича и еще многие другие проявляли такую активность в этом деле, что для партии каждый раз собиралась сравнительно большая сумма денег.

Распространение журналов «Уй марциуш» («Новый март»), «Шарло еш калапач» («Серп и молот») и изданий библиотеки «Мунка еш тудаш» («Работа и знание») — все это тоже ложилось на плечи членов клуба. Они же взяли на себя и перевод избранных сочинений Ленина. Ференц Мюнних, Реже Санто, Лайош Мадьяр, Пал Хайду, Шари Фоньо, Игнац Зоргер, я и еще многие другие были переводчиками и редакторами этих ленинских томов.

В работе клуба участвовали не только взрослые, но и дети. Трогательно было, когда восьми- и десятилетние ребята сновали по залам клуба и просили, чтобы им тоже поручили какое-нибудь дело. Они продавали билеты, книги, журналы, газеты. Деньги, которые собирали, бросали в копилку и соревновались, кто больше соберет в пользу партии.

Клуб отмечал и все большие праздники советского народа. Например, в день десятилетия Октября пятьсот венгерцев хотя и в штатском, но вооруженные винтовками, прошли по Красной площади под лозунгом «Да здравствует Вторая Венгерская советская республика!».

Деятельность московского венгерского клуба чувствовалась и в провинции. Клуб разузнавал, где живут венгерцы-эмигранты и бывшие военнопленные, и, если там недоставало людей, чтобы учредить клуб, создавал группы, с которыми московский центр был постоянно связан, снабжал их литературой, вовлекал в жизнь Компартии Венгрии.

В Ленинграде жило несколько сот венгерцев. Они тоже учредили свой клуб. Назвали его именем Бела Куна. Он ставил перед собой такие же задачи, как московский, и ничуть не

отставал от него. Клубы обменивались опытом и вступали в соревнование друг с другом.

Бела Кун держал непосредственную связь с ленинградским, киевским и ташкентским клубами. Он часто ездил с докладами на ленинградские предприятия и тогда непременно выступал и в венгерском клубе. (Впрочем, в Ленинграде были и фабрика и пароход, названные его именем.)

Много отличных венгерских товарищей жили в Ленинграде: Чери, братья Хофманы, Эмиль Хорти, Бауэр и многие другие. Ленинградские венгерцы тоже старались не отрываться от венгерского революционного движения.

Главная заслуга этих клубов и групп была в том, что венгерская эмиграция не распалась и не оторвалась от своей родины, как это бывало всегда со всеми эмиграциями. Поэтому, какой бы большой пост ни занимал в Советском Союзе тот или иной политэмигрант, как ни сжился он с советскими людьми, однако цель его оставалась неизменной: вернуться в Венгрию и участвовать в революционной борьбе партии.

И многие отличные товарищи эмигранты возвращались на родину и принимали участие в подпольном движении. Их не пугали ни тюрьмы, ни пытки, ни смертельная опасность. Они готовы были на любую жертву ради новой Венгрии.

Все это не означало, что у эмиграции не было своих теневых сторон. Были и споры и ссоры, да и фракционная борьба двадцатых годов не раз мешала работе клуба и дружной жизни эмигрантов. Но когда Коминтерн вынес решение о прекращении фракционной борьбы, прекратились противоречия и среди эмигрантов либо выявлялись только в скрытой форме.

3

1922—1923 годы поставили перед тяжелым испытанием и большевистскую партию и весь трудовой народ Советской России.

Состояние здоровья Ленина стало катастрофически ухудшаться. Семья и близкие товарищи знали, что надежды на выздоровление почти нет.

Об этом времени трудно вспоминать даже спустя столько десятков лет.

Товарищи слонялись тихие, грустные, приходили друг к другу — авось да услышат какую-нибудь добрую весть, а может, дело пошло на поправку, ведь и врачи могут ошибиться... Хотя все догадывались, что в данном случае врачи вряд ли ошибаются. Эсеровская пуля 1918 года достигла своей цели и

ускорила роковой исход болезни, которая вот уже два-три года мучила Ленина.

Только благодаря невероятной силе воли удавалось Ленину столько времени при такой напряженной работе бороться с болезнью.

Лица у всех коммунистов стали почти одинаковыми от печали, все были так похожи друг на друга, будто породнились в этом горе. Думаю, что даже в самые кризисные дни революции партия не была так спаяна, так едина, как в эти дни.

К безутешной скорби присоединилась и озабоченность: что будет, если настанет конец и большевистская партия, трудовой народ страны потеряют своего вождя?

21 января 1924 года Ленина не стало.

Не только огромная Россия оплакивала его и провожала в последний путь. Безвременная кончина Ленина потрясла рабочий класс всего мира, да и вообще все прогрессивно мыслящее человечество. Каждый чувствовал, что уход Ленина — страшная утрата для всего трудового народа первой социалистической державы, для всего передового человечества, для каждого, кто стремится к новому и великому.

Бела Кун не любил выражать свои чувства словами. Уже задолго до смерти Ильича ходил он молчаливый, неприступный. А после смерти и вовсе замолчал, замкнулся. Только выражение лица выдавало его страдания.

Когда узнал, что его избрали в комиссию по ленинским похоронам, тоже не промолвил ни слова, ушел из дому.

С Лениным я встречалась всего лишь один раз — на IV конгрессе Коминтерна. Думаю, что на этом конгрессе самой счастливой была я: ведь я познакомилась с великим революционером, о котором слышала столько восхищенных рассказов и от Бела Куна.

Знакомство состоялось на лестнице в том доме, где шел конгресс. Мы с Бела Куном спускались вниз, а Ленин как раз подымался наверх. Увидев Бела Куна, остановился, пожал ему руку и, кинув взгляд на меня, спросил:

— Жена?

— Да! — ответил Бела Кун.

Тогда Ленин улыбнулся, протянул мне руку и сказал:

— А я Ленин. — Потом просто и непосредственно стал расспрашивать, как мне жилось на Урале и какие у меня дальнейшие планы. — Надо выучить русский язык, и хорошо выучить, — произнес он очень серьезно. Потом с настоящим

интересом стал расспрашивать о детях, о том, не тоскую ли я по родине, выздоровела ли уже совсем, не нуждаюсь ли в чем-нибудь, — и все с таким искренним теплом, что этого никогда не забудешь. Потом повернулся к Бела Куну, сказал ему что-то о предстоящем докладе и торопливо пошел вверх по лестнице.

После этого я видела Ленина уже мертвым.

В Колонном зале Дома союзов.

Тридцать пять градусов мороза было в те дни. И все-таки улицы были запружены толпами людей, длинные людские цепи тянулись на всем пути к Дому союзов. Мужчины, женщины, дети стояли на улицах в эту лихую стужу и ждали, ждали... Повсюду пылали костры. Но разве могли они согреть всех людей, которые хотели проститься с Лениным?

Ночью Бела Кун прислал за мной, чтобы и я пришла к Ленину на прощанье.

В огромном зале неумолчно лились звуки траурных мелодий, и нескончаемым потоком шли люди. Людской поток донес и меня до гроба. Рядом с Лениным стояла Надежда Константиновна. Молча. Опустив голову. С разных концов доносились рыдания.

Уже выходя из зала, я увидела Бела Куна. Он как раз подводил к гробу очередную смену почетного караула. Караул сменялся каждые пять минут.

С Бела Куном я должна была встретиться в одной из боковых комнат. Он вошел и попросил не ждать его, так как вернется лишь утром, и то ненадолго. Поспит час или два и пойдет обратно.

Я отправилась домой. Мысленно перебирала все, что рассказывал мне Бела Кун о Ленине, о человеке и революционере.

Вспомнила и 1918 год, когда возвращались в Венгрию военнопленные и толковали о русской революции, о Ленине. Тогда я представляла его себе совсем иным: неземное существо, чудотворец, повел на борьбу испокон веку угнетенный народ России и победил.

Когда же Бела Кун вернулся из России и рассказал о Ленине, мне стало ясно, что Ленин вовсе не неземное существо, а революционер и настоящий человек. Ценой героической борьбы создал он такую партию, которой удалось привлечь массы на сторону революции и подготовить их к взятию власти. Ленин, говорил мне Бела Кун, завоевал и удержал доверие и любовь масс именно тем, что остался самим собой, остался скромным человеком, даже будучи во главе громадной державы. Его политические дела и личная жизнь абсолютно со-

впадали с той идеей, которую он провозглашал, за которую он боролся.

Когда Бела Кун рассказывал о Ленине, чувствовалось по голосу, что он горд тем, что Ленин его любит и он может быть учеником Ленина; благодарен за то, что, если ему случалось занять ошибочную позицию в каком-нибудь вопросе, Ленин убеждал его, выводил на верный путь. И в последующие годы, когда Бела Куну надо было принять решение по какому-нибудь серьезному вопросу, он всегда думал о том: а как решил бы Ильич?

...Ленина похоронили. Сто тысяч рабочих вступили в партию, чтобы восполнить тяжелую потерю.

В том году Бела Кун отдал очень много души и сил, чтобы организовать издание ленинских трудов на разных языках мира.

4

Я уже кое-как научилась разговаривать по-русски, Агнеш говорила превосходно. Странно усваивала она язык. Ходила в русскую школу, но, когда к ней обращались, в первые три месяца не отвечала. Дома тоже в ходу были только венгерский язык да итальянский. (Последний она вскоре забыла совсем.) И вот в один прекрасный день заговорила по-русски и в школе и дома, причем безупречно.

Сама я в это время служила уже в Межрабпоме — реферировала немецкую и французскую прессу. Потом некоторое время работала в Межрабпомфильме. (Весь доход с картин этой студии шел в помощь революционерам, арестованным в капиталистических странах.)

В Межрабпоме было довольно много неполадок, и поэтому решили произвести ревизию. Поручили это дело старому большевику Цветковскому. Он проверил все и предложил кое-кого уволить, а меня вызвал к себе и сказал: «Вы будете заведовать отделом». Я запротестовала, сказала, что у меня на это не хватит способностей. Он долго настаивал, но тщетно.

Когда я рассказала о своем разговоре Бела Куну, он засмеялся: «Да, неплохо, если бы и другие так же откровенно сообщали, к чему у них есть способности, а к чему нет».

В конце 1925 года я перешла на работу в Северолес, председателем которого был Эрне Пор. Позднее, когда Пора откомандировали в Англию, поступила в ВЦСПС. Но там работа пришлась мне не по душе, и тогда заместитель директора Института Маркса и Энгельса Эрне Цобель предложил мне перейти к ним.

Когда я явилась к директору института Рязанову, он начал орать (голос у него был такой, что стены дрожали):

— Жена Бела Куна! Ну и что ж? Да разве я МОПР, благотворительное учреждение, чтобы всех принимать к себе?

Расстроенная, чуть не плача, пошла я домой. Полчаса спустя позвонил Цобель:

— Приходите, вы приняты.

— Не пойду, — ответила я.

— Нет, приходите.

Одиннадцать лет проработала я в институте. Рязанов был очень доволен мной.

— Вы деловой, трудолюбивый работник, таких я люблю, — сказал он мне как-то. — Не сердитесь на меня! Но ведь сами же понимаете, что немало жен ответработников, которые ни черта не делают, целыми днями баклуши бьют, а зарплату получают. Ну не сердитесь!

17 июня 1924 года открылся V конгресс Коминтерна. На этом конгрессе у Бела Куна было очень много дела. Он участвовал в работе и политической, и программной, и организационной комиссии. Был председателем комиссии по пропаганде. Однако, несмотря на страшную загруженность, ходил веселый, полный энергии.

Когда конгресс закончился, Краснопресненский райком партии устроил в честь немецкой делегации большой праздник в Серебряном бору, где мы снимали дачу. Приехали Тельман, Пик, Геккерт и другие. Играли в лесу в салочки, в горелки. Бела Кун тоже бегал, как мальчик.

Наигравшись и набегавшись, сели ужинать. И вдруг мне стало дурно. Я потеряла сознание. Померили температуру: сорок. Поначалу опасались самых разных болезней, но потом выяснилось, что у меня попросту малярия. Повезли в Кремль (больница тогда еще помещалась там). Я всю ночь металась в жару и пела. Меня заворачивали в мокрые простыни и заставляли пить хинин. Бела Кун сидел у Клары Цеткин (она тоже жила в Кремле) и каждые пятнадцать минут названивал врачу, чтоб узнать, как я себя чувствую.

Через несколько дней мне стало лучше.

В 1921 году, на III конгрессе Коминтерна Клара Цеткин выступала против руководителей мартовского выступления, в том числе и против Бела Куна. Но позднее они очень подружились. Клара Цеткин часто бывала у нас, приходила обедать, мы угощали ее венгерскими блюдами. Бела Кун почти

благоговейно относился к Кларе, как называли ее все близкие товарищи. Уже и в те времена Цеткин была очень старая и почти слепая. Как-то однажды я пошла к ней на квартиру с какой-то секретной бумагой от Бела Куна. Квартира была маленькая, прихожая темная. Вышла женщина и хотела взять пакет. Я ответила, что могу передать его только лично Кларе Цеткин. Тогда вышла и Клара. Я обратилась к ней по-немецки, но она сразу почувствовала по акценту, что я венгерка, и спросила:

— А вы знакомы с женой Бела Куна?

— Знакома, — пролепетала я смущенно.

— Очень милая женщина, — сказала Цеткин. — Если встретитесь с ней, передайте ей, пожалуйста, привет от меня.

В замешательстве я не знала, что и ответить, повернулась и вышла.

Потом мы еще не раз встречались с ней, но я никогда не упоминала об этой встрече. Жалела ее, она ведь скрывала свою слепоту.

5

В июне 1925 года в один прекрасный день Бела Кун сказал мне, что скоро поедет в Вену. Принято решение созвать там под его руководством I конгресс Коммунистической партии Венгрии.

Нельзя сказать, чтоб я очень обрадовалась этой вести. Прошло всего лишь пять лет с той поры, как Бела Кун был заключен в австрийский сумасшедший дом, где его пытались отравить, похитить... А теперь он опять едет туда.

Делать было нечего. Я уже привыкла, что коммунистом распоряжаются партия и Коммунистический Интернационал. Знала, что жене в это лучше не встревать и не затруднять и без того трудное дело.

Мы простились дома, так как по соображениям конспирации мне нельзя было поехать на вокзал. Стояло лето, все жили на даче. В венгерском клубе был тоже мертвый сезон, поэтому товарищи не заметили, что Бела Кун уехал из Москвы.

Жизнь моя, как и всегда в такую пору, была сплошным ожиданием. Я ждала Бела Куна. Вернется ли он? Не схватят ли его? Кто это мог знать? Больше всего угнетала полная неопределенность: ни дат, ни сроков... Может быть, вернется через месяц, а может, через два, а может, и вовсе не вернется... Но работа и дети поглощали целиком, так что дни хоть и с трудом, но проходили.

На I конгрессе КПВ основной доклад о политическом положении и задачах партии делал Бела Кун. Второй доклад — о крестьянском вопросе — тоже он.

...Бела Кун благополучно вернулся со съезда. Улыбаясь, вошел в квартиру, будто только что вернулся с прогулки. Поздоровался со всеми и сказал:

— Говорил же я, никогда не бойтесь за меня! Ничего со мной не случится!

Теперь уже и я улыбалась.

Сразу же роздал всем подарки. Первой — Марусе: ей он привез красивую вязаную кофточку. Маруся от смущения сказала только: «Зачем, зачем?» — и выбежала из комнаты. (Маруся — Мария Евдокимовна Быкова — попала в Москву из Орловской губернии. Тридцать семь лет жила она у нас, последние годы у Гидаша с Агнеш и стала в полном смысле этого слова членом семьи. Я и до сих пор жалею, что она не поехала с нами в Будапешт. Но шестидесятишестилетняя Маруся не решилась пуститься в такую дальнюю дорогу, да к тому же на чужбину, хотя и ей трудно было расставаться с нами. Ведь она воспитала и моего сына Колю и даже в какой-то степени Агнеш. Марусе никто никогда не перечил в семье, все были с ней ласковы. Сейчас Маруся уже на пенсии, но, к сожалению, живет все еще в той же малюсенькой комнатушке при кухне в нашей бывшей квартире на улице Калинина.)

...Сестре моей Ханнке Бела Кун привез платье и передал, шутливо заметив:

— Знаю, что вы элегантная женщина.

— Всегда смеетесь надо мной, — ответила Ханнка, но, обрадовавшись подарку, сама тоже перешла в шутливое наступление: — А я и не думала, что у вас такой хороший вкус и такой опыт в покупке дамских платьев. Ну, ну, об этом мы еще поговорим!

Было припасено и несколько сюрпризов для детей. Агнеш примерила привезенное ей платье и заявила, что носить его не будет, потому что в школе ее засмеют: подумаешь, тоже в заграничном ходит! Маленький черноглазый Коля за полчаса весело разломал «Конструктор», хотя отец надеялся, что пятилетний малыш сможет сложить из этих шайбочек да винтиков целый завод.

Надо сказать, что Бела Кун всегда старался подгонять своих детей, чтоб скорее, скорее вырастали. Он так разговаривал с ними, такие обсуждал вопросы, покупал им такие книги, словно дети были на четыре или пять лет старше, чем на самом деле.

Когда мы остались вдвоем, он вытащил из кармана книжечку в черно-красной обложке, помахал ею и возбужденно сказал:

— Ирэн, я открыл большого венгерского пролетарского поэта!

Пока говорил, от волнения и радости несколько раз перелистывал страницы, закрывал книгу, опять открывал.

Я хотела взять ее у него из рук, чтобы почитать, но он крикнул возбужденно:

— Нет, нет, я сам вам прочту!

И от начала до конца прочел весь сборник. Потом спросил:

— Нравится?

И посмотрел на меня таким взглядом, что я все равно не могла бы ответить: «Нет!», даже если б стихи мне не понравились. Но меня они тоже потрясли, и я сказала об этом Бела Куну.

— По этой книге можете понять, что революция живет в душе у трудового люда Венгрии, и не только в душе, но и в сознании, — сказал он, потом добавил: — Эти стихи написаны уже два года назад. В Пеште их прятала у себя какая-то сочувствующая нам буржуйка. Поэт участвует в движении, и если б в случае провала у него нашли бы эти стихи, то пять или десять лет отвалили бы наверняка... вместо гонорара.

Потом он рассказал историю издания этого сборника.

Они вместе с Ландлером собрали деньги. В Берлине он познакомился с автором стихов, зовут его Антал Гидаш. Его привел на явочную квартиру Аладар Комьят, а он, Бела Кун, предложил Гидашу поехать в Советский Союз и пожить какое-то время в Москве, так как это много дало бы для развития его таланта.

В 1925 году в Москву прибыло несколько сот экземпляров этой книги. Называлась она «На земле контрреволюции». Большинство политэмигрантов встретили ее с восторгом, и вскоре в клубе на вечерах читали главным образом стихи Гидаша. Агнеш не было еще одиннадцати лет, когда она уже декламировала на одном из вечеров стихотворения из этого сборника.

Кому пришло бы в голову тогда, что шесть лет спустя она станет женой Гидаша, кто бы мог подумать, что настанут трудные, страшные годы и именно он, Гидаш, будет тогда с такой неколебимой верностью стоять за семью Бела Куна?

Впрочем, все стихи, что прочел мне Бела Кун, были клятвой верности — верности революции.

Прочитав книжку, Бела Кун против своего обыкновения

стал не меня расспрашивать, а продолжал говорить сам. Я сразу поняла, что речь пойдет о чем-то серьезном. Так оно и вышло. Он сказал, что Загранбюро КПВ решило обратиться с просьбой в Коминтерн, чтобы его отпустили на работу в венгерскую партию. Он поедет в Вену, а может быть, даже в Венгрию. Уже приспело время, чтобы он руководил партией не из такой дали. Ничего, он переборет все трудности, связанные с подпольем, и все-таки осуществится его мечта — быть на венгерской работе. И если руководство Коминтерна не будет чинить препятствия и согласится с просьбой КПВ, он скоро уедет.

— Только, пожалуйста, ничего не говорите сейчас, — заключил он, увидев, что я переменилась в лице. — Завтра мы с вами все обсудим.

Я поняла его, поняла всю важность вопроса и, в сущности, согласилась с Бела Куном, но не могла скрыть беспокойства, уж слишком все это было рискованно. Ведь если его арестуют в Вене, то могут выдать хортистам... А если арестуют вдруг в Венгрии? Об этом страшно было даже подумать...

А Бела Кун ни о чем подобном и думать не желал.

Да и правильно. Какой же он был бы революционер, если, пугаясь опасности, отступал бы от своих намерений.

Разумеется, мы ничего не обсудили ни на второй день, ни на третий, ни на пятый. Бела Кун считал, что я сама должна справиться, сама должна найти душевное равновесие, сама должна приучить себя к мысли о долгой разлуке.

И он, бодрый, веселый, ждал решения Коминтерна. Состоялось оно очень скоро. Теперь надо было приступить к созданию условий жизни в капиталистической стране, а на это потребовалось несколько месяцев. Бела Кун тем временем продолжал работать в Коминтерне, писал статьи по различным вопросам рабочего движения и старался укрепить руководство венгерской эмиграции на время своего отъезда.

Решение было принято, и он уехал. Его исчезновение из Москвы венгерских эмигрантов застигло врасплох. Первое время думали, что он лечится в санатории, но, когда это лечение слишком уж затянулось, все стали гадать: куда девался Бела Кун? Возникали самые разные предположения, только одного никто не мог себе представить: что он по соседству с Венгрией [1].

[1] В 1927 году он был, например, в Словакии, в Лученесе, где участвовал на одной из конференций КПВ. Насколько мне известно, он написал там брошюру «Не сдавайся, металлист!»; ее издали, но пока она не нашлась.

Когда речь заходила о Бела Куне, товарищи загадочно улыбались. На первых порах, пока думали, что он в санатории, жалели его — болеет, бедняга. А позднее делали вид, будто они посвящены в тайну его отъезда, но никому ее, конечно, не откроют. Каждый день выдвигали все новые и новые предположения. Бела Кун был то тут, то там, побывал повсюду от Германии до Китая... Но постепенно смирились с тем, что его нет с ними и что расспрашивать о нем не следует, потому что... потому что не следует.

Трогательно было, как товарищи — политэмигранты хранили тайну, которую, в сущности, и сами не знали.

Так пролетело три или четыре месяца. Все шло своим чередом. Но вдруг Бела Кун появился так же неожиданно, как исчез. Никто его не спрашивал, где он был, что он делал.

Бодрый, веселый, пришел он в клуб, будто только на днях был здесь, сделал доклад, после доклада побеседовал с товарищами.. Чувствовалось, что он чем-то доволен, что у него какие-то удачи, но какие — об этом он, разумеется, молчал.

Его бодрое расположение духа передалось всем. Когда после доклада мы пошли домой, Бела Куна провожало столько народу, будто он возвращался с митинга.

Так он и появлялся каждый раз в Москве нежданно-негаданно и так же неожиданно исчезал.

6

Весной 1926 года меня вызвали в Коминтерн, и один товарищ, к величайшему моему изумлению, но одновременно и к радости, сообщил, чтобы я подготовилась, ибо в ближайшее время поеду в Берлин к Бела Куну.

Это было для меня полной неожиданностью — по моим сведениям, Бела Кун должен был приехать в Москву. Еще и другое привело меня в недоумение: почему он в Берлине, а не в Вене? Но так как коминтерновский товарищ говорил очень коротко и официально, я ничего у него не спросила, а так же официально и коротко поблагодарила за сообщение и пошла домой.

А дома завертелись в голове уже совсем другие мысли: когда поеду, с кем и почему не Бела Кун привезет домой? По счастью, долго ломать голову не пришлось, так как несколько дней спустя мне уже вручили паспорт. В назначенный день я отправилась на вокзал в сопровождении Эрне Пора, села в международный вагон и заняла место в купе. Там

сидел уже какой-то незнакомый мне человек. Пор зашел со мной в купе и, заметив, что я не в восторге от своего попутчика, вызвал меня в коридор и сказал, что этот молодой человек — коммунист. Я чуточку успокоилась. На прощанье Пор сунул мне в руку немного денег и, передав горячий привет Бела Куну, ушел. Я зашла в купе, села на свое место. Некоторое время мы молчали, занятые своими мыслями, но вдруг заговорили.

Я знала, что при моих обстоятельствах чем меньше человек говорит, тем лучше, и поэтому старалась беседовать со своим попутчиком лишь о самых пустяках. Позднее я узнала, что это был болгарский коммунист, и даже встретилась с ним на одном из конгрессов Коминтерна.

На третье утро приехали в Берлин, если не ошибаюсь, на вокзал Фридрихштрассе. Мой попутчик помог мне снести чемодан, откланялся и исчез в толпе снующих, спешащих людей. Я стояла перед вагоном и ждала, придет кто-нибудь за мной или мне самой придется поехать на Морицштрассе, 17, где жил Дюла Альпари с семьей.

Какая-то тяжесть легла мне на душу: чужой город, я одна. Пока я раздумывала о том, сесть ли мне в такси или нанять коляску, передо мной остановился Август Крейчи, с которым я познакомилась еще в Москве. Он поздоровался, взял чемодан и сказал по-немецки:

— Пойдемте.

Я очень серьезно относилась к правилам конспирации, поэтому не спросила ничего. Молча пошла за ним к выходу. Крейчи сам нес мой чемодан. Вышли на улицу. Растерянная, смотрела я на потоки автомобилей. И не успела еще опомниться, как кто-то втащил меня в машину. Бела Кун! Улыбкой приветствовали мы друг друга, и автомобиль тронулся.

Я еще никогда не была продолжительное время в Берлине и не знала города, но пока что отнеслась к нему без всякого интереса, радуясь лишь тому, что хоть и короткое время, но мы опять будем вместе. Утомленная дорогой и волнением, я мечтала поехать домой к Бела Куну. Но мечта моя не осуществилась. У него было как раз срочное заседание, и он посоветовал мне зайти в ближайшую парикмахерскую, привести себя в порядок, потом сесть в такси и поехать к Альпари.

— Как только кончится заседание, я тоже приеду. Там мы пообедаем. А Крейчи сам отвезет чемодан на квартиру.

Поначалу мне было странно: незнакомый город, шум, движение. Но прошли первые минуты замешательства, и вдруг

я позабыла, что хожу одна по улицам Берлина, да к тому же с «настоящим фальшивым» паспортом. Знание немецкого языка придало мне какую-то уверенность. Я спокойно зашла в парикмахерскую и час спустя, точно коренная берлинская жительница, поехала к Альпари, где меня очень тепло встретили.

Вскоре прибыл и Бела Кун. Мы с аппетитом пообедали и обсудили программу первых дней. Выяснилось, что Бела Кун почти никуда не будет ходить с нами, во-первых, потому, что ему не стоит особенно показываться в публичных местах, во-вторых, потому, что днем он обычно занят. А в-третьих — но это знала только я, — он не станет участвовать в наших прогулках еще и потому, что не любит ходить гурьбой. О достопримечательностях какого-нибудь города, об его прошлом и настоящем он предпочитал узнавать по книгам и картинкам, сидя у себя в комнате.

Совсем другое дело бродить по лесу, собирать растения, это была его страсть с детства... Если же я приглашала его прогуляться по городу, он отвечал: «Бедняки не гуляют, а ходят по делам».

Так что достопримечательности Берлина я осмотрела без него, в сопровождении четырнадцатилетнего сына Альпари Павла и его двоюродного брата Эде. Оба мальчика охотно ходили со мной повсюду.

Бела Кун жил на квартире у рабочего — левого социал-демократа, который сдавал одну из своих комнат коммунистам, при этом никогда не интересуясь тем, кто у него живет.

Хозяева встретили меня очень приветливо. Хозяйка тут же сказала «для моего спокойствия», что Herr Doktor (так звала она Бела Куна) очень серьезный человек, вечерами всегда сидит дома и работает.

Я уже десять-двенадцать дней жила в Берлине, мы чувствовали себя превосходно. До обеда Бела Кун и в самом деле был занят, но все остальное время мы проводили вместе, гуляя в предместьях Берлина, иногда даже на ночь не возвращаясь в город. Мы снимали номер в какой-нибудь пригородной гостинице и являлись домой только утром. Ездили почти всегда на лошадях, на Gummiradlere[1], а это уже само по себе было удовольствие.

В ту пору и Ене Ландлер был в Берлине и хотел встретиться со мной. Назначили свидание в кафе. Когда пришли

[1] Экипаж на резиновых шинах.

туда, нас уже дожидалось несколько товарищей. Мы сели за столик и весело слушали остроумные рассказы Ландлера.

Но вдруг заметили, что Ландлер бросил шутить и поглядывает на соседний столик, за которым сидит молодой человек и не сводит с нас глаз. Увидев, что за ним следят, молодой человек вышел из кафе. Ландлер направился вслед за ним. (Он и в Вене и в Берлине жил совершенно легально.)

Мы подождали немного, потом тоже вышли на улицу. Ни Ландлера, ни молодого человека не было нигде. Когда уже все забеспокоились, появился Ландлер и, смеясь, рассказал, что настиг молодого человека на углу, подошел к нему и спросил: «Gefällt Ihnen diese Dame, mein Herr? Ich kann mit Ihr sprächen». («Нравится вам эта дама, сударь? Я могу поговорить с ней».) Молодой человек смутился, потом все-таки нашелся и ответил: «Sehr gefällt!» («Очень нравится!») Тогда Ландлер начал орать на него, потом резко повернулся и ушел.

Рассказав все это, Ландлер обратился ко мне и сказал:

— Этого шпика мы отшили. Но с вами, сударыня, больше ни в какие кафе не пойдем.

Несколько дней жила я под впечатлением этого случая и действительно больше не бывала с товарищами в общественных местах. Но однажды вышел такой случай, о котором и сейчас, даже после всего пережитого, не могу вспомнить без страха. Уж очень я испугалась тогда.

Как-то утром Бела Кун сказал, что нам уже недолго быть вместе, так как он должен вернуться в Вену. Поэтому он предлагает совершить какую-нибудь приятную поездку.

Я, разумеется, охотно согласилась. И мы отправились куда-то в окрестности Берлина. Вернулись обратно только поздно вечером после весело проведенного дня. Поужинали в ресторане и ночью пошли домой пешком, ибо были неподалеку от квартиры. Мы шли по другой стороне улицы, хотели уже пересечь ее, но Бела Кун заметил, что кто-то стоит возле нашего дома.

— Пойдемте обратно! — тихо сказал он. И когда уже прошли порядком, ввел меня в какой-то двор. В глубине его была корчма.

Мы вошли и очутились в неприятном ночном притоне. Я ничего подобного еще не видела в жизни. Пьяные мужчины и женщины. Дым коромыслом, крик. Когда сели за столик, все чуточку приутихли, но обстановка не стала приятнее. Мы заказали черный кофе и сидели молча, оба думая об одном

и том же: чем кончится этот веселый день? Бела Кун поднялся вдруг и, не дождавшись черного кофе, пошел к дверям, кинув на прощанье, что он скоро вернется. И вот сижу одна. Он долго ие возвращается. Я уже успела передумать все: что будет, если его арестовали, что будет, если меия арестуют? От волиения забыла даже свою берлинскую фамилию, а никакнх документов у меня с собой не было. Что делать? Я понятия не имела. Сидела и ждала. Не знаю, сколько уж временн прошло, ио я подняла глаза и вижу: передо мной стоит Бела Кун.

— Испугалнсь? Пойдемте.

И рассказал, что сперва он спрятался где-то, потом иаправился обратно к дому, но там уже не было ннкого. Теперь мы пошли вместе, и в самом деле нам никто не встретился.

— Ннчего не поделаешь. В подполье еще и не то бывает... — сказал Бела Кун и объяснил, что оставил меня одну в корчме потому, что иного выхода не было. Если б его арестовали, вышли бы большие иеприятности, и не только у него, ио и у других товарищей. Потому он и схоронился. И вышел нз своего убежища лишь тогда, когда убедился, что никто за иим не следит.

Утром к иам на квартиру явился Крейчи. Бела Кун рассказал ему о ночном приключении. Крейчи сообщил, что человек, стоявший возле подъезда, был иаш товарищ. Он ждал нас на улице. Заметив, что мы повериули обратно, он понял, что, видио, из-за него ие решнлись мы зайти в дом, н ушел. Рано утром доложил обо всем товарищам, так что нм уже все нзвестно.

Вскоре Бела Кун поехал обратно в Вену, а я осталась еще на иесколько дней в Берлине. Перебралась к Альпари, потом, уладив все необходимые формальностн, села в московский вагои и поехала домой.

7

Итак, снова в поезде.

Еду под видом жеиы венгерского ннженера, который работает в Москве.

Спокойио занимаю свое место в спальном вагоне. С удовлетворением замечаю, что я одиа в купе. Но недолго удалось мне наслаждаться однночеством. В купе зашла высокая элегантная женщина, поздоровалась со мной н спросила по-немецки, куда я еду. Услышав мой ответ, заговорила по-русски,

выразила радость, что мы поедем вместе, и представилась. Она жена немецкого журналиста Шеффера. Ее муж уже давно в Москве. Он корреспондент «Neue Freie Presse».

Я тоже «назвалась». Мы перекинулись еще несколькими словами и улеглись спать.

Утром г-жа Шеффер сняла с полки свой шикарный чемодан, чтобы переодеться, и тогда по привязанной к ручке чемодана визитной карточке я узнала, что еду с обладательницей исторического имени — с Натальей Волконской-Шеффер, прямым потомком знаменитого декабриста князя Волконского. (О том, что она отпрыск этой семьи, я узнала позднее от самой г-жи Шеффер.)

По ходу беседы она сказала: что уже ждет не дождется, когда приедет в Москву, что ей хорошо только на родине, что она тоскует по русским блюдам и, несмотря на Советскую власть, никогда не покинула бы свою отчизну.

Я спросила, не трудно ли было ей переменить свою фамилию Волконская на Шеффер. Она посмотрела на меня и сказала:

— Когда вы познакомитесь с моим мужем — а он будет в Москве на вокзале, и, если вы ничего не имеете против, я представлю его вам, — то сами убедитесь, что я не совершила ошибки, выйдя замуж за него!

И она начала расхваливать Шеффера: какой он превосходный человек, великолепный муж и т. д.

Мы еще о многом говорили — я меньше, она больше. Мне нужно было вести себя очень осторожно, чтобы не проговориться о своих политических убеждениях, а главное — чтобы не узнали, кто я такая. Так мы доехали до польской границы.

На станции была страшная толчея. Нам пришлось пересесть из спального вагона с двухместными купе в другой вагон, где были только четырехместные. Волконская-Шеффер волновалась так, будто это она ехала нелегально, а не я. Боялась, что к нам посадят еще кого-нибудь в купе и нарушится наша «приятная поездка». Она оказалась права. Два свободных места заняли очень беспокойная молодая особа и ее девятилетняя дочь. Пока поезд стоял, наша новая попутчица молчала, но едва он тронулся, сразу же заговорила. Сперва спросила, почему мы едем в Россию. Сочувственно глянула на нас и сказала: видно, не одна она такая несчастная, что должна жить в России. Пожаловалась, что вынуждена была вернуться из Парижа, где спасалась от большевиков, потому что муж ее живет и работает в Москве.

Потом начала восторгаться Парижем, где, как она сказала, все по ее вкусу. Она привезла с собой великолепные вещи, потом покажет их нам, «дамам». Болтала, болтала без умолку, особенно с г-жой Шеффер, ибо я предпочла заняться ее дочкой, которую тоже не интересовали потоки мамашиной речи, и она весело играла со мной.

День проходил медленно и утомительно. Раздражала пустая болтовня. Наконец наступило время сна. Дама, возвращавшаяся из Парижа, раздела свою дочку и стала надевать на нее разные контрабандные вещи. Девочка терпела это некоторое время, потом, видно, испугалась чего-то и сказала матери:

— Задерни получше занавеску, а то еще какой-нибудь коммунист увидит, что ты делаешь.

— Ой, боже! — испуганно воскликнула мать и бросилась занавешивать окно.

Мне были безразличны все ее манипуляции, хотелось только одного: спать.

Мы прибыли в Москву. Попутчицы мои сошли. За мной на вокзал приехали сестра с дочкой и Эрне Пор. Сойдя с поезда, я стремительно пошла по перрону, «забыв» оставить свой адрес.

...Несколько дней спустя мы вместе с Агнеш отправились в парикмахерскую. Едва я открыла дверь, как увидела белоэмигрантку с дочкой. Девочка улыбнулась, поклонилась мне, а я с тяжелым сердцем — ведь мне вовсе не хотелось обижать ребенка, потянув за собой Агнеш, быстро повернула обратно из дверей.

Белоэмигрантка, наверное, долго думала о том, чем она обидела меня в поезде, что я так странно скрылась, даже не ответив улыбкой на улыбку ее дочери.

ВЕНСКОЕ СУДИЛИЩЕ

Бела Кун уже три года работал в Загранбюро КП Венгрии, руководнл партией. А так как жнзнь в Вене требовала соблюдення строжайших законов конспирации, то временамн ему прнходилось уезжать нз Австрин. Тогда он месяц нли два проводил в Москве, н все пронсходило так, будто он никуда и не уезжал: участвовал на заседаниях Исполкома Коминтерна, писал статьи по международным вопросам, о Венгрии, о рабочем движенни, приходил в венгерский клуб, делал доклады. А потом опять уезжал в Вену.

Так прошлн три года, полные тревог. Я уже начала привыкать к тому, что Бела Кун приезжает к нам редко, да н то ненадолго. Правда, возвращался он всегда посвежевший, веселый и каждый раз повторял одно н то же: «Говорил же я вам, что со мной ннчего не случится!» В эти минуты н мне казалось, что теперь уже конец всем волнениям н страхам. Днн и недели проходилн отлично, я была счастлива н старалась не думать о том, что он снова уедет н все начнется сначала: тревогн, страхи, заботы.

Но вот случилось то, чего опасались все, кроме Бела Куна.

В зто знаменательное апрельское утро 1928 года мы сидели с сестрой н детьмн н разговарнвали о нем. Думали-гадали, когда получнм, наконец, хоть какую-нибудь весточку — ведь наша переписка шла через пень-колоду, и с зтим приходилось мириться, чтоб не подвергать его опасности. Вдруг беседу нарушнл телефонный звонок: позвонил кто-то нз Коминтерна н сообщил, что Бела Куна арестовали в Вене.

— Вы не пугайтесь, товарищ Кун, — слышалось из трубки по-немецки. — Пока сведения у нас самые скудные, подробности ареста ждем сейчас. Но главное, что Бела Кун жив, н все будет сделано для его освобождения. Если вам понадобится что-нибудь, обращайтесь прямо к нам.

Я еще ничего не успела ответить, как он уже положил трубку. А впрочем, что я могла ответить ему? Сбросив с себя

оцепенение первых секунд, я рассказала обо всем сестре и детям. А в голове сновали одни и те же мысли: «Арестовали... Выдадут Хорти... Повесят...»

Но вдруг до моего сознания дошел горький плач восьмилетнего Коли, потом укоризненные слова Агнеш:

— Не стыдно тебе? У-у, рева! Ты же сын революционера!

Коля утер слезы и, сопя и всхлипывая, сказал, что он не будет больше плакать, он хорошо знает, что папа революционер, «а все-таки жаль его, потому что в тюрьме плохо».

Потом они оба подошли ко мне, желая утешить. Агнеш теперь ласково объясняла брату:

— Ты не плачь! Вот посмотришь, что с папой ничего плохого не случится. Его все равно спасут.

Я отвернулась, понимая, что слова девочки обращены не только к брату, но и ко мне. И пересилила себя. Позвонила венгерским товарищам. Потом пошла в Институт Маркса и Энгельса. Директор и сотрудники, потрясенные, слушали мой рассказ. После недолгого раздумья директор института сказал:

— Совершенно ясно, что Хорти потребует выдачи Бела Куна, и теперь главная задача — не допустить этого. Каждый должен сделать все, что может. А вам, товарищ Кун, надо немедленно поехать в Вену и ради эффекта взять с собой даже детей. Тогда подымется шум в печати, и Австрии не удастся тайком передать Бела Куна венгерской полиции.

Когда я вернулась из института, весь дом уже был полон венгерцев. Волнение их росло прямо на глазах. Всех мучила одна и та же мысль: что, если его выдадут Венгрии? Ежесекундно рождались проекты:

— Мы сами должны организовать охрану в тюрьме, иначе его там убьют. Выставим караул и перед тюрьмой — чтоб его не могли похитить! — развивал свою идею Фридеш Карикаш.

— Срочно организуем кампанию в его защиту...

— А вы, товарищ Кун, должны поехать в Вену и наладить связь с мужем. Кроме вас, вряд ли кого допустят к нему. Надо позаботиться об адвокате.

— Вся эмиграция должна принять активное участие в его защите.

Предложений рождалось множество. Возникала и уйма неосуществимых планов, но все они были рождены любовью к Бела Куну, заботой о нем.

В тот же день отправилась я в Коминтерн и попросила помочь мне поехать в Вену. Товарищ, к которому я пришла, выслушал мои доводы и после краткого раздумья сказал, что просьбу мою выполнить не может. Нельзя относиться к аресту

Бела Куна как к вопросу семейному, — это вопрос гораздо большего значения. Появись я в Вене, труднее было бы бороться за его освобождение. И посоветовал мне набраться терпения. Если мой отъезд станет необходим, они сами известят меня. Но, заметив, что я вся переменилась в лице, он добавил: «Но раз вы настаиваете на поездке, организуйте сами. Мы ничем не можем вам помочь».

Разговор произвел на меня удручающее впечатление. Я вернулась домой подавленная, не зная, что и делать.

Несколько дней спустя меня пригласил к себе директор Института Маркса и Энгельса Рязанов и протянул пачку иностранных газет. Они пестрели огромными статьями и сенсационными репортажами об аресте Бела Куна, о нем самом, о его бунтовщических стремлениях и о том, что Хорти предпринял уже все шаги к тому, чтобы заполучить Бела Куна. Крайние правая печать, ссылаясь на «абсолютно точные сведения», писала о том, что Австрия решила выдать Венгрии Бела Куна как обыкновенного уголовного преступника и теперь «этот коммунистический вожак не уйдет от законной кары».

В газете «Пешти напло» [1] от 28 апреля, в статье «Красный призрак», истерически говорилось о том, что «красный террор, который, как нам казалось, уже исчез навеки, теперь появился в Вене собственной персоной, приводя в трепет и ужас наши нервы». Газета «Аз уйшаг» сообщала: «Весь мир потрясен — ведь главный вождь венгерской пролетарской диктатуры опять пытался пустить красного петуха большевизма по всем странам Средней Европы». «Будапешти хирлап» установила, что «это дело взволновало не одну Венгрию, но, естественно, и всю Европу, ибо Бела Кун угрожает не только европейскому буржуазному обществу, но является всемирной угрозой...».

И международная буржуазия бросила клич: «Смерть Бела Куну!» Его подхватили и венгерские газеты и французские «Le matin» и «Le temps», и английская «Times», и «Daily mail», и «Morning post», и «Daily express».

Не отставали и правые социал-демократы. В будапештской «Непсаве» от 29 апреля в передовой статье «Венское приключение» мы читаем такие слова: «Он произвел в рабочем классе более страшное опустошение, чем татарское нашествие...», «восторженный безумец, бесчестный, корыстный искатель приключений», «подлые методы борьбы», «введенные в заблуждение, подкупные мечтатели».

[1] Весь обзор печати, связанный с арестом Бела Куна и судом над ним, я привожу по журналу «Уй марцнуш».

Министр юстиции Венгрии Пал Пешти открыто заявил социал-демократам в своем парламентском выступлении от 10 мая: «Я хочу обратиться прямо к парламентской фракции социал-демократической партии: пусть она вместе со мной сделает все для прекращения подрывной работы коммунистов и одновременно содействует тому, чтоб мы еще в зародыше могли задушить их мятежные устремления. С этой просьбой обращаюсь я к каждому члену фракции по отдельности, а также и к социал-демократической партии в целом. Хочу подчеркнуть, что я готов вместе с ней, рука об руку самоотверженно действовать в этой области. (Бурные аплодисменты всего парламента.)».

— Вот видите, — сказал мне Рязанов, — теперь нельзя сидеть сложа руки, надо принимать срочные меры! И чем раньше поедете вы в Вену, тем лучше.

И он рассказал, что переговорил с руководством Коминтерна, пришли к такому решению: если он сам организует мою поездку, Коминтерн не станет чинить препятствий.

Тем летом и Максим Горький был в Москве. Он пришел в Институт Маркса и Энгельса, взял меня за руки и пробасил:

— Ну, вы не волнуйтесь! Мы все сделаем ради Бела Куна. Все!..

На другой день по предложению Д. Б. Рязанова я пошла в австрийское посольство и попросила дать мне разрешение на въезд в Австрию.

В посольстве обошлись со мной очень вежливо, наговорили кучу утешительных слов: мол, Бела Кун чувствует себя превосходно, австрийское правительство относится к нему весьма лояльно, позволяет эмигрантам, которые каждый день приходят к тюрьме, передавать ему всякое съестное и интересоваться состоянием его здоровья. Что же касается визы, заметил чиновник, то в данном случае посольство ничего не может решить самостоятельно, но просьбу мою телеграфно передаст в Вену, и несколько дней спустя я получу ответ.

Через несколько дней я и в самом деле получила ответ. Мне было отказано в визе. Еще несколько безуспешных попыток, и, наконец, я обратилась в Наркомат иностранных дел с просьбой помочь мне получить визу. Долго не было никакого ответа. И я уже начала было надеяться на благополучный исход, когда меня известили, что и хлопоты Наркоминдела не привели ни к чему.

Тем временем вышло воззвание Компартии Венгрии:

«Коммунистическую партию Венгрии постиг новый удар.

Теперь уже не нщейки венгерской полицни настиглн наших товарищей подпольщиков, а веиская полнция арестовала Бела Куна по наущению шпиков нз эмиграцнн. Бела Куи в Вене! Спрашивается, зачем приехал Бела Кун в Веиу? Что ему здесь понадобилось? Печать международиой буржуазии, которая прн вестн об аресте пришла в свое обычиое истерическое состояиие, ответнла, ннчуть не смущаясь. Разумеется, ои хотел подготовить мятеж. Разумеется, ои потому и приехал в Веиу, чтобы создать здесь тот самый легеидарный, охватывающий Балканы, Малую Азию и Средиюю Европу «большевнстский центр», который существует только в обезумевших мозгах междуиародной полицни н всей аитибольшевнстскн иастроеииой буржуазнн. Ои, разумеется, для того н прикатнл в Веиу, чтобы «сделать» в Венгрии «вооружеиное восстание», новую Венгерскую советскую республнку. А буржуазная Венгрия придумала н того чище: он потому приехал в Веиу, чтобы отправиться в Веигрию так же, как сделал Наполеои, который с острова Эльба виезапно приехал во Францию, и тогда «вся фраицузская нация» перешла иа его сторону. Вот н Бела Куи хотел ианести Венгрни такой же удар: появиться и переманить иа свою стороиу всю иацию. На каких же глиняиых иогах стоит коисолидация, если так страшио для иее появление одного человека. Видно, вся эта стабилизацня попросту карточиый домик, ниаче разве стали бы всерьез счнтаться с тем, что появнтся одни человек н весь иарод пойдет за иим?

...В страхе, вызваниом арестом Бела Куиа, отразился весь ужас перед ведущей партией венгерского рабочего класса и крестьянства, перед Коммуинстнческой партией Венгрии, весь ужас перед тем, кто руководит ею, направляет ее.

Пьяные вопли в стаие буржуазнн, все этн крики: «Смерть Бела Куну!» — относятся ие только к первому бойцу славиой рабочей властн 1919 года, не только к отважиому и образцовому руководителю революциониой эпохи 1919 года, ие только к прошлому, ио и к настоящему н будущему. С арестом товарища Куна Коммуннстическая партия Веигрии попала под обстрел международной и венгерской буржуазии».

Мы приведем несколько слов н из другого воззваиия:

«К мировому пролетарнату.

Гоиимая, загнанная в подполье Коммунистическая партия Веигрии, партня венгерского революциоиного рабочего класса, обращается к вам за быстрой помощью, за отважиым содействием. Идите, действуйте, не допустите, чтобы правнтельство австрийской буржуазни выдало вождя иашей партнн товарища Бела Куиа убийцам венгерских рабочнх...

...Мировая буржуазия исходит пеной от ненависти, она хочет отомстить товарищу Бела Куну за то, что он боролся в авангарде партии, которая в центре Европы первая после русских братьев развернула знамя коммунизма. Вот чего не могут ему простить! Вот почему требуют его смерти!

...Вы должны воспрепятствовать выдаче Бела Куна! Международный пролетариат обязан сделать все, чтобы товарищ Бела Кун не попал в руки палачей!

...Не позволяйте восторжествовать венгерским графам, попам, банкирам и заводчикам.

Возьмите под свою защиту право убежища для венгерских революционеров!

Защитите товарища Бела Куна, отважного борца мировой революции!

Центральный Комитет Коммунистической партии Венгрии.
Будапешт, 17 мая 1928 года».

А Бела Кун тем временем готовился к процессу. Его письма из тюрьмы свидетельствовали о том, что он уверен в солидарности международного пролетариата, уверен, что его освободят и он снова сможет бороться в первых рядах КПВ за Вторую Венгерскую советскую республику. В каждом письме он просил нас не поддаваться малодушию, не тревожиться, ибо это только затруднило бы его положение. Он чувствует себя хорошо. Убежден в том, что, несмотря на все трудности, борьба, которую он ведет, увенчается победой.

Он писал нам и о кампании в печати, которая велась с двух сторон. Гордился бешеной ненавистью к нему буржуазии и был растроган солидарностью международного пролетариата. Ему приятно было и внимание венгерских политэмигрантов, которые жили в Вене. Невзирая на трудные условия жизни, они всячески пытались облегчить его положение. (Помню, одна женщина прислала ему в тюрьму маленькую подушку, чтобы ему не приходилось спать на тюремной соломенной подушке.)

Следствие по делу Бела Куна и его товарищей продолжалось три месяца. Потом назначили суд.

Наступили очень тревожные дни. В газетах писали о том, что хортисты намерены судить Бела Куна, как обыкновенного злоумышленника, и поэтому требуют его выдачи. Требование их было поддержано превосходно организованной кампанией в печати. Бела Куну предъявлялись самые немыслимые обвинения. Широко обсуждалась его революционная деятельность, участие в российской гражданской войне, в работе КП Венгрии во время пролетарской диктатуры и после свержения ее. Все это сдабривалось горами клеветы и лжи с той целью, чтобы

австрийскому правительству ничего не оставалось, как только выдать его.

«Революционный пролетариат под руководством коммунистических партий, — читаем мы в журнале «Уй марциуш», — стал во всем мире на защиту вождя венгерской революции и его товарищей. Из уст в уста, из страны в страну летит лозунг:

Руки прочь от первого солдата!

Руки прочь от Бела Куна!

Российский пролетариат ценит товарища Куна не только как вождя венгерской пролетарской диктатуры, но и как отважного борца русской революции. Грандиозными демонстрациями ответил он на сообщение о том, что Бела Куна хотят выдать венгерским палачам. Рабочие Москвы и Ленинграда, донецкие шахтеры, весь русский пролетариат от Харькова до Владивостока требовал на митингах освобождения товарища Куна».

В Москве в числе прочих был созван митинг протеста и в Малом театре. Председательствовал Луначарский. Он перевел на русский язык написанное по этому поводу стихотворение Антала Гидаша и сам прочел его. Выступало много писателей, в том числе и Маяковский. Находившийся в эту пору в Москве известный мексиканский художник Диэго де Ривера нарисовал портрет Бела Куна, который распространялся в виде почтовых открыток.

Не отставали от трудящихся заводов, предприятий и научных учреждений и политэмигранты, жившие в Советском Союзе. Они тоже устраивали митинги протеста, требуя освобождения Бела Куна. На одном из таких митингов председательствовал Деже Бокани. Помню — это было, кажется, в клубе пищевиков, — вдруг поднялся мой восьмилетний сын Коля и, не спросившись меня, сказал: «Обратитесь, пожалуйста, к пролетариату всего мира, — слышу я с другого конца зала его голос, — чтобы он сделал все ради моего папы, Бела Куна...»

«Русский пролетариат, — читаем мы в «Уй марциуше», — не ограничился митингами протеста, он и иным способом пытался стать на защиту наших арестованных товарищей. Так, например, Исполком Коминтерна обратился с призывом ко всем братским партиям, примеру его последовал и Профинтерн. Съезд русских ученых и съезд врачей не только телеграфно выразил свой протест против ареста, но одновременно обратился с призывом к ученым и интеллигенции всего мира, чтобы они не допустили выдачи товарища Куна. Резко заклеймили они клеветников: «Русские ученые убеждены в том, что ученые и интеллигенция всего мира не потерпят направленных

против Бела Куна позорных обвинений, которые объясняются тем, что он один из вождей революционного пролетариата».

«Коммунистические партии, — сообщалось в «Уй марциуше», — в своих первомайских призывах в Москве, в Будапеште, в Берлине, в Вене — все без исключения требовали освобождения Бела Куна и его товарищей. Эта кампания протеста распространилась по всему миру. Австрийская братская партия — она с первой же минуты поняла всю грозящую опасность — вместе с австрийским МОПРом провела больше двадцати митингов и множество собраний, где все дружно стали на защиту наших товарищей. Компартия Германии тоже не снимала этого вопроса с повестки дня, и много немецких заводов и предприятий направили телеграммы протеста австрийскому правительству. Братская чехословацкая партия также всеми силами поддерживает кампанию протеста. Газета «Мункаш» написала по этому поводу следующее: «Трудящиеся Словакии, которым не безразлична судьба Бела Куна и венгерского рабочего движения, первыми пойдут во главе этой акции».

Приняли участие в борьбе и наши французские товарищи. Анри Барбюс в резкой телеграмме высказал свою точку зрения на позорный план венгерского правительства. Газета «Парижи мункаш» («Парижский рабочий») справедливо заметила, что возглавляемая Англией международная буржуазия использует арест товарища Куна прежде всего в целях провокации. Защита товарища Куна — «это защита Советского Союза. Добиться успехов можно лишь с помощью международной солидарности пролетариата»... Американский пролетариат поднял тоже грандиозную кампанию протеста в Нью-Йорке, Филадельфии, Бриджерпорте и т. д. Созывались митинги. Оттуда посыпались телеграммы, протестующие против подлого поведения венгерского правительства. Одновременно давались обещания, что приложат все силы для «спасения вождя венгерской пролетарской революции».

Этим же летом скончался в Москве отец Бела Куна. Он жил у нас с 1925 года.

После падения Венгерской советской республики отцу, матери и сестре Бела Куна удалось бежать из Будапешта. Правда, по дороге венгерские белогвардейцы хотели их линчевать, но на их защиту стали румынские солдаты. Так они и спаслись от смерти, которая казалась уже неминуемой. Приехав на родину, в Трансильванию, мать Бела Куна под влиянием перенесенных волнений тяжело заболела и после долгих мук скончалась в больнице. Ей не было еще шестидесяти лет.

Сестру Бела Куна Ирину румыны арестовали и выпустили лишь несколько месяцев спустя. Отцу дали писарскую должность в какой-то деревушке. Но при правительстве Маниу жизнь его стала невыносимой, и в 1925 году отца и сестру Бела Куна нам удалось привезти в Советский Союз.

Старый дядя Кун, как его звали политэмигранты, вскоре стал одним из любимцев венгерского клуба. Он аккуратно выплачивал членские взносы, а также и партийные взносы (хотя был беспартийным). Ни за что на свете не упустил бы ни одного доклада, особенно любил слушать доклады о международном положении и очень обижался, что его не пускали на заседания коммунистической фракции клуба. Точно так же обижался, когда к Бела Куну приходили товарищи по работе и он не мог участвовать в их беседе. «Что же, выходит, я недостаточно надежный?» — спрашивал он, негодуя, и недоуменно качал головой.

Старик был очень компанейским человеком. Любил гостей, любил играть в шахматы, в домино, в карты. Домашним врачом избрал себе Ене Гамбургера и никому другому не доверял, лекарства принимал только по его рецептам и не успевал еще принять, как тут же чувствовал себя здоровым. Очень любил он и Вильмоша Мюллера, старого коммуниста, обойщика по профессии. Даже за день до смерти еще играл с ним в карты и был весьма счастлив, что выиграл двадцать копеек. Надо сказать, что Мюллер всегда позволял выигрывать, так как проигрыши приводили старика в ярость, а Мюллеру не хотелось волновать больного. В хороших отношениях был дядя Кун с Эмилем Мадарасом, и Аладаром Хикаде, и многими другими товарищами. Часами рассказывал он им о детских годах своего сына. Быть может, в этих рассказах он кое-что и преувеличивал, но товарищи охотно слушали его, потому что старик говорил сочным народным языком, не стесняясь вставить иногда и какое-нибудь крепкое словцо.

Вообще старик был доволен жизнью и только жену свою не мог никак забыть, все повторял: «Не знает она, как хорошо мне живется здесь, в Советском Союзе». Лишь одно обижало его: что ему не давали работать. Жаловался он и товарищам: «Никогда еще не было такого, чтобы я жил на чужой счет, всегда сам работал, сам зарабатывал себе на хлеб. Да и сейчас не хочу быть в тягость сыну, ведь он-то совсем не богатый человек, это я вижу. Вон поглядите, как порвалась обивка на стульях. Занавесок и то не может повесить на окна!»

Ему было тогда уже за семьдесят. Ни в чем не терпел он лишений, мог покупать даже подарки своему люби-

мому внуку Коле, однако все печалился, что сам не зарабатывал денег.

Однажды ему пришло в голову, что он должен получать пенсию от румынского правительства. И старик попросил сына написать прошение премьер-министру Румынии Маниу, мол, пусть он присылает пенсию, она положена ему как бывшему писарю. Бела Кун объяснил, что, во-первых, от румынского правительства никакая пенсия ему не положена, раз он приехал в Советский Союз. Во-вторых, отцу Бела Куна не под стать принимать пенсию от правительства румынского королевства. Хотя старик внимательно слушал доклады на политические темы, но этого понять не мог и такого объяснения не принимал. «Пенсия есть пенсия, — повторял он, — и к политике она не имеет никакого отношения. Положена, и все!»

Чтобы «не быть в тягость никому», он придумал потом и другое. Обошел всех своих друзей и каждого попросил достать ему работу, а то, дескать, «скучно жить без дела». (Между прочим, он развел огородик на даче в Покровском-Стрешневе и почти каждый день ездил туда на трамвае, чтобы обрабатывать его. Но этого ему было мало, хотя он сам копал, сажал, поливал. А как радовался, когда привозил в город какой-нибудь ранний овощ — зеленый лук или редиску, которую особенно любил его сын!) Он сказал товарищам, что свободно говорит и пишет на трех языках: венгерском, румынском и немецком, и в России тоже хотел бы приносить пользу.

Товарищи рассказали Бела Куну, какие муки мученические переживает его отец, и посоветовали предпринять что-нибудь. Тогда Бела Кун, чтобы успокоить отца, сказал ему: «На немецком языке вышла книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Прочти ее и, если сможешь, переведи на венгерский язык. Мы издадим ее в Америке в издательстве «Уй элере». И работать будешь и деньги заработаешь».

Старик с воодушевлением взялся за дело. Уже не помню точно, но кажется, что книгу он перевел за год. И все это время в доме у нас царило такое спокойствие, какого еще не было никогда с тех пор, как старик приехал. Каждый день по нескольку часов сидел за столом. И если даже не переводил, то раздумывал, как бы выправить ту или иную фразу, как удачнее передать какое-нибудь выражение. Огородик свой совсем забросил. Главное, что теперь он тоже будет зарабатывать. И не обращал даже внимания на грыжу, из-за которой ему все труднее и труднее было сидеть. Старик преодолевал и болезнь и усталость, торопился как можно скорее закончить работу. Когда перевод был готов, он гордо передал

его сыну и сказал: «Видишь, а ты сомневался, что я могу еще работать. Я-то ведь еще не старый!..»

Все наперебой хвалили перевод. Но теперь возникла другая забота: как отослать его американскому издательству. И рукопись попала на верхушку высокого книжного шкафа, где и пылилась до тех пор, пока в 1937 году ее не унесли.

Дед с нетерпением ждал гонорара. Но ведь Америка далеко, к тому же страна капиталистическая, и не так-то просто издать там книгу. Самые разные истории выдумывали мы, чтобы заставить старика спокойно ждать. Уговорили его писать воспоминания о детстве сына. Это его очень обрадовало, и он вновь взялся за работу. Написал страниц двадцать. Даже прочел их нам, но потом заболел... И скончался летом 1928 года после двухмесячной тяжкой болезни. Он очень ждал возвращения сына. «Напишите ему, пускай приедет, а то ведь я болен. Хотел бы еще разок повидать его». Не знал он, бедняга (мы ведь прятали от него газеты), что сын пользуется сейчас гостеприимством венской полиции.

Так и не попал Бела Кун на похороны отца. Без него похоронили. Все венгерские политэмигранты пришли в крематорий. Выступали Бокани, Гамбургер, Мюллер и другие. Большинства тоже нет в живых. Гамбургера еще Бела Кун похоронил в 1936 году. А остальные: Янчик Богар, Диоши, Кечкеш, Карикаш тоже давно ушли в мир иной — кто так, кто эдак.

Единодушный протест рабочего класса и прогрессивной интеллигенции мира оказал свое воздействие. Австрийцы не посмели выдать Бела Куна хортистам.

Судебное заседание от 26 июня 1928 года я представлю выдержками из тех материалов процесса, которые печатались в журнале «Уй марцнуш» за 1928 год.

После прочтения обвинительного заключения председатель суда спросил Бела Куна, признает ли он себя виновным.

БЕЛА КУН. Все, что я делал, я делал, исходя из принципов Коммунистического Интернационала и Коммунистической партии Венгрии. Я действовал в интересах борьбы за освобождение пролетариата. И обязан отчетом только своему рабочему классу. Виновным себя не считаю.

Председатель попросил Бела Куна связно изложить в свою защиту все, что он считает нужным.

БЕЛА КУН. Я буду стремиться к объективности. Думаю, что здесь нет смысла характеризовать руководителей венгерской политики. Я хочу правильно осветить только те факты, которые относятся ко мне, и обрисовать политические взаимосвязи. Чтобы в ходе процесса не возникало недоразумений,

мне хочется сразу установить, что это политический процесс. В обвинительном заключении прокурор обвиняет меня в ряде преступлений, однако не отрицает, что действовал я из политических соображений, преследовал своей деятельностью политические цели, поступал как член Компартии Венгрии, как член секции Коминтерна. Потому-то и должен я объяснить свои поступки политически. Далее, я должен сказать, что этот политический процесс больше всего напоминает процессы над ведьмами. Выкопали из прошлого параграф, причем параграф, рожденный в эпоху Кауница и Меттерниха и уходящий корнями в историю венгерской контрреволюции. Этот параграф применяли не только к итальянским карбонариям, но и к венгерским якобинцам, когда Габсбурги в согласии с господствующими классами Венгрии заключили их в тюрьму. Второй раз этот параграф применялся к Лайошу Кошуту в 1852 году после подавления венгерской революции. Теперь его применяют вовсе не ко мне, а к Компартии Венгрии, одной из старейших секций Коминтерна. О том, что это политический процесс и что, он больше всего напоминает средневековые судилища над ведьмами, свидетельствуют два факта. Первый, что нарушили замогильный сон этого параграфа, который уже пятьдесят лет был предан забвению; и второй, что в моем деле лежит газетная статья, взывающая к ста двадцати тысячам мертвецов, которые все якобы требуют, чтобы меня выдали венгерскому правительству.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вопрос о выдаче вас не имеет никакого отношения к процессу.

БЕЛА КУН. Я и не стану касаться его. Просто скажу, что упомянутая газетная статья свидетельствует о том, какая безумная травля ведется против меня в буржуазной и социал-демократической печати. В этой газете приводится также заявление Мак-Дональда...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я запрещаю обращаться к газетам.

БЕЛА КУН. Предлагаю вашему вниманию статью из венского «Арбайтер цейтунг», которая собрала в одну корзинку и процесс Куна и какую-то историю о венских привидениях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ближе к делу.

БЕЛА КУН. Я хочу только сказать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не отвлекайтесь!

БЕЛА КУН. Это средневековое судилище...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не смейте говорить: средневековое судилище!

БЕЛА КУН. Перехожу к истории следствия. Моим защитникам не позволили даже заглянуть в материалы обвинения.

Шесть тюремщиков провожали меня каждый раз на беседу с защитниками. На этом судилище ведьм применяются самые современные орудия международной контрреволюции. Здесь фальсифицировали перевод дела...

ПРОКУРОР. Это наглость говорить о фальсификации.

Адвокат протестует против грубости прокурора.

БЕЛА КУН. Реагировать на слова обвинителя мне запрещает классовое достоинство. Как я уже сказал, этот политический процесс не висит где-то в воздухе, а имеет политические и общественные взаимосвязи. Я хочу показать, зачем было нужно прибегнуть к фальсификации. В одном письме я написал, что французские выборы не приводят меня в восторг. На немецкий язык это перевели так: «Французские выборы меня очень утомили». И, основываясь на этой фальсифицированной фразе, французский политик де Монзи поместил статью в немецкой газете, в которой утверждал: «Бела Кун развил грандиозную деятельность. Ведь он руководил французскими выборами, но за это отвечает уже Советское правительство».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это не относится к делу, я не разрешаю касаться международной политики.

БЕЛА КУН. Хорошо, я буду учитывать кредитоспособность австрийского правительства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сию минуту будете наказаны.

БЕЛА КУН. Я попытаюсь внести кое-какую логику в обвинительное заключение и осветить свои поступки.

Я различаю здесь пять вопросов:

1. Почему я приехал в Вену и законно ли обвинять меня в том, будто я вернулся тайно?

2. Почему я прописался под чужой фамилией? Кстати, в этом я готов немедленно сознаться.

3. Создал ли я в Вене «иностранное тайное сообщество»?

4. Устраивал ли заседания этого сообщества?

5. Установил ли связь между действующим здесь тайным сообществом и тайными обществами за границей?

Касаясь первого вопроса, надо заметить: я приехал в Вену для того, чтобы бороться против эксплуатации и угнетения венгерского рабочего класса. Говорить нечего, борюсь я и против политики габсбургской реставрации, борюсь за создание рабоче-крестьянского правительства в Венгрии, за восьмичасовой рабочий день, который существует уже в Советской России. Говорить нечего, я приехал в Вену для того, чтобы бороться за конфискацию крупных поместий в Венгрии и за раздел земли. Я должен рассказать еще о том, почему именно сейчас приехал в Вену. Мне прислали письмо, к которому были приложе-

ны различные записи о тайном соглашении, которое заключила Венгрия с Италией, причем с конкретными ссылками на различные планы. Венгерский генштаб намерен...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не позволю обсуждать намерения венгерского генерального штаба!

БЕЛА КУН. Империалистическая война, которая готовится против Советской России...

Решением суда Бела Куну запрещается говорить об этом.

БЕЛА КУН. Итак, политически обосновывать свои действия я не могу, ибо суд запрещает мне. Перехожу к обвинению в тайном приезде. Когда в 1920 году при социал-демократическом министре внутренних дел Эльдерше меня выслали из Австрии, я не имел возможности даже переговорить с моим защитником и вынужден был попросту оставить ему записку с просьбой, чтобы он опротестовал мою высылку из Австрии. Записку я написал лишь потому, что в ту пору в Австрии у руля правления стояли социал-демократы и я должен был предположить, что демократическое правительство будет стоять за предоставление права убежища политическим эмигрантам. От моего адвоката я не получил извещения о том, что моя высылка подтверждена законно. Таким образом, я мог вернуться в Вену, будучи убежденным, что выслан был незаконно. А почему прописался под чужой фамилией? Господа уже заметили, наверное, что я не таюсь. Сказал же, что меня избрали членом Центрального Комитета Коммунистической партии Венгрии, сказал и о том, что прописался под чужой фамилией. А сделал это, отлично зная, что меня преследует не только австрийская полиция. Помню, когда в 1920 году я стоял под защитой венской полиции, и меня, и мою жену, и ребенка отравили.

ПРОКУРОР. Только пытались!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да ведь вы и сейчас живы!

БЕЛА КУН. И буду жить до тех самых пор, пока в Венгрии опять не победит Советская власть. Что говорить: отравление было несмертельным. Я проглотил «только» немножко атропина, а отравитель получил два месяца. Я подумал так: два месяца за покушение на мою жизнь, это совсем немного, и предпочел поэтому прописаться под чужим именем. Но ведь так же поступала и венская полиция; в 1920 году она сама переправила меня через границу под псевдонимом Ягера, да и теперь в тюрьме меня зарегистрировали не как Бела Куна, а как Михая Сабо. И когда я спросил, зачем столько часовых у моих дверей, ведь я не колдун и сквозь железную дверь удрать не могу, мне сказали, что опасаются покушения со

стороны венгерцев. Как видите, и у меня были основания прописываться не под своей фамилией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Еще проще было бы вовсе не приезжать в Вену.

БЕЛА КУН. В Вену я приехал потому, что пока мне нельзя было работать в Будапеште. Третий вопрос — вопрос о тайном сообществе. Коммунистическая партия Венгрии — тайная организация. Но это вовсе не значит, что ее надо держать в секрете и от венской полиции. Я не знал до сих пор, что венская и будапештская полиции идентичны. Я думал, что есть такие вещи, о которых венская полиция может знать, хотя от будапештской их надо скрывать. Что касается вопроса, знают ли венские власти о Коммунистической партии Венгрии, я должен ответить на него так: книги, которые лежат здесь на столе, все напечатаны в Вене, открыто вышли в издании ЦК КПВ. Но это лишь одна пятая того, что издано в Вене за последние три года. Здесь же выходила и газета «Пролетар», здесь выходил журнал «Уй марциуш», официальный орган Компартии Венгрии. Так кто же посмеет утверждать после этого, что деятельность КПВ скрывалась в Вене? В 1921 году в «Пролетаре» открыто было написано, что учреждена венская группа КПВ. Начиная с 1925 года в Вене совершенно легально выходит «Уй марциуш», печатая все воззвания Центрального Комитета КПВ. Компартия Венгрии, как политическая партия, не обязана была представляться властям и тем менее была обязана посвящать полицейских чиновников в свои интимные дела... Прежде весь Центральный Комитет находился за границей, а теперь только часть его. Иначе говоря, руководители партии жили в Вене, в Москве, в Берлине, в Париже, потому что политические беженцы вынуждены жить вразброс. Члены ЦК, живущие за границей, выступают открыто, пусть даже не приглашая на свои заседания полицию. Органы печати выходят тоже легально, и не мы виноваты в том, что прокурор, не желая затруднять себя, оставил без внимания те обязательные экземпляры, которые мы всегда представляем властям.

Затем Бела Кун объяснил, какая разница между тайным сообществом и нелегальной партией. Но председатель перебивал его на каждом втором слове, грубо обрывал и делал все для того, чтобы помешать ему говорить.

БЕЛА КУН. Я должен установить, что мне все время мешают защищаться...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нас вовсе не интересует, что вы устанавливаете.

БЕЛА КУН. Я не защищаюсь перед классовым врагом. Я хотел только обратить внимание на то, что этот процесс имеет и специальное австрийское значение. Он направлен не только против Венгерской, но и против Австрийской коммунистической партии.

Председатель лишает слова Бела Куна и хочет перейти к вопросам, но Бела Кун заявляет, что не намерен отвечать на вопросы председателя. И на самом деле впредь отвечает только на вопросы защитника.

ЗАЩИТНИК. С какого времени существует Центральный Комитет?

БЕЛА КУН. С 1919-го. По сути дела, он был создан уже в 1918 году, но так как мы совершили ошибку, объединившись с социал-демократами, которые предали пролетарскую диктатуру, то те руководящие товарищи, которые остались верны революции, в день падения Советской власти вновь создали Центральный Комитет. Заграничное бюро существует только с 1924 года.

ПРОКУРОР. Когда состоялось последнее заседание Загранбюро?

БЕЛА КУН. Не буду отвечать.

ПРОКУРОР. В Берлине тоже состоялось одно заседание?

БЕЛА КУН. Не буду отвечать.

ПРОКУРОР. А в Вене вы хотели созвать конгресс?

БЕЛА КУН. Это внутрипартийное дело, не касающееся суда.

Последние аккорды процесса звучали так:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (поднимается с места). Суд удаляется.

БЕЛА КУН. Позвольте, но тут есть и обвиняемые...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (садится опять). Стало быть, вы просите слова?

БЕЛА КУН. Да. На протяжении всего процесса я чувствовал себя в общем совсем лишним. Но уж если я обвиняемый, так имею, очевидно, право на последнее слово. Меня обвиняют в том, будто я член тайного сообщества, хотя на самом деле речь идет о партии, но мне не разрешили сказать, почему эта партия вынуждена оставаться в подполье. О причинах и взаимосвязях процесса мне тоже не позволили говорить. Я хотел не защищаться, а только осветить все дело. Но я везде натыкался на шлагбаумы. Быть может, сейчас мне дозволят сказать, что я считаю этот процесс серьезным этапом в классовой борьбе венгерского и австрийского пролетариата. Но у этого процесса есть и более глубокий смысл. Те, кто думает, что

этот процесс попросту результат заявления канцлера Зайпеля о том, что дело Бела Куна нельзя превратить в пустяк, движутся только по поверхности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ближе к делу, иначе я удалю публику.

БЕЛА КУН. Прежде чем вы лишите меня слова, а это непременно произойдет, я должен заявить, что сей процесс есть шаг к фашизации Австрии...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если вы будете продолжать в таком духе, я лишу вас слова!

БЕЛА КУН. Выкопали параграф, чтобы можно было в Австрии и без чрезвычайного положения объявить оное. Ибо австрийское правительство еще ие в том состоянии, чтобы ввести чрезвычайное положение иа законных основаниях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы лишены слова.

Суд удаляется, и полчаса спустя оглашается заранее заготовленный приговор.

По окончании процесса Советское правительство попросило выдать ему Бела Куна. Австрийское правительство согласилось. Но Австрия и австрийская СДП были заинтересованы в том, чтобы его поездка в Россию проходила в величайшей тайне.

Вот как описывает эту поездку немецкий коммунист Гуго Эберлейн, который в то время был депутатом немецкого парламента:

«Тюремное заключение товарища Бела Куна закончилось 27 июля в шесть часов вечера. Но уже рано утром вокруг здания суда собралось несколько сот человек, о которых буржуазная печать утверждала, разумеется, что это коммунисты. Я и сам пришел туда и беседовал с ними. Это были венгерские и австрийские фашисты, которые собрались устроить покушение на товарища Бела Куна. Такое же отребье собралось потом и в Пассау.

Товарищ Бела Кун покинул венский вокзал только в 11 часов 10 минут вечера. Мы потребовали, чтобы нам разрешили проводить его до самой австрийской границы, но австрийское правительство не удовлетворило нашу просьбу, не разрешило сопровождать Бела Куна даже его защитнику. Более того, правительства Австрии, Чехословакии и Германии потребовали и того, чтобы Бела Кун нанял себе отдельный вагон.

Перед отходом поезда вокзал наполнился шпиками. Эти омерзительные личности так «незаметно» облепили весь вокзал, что их уже издали можно было признать. Товарища Бела Куна

привезли за три минуты до отхода поезда. Приехало с ним десять сыщиков. Сопровождать его должны были двенадцать. Все окна вагона таинственно занавесили. Мы сели в соседний вагон и на каждой станции наблюдали за тем, чтобы никто не мог напасть на товарища Бела Куна.

Так началась эта поездка, между сотнями агентов тайной полиции, которые шпалерами выстроились вдоль всей дороги. На каждой станции, которую мы проезжали, стояло по 5—8 шпиков и по нескольку высокопоставленных полицейских чинов. На чехословацкой границе шесть австрийских шпиков сошли с поезда, их место заняли восемь чешских. Наконец, в четыре часа утра мы прибыли на немецкую границу. Там сели в поезд немецкие шпики. Однако здесь нам удалось уже поговорить с товарищем Бела Куном. В Кантриценне наши вагоны поставили на запасный путь. Там мы простояли три часа. Шпики так и порхали вокруг нас. Вошли было и к нам в вагон, но нам удалось их так разозлить, что они сами вылезли. В Штеттин мы приехали в субботу, в шесть часов вечера. Бела Куна вывели с вокзала каким-то обходным путем. Сопровождало его пятеро полицейских.

И тут началась дикая погоня. Полицейская машина помчалась вперед, мы на своей машине пустились за нею вслед. Полицейские заметили вскоре, что мы едем за ними, и тогда, нарушая все правила движения, понеслись со скоростью сто километров в час. Уж не замышляют ли они какое-нибудь злодеяние, а может быть, хотят просто отвязаться от нас? Но это им не удалось. Мы мчались с такой же скоростью, как и они, только в двадцати метрах от них. Мимо нас проносились деревни. Мы видели полные ужаса лица крестьян. Да и в самом деле вся эта поездка была похожа на те, что описывают в детективных романах.

Через три часа мы прибыли на оствинейскую пристань. Товарища Бела Куна немедленно посадили в полицейскую моторную лодку, которая была уже наготове. Мы сели в другую моторку и пустились за ними вслед. Так доехали до советского парохода «Герцен», который стоял на якоре в самом центре гавани. Товарищ Бела Кун сел на теплоход. Теплоход тут же роем окружили полицейские моторные лодки, будто это был какой-то «чумной корабль».

Несколько минут спустя «Герцен» поднял якоря и повез товарища Бела Куна в Советский Союз.

Лишь после того, как корабль миновал порт Свинемюнде и вышел в открытое море, уверились мы и успокоились, что теперь уже товарищ Бела Кун в безопасности».

Едва я получила извещение о том, что Бела Кун в дороге, как тут же поехала в Ленинград. Сняла комнату в гостинице «Астория», оттуда позвонила сотруднику «Ленинградской правды» Эмилю Хортн. Он сообщил, что они ожидают прибытия парохода, на котором едет Бела Кун, завтра утром. Сказал, что все подготовлено к его встрече. Как только станет известным точное время прибытия, он заскочит за мной и мы поедем на пристань. По дальнейшим сообщениям, пароход прибывал в полдень. За мной приехали секретарь ленинградской парторганизации и Эмиль Хортн, чтобы мы вместе отправились на пристань. Возле пристани мы увидели неимоверную толпу — это были ленинградские рабочие и интеллигенция. Явились, конечно, и венгерские политэмигранты. Уже выстроился и почетный караул, оркестр тоже был на месте — все ждали парохода, который показался издали и шел в сторону залива.

Дирижер подал знак, грянули звуки «Интернационала». Но вдруг с палубы парохода кто-то замахал руками: мол, прекратите торжественную встречу. И когда пароход подошел близко, ясно расслышались слова того же товарища:

— Едет не тот, кого вы ждете!

Музыка вмиг замолкла. Почетный караул засунул сабли в ножны. Поджидавшая толпа забеспокоилась: «Где же Бела Кун?»

Товарищ, который махал нам, сошел с парохода и сказал, что прибыла группа американских коммерсантов и что о Беле Куне он ничего не знает, должно быть едет другим пароходом.

Все были взволнованы, гадали: что случилось? Потом, разочарованные, разбрелись по сторонам, а мы еще остались на пристани. Начальник пристани разыскивал радиограммами Бела Куна на всех советских пароходах, что были в пути. Мы вернулись в гостиницу. До самого вечера ждали известий, но не дождались.

Разбудили меня около пяти утра, за мной прибыл Эмиль Хортн:

— Немедленно поедемте, Бела Кун прибывает.

Я в минуту оделась, мы побежали вниз к машине, в которой сидел секретарь Ленинградского обкома Стецкий.

— Поторапливайтесь, — сказал он. — Встречу уже все равно не организуешь, но хотя бы мы приехали вовремя.

Машина помчалась в порт.

Мы прибыли вовремя. Торжественной встречи не состоялось, но, несмотря на ранний час, собралась огромная толпа.

Пароход причалил. Бела Кун уже издали махал рукой. Я тут же бросила всех и кинулась к нему, но не успела еще

двух слов сказать, как уже подбежали товарищи Стецкий и Эмиль Хорти. Оба приветствовали Бела Куна, спросили, как он себя чувствует, потом мы направились к поджидавшей нас машине. Автомобиль был уже окружен кольцом людей, так что мы едва пробились к нему. Каждому хотелось пожать руку Бела Куну, сказать ему хоть несколько слов, да и ему хотелось поговорить с ленинградскими, или, как он говорил, питерскими, рабочими (их он особенно ценил, был связан с ними), но Стецкий проявлял явное нетерпение.

Приехали в «Асторию». Там уже все было приготовлено. Мои вещи тоже перенесли в комнату Бела Куна.

Вскоре пришли и венгерские товарищи, потом одна делегация сменяла другую, все приветствовали Бела Куна. Вдруг нас оповестили о том, что в честь его приезда созывается большой митинг. Все это было очень трогательно, вдохновенно. Бела Кун выражал свои чувства только благодарными взглядами. По окончании митинга мы поехали на вокзал. Здание и окрестности вокзала были облеплены людьми. Бела Куна приветствовали, ему бросали цветы, кричали «ура». Он уже не знал, куда деваться от смущения. Наконец мы сели в поезд. Но паровоз долго не мог тронуться: огромная толпа преградила ему путь. Наконец, поблагодарив всех, Бела Кун попросил, чтоб дали дорогу поезду: нельзя же нарушать расписание. И паровоз стал набирать пары.

Мы приехали в Москву. Та же картина, что и в Ленинграде. Огромная толпа запрудила всю Каланчевскую (ныне Комсомольскую) площадь. Как только Бела Кун сошел с поезда, его тут же окружили, и я мгновенно потеряла его из виду. Мы встретились опять только тогда, когда он приехал на дачу.

На вокзале от имени Коминтерна его приветствовали Мануильский и Анри Барбюс, который в то время был тоже в Москве.

По окончании встречи Мануильский почти насильно вытащил Бела Куна из кольца венгерских политэмигрантов. Они вместе сели в машину и поехали прямо на заседание VI конгресса Коминтерна. Бела Кун был встречен там бурными овациями и тут же избран в президиум.

Когда Бела Кун встал, снова поднялся вихрь аплодисментов. Ждали, что он обратится с речью к делегатам, скажет, что приехал из тюрьмы, вырвался из когтей смерти... Но он бросил председателю только два слова: «Продолжайте заседание», — и сел обратно на место.

С сестрой и Колей мы поехали на дачу, где тоже шли бур-

ные приготовления к встрече. В эту пору у нас на даче жили Мюних с женой, Бела Санто с семьей, Иожеф Погань с семьей, Эрне Пор с женой, Лайош Мадьяр с семьей и Дюла Сикра с женой (столько народу поселил Бела Кун у себя на даче, всем выделив по небольшой комнатке).

Агнеш, к величайшему моему удивлению, явилась только через три часа, и не одна, а вместе с Гидашем; оказывается, они добирались пешком от самого вокзала. Агнеш шел тогда четырнадцатый год, а Гидашу двадцать девятый. Мне, как матери, было чему удивиться.

Дети, жившие на даче, выпустили праздничную стенгазету и избрали делегацию, которая с цветами ждала нас у калитки. Каково же было разочарование, когда они увидели, что Бела Куна нет с нами. Ребята еще больше расстроились, узнав от меня, что неизвестно даже, когда он прибудет.

Приехал он только вечером. Вид у него был утомленный, однако мы все сидели вместе до поздней ночи. Праздновали его возвращение. Были счастливы: он остался жив.

* * *

Мне семьдесят пять лет. Если силы позволят, я напишу еще и вторую часть книги, расскажу о том, как жили мы после 1928 года.

А сейчас заканчиваю. Листаю написанное и думаю: если б пятьдесят лет назад, когда я решила выйти замуж за Бела Куна, кто-нибудь положил бы передо мной эту книгу и спросил: «Ирина Гал, учительница музыки, прочтите и дайте ответ — готовы ли вы взять на себя эту жизнь, готовы ли связать свою судьбу с Бела Куном?» — я ответила бы: «Готова!»

Скоро мы подойдем к последней трети нашего столетия. Всему миру, в том числе и подлинным революционерам, выпало немало тяжелого на нашем веку. «Последний решительный бой» еще впереди.

Но я непоколебимо верую и исповедую, что в третьей трети века человечество ожидают «лучшие времена».

И чтобы труженики мира окончательно достигли этих лучших времен, ради этого боролся, не жалея себя, в первой шеренге бойцов, до самой смерти, верный трудовому народу

БЕЛА КУН.

Будапешт, 21 марта 1965 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Кун Ирина

БЕЛА КУН. (Воспоминання.) Авторнзованный перевод с венг. Агнессы Кун. М., нзд-во «Молодая гвардня», 1968.
336 стр., с нлл. («Жнзнь замечательных людей». Серня бнографнй. Вып. 22 (430).

ЗКИ (092)

Редактор **Е. Любушкина**
Сернйная обложка **Ю. Арндта**
Рнсунок на обложке **Ю. Нолева-Соболева**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технческнй редактор **Г. Петровская**

Сдано в набор 8/X 1968 г. Подпнсано к печатн 10/II 1969 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печ. л. 10,5 (усл. 17,64) + 11 вкл. Уч.-нзд. л. 21,6. Тнраж 100 000 экз. Цена 1 р. 29 к. Т. П. 1969 г., № 450. Заказ 1857.

Тнпографня нзд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардня», Москва, А-30, Сущевская, 21.

1 р. 29 к.

2 50

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ